

Умари Хайём
Наврӯзнома

Омар Хайям
Наврузнаме

Omar Khayam
Nawruz-name

Умари Хайём

НАВРЌЗНОМА

*Рисолае дар маншаъ ва
таъриху одоби ҷашни Наврўз*

Душанбе
«Адиб»
2012

Аз ҳамин лиҳоз 19 феввали соли 2010 Шӯрои 64-уми Маҷмаъи умумии Созмони Милали Муттаҳид доир ба Рӯзи ҷаҳонии Наврӯз қатънома қабул кард. Вақте, ки ин хабарро шундаам, ба худ гуфтам: «Ҳама орзуву омоли башардӯстонаи ниёғони мо, ки дар Наврӯзи ҷаҳонафрӯз таҷассум ёфтааст, ниҳоят дастраси оламиён гардид!» Дар ин қатънома омадааст, ки ҳар давлати узви СММ бояд барои рушду такомул ва ҷашнгирии Наврӯз дар кишвараш ҷаҳду талош варзад. Яъне, акнун Наврӯзро на танҳо соҳибонаш, балки қариб 200 давлати аъзои СММ пуршукӯҳ ҷашн хоҳанд гирift.

Метавон бо сарбаландӣ гуфт, ки дар талошҳои чанд кишвари ҳамзабону ҳамфарҳанг Тоҷикистони соҳибистиклол низ дар сафи пеш қарор дошт ва дар ҷаҳонишавии Наврӯзи бостонӣ саҳми арзишманди худро гузоштааст.

Суннатҳо ва ҳикматҳои Наврӯзро мардуми фарҳангофарини мо асрҳои аср ҳифз карда, аз насл ба насл ба мерос гузоштаанд. Бузургону алломаҳои мо ҳар як тобиши гавҳари ин ҷашни бостониро дар навиштаҳои гаронбаҳои худ то ба имрӯз зинда доштаанд. Дар ин миён асари безаволи донишманди бузурги миллат, риёзидону ситорашинос, рӯбоисарои нотақрор ҳаким Умари Хайём «Наврӯзнама» манзалати хоса дорад. Хайём ин асарро чанд аср пеш аз ин бо муҳаббату садоқат иншо намудааст, то дар ибтидои асри XXI ҷаҳонишавии Наврӯзро бо забони беғубори модарӣ барои ҳамаи мо табрик гӯяд.

Имрӯз, ки Тоҷикистон наврӯзгоҳи бузургро мемонад ва аз дуру наздик ёрону дӯстонро ба даври хони мулавлани Наврӯзӣ даъват кардааст, «Наврӯзнама»-и ҳаким Умари Хайём барои ҳар яки онҳо тӯҳфаи наврӯзии миллати мо хоҳад буд.

Наврӯз муборак!

ЭМОМАЛӢ РАҲМОН
Президенти
Ҷумҳурии Тоҷикистон

ЧУН АБР БА НАВРҶЗ РУХИ ЛОЛА БИШУСТ...

Ангораҳои фарҳангшинохтӣ
дар ҳошияи «Наврӯзнама»-и Умари Хайём

I

Китобҳо низ мисли муаллифонашон ба худии худ сарнавиште доранд; сарнавишти нотақрор ва басте фоҷиаомезу таассуфовар. Мақсад ё сабаби нигоштани китоби илмӣ низ гуногун будаст. Яке хостааст, ки ҳамчун донандаи нодир ё камназири чизе ё падидае бозёфт ё кашфиёташро нақл намуда, дар таърихи одаминсон аз худ нишоне боқӣ гузорад. Дигаре аз рӯйи ҳавас ё ҳасад ба симати воқуниш дар муқобили асари бо хуни дил нигоштаи бузурге ё ҳарифе китобе навишта, ба худнамоӣ пардохтааст. Сеюмӣ маҷбур шуда, ки кори худофармудаашро як сӯ гузошта, дар боби масъала ё вазифаҳои изҳори назар намояд, ки ба сурат ози шахсӣ намояд ҳам, ба сират ҷавобгӯӣ ниёзи иҷтимоӣ будаст. «Наврӯзнама»-и Умари Хайёмро дар радифи навъи сеюми осори илмӣ тақвиму тақдир кардан мебояд.

Инак, чаро Хайём, ба қавле ҳамаро монда, ба унвони «Наврӯзнама» рисолае навишт, ки зотан як асари нимилмӣю нимбадеист? Хусусан ки мавзӯ ва мундариҷааш аз он масъалаҳои муҳимму муҳтава, ки шоистаю боистаи ақлу фаросати ҳақими жарфандешу фарохназаре мисли ӯ буданд, фарсахҳо дур буд. «Ба зоҳир» гуфтани ишора ба он дорад, ки ба *ботин* ин тавр нест. Илҳому иқдоми Хайём дар эҷоди «Наврӯзнама» се сабаб дошт, ки дар ҳамбастагӣ то чӣ андоза зарур будани иншои ин рисоларо баръало нишон медиҳад.

Якум. Умари Хайём яке аз аламбарони қоматбаланди Эҳёи Аҷам буд, ки дар ҷодаи илму фарҳанг ахтари ковиён ба даст ҳунарнамоӣ кардаанд. Манзур аз Эҳёи Аҷам растохези беназири фарҳангист, ки пас аз «*ду қарни сукут*» дар Эрони Ғарбӣ дар Эрони Шарқӣ (Варорӯду Хӯросон) сурат пазируфтааст. Барои миқёсу аҳамияти ин пораи замони иҷтимоиро ба таври бояду шояд дарёб кардан ба дигар як факти куллитар рӯ овардан даркор аст, ки зотан ба фалсафаи таърих мансуб бувад.

Ҳар қавму миллатро дар осои таърихи ҷаҳон навбате будаст. Ва ҳамин ки навбати ӯ расид, нируҳои маънавиаш чунон ба ҷилваи эҷодӣ меомадаанд, ки ҳуди ҳамон вақт ҳеҷ мардуме дигар дар ҳеҷ ҷое дигар ба ӯ лофи баробарӣ зада наметавонистааст! Ба истилоҳ «*муъҷизайи юнонӣ*» ифодаи мушаххаси ҳамин

гуна падидаи нодири таърихист: дар гоҳи бостон тамаддуни Юнонзамин дар чунон як сатҳи баланди балоғати маънаві қарор дошт, ки дар арзи андаряк панҷсад сол сартосари ҷаҳони мутамаддин беҳамто буд.

Дар солномаи таҳаввули таърихии ориётаборони Эрону Турон низ чунон марҳалаи пурбори рушду камоли маънаві вучуд дошт, ки 700 соли тамомро (X-XVII) дар бар гирифтааст. Дар он давраи хучаста илму фалсафа ва адабу ҳунари мардуми Ориёзамин боғ-боғ шукуфта, бо нахҳати анбаринаш ҳама оламро гирифта буд. Эҳёи Аҷам аз рӯи хайру баракаташ фасли баҳори монавитабъро мемонд. Дар хилоли ташбеҳи мазкур оғози ҳамон баҳори хушрангу хушқадамро метавон *Наврӯзи Хуросон* хонд, ки дар давоми се қарни зарринбол (X-XII) сартосари Хуросони Бузург гулафшонӣ мекард. Он вақт ақлу заковати халлоқии аҷдоди тоҷикону эронӣни кунунӣ ба ҳадди ғушношунид ба ҷилва омад ва тавассути сухани манзуми Фирдавсии Тусӣ «*Аҷам зинда кардам бад-ин порсӣ*» муаррифӣ шуда, дар таърихи ҷаҳони мутамаддин бақойи абад ёфт.

Ба наздики эҷодгарони Наврӯзи иҷтимоӣ бузургдошту нигоҳдошти Наврӯзи табиӣ як ҷузви илҳомбахш ва ҷудоинопазири ҷунбиши эҳёгароёнаи онҳо буд. «*Наврӯзнама*»-и Хайёмро ёдгори фарҳангие хондан мебояд, ки ин ду Наврӯзро бо як риштаи рӯҳонию равонӣ ба ҳам васл кардааст.

Дуом. Вақте ки муосирони садаи бисту якум, хусусан онҳое, ки вежагиҳои фарҳангу одоби моро намедонанд, «*Наврӯзнама*»-ро меҳонанд, аҷаб нест дар тааҷҷуб монанд, ки чаро муаллиф дар борайи чизҳо ва воқеаҳо ҳикоя мекунад, ки ба мавзӯи асосии китоб алоқаи мустақим надоранд. Дар воқеъ, Хайём дар баробари зикри таърихи пайдоиши Наврӯз дар борайи ангуштарӣ, тиру камон, шамшер, зар ва қалам, гузидани боз, аломати дафина ва манфиати шароб, асп ва ҳунари ӯ, инчунин хосиятҳои рӯи неку ва монанди инҳо муфасссал сухан меронад. Ва ҳол он ки «*Наврӯзнама*» аз ҷумлаи «*Аҷоиб-ул-махлуқот*» барин китобҳои осонфаҳм ё шавқовар нест; вай риолаи ҳақимест, ки дар илмҳои ҳайатшиносӣ ва риёзиёт ном бароварда буду дар фалсафа худро шогирди Шайхурраис Абӯалии Сино меҳонд! Аз ин рӯ бархе аз аҳли таҳқиқ шубҳа кардаанд, ки китоб маҳсули қалами ӯст.

Асл фақат болои сабки хоси муаллиф ва ё тариқи рисолависироӣ асримийнагӣ (масалан, даромехтани *таърих* бо *таворих*, фарқ накардани *воқеа* ва *ривоят* ё *дида* ва *шунуда*)

нест; гап болойи вижагиҳои тафҳим ва талаққи эронӣ туронӣ падидае мавсум ба Наврӯз аст, ки ба наздики аҷдоди қадимамон аз рамзу роз холӣ набуд.

Ба назари Хайём ва ҳамасрони ӯ Наврӯз падидаи сирф мавсимие набуд, ки замоне ҳамчун оғози соли хуршедӣ пазируфта, дар тақвимҳо сабт карда бошанд. Барои наслҳои минбаъда ҳам ҷашни Наврӯз фақат иди соли нав набуд, ки бо мурури ҳазорсолаҳо маънӣ ва маслаки қудсии ҳудро гум карда ба як расму таомули урфӣ табдил ёфта бошад. Аз ин ҷост, ки Хайём фақат бо таъбири сабаби ниҳодани Наврӯз қаноат накарда ва ё бо нақли таъриху ойини ҷашнгирии он дар дарбори маликони Аҷам маҳдуд нашуда, *тандисаи фарҳангинохтии* идро бозсозӣ кардааст. Тандисаи мазкур бо сангресаҳои гуногунранге кошинкорӣ шудааст, ки маҳсулоти илми ҳайатшиносӣ ва саноати танҷим, асотир ва кимиё, ахлоқ ва зебошиносӣ мебошанд. Яқин бувад, ки ин сангресаҳои маънавӣ зотан аз ҳам фарқ мекунанд, вале онҳо дар қолаби тандисаи мазкур ба ваҳдати ботинӣ расида, Наврӯзро ҳамчун як падидаи яклаҳти табиӣ фарҳангӣ таҷассум мекунанд.

Сеюм. Хайём дар як замони ноорому нопойдоре мезист, ки қоидадан ба илму маърифат ниёзи иҷтимоӣ фарҳангӣ надошт. Манзури назарам руҳи замон аст. Вале аз эҳтиёт «қоидадан» намегӯям. Ҳатто ғосибони ҷафогустари аҷнабие, ки дар ҷаҳолат, кушокушӣ ва яғмогарӣ камназир буданд, дар ҳошияи толону тороҷи мулки Аҷам ҷо-ҷо (Мароға, Исфаҳон ва Самарқанд) инкишофи илму фанро аз ҷиҳати моддӣ дастгирӣ кардаанд. Аммо, чунон ки ҳикмати мардумӣ ҳаққонӣ мефармояд, истисно қойида набошад!

Ниёзи ҳокимон ба ҳакимон зотан озмандие буд оғанда аз худманишию шӯҳратҷӯӣ; ҳакимон, мисоли шоирон, як ҷузъи ороиши дарбори шоҳу амирон буданд. Охир, ба ҳамагон возеҳу равшан аст, ки ба Маҳмуди Ғазнавӣ барин ғуломзодагон аз илму маърифат дур, ки ба қавли Фирдавсӣ дар таборашон бузургӣ набуд, Абӯалии Синоҳо барои ҷӣ лозим буданд. Дар воқеъ, бар хилофи Абӯалии Сино, ки ҷони ҳудро дар хатар гузошта, аз дидор бо ғосиби мулки Сомониён сар печид, Абӯрайҳони Берунӣ даъвати Султон Маҳмудро пазируфта, ба Ғазна рафт ва фақат ҳамон ҷо фаҳмид, ки тафовути раҳ аз кучо то ба кучо будаст! Бино ба нақли Низомии Арӯзии Самарқандӣ, вақте ки Берунӣ эҳтиёт накарда, як ҳукми Маҳмудро рад намуд, султони ҳудкома ўро дар муддати шаш моҳ ба зиндон боздошт. Ва замоне, ки бо далолати хоҷаи

бузург Аҳмад Ҳасани Маймандӣ алломаро аз ҳабс озод карданд, Маҳмуд ба Берунӣ насиҳатомезона гуфт: «Ё Бӯрайҳон! Агар хоҳӣ, ки аз ман бархурдор бошӣ, сухан бар муроиди ман бигӯӣ, на бар салтанати илми хеш!»

Бадеҳист, ки навдавлатони даштзод мехостанд ба дилу дидаи мардуми таҳҷой роҳ ёфта, худро ҳамчун ҳокимони оқилу одил вонамуд кунанд. Ва низ бадеҳист, ки ақаллияти ғолиб ё ба зоҳир ё ба ботин мекӯшид худро ба аксарияти мағлӯб ҳамчун пайрави содиқи суннатҳои пешини давлатдории аҷамӣ, хосса чиҳати бузургдошти фарҳангу фарҳангиён, муаррифӣ намояд. Хайём «Наврӯзнама»-ро бо назардошти ҳамин саъю кӯшиши ҳокимони аҷнабӣ навиштааст.

Яке аз паёмбарони шеъри Аҷам Анварию Абевардӣ боре гуфта будаст:

*Зи ман мапурс, ки бе ман замона чун гузаронӣ,
Аз он бипурс, ки бар ман замона мегузаронад!*

Барои мақсаду мароми аслии муаллифи «Наврӯзнама»-ро, ки дар танғнои матни зоҳиран содаву равшани он нагунҷидааст, амиқ дарк кардан рӯзгори фардии Хайёмро дар қаринаи асри ӯ, ки шум будасту сум, тааммул кардан мебояд.

Бовар мекунам, ки хушбахтӣ ба танҳой дуздида меояд, вале бадбахтӣ танҳо намеомадааст...

Дар охирҳои садаи ёздаҳум дар саҳнаи сиёсати Салҷуқиёни Бузург паси ҳам чандин воқеаи фоҷианок сурат пазируфтанд, ки ба сони оташи сӯзон дар чехраи иҷтимоии надими Маликшоҳ Умари Хайём нақш гузоштанд. Аввал пушту паноҳи воломақоми ўро (Маликшоҳи Салҷуқӣ) заҳр дода куштанд; дӯсти овони ҷавонӣ ва ҳомии воқеаиаш Низомулмулкро, ки қаблан бар асари фитнаи дарбор аз вазифаи дасти рост гирифта буданд, терроргарони онвақта қатл карданд; ҳуди ҳамонҳо Масҷиди Ҷомеъи пойтахт (Исфаҳон)-ро ҳам оташ заданд (он ҷо Хайём нодиртарин осори хаттии замонҳои гузаштаашро пайваста мӯтоила мекард); ноомади корро бинед, ки дари расадхонаи машхурро ҳам баста, ҳайати мунаҷҷимони маъруфро бо сарварию Хайём пароканда карданд (онҳо дар муддати ҳашт соли тамом ба такмил додани тақвими шамсӣ машғул буданд).

Дар оғози «Наврӯзнама» Хайём боиси нигоштани рисолаашро ин тавр шарҳ додааст: «Дӯсте, ки бар ман ҳаққи сӯҳбат дошт ва дар некаҳдӣ ягона буд, аз ман илтимос кард, ки сабаби ниҳодани Наврӯз чӣ будааст ва кадом подшоҳ ниҳодааст». Вале

аз мазмуну маслаки «Наврӯзнама» бармалост, ки муаллифаш ҳадафи дигар ҳам дошт, ки муҳимтар менамояд. Маҳз ба умеди барқарор кардану ниғаҳ доштани ҳамон расадхона ва мактаби илмии он Хайём қалам ба даст гирифтааст! Ин буд, ки ӯ дар рисолааш ба унвони ойинаи ибрат «*баъзе аз ойини мулуки Аҷам*»-ро гирд овард. Ку, бубинем, ки Хайём пеш аз ҳама ва беш аз ҳама кадом ойинҳои кӯҳанро зикр кардааст, то доништа бошем, ки чӣ пиндоште ба сар дошту ба чиҳо умед баста буд.

Дар фасли аввали рисола, ки қиссаи «*омадани мубади мубадону наврӯзӣ овардан*»-и вай зикр шудааст, саррӯҳонии зардуштиён ба подшоҳ «*расми ниёкон дар ҳиммати баланду некукориву варзиш дору ростӣ нигоҳ дор*» гуфта насихат мекунад (аҷаб нест, ба хости ҳуди Хайём бошад!) ва дар талқини ҳамин «*расми ниёкон*» меафзояд: «*Пешат ҳунариву доно ғиромиву дирамхор*» бошад. Дар зимни ин муаллифи «Наврӯзнама» боз як ойини маликони Аҷамро ёд кардааст, ки айни муддаои ҳуди ӯст: Подшоҳони Аҷам «*бар кори иморат азим ҳарису роғиб будандӯ ва ҳар подшоҳ, ки бар тахти мамлакат биншастӣ, шабу рӯз дар он андеша будӣ, ки куҷо обу ҳавои хуш аст, то он ҷо шаҳре бино кардандӯ, то зикри ӯ дар ободон кардани мамлакат дар ҷаҳон бимондӣ. Ва одати мулуки Аҷаму Турку Рум, ки аз наҷоди Офаридунанд, чунон будааст, ки агар подшоҳе сарое муртафеъ бино афкандӣ ё шаҳре, ё деҳе, ё работе, ё қалъае, ё рӯде бирондӣ ва он бино дар рӯзгори ӯ тамои нашудӣ, писари ӯву он кас, ки ба ҷойи ӯ биншастӣ бар тахти мамлакат, чун кори ҷаҳон бар вай рост гаштӣ, бар ҳеч чиз чунон ҷид(д) нанамудӣ, ки он бинои нимкардаи он подшоҳ тамои кардӣ, яъне то ҷаҳониён бидонанд, ки мо низ бар ободон кардани ҷаҳону мамлакат ҳамчунон роғибем*».

Зиёда аз ин, Хайём ба унвони як навъ насихат ба фарзандони Маликшоҳ, пеш аз ҳама Султон Санҷар, поинтар менигорад: «*Писари подшоҳ дар ин маънӣ ҳаристар будӣ аз ҷиҳати чанд сабаб. Гуфтӣ: «Бар писар фаризтар, ки нимкардаи падари хешро тамои кунад, ки чун тахти подшоҳии падар маро бошад, сазовортарам*». Ва дигар гуфтӣ: «Падарам ин иморат ё аз ҷиҳати ободонии ҷаҳон ҳамекард ё аз баландҳиммати ва номи некӯ ё аз ҷиҳати тақарруб бо Аллоҳтаоло ё аз ҷиҳати нузҳату хуррамӣ маро низ ободонии мамлакат ҳамебояд ва ҳиммати бузург дорам ва ризову хушнудии Худои таоло ҳамехоҳаму нузҳату хуррамӣ дӯст дорам». Пас дар тамои кардани бино фармон додӣ ба ҷид(д) биистодӣ, то он шаҳру бино тамои гаштӣ. Ва агар ба

дасти ӯ тамом нашудӣ, дигаре, ки ба ҷойи ӯ нишастӣ, тамом [кардӣ] ва мардумон он подшоҳро мубораку арҷманд доштандӣ. Гуфтандӣ: «Худои таоло ин бино бар дасти [фалон подшоҳ] тамом гардонид».

Оё авлоди Маликшоҳ ба насиҳати олиму шоири ҷаҳоншумул гӯш дода, расадхонаи ӯро аз нав барқарор карданд? На! Онҳо дар васвасаи ҷанги дохилию хориҷӣ буданд ва ниҳояти кор чӣ расад ба ниёзҳои илмии Умари Хайём, ки ҳуди ӯро ҳам ба боди фаромӯшӣ дода, ҳаками бузургро дар айёми пириаш ба хорию зорӣ гирифтор карданд. Вале номи Султон Санҷар ва дигар шоҳу амирон ба унвони ҳамасри Хайём барин бузургони илму фарҳанги ҷаҳонӣ ба таърих ворид шуд...

Саъдии Шерозӣ, бо вучуди он ки мамдӯҳи ҳокими Форс Абӯбакр ибни Саъди Зангӣ будаст («Бӯстон»-у «Гулистон»-ашро ба ӯ бахшидааст), боре худдорӣ карда натавониста, дар бахшишномаи ғайрирасмиаш бо камоли ифтихор гуфта:

*Ҳам аз бахти фархундафарҷоми туст,
Ки таърихи Саъдӣ дар айёми туст...*

II

Ҳоло меоем ба сари андешаи ҳадафи умдаи «Наврӯзнама», ки ҳуди муаллифаш «кашфи ҳақиқати Наврӯз» унвон кардааст. Чунон ки зикраш гузашт, барои Хайём ва ворисони ӯ Наврӯз фақат иди эҳёи табиат набуд; ин ҷашни бостонӣ заминаи васеътару қаринаи амиқтар дошт. Барои нишон додани ин заминаю қарина моро лозим меояд, ки нигоштаи Хайёмро дар муқоиса бо дигар сарчашмаҳои илмӣ, хосса осори илмии Абӯрайҳони Берунӣ, мутолиа намуда, онро андаруни суннати чандинҳазорсолаи таърихию фарҳангӣ таҳлилу таркиб кунем. Фарҳангшиносон пайдоиши иди Наврӯзро тавассути устурае андар мурдани табиат дар зимистон ва аз нав зинда шудани он дар баҳор маънидод мекунанд, ки дар қадимзамон ба забони шеър устура баён мешуд. Чунин тасаввурот дар замини маънавии ориён низ рӯйида буд, вале ҳусну таровати ҳосе дошт. Дар қадимтарин рӯзгор ҳештаншиносии одамизод дар ҷумла қитъаҳои рубӣи маскун аз парастии отифии табиат оғозид, ки аз ду қисм иборат буд: ғаму ғусса хӯрдан аз пажмурда шудани рустанӣҳо дар тирамоҳу зимистон ва шодию хурсандӣ кардан ба муносибати аз нав рӯйидани гиёҳҳову шукуфтани дарахтон дар баҳор. Дар Эрону Турони бостонӣ қисми дувуми ин маросим шаклан рангинтару мазмунан амиқтар шуд. Чунин таҳаввули на-

зар бар тибқи ахлоқи *некбинонаи* зартушті буд. Ва чун дар кайҳони маънавии зардуштия ҳаёт бар *мамот*, *кавн* бар *фасод* имтиёз дошт, ситоиши *мавлуд* ҳам ба нақӯҳиши *мавт* тавъам буд. Аз ин ҷиҳат як мушоҳидаи таърихнигори қадимзамони юнонӣ Ҳеродот қолиб аст: вай бо тааҷҷуб хабар дода, ки эронӣён зодрӯзашонро ҷашн мегирифтаанд. Ва зимнан расми армуғон-оварию тӯҳфадоданҳои онҳоро бо ҳавас зикр кардааст. Аҷаб нест, ки бар асари ҳамин одобу суннати қадими эронӣ юнониҳо ҳам минбаъд зодрӯзи бузургонашонро ҷашн мегирифтагӣ шудаанд... Дар партави суннати мавлудпарастии эронӣ ё, васеътар гирем, тавлидгарии ориёӣ Наврӯз оғози як силсила воқеаҳои кайҳоншумулро таҷассум мекунад, ки ҳар яке дар мурури замон нуқтаи атф аст. Муҳимтарини ин вақоеъ «таваллуди» ҷаҳор руки кавну макон -- *Одам*, *Хуршед*, *Замин* ва *Осмон* мебошад, ки айнан дар аввалрӯзи замона офарида шудаанд.

Ба таъриху таъбири фарҳангинохтии ҳуди ҷашни Наврӯз рӯ оварда, се бўъди ҳудвижагии ин ҷашни бостониро шарҳу тафсир додан даркор аст, ки ба қиёс дар сартосари ҷаҳон беназиранд. **Нахуст**, Наврӯз қадимтарин дар таърихи ҷаҳон ҷашни соли нав аст; решаи маънавии онро дар қаъри ҳазорсолаҳо ҷустан мебояд. Аз ин рӯ, боиси тааҷҷуб нест, ки ҳатто Абӯрайҳони Берунӣ ва Умари Хайём барин ахтарони осмони баланди илмҳои дақиқ ҳангоми маънидод кардани пайдоиши Наврӯз ба забони устурау ривояти динӣ ҳарф задаанд. Бино ба ақидаи суннатие, ки Хайём дар «Наврӯзнама» баён намудааст, дар қадимулайём «*Кайумарс ин рӯзро оғози таърих кард*». (Дар асотири эронӣю туронӣ Кайумарс ҳамчун сараҷдоди одамизод ва ҳам нахустин шоҳ дар рӯи замин зикр мешавад, ки ўро «*Эзоди таборақ ва таъоло*» таъйин карда будаст.) Як замони дигар абераи Кайумарс Ҷамшед «*чун он рӯзро дарёфт, Наврӯз ном ниҳод ва ҷашн ойин овард ва пас аз он подшоҳону дигар мардумон бад-ӯ иқтудо карданд*». Ба таърихи воқеӣ рӯ оварда, нахуст бояд андар дине як-ду ҳарф гуфт, ки дар қаринаи рӯҳониаш Наврӯз миқёси кайҳонӣ ва маъною мазмуни хоси фарҳангӣ пайдо кардааст. Бино ба дарёфти муаррихон, миёни динҳои ваҳдоние, ки аз тариқи ваҳӣ талқин шудаанд, зартуштия қадимтарин кеш аст. Вай ба унвони низоми динӣ дар ибтидои замоне (солҳои 800-200 пеш аз оғози солшумории насронӣ) ба камоли рӯҳонӣ расид, ки онро аз қавли файласуфи олмонӣ Карл Ясперс «*Замони меҳварӣ*» хонанд. Аз ин рӯ зартуштия қудрати маънавӣ дошт, ки дар радифи фарҳангҳои мутараққии он замон (юнонӣ, ҳиндӣ, чинӣ ва сомӣ)

ба муколамаи баробарсанг пардозад. Дар рафти тамосҳойи маънавии ҳамонвақта ақидаи ахлоқию кайҳоншинохтии эронӣну туронӣн ба ташаккулу такомули шуури монотеистӣ мусоидат кардааст. Чунончи, асари ғояҳои зардуштӣ дар се шохайи суннати рӯҳонии аҳли сомӣ – яҳудия, насроният ва ислом бармалост. Пас, агар дар миқёси таърихи умумиҷаҳонӣ биандешем, дармеёбем, ки фарҳангу одоби аҷдоди эронӣну тоҷикон ва сойири ақвоми эронитабор (паштунҳо, курдҳо, балучҳо ва дигарон) дар рушду камоли маънавии мардумони Шарқу Ғарб саҳми шойиста гирифтааст. Ба пайдоиши иди Наврӯз аз мавқеи назари тамаддуншиносӣ нигариста, метавон пиндошт, ки ин ҷашн дар ҳошияи як дигаргунии куллии таърихӣ мавсум ба *Инқилоби неолитӣ* ба вуқӯъ пайваستاаст. Яке аз тағйироти умдае, ки дар натиҷаи ин табaddулотӣ иқтисодию иҷтимоӣ ба амал омад, гузаштан аз тақвими *қамарӣ* ба тақвими *шамсӣ*ст. Ин воқеаро фақат ҳамчун иваз шудани тариқҳои солшуморӣ (аз рӯйи ҳаракати Офтоб ё даврзании Мох) таъбир кардан нашоуд; манзур тағйироти усулист: дар зимни он ҳуди *бунёди ҷаҳонбинии одамӣ* дигаргун шуд. Баройи ба аҳамияти таърихӣ ин дигаргунӣ сарфаҳм рафтан кунчи назар ва дастгоҳи таҳқиқро тағйир додан мебояд; ба масъала на аз айнаки *таърихи фарҳанг*, балки *назари фарҳанг* нигариштан даркор аст. Дудигар, Наврӯз бар пояи суннати фарҳангие така мекунад, ки барояш худбинии ифротӣ, нодида гирифтани, иқдор нанабудани ва ё инкор кардани арзишҳои маънавии дигар халқҳо тамоман бегона мебошанд. Ин як ҳақиқати баҳснопазири таърихист, ки дигарон ҳам эътироф кардаанд. Чунончи, падари таърихнигорӣ Ҳеродот ҳамин ҷиҳати ибратангези одобу ойинҳои аҷдоди моро таъриф карда зимнан гуфтааст: «Эронӣн ба қабули урфу одатҳои бегонагон нисбат ба дигар халқҳои дунё майли бештар доранд». Дар воқеъ, маҳз ба шарофати ҳамин хислати некӯст, ки мардумони ориётабору эронизабон дар ҷараёни таърихи чандинасрашон бо халқу кишварҳои дуру наздик – Бобилу Миср, Ҳиндустону Юнон, Арабистону Туркистон дар тамоси фарҳангӣ ва таъсири дучонибайи маънавий буданд. Мавқеи ҷуғрофии туронӣну эронӣни бостонӣ ҳам ба густариши равоби сиёсӣ тиҷорӣ ва фарҳангӣ мусоидат кардааст, чаро ки онҳо аз қадимулайём дар чунон як чорроҳи серодами Ховару Бохтар зиндагӣ мекарданд, ки ба тарбияи одоби хоси муошират низ мусоидат ва муованат менамуд. Аз ин мавқеи назар муносибати ҳомилону ҳомиёни фарҳанги наврӯзӣ ба мардумони бегона, хоса онҳое, ки ба дину фарҳанги ғайр

мансубанд, низ хеле ҷолиб аст. Агар ба оғозғаҳи ин суннати маънавӣ рӯ оварем, дармеебем, ки дар бунёди он дастуре ҳаст ба зоҳир нонавиша, вале ба ботин зойида ва парвардаи ахлоқи бостон. Онро метавон муносибати *хайрхоҳона ва таҳаммуломезона* ба мардумони бегона, ба суннатҳо ва одатҳои ғайр унвон кард. Нақши ин дастури таҳтуззеҳнӣ дар достони паҳлавизабони «*Менуӣ хирад*» ҳувайдост, ки ба давраи пеш аз зуҳури ислом (садаи шашӯми милодӣ) мансуб медонанд. Он ҷо «*ба ҳар кас некӯ хостан*»-ро «*меҳтарин кори нек*» донистаанд. Дар таъйиду таъкиди ин ҳулосаи кулӣ алоҳида зикр кардан бамаврид аст, ки ҳеч як арбоби барҷастаи илму фарҳанги Аҷам дар ҳақиқӣ забону маданияти қавму мардуми ғайр бадгӯӣ накарда, урфу одатҳои ҳеч халқеро паст назада, аз рӯи хусумати миллию мазҳабӣ ва ё кини таърихӣ ба иззати нафси мардуми марзу буми бегона нарасидааст. Барои ба ин ҳулоса эътимод пайдо намудан як ба навиштаҳои Абӯрайҳони Берунӣ «*Осор-ул-боқия*» ва «*Мо-ли-л Ҳинд*» назар афкандан кофист. Дар ҳилоли ин тариқи одаму оламшиносӣ хусусан шаҷарайи таърихию фарҳангии ҷашни Наврӯз ҷолиб аст. Наврӯз *иди пирӯзӣ* бар халқе ва ё *соати наҷот* аз хатаре нест; хусусан *рӯзи қасос* аз душмани сохта ё бофта набувад, ки аз маросими хусуматомезона сӯзонидан ё калтаккӯбӣ кардани хӯсааш ва ё лаънат хондан ба аҷдоду авлодаш иборат бошад. Хусусияти ҷолиби Наврӯз ин аст, ки ҷашн ба ҳеч як воқеаи сирф қавмӣ, милли ё маҳаллӣ бахшида нашудааст. Суннати асили халқу кишвар ҷашнро ба воқеаҳои бузурги кайҳонӣ хамосие мепайвандад, ки ба сарнавишти ҷумла фарзандони Одам нисбат доранд. Офаридани Офтоб ва заминро осмон, ба ҳаракат овардани фалакҳо ва сохтани сарааҷдоди Одам аз ҷумлайи ҳамон воқеаҳои куллиянд, ки Абӯрайҳони Берунӣ бори нахуст рӯйхат карда, як ба як шарҳу тафсир дода буд. Умдаи ҳулосаи ӯ чунин аст: «*Наврӯзи нахустин аввалрӯзест аз замона ва бад-он фалак оғозид ғаштан*». **Седигар**, дар байни ҷумла идҳои мардумии ҷаҳон Наврӯз ҳамагонитарини ҷашнҳост. Аз назари илми ситорашиносӣ ҳамагонӣ будани Наврӯз возеҳу равшан бувад: эътидоли баҳорӣ, ки Наврӯзро ҳусни оғоз бахшидааст, дар ҳама низомҳои солшумории шамсӣ – аз тақвими Майа гирифта то таърихи Ҷалолӣ мазкур аст. Ин падидаи нучумиро аҷдоди тоҷику эронӣ кашф накардааст. (Онро бори нахуст ситорашиноси Юнони Қадим Ҳиппарх илман тавсиф карда буду мунаҷҷими араб Собит ибни Курра ҳамаҷиҳата омӯхт.) Оғози сол ҳисоб кардани эътидори баҳорӣ ҳам пешниҳоди ҳеч фарди ориёнаҷод набуд. (Ин хидмати

сомиёни аҳди бостон аст.) Лекин маҳз хуросониён буданд, ки эътидоли баҳориро дар таркиби суннати маънавиашон ҷой дода, ба вай ҷомаи зарбафти фалсафию динӣ пӯшониданд. Албатта Наврӯз як навъ холи модарзод низ дорад, яъне фарҳанге, ки ўро зодаст, дар чехраи маънавии ин ҷашни бостонӣ нақши равшан боқӣ гузошта. Дар воқеъ, одобу ойини Наврӯз ойинаи қаднамои тамаддуни шахрзоду шахрпарварди Ориёзамин аст. Вале Наврӯз, бо вучуди як рукни муҳимми ҳештаншиносии тоҷику эронӣ буданаш, ба куллияти хеш *қавмгаро* нест, андаруни суннати фарҳангии наҷоди ҷудогона маҳдуд намондааст. Аз ҳама муҳиммаш ин аст: гарчанде ки Наврӯз дар хоки Ориёзамин рӯйидаст, ҳуди ҷашн фақат барои мардуми ориётабору эронизабон таъйин нашуда. Фарҳанги ин иди сириштан осмонгаро бар замини эътиқоде бунёд афкандааст, ки бо забони ҳол мегӯяд: Наврӯзро намояндаи Худованди Неки барои ҷумла мардумони некдил, аз ҷумла, ба қавли Хайём, «*подшоҳони некбаҳд*», ойин овардааст. Дар воқеъ, сабаби умдаи ҳамагонӣ будани иди Наврӯз, боз аз қавли Хайём гӯям, аз он бармеояд, ки ҷашнро «*аз баҳри бузургдошти Офтоб*» таъсис дода буданд. Ва ойинаш ин буда ки «*ҷаҳониён (таваҷҷӯҳ кунед: маҳз ҷаҳониён, на ин ки як ҳуди ориён ё эрониён!) ҷашм бар вай доранд андар вай ба ҷалолу таъзим гиранд*». Бо иборати дигар, Наврӯз ҷашни зодрӯзи Офтоб мебошад, чаро ки бо хости Яздони Гаргар ўро дар силсилаи маротиби ҳастӣ волотарин мақом насиб шуда: «*Эзади таоло Офтобро аз нур биёфарид ва осмонро ва заминро бадӯ парвариш дод*». Аз ин ҷост, ки ашрофи ақлияи давраи Эҳёи Аҷам (хосса Абӯрайҳони Берунӣ ва Умари Хайём) Хуршеди осмониро бо Меҳри рӯхонӣ баробар карданд, ки дар аҳди ҳиндуориён Эзади фурӯғу рӯшноӣ ва паймоншиносӣ адл ба шумор мерафту дар аҳди Зартушт ба дастёру коргузори Аҳура Маздо дар муборизаи ӯ барои барқарор кардани ҳукумати Неки дар замини осмон табдил ёфт. Пас, Наврӯз ҳақиқатан *ҳамагонитарин* ҷашни дунёст ва аз ин ҷиҳат ҳеч як иди дигар ба вай лофи баробарӣ зада наметавонад! Яқин бувад, ки ҳадафи ин хулосаи илмӣ фалсафӣ тарғиб ё таъкиди фавқулода будани мақоми таърихию фарҳанги эронитаборон нест; баръакс, мурод аз таҷдиду тавсифи одобу ойини Наврӯз фаҳмидани сиришти азалию қудрати маънавии ин ҷашн дар радифи сойири идҳойи инсонист, ки дар замону макони мухталиф ба вуқӯъ пайваста, тарзу тариқи зиндагӣ ва орзую ормони мардумони гуногунро муҷассам кардаанд.

III

Иморати хештаншиносии тоҷику эронӣ ду шахсутун дорад, ки ба унвони муҷассамаи суннати зиндаи мардум замонати бақои рӯзгори ўст: яке забони форсисти дигар ҷашни Наврӯз. Ва аз ин рӯ, ҳар истилогаре, ки Ориёзаминро забт карду мардуми зодсарвашро таҳти итоати худ нигоҳ доштан хост, пеш аз ҳама ин ду рукни ҳастии таърихии аҷамиёно шикастанӣ шуд: ё забони форсиро хонабанд кард, ё ҷашнгирии Наврӯзо боздошт ва ё ҳар ду.

Чунончи, юниони мақдунӣ ҳамин ки Эронро забт карданд, нахуст Таҳти Ҷамшедро оташ заданд. Валекин ин фақат оғози истилоии сарзамини аҷдоди мо буд. Дар анҷом мебоист сӯтунмӯҳраи маънавии халқу кишварро шикастан. Дар воқеъ, аз қавли Низомӣ гӯям,

Сикандар бифармуд, к-эрониён

Кушоянд з-оташпарастӣ миён.

Сарафшонони Искандар, ки ўро вассофони таърихиаш шогирди Арасту меҳонанд, иҷроии фармони он «*шоҳи оқилу одил*»-ро аз китобсӯзӣ сар карданд. Ва нахуст нодиртарин дастхатти Авасторо, ки дар ҷандин пӯсти гов бо оби тило навишта буданд, аз ҳазинаи Доро берун оварда, оташ заданд!

Искандарпарастони ҳазорайи сонӣ афсонае бофтаанд, ки гӯё Александр дастхати Авасторо набуд накарда будаасту ба Юнон бурда тарҷума кунонда. Э кош, ҳамин тавр мебуду матни комили Авасто ҳам мисли Таврот дар тарҷумаи юнонӣ боқӣ мемонд! Мутаассифона, ин ба воқеият ва мантиқи таърих рост намеояд; шогирди Арасту будан ҳанӯз нишони хирадмандӣ нест! Хусусан ки худӣ Арасту, ки ўро Абӯалии Сино «*Муаллими Аввал*» меҳонд, дар дилу зеҳни Искандари ҷавон нисбат ба эрониёну турониён кин парварда будаст!

Абулқосими Фирдавсӣ бе ишора ба фоҷиайи таърихии пойтахти Ҳахоманишиниён гуфта, ки «*Каёно бад-он ҷойгаҳ фахр буд*». Якинан муродаш фақат ин набуд, ки хабар диҳад: «*нишастангаҳ он гоҳ Истахр буд*». Оре, Истахр суннати сиёсии Эрони Бостонро таҷассум мекард. Онро маҷозан Таҳти Ҷамшед ҳам гуфтандӣ, ки сабаб дошт: нишастангоҳи рӯҳу равони ориёӣ низ ҳамон ҷо буд. Ва маҳз ўст, ки бандҳойи гӯсастайи занҷири замонро ба ҳам васл намуда, ваҳдати маънавии аҷдоду авлодро бақои абад мебахшид. Пас, баройи ҳокимияти юнионӣ ё арабҳойи ғолибро дар Эрон Турон устувор намудан Искандар ва баъд Қутайбаро мебоист даставвал ҳофизаи таърихии мардуми мағлубро кӯр кардан.

Вале чунин кори таърихсӯзро на ину на он аҷнабӣ натавонистӣ кардан!

Ба назари аввал чунин менамояд, ки аҷдоди мо ба зудӣ му-
сулмон шудаанд. Вале ҳар касе, ки «*Таърихи Бухоро*»-и Нарша-
хиро хондааст, нағз медонад, ки асли ҳол чунин набудааст. Ва
агар минбаъд эронӣён ба тарғибгари ғаюри дини бегона (ис-
лом) табдил ёфта бошанд, ин воқеият айбӯ аҷаб нест. Чаро ки
қабл аз ин бархӯрди маънавияти эронӣ ва рӯҳонияти арабӣ бо
як созиши таърихӣ ҳусни анҷом пазируфт буд: аввал Аҷам
исломӣ шуд, аммо баъд ислом аҷамӣ гардид!

Ҳақиқатан дар замоне, ки мардуми эронитабор ҳеҷ қудрати
низомӣ ё сиёсӣ надошт, халифаҳои аббосиро кӣ маҷбур карда
метавонист, ки ба танашон либоси эронӣ пӯшанду ба сарашон
кулоҳи эронӣ ниҳанд ва ё ба дарборашон шеърӯ адаб ва
мусиқии эрониро роҳ диҳанд ва низ маросимҳои онҳо, махсу-
сан ҷашни Наврӯзро, ки аз суннатҳои сирф ориёисту ба
ҷаҳонбинии ақвоми сомӣ рост намеояд, зинда кунанд.

Наврӯз -- оинаи қаднамоӣ тамаддуни зироатзоди Аҷам бу-
да, занҷири *истимрори* фарҳангии аслҳою наслҳоро ҳусни оғоз
бахшидааст. Ниҳоли ин тамаддун, чун ҷумла падидаҳои ноди-
ри таърихӣ худрӯст, вале дар замини маънавияе рӯёидааст, ки
пеш аз реша гирифтани нумӯ карданаи барӯманд шуда буд. Чу-
нончи, бунёдгузори тамаддуни башарӣ Ҷамшед ҷашни
Наврӯзро қорӣ кард, вале, чунон ки Абӯрайҳони Берунӣ дар ба-
робари зикри ин ривоят барҳақ афзудааст, «*пеш аз ин ҳам
Наврӯз бузургу муаззам буд*».

Ҷампайвандии аслҳову наслҳо қалби фалсафайи таърихи
Аҷам бувад. Аз ин маънӣ *истимрор* маркази табалвури суннати
фарҳангиест, ки ба унвони мабдаъ ва маоди тамаддуни эронӣю
туронӣ замонати пойдории таърихӣ ӯст. Аз қудрату нуфузи
ҳамин омили фарҳангист, ки тамаддуни Аҷам дар масири таъри-
хи пурпечӯтоб мисли тамаддунҳои қибтиён ё бобилиҳо нобуд
нашуд, баръакс зинда монд. Аз ин ҷиҳат ҳусусан таърихи ҳифз
шудани асолату рисолати фарҳангии эронӣёни шарқӣ мавсум ба
тоҷикон ҷолиб аст, ки Наврӯз рамзи бармалойи ҷонсахтии
таърихӣ онҳост. Охир, дар арзи ҳазор соли охир тоҷикон дар
иҳотайи амвоҷи торафт қувватгирандаю вусъатёбандаи
қавмҳои саҳронишин монда, ҳокимияти сиёсиашонро аз даст
дода буданд.

Чунон ки дар китобҳои таърих мазкур аст, дар замони
пасосомонӣ ба ҷуз хурӯши бесомони ғуриҳо дигар ҳеҷ ҷунбиши

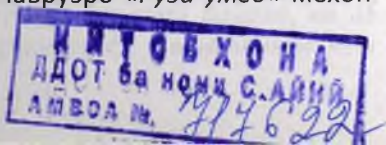

муташаккили низомию сиёсие ба вуҷуд наомад, ки тоҷикони Варазрӯду Хуросонро муттаҳид карда, дар муқобили мавҷҳои гилолуди баҳри ғирталотуми Дашти Қибчоқ истодагарӣ карда тавонад. Аз ин рӯ муқобилати *маънавӣ* ҷойгузини воқуниши *ҷисмоние* шуд, ки халқи тағҷойии кишвар маҷоли онро надошт. Вазифаи асосии ин навъи муқобилат ба истилогарон дар баҳри тамаддуни шаҳрнишинон *маҳлул* кардани аҳли Саҳро буд. Чунончи, ҳақиқати таърихист, ки тоҷикони Бухоро ба рағҳойи бадани охирин насли сулолаи турку муғул хуни тоҷикӣ ворид карда ва онро дар деги фарру фарҳанги худашон ба тадриҷ ҷӯшонид, сурату сираташро оҳиставу пайваста тағйиру такмил дода буданд: хонаводаи Амир Олимхон тоҷик шуда буд! Бечиз нест, ки Амир Олимхон баъди барҳам хӯрдани амораташ ба муҳити форсизабонон кӯчид (аввал ба Афғонистон ва баъд ба Эрон).

Наврӯз таҷассуми ҳастии таърихии Хуросони Бузург замонати бақойи абад ёфтани рӯзгори маънавии мардумони ин диёри бостонист!

IV

Баройи ҷумла халқу кишварҳое, ки Наврӯзро ҷашн мегиранд, хусусан мардумони форсизабон, боиси ифтихору сарфарозихост, ки соли 2010 Созмони Милали Муттаҳид иди миллиашонро расман шинохта? 21-ми мартро **Рӯзи Байналхалқӣ** эълон кард. Дар воқеъ ҳам таърих ва ойини ҷашни Наврӯз ҷиҳатҳо ва бўёдҳои куллие дорад, ки бо идеалҳои волоии ин муассисаи бонуфузи байналмилалӣ ҳамрангу ҳамоҳанг ҳастанд. Аз ин рӯ, сиришти ҳамагонии Наврӯзро маҳз дар ҳошияи ҳамин қарори муҳимму мубрами СММ баррасӣ кардан салоҳи кор аст. Наврӯз дар муҳити ориёни шарқӣ зӯҳур карда? дар заминаи суннати рӯҳонии онон бунёд ёфта бошад ҳам, аз рӯи сиришту рисолаташ иди як халқ, як гурӯҳ қавмҳо ва ё ҳатто як қитъаи рубъи маскун набуд. Наврӯз ҳамчун ҷашни зодрӯзи Хуршеди Ховарон, мисли ҳуди сарчашмааш Офтоб, ки баройи ҳамагонӯ ҳама ҷо ҳамрӯза нуру гармо меафканад, сарвати ҷумла фарзандони Ҳазрати Одам аст! Дар зимн фаромӯш наметунем, ки бунёдгузори Наврӯз Кайумарс саравлоди инсоният муаррифӣ шудааст ва низ муассиси ҷашн Ҷамшедро подшоҳи «*ҳафт кишвар*» меҳонданд, ки зоҳиран тамоми рӯи заминро фаро мегирифт. Пояҳои маънавии ҷашни Наврӯз аз *хайрандешию некбинии* кайҳоншумул саршоранд. Бесабаб нест, ки муосирони Абӯрайҳони Берунӣ Наврӯзро «*Рӯзи умед*» меҳон-

даанд. Худи Берунӣ Наврӯзо «пешони соли нав» ном додаст, ки фақат ба хотири ҳусни калом набуд; маънии маҷозии «пешонӣ» *бахт* ва *иқбол* аст. Аз ин ҷиҳат як хабари таърихнависи ҷуғрофидони Юнони Қадим Страбон низ ҷолиб бувад, ки гуфта: дар Ориёзамин дар рӯзи эътидоли баҳорӣ ақди никоҳ мебанданд. Умеди наврӯзӣ дар ғояти беғайратию бепарвойӣ ба умеди неъматӣ осмонгар ё ганҷи бодовард нишастан нест; хосса аломатӣ ризо ба қазо набувад. Ҳикмати халқӣ мефармояд: «Дунё ба умед аст». Вале ҳикмати дигар низ ҳаст, ки огоҳ мекунад: «Ба умеди худо нашаву буттаро дор!»! Ин ҳазли идона нест, баҳраи таҷрибайи рӯзгор аст, ки дар дигар мақоли тоҷикӣ «*ҳаракат аз ту* (Одам), *баракат аз ман*» (Худо) таҷассум ёфтааст. Дар шарҳи ин қазия ду унсӯри муҳимми ойини ҷашнро ёд кардан бамаврид аст, ки ба фаъолияти ҳоси иҷтимоӣ фарҳангӣ даъват мекунад. Бино ба ақидаи урфӣ, дар рӯзҳои ид ғариштагонӣ неқӯр аз осмон ба замин мефароянд. Ва аммо қосидони фалакӣ ба хонаҳое таъриф намеоваранд, ки (1) онҳоро рӯбчин накардаанд ва ё (2) миёни аҳли хонавода сулҳу салоҳ нест. Ба таъмими ин ду ойини наврӯзӣ пардохта, метавон гуфт, ки онҳо ба шуури ҷаҳоншумӯли асри мо роҳ ёфта, аҳамияти ҳоси ҳумонистӣ пайдо карда метавонанд. Чунончи, ҳудуди хонаро то ҳаҷми дунё васеъ намуда, зарурати рӯбчини идонаро бо даъвати эҷулужии муосир қиёс кардан шояд, ки касиф накардани муҳити зистро тақозо менамояд. Гузашта аз ин, дар ҳилоли аркони ахлоқии одобу ойини Наврӯз (хосса парастии покию покизагӣ) ҳуди мафҳуми эҷулужиро тавсеъ ва такмил додан мумкин аст. Манзури назарам аз ҳисоби масъалаҳои ҳифзи муҳити маънавӣ васеъ кардани мавзӯи эҷулужии ҳозира мебошад, ки то кунун танҳо тарзу тариқи ҳифз кардани муҳити табиӣ зистро баррасӣ мекунад. Дар шароити кунунии густариши ҷаҳонгардонӣ аҳамияти эҷулужии фарҳанг аз эҷулужии табиат бештар набошад ҳам, камтар нест. Ҳар ду ба ҳам робитаи ногустастани низ доранд: касифу вайрон шудани табиат дар баста мавридҳо натиҷаи касифи ҳароби фарҳанг аст. Аз ин рӯ айбу аҷаб нест, ки ҳифзи ҳудвиҷагии фарҳангҳои миллӣ аз тариқи пешгирӣ кардани нуфузи маданияти оммавии ғарбӣ ғарбадагӣ ба яке аз масъалаҳои доғи рӯз табдил ёфтааст. Дар санадҳои рӯнгузори Созмони Милали Муттаҳид, хусусан тавсияномаҳои сершумори ЮНЕСКО, даъват ба муколама дар ҳама сатҳу савияҳои муносибати байналмилалӣ бо талқину таъкиди зарурати расидан ба ҳусни тафҳуми фарҳангӣ, вусъат додани таълиму тарбияи таҳаммули

динӣ ва пешгирӣ кардани тамоюлҳои бегонаситезӣ ва қавмпарастию миллатгароии ифротӣ тавҳам меояд. Комилан табию куллан рамзист, ки зарурати ба назарияи «Бархӯрди тамаддунҳо» муқобил гузоштани «Гуфтугӯи тамаддунҳо»-ро маҳз Ҷумҳурии Исломии Эрон пешниҳод кард, ки дар баробари дигар халқу кишварҳои форсизабон ба мероси таърихи Наврӯз саҳим ва шарик аст. Эрон қисми таркибӣ ва ҷудойинопазири ҳамон Ориёзамини бостонист, ки дар муҳити маънавиаш ҳумонисми *комилан нав* ташаккул ёфта буд. Маҳз Саъдии Шерозӣ буд, ки фарзандони Ҳазрати Одамро *аъзои як пайкар* дониста, ваҳдати азалии башариятро дар ғояти инсондӯстӣ талқин ва таъкид кардаст:

*Чу узве ба дард оварад рӯзгор,
Дигар узвҳоро намонад қарор.*

Дар шарҳи марому маслаки хоси ин ҳикмати фалсафӣю ахлоқӣ, ки ба камоли матлуби Созмони Милали Муттаҳид ҳамсангу ҳамоҳанг аст, аз маъқулае ёд мекунам, ки ба ҳама шинос бошад ҳам, ба маънии худвижае меояд, ки ба дигар фарҳангу тамаддунҳо хос нест. Манзури назарам мафҳуми *башарият* мебошад. Ба наздики уламою удабӣю бедормағзи давраи Эҳёи Аҷам, ки ҳудаш як баҳори пуррангу пурнаими таърихи Ориёнзамин буду оғозаш Наврӯзи гулхези Ховарон, *башарият* на фақат аҳли замона, яъне муосирон, балки инчунин аҳли адам, яъне аҷдоди гузашта ва авлоди ояндаро баробар фаро мегирад. Аз ин рӯ фармудайи Саъдии Шерозӣ «*банӣ Одам аъзои як пайкаранд*», ки шакли манзуми яке аз ҳадисҳои паёмбари ислом Муҳаммади Мустафост, дар тасаввури ворисони паёмбари шеъри форсӣ мазмунӣ *таърихӣ* ҳам дорад.

Ба забони фалсафӣ гӯям, дар қаринаи ҷаҳонбинии суннати мо мақулаи «*замони иҷтимоӣ*» рангу раванди нодире пайдо карда буд, ки то замони мо ҳифз шудааст: вақт ба сони рӯди кӯҳсор *яқониба* ҷорист, вале ҳар як лаҳзааш буду шуди ҳофизаи таърихи мисли Ҷоми Ҷам инъикос мекунад. Бинобар ин ҳар як насли тоҷику эронӣ Рӯдакию Фирдавсӣ, Бӯалию Берунӣ, Румию Ҷомӣ, Саъдию Ҳофиз, Иқболу Айниро ҳамчун муосиру мусоҳиби зинда мепазирад. Хусусан ки ҳомилу ҳомии ин фарҳанги воло -- забони муштараки мову он бузургон мавсум ва маъруф ба порсӣ-дарӣ-тоҷикӣ бо вучуди он ҳама баҳрае, ки аз дигар забонҳо, ба хусус арабӣ, бардоштааст, ба куллияти хеш

тағйир наёфта ва бад—ин ҷиҳат ба аҳли саводи Эрону Тоҷикистону Афғонистон куллан мафҳум бувад.

Классики адабиёти тоҷику форс Анварӣ байте дорад, ки зикраш дар қаринаи ин матн аини муддаост:

*Наврӯз бадал кард ба дил пиру ҷавонро,
Боз ин чӣ ҷавонист заминрову замонро!*

Ба гумонам, шоири андешасиголу донишандеши мо «пиру барно» ва «замину замон»-ро фақат ба хотири ҳамрангию ҳамоҳангӣ дар як байт начидааст.

Моя ва маслаки қадимтарин ҷашни мардумони ориётабору эронизабонро метавон *пайвандгари аслҳои фарҳангӣ ва наслҳои инсонӣ* унвон кард. Наврӯз хешу табор, авлодро бо аҷдод, наслҳоро бо аслҳо, гузаштаро бо ҳозира, ҳозираро бо оянда ва дар ниҳояти силсилаи робитаҳо ва нисбатҳо Ҷаҳони Кеҳин (Инсон)-ро бо Ҷаҳони Меҳин (Кайҳон) мепайвандад. Пайвандгоҳи аслҳову наслҳо ба сони ҳамон замини барӯманди афсонавӣ бувад, ки такагоҳу такондеҳи ҳунарнамоиҳои Антей ном қаҳрамони як устураи машҳури юнонист: ҳар боре, ки ӯ дар ҷанги тан ба тан бемадор мешуд, ба замин (тимсоли модараш) даст расонда қуввати нав мегирифт ва пирӯз мегардид.

Наврӯз ҳам баройи ҳар як фарди одаммӣ ва ҳар як халқи некиродаю боғайрат рӯзи андӯхтани қуввату қудрати тозаии рӯҳонию равонист.

Акбари ТУРСОН

«НАВРҶЗНОМА»-И УМАРИ ХАЙЁМ

Ман дар садади он набудам, ки дар ин ҷо таҳқиқ дар аҳволу афкори Хайём намуда, ақволи удабову сухансанҷони Мағриб-заминро дар бораи ӯ нақл кунам.

Ин кор истеъдоду маҷоле бештар ва мавқеи маҳалле дигар меҳаҳад. Ҳар кӣ толиби мутолиаву татаббӯъ дар ин мавзӯ бошад, дарёи васе аз кутуб дар пеш дорад, ки шино кардан аз он як умр меҳаҳад.

Муроди ман аз ин миқдор он буд, ки хонандаи маъмулиро қаблан бо фалсафаи Хайём андаке ошно сохта, сипас «Наврӯзнама»-и ҳозирро бо онҳо қиёс намуда, нишон бидиҳам, ки илова бар тасреҳ ба исми Хайём дар дебоҷаи китоб ваҳдати тарзи фикр низ худ бурҳони дигаре бар асолати нисбати он аст.

«Наврӯзнама» рисолаест дар баёни сабабу вазъи ҷашни Наврӯз ва кашфи ҳақиқати он ва ин ки кадом подшоҳ онро ниҳода ва чаро онро бузург доштаанд.

Нависанда ҷашни Наврӯзро, ки яке аз русуми миллии Эрон аст, мавзӯи рисолаи хеш қарор дода ва бинобар ин бояд гуфт, ба миллияти Эрон алоқаманд будааст; ҳулоса, вақте мебинем ба исрори зиёд муруоту ҳифзи ин ҷашнро ҳатто бар ақвоми турку рум низ воҷиб мешуморад. Муаллиф аз шоҳони асотириву таърихии Эрон то замони Яздигурди шаҳриёр ёди бисёр мекунад ва пешаҳову русуму фунунеро, ки эшон ниҳодаанд, мутобиқ ба ривоёте ки дар «Шаҳнома»-ҳо овардаанд, нақл мекунад, чунонки гӯӣ ба хондани «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ мудовимат дошта. Оини ҷаҳондорӣи шоҳони сосониرو бо тамҷиду таҳсин ҳикоят мекунад.

Вай мунаҷҷиму риёзидон буда, дар масоили тиббӣ аз орои Розиву Ибни Сино пайравӣ менамуда. Ва ин китоби ҳудро дар Нишобур навишта ё фақат нишобурӣ буда. Китобро, агарчи мегӯяд ба муҷиби илтимоси дӯсте навиштам, дар ҳақиқат барои шоҳ навишта ва чизҳоро, ки мегӯяд мубадон мубад барои шоҳ ба унвони ҳадяи наврӯзӣ мебурда ҳар як шоҳи яке аз анвоъ аст.

Шароб шоҳи нӯшиданиҳо, зар шоҳи гавҳарҳои гудозанда, ёқут шоҳи гавҳарҳои ногудозанда, асп шоҳи чарандагон, боз шоҳи парандагон... Барои як подшоҳи турк ва дар давраи салтанати турк-кон дар Эрон навишт, як ҷо мегӯяд: «Имрӯз аспро ҳеч гурӯҳ беҳ аз

туркон намешиносанд аз баҳри он ки ҷаҳон эшон, доранд». Магар ба туркон панд медиҳад, ки ҷашни Наврӯзро тарк макунед. Дар бораи хавоси асп ба гуфтаи Афросиёб истишҳод мекунад. Ва аз хориҷ медонем, ки Салочуқа насаби хешро ба ӯ мерасондаанд.

Барои яке аз ҷонишинони Маликшоҳ навишта. Он ҳам дар ҳангоме ки ҳанӯз аз марги Маликшоҳ хеле нагузашта будааст.

Дар фасле, ки шоҳони бостони Эрон муштоқ ба ободии ҷаҳон муаррифӣ мекунад, мисли ин аст, ки меҳоҳад ба ҷонишини Маликшоҳ бигӯяд, ки кори бинои расадхона, ки ӯ шурӯъ карда буд, ту бояд ба поён барӣ.

Нависанда файласуфест моддӣ, мӯътақид нест, ки Худо анвоъро ҷудо-ҷудо халқ карда, балки мегӯяд, ки чизҳои нав бар ҳасби гардиши олам ва ҷунонки дар ҳуди он буд, падид омад. Зиндагиро талх меёфта ва мегӯяд, дунё дар дили касе ширин мабод. Фикри марг ҳамеша ӯро дар ранҷ дошта ва медида, ки мардон маргро зодаанд. Бинобар ин, мӯътақид мегардад, ки бояд як дам ҳам шуда, хуш буд. Пас аз он ҳарчи мешавад, бок нест. Чун зарро барои хуш будани зиндагӣ лозим медонад, онро тамқид мекунад. Шаробро низ, ки василаи шодиву хуррамӣ ва рондани андӯҳ аст, меситояд. Сурати хубро низ бузург мешуморад ва бо як дунё латофат баёни китоби хешро барои фархундагӣ бар рӯи некӯ хатм мекунад. Ба ҷамол на танҳо аз лиҳози зарофатпарастӣ менигарад, балки фоидаи моддӣ низ дар он мебинад ба ин тавр ки шахси хубсурат ногузир мешавад моли бештар ба даст оварад то битавонад бо дӯстторон ба ҳам бинишинаду хуш бошад. Барои ҳамин манзур хуш гузаштани зиндагии башарист, ки исрофе ба ободии ҷаҳон дорад. Агарчи дебоҷаи китобро бар сабили сираи ҷории муаллифин ба ҳамду дуруд шурӯъ мекунад, боз ҳамаи пайғамбаронро дар як радиф қарор медиҳад.

Ислом истеъмоли зуруфи зарринро наҳӣ мекунад, вале ӯ худро ба он роҳ намезанад. Бе он ки эътино ба ҳаром будани шароб дар назари мусалмонон дошта бошад, онро мадҳ мекунад ва манофеу музори анвои мухталифи онро баён менамояд ва ҷораи зиёни ҳар якеро ба даст медиҳад. Фақат ишора мекунад, ки дар Қуръон низ судмандии шароб ёд шудааст.

Дар саросари китоб як насихати ахлоқӣ ҷуз ташвиқи шоҳ ба беозориву додгарӣ, ки лозимаи ободиву осоиши халқ аст, дида намешавад.

Бузурғтарин фазилати инсонӣ шуҷоатро медонад ва қудрату азаматро дӯст дорад. Ва пайкари шуҷоатро ба тавре ки дар сафҳаҳои ин китоб хоҳед хонд, васф мекунад. (Тасвири шерст, ки дар китоби «Наврӯзнама» дида мешавад).

Фазилати бузурги дигаре ки қоил аст, малакаи хондану навиштан аст. Достони Султон Маҳмудро бо писаре некурӯй ва бузурғ доштану боло бурдани ӯ ва ҳамчунин достони духтареро, ки рӯи зебои хешро шафеи падар ё сарвари худ гардонид, бо лаҳни мувофиқату ситоиш нақл мекунад.

Куллияи ин мумайизот (аз ҳайси замону макон ва тарзи таълифу тарзи фикр ва иншои содаи латифи бе тақаллуф) дар ҳар китобе ҷамъ шуд. Агар дар ҳуди китоб ҳам таълифи он ба Хайём нисбат дода нашуда бошад, ман онро аз Хайём медонам. Чаро надонам? Барои ин ки соҳибони тазкираҳо ва кутуби тароҷим чунин китоберо ба исми ӯ наовардаанд ва ману шумо то имрӯз онро намешинохтем ва надида будем? Магар арбоби тазкира ҳама чизро навиштаанд? Ё ҳамаи ақволу ривоёти онҳо рост аст? Чанд сад китобе ҳадс мезанед дар Эрон навишта шуда бошад, ки мо на танҳо номи онҳоро наشناда бошем, балки аслан аз навишта шудани он ҳам хабар надошта бошем?

Чӣ касеро ҷуз Хайём тавон ёфт, ки бо ӯ ҳамаср буда бошад ва чунин рисолаеро навишта бошад? Он гоҳ ин қадр гузашт карда бошад, ки номи Хайёмро бар он бигзорад? Билохира, ин китоб мавҷуд аст ва сареҳан аз таълифи Хайём хонда шуда ва далелҳо низ бар сиҳҳати ин тасреҳ дорем. Пас, то далели дандоншикан бар батлони ин нисбат иқома нашавад, ҳеч касро ба соҳиби он сазовортар аз Ҳаким Умари Хайёми Нишобурӣ намешуморем.

Ман ин рисоларо як ҳадяи Хайём ба адабиёти форсӣ ва миллияти эронӣ медонам ва бозёфтани онро хушбахтии бузурге меҳонам.

Аз рӯи сабки иншои сареъ ва нуқсонҳои иборативу пореа ғалатҳои таърихиву адабӣ ҳукм мекунам, ки Хайём онро бисёр саридастӣ, бидуни сарфи вақту мутолиаву таҳқиқу муроҷиа, фақат ба эътимоди ҳофизаву мӯсоидати ҳаёл, ба таври қаламандоз ба рои манзуре навишта ва ба шоҳи муосири хеш тақдим карда ё балки аслан ба тақлифи он шоҳ рӯи коғаз овардааст.

Ин рисолаи гаронбаҳо, ки як ёдгори насрии адабӣ ва шоирона аз таъби латифи ҳамон Хайёми риёзидон ва мунаҷҷиму файласу-

фу табибу шоири мутафаккири баландназар ва соҳиби завқу санъати олий ва нерӯи тасаввури васеъ аст, ҳусни тасодуф дар соли 1308 ҳиҷрии шамсӣ дар зимни маҷмӯаи расоиле ба Китобхонаи ӯмумии Берлин мунтақил шуд ва акси онро оқои Мирзо Муҳаммадхони Қазвинӣ барои китобхонаи Вазорати маориф гирифта буданд. Ман ба иҷозаи расмӣи вазоратхонаи матбуа асоси ин табъ қарор додам. Оқои Қазвинӣ чанд сатре дар ибтидои муҷалладе, ки ҳовии авроқи аксӣ аст, ёддошт кардаанд, ки айнан нақл мекунам: «Наврӯзнома», таълифи маликулҳукамо Умар ибни Иброҳим Хайём дар шарҳи Наврӯзу таърихи он ва одоб, нусхаи мунҳасир ба фарди Китобхонаи давлатии Берлин дорои панҷоҳу шаш сафҳа ба қатъи вазирӣ ба хати насх бо имлоҳои қадимӣ аз қабилӣ навиштани золҳои форсӣ ба сурати зоди муъҷама ва навиштани кӣ (бойот) ба ҷои кӣ [бо ҳои ҳавваз] ва наҳви золик; таърихи китобат надорад, вале қатъан аз қарни ҳафтуми ҳиҷрӣ муаххир набояд бошад, ба харҷи Вазорати ҷалилаи маорифдӯсти алийаи Эрон ва ба эҳтимоми ин заиф Муҳаммад ибни Абдулваҳҳоби Қазвинӣ акс бардошта шуд. Шаҳри моҳи Раҷаб, 1350 мутобиқи Обони 1310».

Дар хотима аз дӯсти азизам Содиқ Ҳидоят, ки ёддоштҳои хайёмонаи ҳуду баъзе кутуби марбут ба Хайёмро барои истифода ба ихтиёри инҷониб гузошт, сипосгузориho воҷиб мешуморам.

Муҷтабо МИНАВӢ

Техрон, Меҳргони соли 1312.

Бисмиллоҳи-р-раҳмони-р-раҳим

Сипосу ситоиш мар Худойро чалла чалолуху [шӯхратманд бод бузургвории Ё, ки офаридгори ҷаҳон асту дорандаи замину замон аст ва рӯзидеҳи ҷонварон асту дорандаи ошкоро ва ниҳон аст, Худованди беҳамтову беанбоз ва бедастуру бениёз яке на аз ҳадди қиёс ва адад, кодиру мустағнӣ аз заҳиру мадад. Ва дуруд бар пайғамбарони Ё аз Одами сафӣ то пайғамбари арабӣ Муҳаммади мустафо саллаллоҳу алайҳим аҷмаъин ва бар итрату [оила, хонавода, наздикон] асҳобу баргузидагони ӯ.

Чунин гӯяд (Хоча Ҳакими файласуф-ул-вақт сайид-ул-муҳаққиқин малик-ул-хукамо) Умар ибни Иброҳим ал-Хайём (раҳматуллоҳи алайҳ; мусаллам аст, ки ин ановинро Хайём барои худ ихтиёр накардааст, балки нависандагони садаҳои баъд ба китоб афзудаанд), ки чун назар афтод аз он ҷо, ки камоли ақл аст, ҳеҷ чиз наёфтаи шарифтар аз сухан ва рафеътар аз калом, чи агар бузургвортар аз калом чизе будӣ Ҳақ Таоло бо Расул саллаллоҳу алайҳи хитоб фармудӣ¹ ва гуфтаанд ба тозӣ «Ва хайру ҷалисин фӣ-замони китобун» [Ва беҳтарин ҷамнишин дар ин замон китоб аст].

Дӯсте, ки бар ман ҳаққи сӯҳбат дошт ва дар некаҳдӣ ягона буд, аз ман илтимос кард, ки сабаби ниҳодани Наврӯз ҷӣ будааст ва кадом подшоҳ ниҳодааст. Илтимоси ӯро мабзул доштам ва ин мухтасар ҷамъ карда омад ба тавфиқи чалла чалолуху.

ОҒОЗИ КИТОБИ «НАВРҶЗНОМА»

Дар ин китоб, ки баён карда омад дар кашфи ҳақиқати Наврӯз, ки ба наздики мулуки Аҷам кадом рӯз будаасту кадом подшоҳ ниҳодааст ва ҷаро бузург доштанд онро ва дигар оини подшоҳону сирати эшон дар ҳар коре мухтасар карда ояд иншоаллоҳи Таоло. Аммо сабаби ниҳодани Наврӯз он будааст, ки чун бидонистанд, ки Офтобро ду давр бувад, яке он ки ҳар сесаду шасту панҷ рӯзу рубъе аз шабонарӯз ба аввал дақиқаи Ҳамал боз ояд ба ҳама вақту рӯз, ки рафта буд

бад-ин дақиқа натавонад (дар нусхаи дигар – битавонад) омадан, чи ҳар сол аз муддат ҳаме кам шавад² ва чун Ҷамшед он рӯзро дарёфт, Наврӯз ном ниҳод ва ҷашн оин овард ва пас аз он подшоҳону дигар мардумон ба-д-ӯ иқтидо карданд. Ва қиссаи он чунон аст, ки чун Каюмарс – аввал аз мулуки Аҷам ба подшоҳӣ бинишаст, хост, ки айёми солу моҳро ном ниҳаду таърих созад, то мардумон онро бидонанд. Бингарист, ки он рӯзи бомдод Офтоб ба аввал дақиқаи Ҷамал омад, мубадони Аҷамро гирд карду бифармуд, ки таърих аз ин ҷо оғоз кунанд. Мубадон ҷамъ омаданду таърих ниҳоданд ва чуни гуфтанд мубадони Аҷам, ки доноёни он рӯзгор будаанд, ки Эзиди табораку Таоло дувоздаҳ фаришта офаридааст, аз он ҷаҳор фаришта бар осмонҳо гумоштааст, то осмонро ба ҳар ҷӣ андар ӯст аз аҳриманон нигоҳ доранд ва ҷаҳор фариштаро бар ҷаҳор гӯшаи ҷаҳон гумоштааст, то аҳриманонро гузар надиханд, ки аз кӯҳи Қоф баргузаранд ва чуни гӯянд, ки ҷаҳор фаришта дар осмонҳову заминҳо мегарданд ва аҳриманонро дур медоранд аз ҳалоиқ ва чуни мегӯянд, ки ин ҷаҳон андар миёни он ҷаҳон чун хонаест нав андар сарои куҳан бароварда. Ва Эзиди Таоло Офтобро аз нур биофариду осмонҳову заминҳоро ба-д-ӯ парвариш дод. Ва ҷаҳонӣён ҷашм бар вай доранд, ки нурест аз нурҳои Эзиди Таоло. Ва андар вай бо ҷалолу таъзим нигаранд, ки дар офариниши вай Эзиди Таолоро иноят беш аз дигарон будааст. Ва гӯянд мисоли ин чунон аст, ки малике бузург ишорат кунад ба халифате аз хулафои хеш³, ки ӯро бузург доранду ҳаққи хунари вай бидонанд, ки ҳар кӣ вайро бузург доштааст, маликро бузург дошта бошад. Ва гӯянд чун Эзиди табораку Таоло ба-д-он ҳангом ки фармон фиристонд, ки субот баргирад, то тобишу манфиати ӯ ба ҳама чизҳо бирасад, Офтоб аз сари Ҷамал бирафт⁴ осмон ӯро бигардонид ва торикӣ аз рӯшноӣ ҷудо гашту шабу рӯз падидор шуд ва он оғозе шуд мар таърихи ин ҷаҳонро. Ва пас аз он ба ҳазору ҷаҳорсаду шасту як сол ба ҳама дақиқа ва ҳама рӯз бозрасид ва он муддати ҳафтоду се бори қирони Қайвону Урмузд бошад, ки онро қирони асғар хонанд. Ва ин қирон ҳар бист сол бошад ва ҳар гоҳ ки Офтоб даври хештан сипарӣ кунду ба-д-ин ҷой бирасад ва Зухалу Муштариро ба ҳама бурҷ, ки

хубути Зухал андар ўст, кирон бувад ба муқобалаи ин бурчи Мизон, ки Зухал андар ўст, як давр ин ҷо ва як давр он ҷо, бар ин тартиб, ки ёд карда омаду ҷойгоҳи кавокиб намуда шуд⁵, чунонки Офтоб аз сари Ҳамал равон шуд ва Зухалу Муштарӣ бо дигар кавокиб он ҷо буданд, ба фармони Эзиди Таоло ҳолҳои олам дигаргун гашт, чизҳои нав падида омад, монанди он ки дархурди олам ва гардиш буд. Чун он вақтро дарёфтанд, мулкони Аҷам аз баҳри бузургдошт Офтобро ва аз баҳри он ки ҳар кас ин рӯзро дарнатавонистандӣ ёфт, нишон карданд ва ин рӯзро ҷашн сохтанд ва оламиёро хабар доданд то ҳамагон онро бидонанду он таърихро нигоҳдоранд. Ва чунин гӯянд, ки чун Каюмарс ин рӯзро оғози таърих кард, ҳар сол Офтобро (ва чун як даври Офтоб би-гашт дар муддати сесаду шасту панҷ рӯз) ба дувоздах қисмат кард, ҳар баҳше сӣ рӯз ва ҳар якero аз он номе ниҳод ва ба фариштае бозбаст аз он дувоздах фариштае, ки Эзиди табораку Таоло эшонро бар олам гумоштааст. Пас он гоҳ даври бузургро, ки сесаду шасту панҷ рӯзу рубъе аз шабонарӯзист, соли бузург ном карду ба ҷаҳор қисм кард. Чун ҷаҳор қисм аз ин соли бузург бигзарад, Наврӯзи бузург ва нав гаштани аҳволи олам бошад. Ва бар подшоҳон воҷиб аст оину расми мулк ба ҷой овардан аз баҳри муборакӣ ва аз баҳри таърих ва хуррамӣ кардан ба аввали сол. Ҳар кӣ рӯзи Наврӯз ҷашн кунад ва ба хуррамӣ пайвандад, то Наврӯзи дигар умр дар шодиву хуррамӣ гузорад. Ва ин таҷрибат ҳукамо аз барои подшоҳон кардаанд.

Фарвардинмоҳ ба забони паҳлавист,⁶ маъниаш чунон бошад, ки ин он моҳ аст, ки огози рустани набот дар вай бошад ва ин моҳ мар бурчи Ҳамалрост, ки сар то сари вай Офтоб андар он бурҷ бошад.

Ардабиҳишмоҳ. Ин моҳро Ардабиҳишт ном карданд, яъне ин моҳ он моҳ аст, ки ҷаҳон андар вай ба биҳишт монанд аз хуррамӣ ва «Ард» ба забони паҳлавӣ монанд бувад. Офтоб андар ин моҳ бар даври рост дар бурчи Савр бошад ва миёнаи баҳор бувад.

Хурдодмоҳ, яъне он моҳ аст, ки хӯриш диҳад мардумонро аз гандуму ҷаву мева ва Офтоб дар ин моҳ дар бурчи Ҷавзо бошад⁷.

Тирмоҳ. Ин моҳро ба-д-он Тирмоҳ хонанд, ки андар ў чаву гандум ва дигар чизхоро қисмат кунанд ва тири Офтоб аз ғояти баландӣ фуруд омадан гирад ва андар ин моҳ Офтоб дар бурчи Саратон бошад ва аввалмоҳ аз фасли тобистон бувад.

Мурдодмоҳ, яъне хок доди хеш бидод аз бархову меваҳои пухта, ки дар вай ба камол расад ва низ ҳаво дар вай монанди ғубори хок бошад ва ин моҳ миёнаи тобистон бувад ва қисмати ў аз Офтоб мар бурчи Асадро бошад.

Шаҳривармоҳ. Ин моҳро аз баҳри он Шаҳривар хонанд, ки райиъдахл бувад, яъне дахли подшоҳон дар ин моҳ бошад ва дар ин моҳ барзгаронро додани хироч осонтар бошад ва Офтоб дар ин моҳ дар Сунбула бошад ва охири тобистон бувад.

Меҳрмоҳ. Ин моҳро аз он Меҳрмоҳ гӯянд, ки меҳрбонӣ бувад мардумонро бар якдигар. Аз ҳар чӣ расида бошад аз галлаву мева насиб бошад, бидиҳанду бихӯранд ба ҳам. Офтоб дар ин моҳ дар Мизон бошад ва оғози хариф [тирамоҳ, хазонрез] бувад.

Обонмоҳ, яъне обҳо дар ин моҳ зиёдат гардад аз боронҳо, ки оғоз кунанд ва мардумон об гиранд аз баҳри кишт ва Офтоб дар ин моҳ дар бурчи Акраб бошад.

Озармоҳ. Ба забони паҳлавӣ озар оташ бувад ва ҳаво дар ин моҳ сард гашта бошаду ба оташ ҳочат бувад, яъне моҳи оташ. Ва навбати Офтоб дар ин моҳ мар бурчи Қавсро бошад.

Даймоҳ. Ба забони паҳлавӣ дай дев бошад, ба-д-он сабаб ин моҳро Дай хонанд, ки дурушт бувад ва замин аз хуррамиҳо дурмонда бувад ва офтоб дар Ҷадӣ бувад ва аввали зимистон бошад.

Баҳманмоҳ, яъне ин моҳ ба ҳамон монад ва монанда бувад ба моҳи Дай ба сардӣ ва ба хушкӣ ва ба кунҷ андар монда. Ва тири Офтоб андар ин моҳ ба хонаи Зухал бошад, ба Далв бо Ҷадӣ пайванд дорад.

Исфандормадмоҳ. Ин моҳро ба-д-он Исфандормад хонанд, ки исфанд ба забони паҳлавӣ мева бувад, яъне андар ин моҳ меваҳо ва гиёҳҳо дамидан гирад. Ва навбати Офтоб ба охири бурҷҳо расад ба бурчи Хут.

Пас Каюмарс ин муддатро ба-д-ин гуна ба дувоздах бахш карду ибтидои таърих падида (муайян) кард. Ва пас аз он чихил сол бизист. Чун аз дунё бирафт, Ҳушанг ба ҷойи ӯ нишаст ва нухсаду ҳафтод⁸ сол подшоҳӣ ронд ва девонро қаҳр кард. Ва оҳангариву дурудгариву бофандагӣ пеша овард ва ангубин аз занбӯру абрешим аз пила берун овард. Ва ҷаҳон ба хуррамаи бигзошт ва ба номи нек аз ҷаҳон берун шуд. Ва аз паси ӯ Тахмурас биншасту сӣ сол подшоҳӣ кард ва девонро дар тоат оварду бозорҳову кӯчаҳо бинҳод. Ва абрешиму пашм бибофт ва рӯҳбон Будосп дар айёми ӯ берун омад ва дини собиён овард⁹ ва ӯ дин пазируфту зуннор барбасту Офтобро парастид. Ва мардумонро дабириӣ омӯхт. Ва ӯро Тахмураси девбанд хондандӣ. Ва аз паси ӯ подшоҳӣ ба бародараш Ҷамшед расид. Ва аз ин таърих ҳазору чихил сол гузашта буд ва Офтоб аввали рӯз ба Фарвардин таҳвил кард ва ба бурҷи нӯҳум омад. Чун аз милки Ҷамшед ҷаҳорсаду бисту як сол бигузашт, ин давр тамои шуда буд ва Офтоб ба Фарвардини хеш, ба аввали Ҷамал бозомад ва ҷаҳон бар вай рост гашт, девонро мутеи хеш гардонид ва бифармуд, то гармоба сохтанду деборо бибофтанд. Ва деборо пеш аз мо девбофта хондандӣ, аммо одамиён ба ақлу тачриба ва рӯзгор ба-д-ин ҷо расонидаанд, ки мебинӣ. Ва дигар харро бар асб афканд, то астар падида омад ва ҷавоҳир аз маъодин берун овард ва силоҳҳову перояҳо ҳама ӯ сохт ва зару нукраву мису арзизу сурб аз конҳо берун овард ва тахту ёраву тоҷу тавку ангуштарӣ ӯ кард ва мушку анбару кофуру заъфарону уду дигар тайибҳо ӯ ба даст овард.

Пас дар ин рӯз, ки ёд кардем, ҷашн сохт ва Наврӯзаш ном ниҳод ва мадумонро фармуд, ки ҳар сол чун Фарвардини нав шавад, он рӯз ҷашн кунанд ва он рӯз нав донанд то он гоҳ ки даври бузург бошад, ки Наврӯз ҳақиқат бувад. Ва Ҷамшед дар аввали подшоҳӣ саҳт одилу ҳудойтарс буд ва ҷаҳониён ӯро дӯстдор буданд ва ба-д-ӯ хуррам. Ва Эзиди Таоло ӯро фарре ва ақле дода буд, ки чунин чизҳо бинҳод ва ҷаҳониёнро ба зару гавҳару дебову атрҳову ҷаҳорпоён биорост. Чун аз милки ӯ ҷаҳорсаду анд сол бигузашт, дев ба-д-ӯ роҳ ёфту дунё дар дили ӯ ширин гардонид. Ва дунё дар дили касе ширин мабод. Манӣ дар ҳештан овард. Бузургма-

нишиву бедодгарӣ пеша кард ва аз хостаи мардумон ганҷ ниҳодан гирифт. Ҷаҳониён аз ӯ ба ранҷ афтоданду шабу рӯз аз Эзиди Таоло заволи милки ӯ меҳостанд. Он фарри эзидӣ аз ӯ бирафт. Тадбирхош ҳама хато омад. Беваросп, ки ӯро Заҳҳок хонанд, аз гӯшае дар омад ва ӯро битохт ва мардумон ӯро ёрӣ надоданд аз он ки аз ӯ ранҷида буданд. Ба замини Ҳиндустон гурехт. Беваросп ба подшоҳӣ биншасту оқибат ӯро ба даст овард ва пора ба ду ним кард. Ва Беваросп ҳазор сол подшоҳӣ кард. Ба аввал додгар буд ва ба охир бедод гашт ва ҳам ба гуфтор ва ба кирдори дев аз роҳ биафтод ва мардумонро ранҷ менамуд, то Офаридун аз Ҳиндустон биёмаду ӯро бикушту ба подшоҳӣ биншаст. Ва Офаридун [дар матни китоб дар саҳифаҳои дигар ин ном ба шакли Афредун омадааст] аз тухми Ҷамшед буд. Понсад сол подшоҳӣ кард.

Чун саду шасту чаҳор сол¹⁰ аз милки Офаридун бигузашт, даври дуввум аз таърихи Каюмарс тамом шуд ва ӯ дини Иброҳим алайҳиссалом пазируфта буд. Ва пилу шеру юзро мутеъ гардониду хаймаву айвон ӯ сохт ва тухми дарахтони мевадору ниҳолу обҳои равон дар иморату боғҳо ӯ овард; чун турунчу нораңчу бодрангу лиму ва бунафшаву наргису нилуфару монанди ин дар бӯстон овард; ва Меҳргон ҳам ӯ ниҳод ва ҳамон рӯз, ки Заҳҳокро бигрифт ва милк бар вай рост гашт, ҷашни Сада бинҳод ва мардумон, ки аз ҷавру ситами Заҳҳок бираста буданд, писандиданд ва аз ҷиҳати фоли нек он рӯзро ҷашн кардандӣ ва ҳар сол то имрӯз оини он подшоҳони некаҳд дар Эронун Турон ба ҷой меоранд. Чун Офтоб ба Фарвардини хеш расид, он рӯз Офаридун ба нав ҷашн кард ва аз ҳама ҷаҳон мардум гирд оварду аҳднома нибишту гумоштагонро дод фармуду мулк бар писарон қисмат кард. Туркистон – аз оби Ҷайхун то Чину Мочин Турро доду замини Рум мар Салмо ва замини Эронун тахти хешро ба Эрач дод. Ва маликони Турку Руму ҳама аз як гавҳаранду хешони якдигаранду ҳама фарзандони Офаридунанд. Ва ҷаҳониёнро воҷиб аст оини подшоҳон ба ҷой овардан аз баҳри он ки аз тухми ваянд. Ва чун рӯзгори ӯ бигузашт ва он дигар подшоҳон, ки баъд аз ӯ буданд то ба рӯзгори Гуштосп. Чун аз подшоҳии Гуштосп сӣ сол биг-

зашт, Зардушт берун омад ва дини габрӣ оварду Гуштосп дини ӯ пазируфт ва бар он мерафт. Ва аз гоҳи чашни Офари-дун нӯҳсаду чиҳил сол гузашта буд. Ва Офтоб навбати хеш ба Акраб овард, Гуштосп бифармуд то кабиса карданд ва Фарвардини он рӯз Офтоб ба аввали Саратон гирифт ва чашн карду гуфт: «Ин рӯзро нигоҳ дореду Наврӯз кунед, ки Саратон толеи амал аст ва мар деҳқонрову кишоварзонро ба-д-ин вақт ҳаққи байтулмол додан осон бувад». Ва бифармуд, ки ҳар саду бист сол кабиса кунанд, то солҳо бар ҷойи хеш бимонад ва мардумон авқоти хешро ба сармову гармо бидонанд. Пас он оин то ба рӯзгори Искандари Румӣ, ки ӯро Зулқарнайн хонанд, бимонд; ва то он муддат кабиса накарда буданд ва мардумон ҳам бар он мерафтанд то ба рӯзгори Ардашери Попакон, ки ӯ кабиса кард ва чашни бу-зург дошт; аҳднома бинвишту он рӯзро Наврӯз бихонд ва ҳам бар он оин мерафтанд то ба рӯзгори Нӯшервони Одил¹¹. Чун Айвони Мадоин тамом гашт, Наврӯз карду расми чашн ба ҷо овард чунонки оини эшон буд, аммо кабиса накарду гуфт: «Ин оин ба ҷо монанд (ба маънии гузоштан) то ба са-ри давр, ки Офтоб ба аввали Саратон ояд то он ишорат, ки Каюмарсу Чамшед карданд, аз миён бархезад». Ин бигуфту дигар кабиса накард то ба рӯзгори Маъмун халифа. Ӯ бифармуд, то расад бикарданд ва ҳар соле ки Офтоб ба Ҳамал омад, Наврӯз бифармуд кардан ва Зичи Маъмунӣ бархост ва ҳанӯз аз он зич тақвим мекунанд¹² то ба рӯзгори Мутавак-кил. Мутаваккил вазире дошт, номи ӯ Муҳаммад ибни Аб-дулмалик. Ӯро гуфт: «Ифтитоҳи хироҷ дар вақте мебошад, ки мол дар он вақт аз ғалла дур бошад ва мардумонро ранҷ мерасад ва оини мулуки Аҷам чунон будааст, ки кабиса карданд то сол ба ҷойи хеш бозояд ва мардумонро ба мол гузордан ранҷ камтар расад, чун дасташон ба иртифоъ ра-сад». Мутаваккил иҷобат карду кабиса фармуд ва Офтобро аз Саратон ба Фарвардин бозоварданду мардумон дар роҳат афтоданду он оин бимонд¹³.

Пас аз он Халаф ибни Аҳмад – амири Систон кабисаи ди-гар бикард, ки акнун шонздаҳ рӯз тафовут аз он ҷо кардааст ва султон Саид Муинуддин Маликшоҳро анораллоху бурҳонаху аз ин ҳол маълум карданд. Бифармуд, то кабиса

кунанд ва солро ба чойгоҳи хеш бозоранд. Ҳукамои аср аз Хуросон биоварданд ва ҳар олате, ки расадро ба кор ояд, бисохтанд аз девору зот-ул-ҳалакку¹⁴ монанди ин ва Наврӯзро ба Фарвардин бурданд, валекин подшоҳро замона замон надод ва кабиса тамом нокарда бимонд¹⁵.

Ин аст ҳақиқати Наврӯз ва он чи аз китобҳои мутақаддимон ёфтем ва аз он гуфтори доноён шундаем. Акнун баъзе аз оини мулуки Аҷам ёд кунем бар сабили ихтисор ва боз ба тафсили Наврӯз баргардем.

АНДАР ОИНИ ПОДШОҲОНИ АҶАМ

Мулуки Аҷам тартибе доштаанд дар хон некӯ ниҳодан ҳар чи тамомтар ба ҳама рӯзгор¹⁶ ва чун навбат ба хулафо расид дар маънии хон ниҳодан на он тақаллуф карданд, ки васф тавон кард, хосса хулафои Аббосӣ аз аҳоҳову қалъову ҳалвоҳои гуногуну фуқоъ қазру¹⁷ инон ниҳоданд ва пеш аз эшон набуд. Ва ағлаби ҳалвоҳои некӯ чун хошимиву собуниву лавзинаву аҳоҳову табиҳҳои нофеъ ҳам хулафои бани Аббос ниҳоданд. Ва он ҳама расмҳои некӯ эшонро аз баландҳимматӣ буд. Ва дигар оини мулуки Аҷам андар дод додану иморат кардану дониш омӯхтану ҳикмат варзидану доноёнро гиromӣ доштан ҳиммате азим будааст. Ва дигар, соҳибхабаронро дар мамлакат бар ҳар шаҳре ва вилояте ғумошта будандӣ то ҳар хабаре, ки миёни мардум ҳодис гаштӣ, подшоҳро хабар кардандӣ, то он подшоҳ бар мучиби он фармон додӣ. Ва чун ҳол чунин будӣ, дастҳои татовул кӯтоҳ будиву уммол бар ҳеч касе ситам наёристандӣ кардан ва як дирам аз кас ба ноҳақ натавонистандӣ ситадан. Ва ғуломон берун аз қонуну қарору қоида ҳеч аз раоё наёристандӣ хост ва хоставу зану фарзанди мардумон дар амну ҳифз будӣ ва ҳар кас ба қору касби хеш машғул будандӣ, аз бими подшоҳ¹⁸ ва дигар нонпора, ки ҳашамро арзонӣ доштандӣ аз ӯ бознагирифтандӣ ва ба вақти хеш бар одати маъҳуди солу моҳ ба-д-ӯ мерасонидандӣ. Ва агар касе даргузаштиву фарзанде доштӣ, ки ҳамон қору хидмат тавонистӣ кардан нони падар ӯро арзонӣ доштандӣ. Ва дигар, бар қори иморат азим ҳарису роғиб будандӣ ва ҳар

подшоҳ, ки бар тахти мамлакат биншастӣ, шабу рӯз дар он андеша будӣ, ки кучо обу ҳавои хуш аст, то он ҷо шаҳре бино кардандӣ, то зикри ӯ дар ободон кардани мамлакат дар ҷаҳон бимондӣ. Ва одати мулуки Аҷаму Турку Рум, ки аз нажоди Офаридунанд, чунон будааст, ки агар подшоҳе сарое муртафеъ бино афкандӣ ё шаҳре ё деҳе ё рабате ё қалъае ё рӯде бирондӣ ва он бино дар рӯзгори ӯ тамом нашудӣ, писари ӯву он кас, ки ба ҷойи ӯ биншастӣ бар тахти мамлакат, чун кори ҷаҳон бар вай рост гаштӣ бар ҳеҷ чиз чунон чид(д) нанамудӣ, ки он бинои нимкардаи он подшоҳ тамом кардӣ¹⁹, яъне то ҷаҳониён бидонанд, ки мо низ бар ободон кардани ҷаҳону мамлакат ҳамчунон роғибем. Аммо писари подшоҳ дар ин маънӣ ҳаристар будӣ аз ҷиҳати чанд сабабро. Гуфтӣ: «Бар писар фаризатар, ки нимкардаи падари хешро тамом кунад, ки чун тахти подшоҳии падар маро бошад, сазовортарам». Ва дигар гуфтӣ: «Падарам ин иморат ё аз ҷиҳати ободонии ҷаҳон ҳамекард ё аз баландҳимматӣ ва номи некӯ ё аз ҷиҳати тақарруб бо Аллоҳ Таоло ё аз ҷиҳати нузҳату хуррамӣ, маро низ ободонии мамлакат ҳамебоёд ва ҳиммати бузург дорам ва ризову хушнудии Худои Таоло ҳамехоҳаму нузҳату хуррамӣ дӯст дорам». Пас дар тамом кардани бино фармон додиму ба чид(д) биистодӣ, то он шаҳру бино тамом гаштӣ. Ва агар ба дасти ӯ тамом нашудӣ, дигаре, ки ба ҷойи ӯ нишастӣ тамом (кардӣ) ва мардумон он подшоҳро мубораку арҷманд доштандӣ. Гуфтандӣ: «Худои Таоло ин бино бар дасти ӯ тамом гардонид». Ва айвони Кисро ба Мадоин, ки Шопури Зулактоф бино афканд ва аз баъди ӯ чанд подшоҳ иморат ҳамекарданд, то бар дасти Нӯшервони Одил тамом шуд. Ва пули Андимишк²⁰ ҳамчунин ва монанди ин бисёр аст. Дигар одати мулуки Аҷам он будааст, ки ҳар касе пеши эшон чизе бурдӣ, ё мутрибе суруде гуфтӣ ё сухане некӯ гуфтӣ дар маонӣ, ки эшонро хуш омадӣ, гуфтандӣ: «Зех!» яъне, «Аҳсант». Чунонки «зех бар забони эшон бирафтӣ, аз хазина ҳазор дирам ба-д-он кас додандӣ²¹. Ва сухани хуш бузург доштандӣ.

Ва дигар одати мулуки Аҷам чунон буд, ки аз сари гуноҳон даргузаштандӣ, илло аз се гуноҳ. Яке он ки рози эшон ошкоро кардӣ; ва дигар он кас, ки Яздонро носазо

гуфти; ва дигар касе, ки фармонро дар вақт пеш нарафтиву хор дошти. Гуфтандӣ: «Ҳар кӣ рози малик нигоҳ надорад, эътимод аз ӯ бархост ва ҳар кӣ Яздонро носазо гуфт кофар гашт ва ҳаркӣ фармони подшоҳро қор набандад, бо подшоҳ баробарӣ қарду муҳолиф шуд». Ин ҳар серо дар вақт сиёсат фармудандӣ²² ва гуфтандӣ; «Ҳар чиз ки подшоҳон доранд аз неъматҳои дунё мардумони дигар доранд. Фарқ миёни подшоҳону дигарон фармонравоист. Чун подшоҳ чунон бошад, ки фармонаш бар қор нагиранд, чи ӯ ва чи дигарон?»²³

Ва дигар он ки дар биёбонҳову манзилҳо рабӯт фармудандиву ҷоҳҳои об қандандиву роҳҳо аз дуздону муфсидон эмин доштандӣ. Ва ҳар касеро расмеву маишате фармудандиву ҳар сол ба-д-ӯ расонидандӣ бе тақозо. Ва агар касе аз уммол чизе бар вилояте ё деҳе берун аз қарори қонун дарафзудӣ, он амал ба-д-ӯ надодандӣ, балки ӯро молиш додандӣ, то қаси дигар он тамаъ нақардӣ, ки зиёдат (аз) мардум биситонад ва мулк ҳароб қардад. Ва ҳаркӣ аз хидматқорон хидмате шоиста ба вочиб бикардӣ, дарҳол ӯро навохт ва инъом фармудандӣ бар қадри хидмати ӯ, то дигарон бар неқхидматӣ ҳарис гаштандӣ. Ва агар аз касе ғуноҳеву тақсире омадӣ ба зудӣ таъдиб нафармудандӣ аз ҷиҳати ҳаққи хидмат, аммо ӯро ба зиндон фиристодандӣ, то чун касе шафоат қардӣ, афв фармудандӣ. Аз ин маънӣ бисёр аст. Агар ҳама ёд қунем дароз қардад. Ин миқдор қифоёт бошад. Акнун ба зикри «Наврӯзнама», ки мақсуд аз ин қитоб аст, бозқардем.

ОМАДАНИ МУБАДИ МУБАДОН ВА НАВРҶЗИ ОВАРДАН

Оини мулуки Ачам аз ғоҳи Қайхусрав то ба рӯзқори Яздичурди шаҳриёр, ки охири мулуки Ачам буд, чунон будааст, ки рӯзи Наврӯз нахуст қас аз мардумони бегона мубади мубадон пеши малик омадӣ бо ҷоми заррини пурмай ва анғуштариву дирамеву диноре хусравонӣ ва як даста ҳавиди²⁴ сабзруста ва шамшере ва тиру қамон ва давоту қалам ва аспеву бозе ва ғуломе хубрӯй; ва ситоиш намудиву ниёиш қардӣ ӯро ба забони порсӣ, ба иборати эшон. Чун муба-

ди мубадон аз офарин бипардохтӣ пас бузургони давлат даромадандӣ ва хидматҳо пеш овардандӣ.

ОФАРИНИ МУБАДИ МУБАДОН БА ИБОРАТИ ЭШОН

Шаҳо, ба ҷашни Фарвардин, ба моҳи Фарвардин озодаи гузин бар дону дини Каён; Сурӯш оварад туро доноиву биной ба кордонӣ; ва дер зӣ бо ҳӯи ҳажиру шод бош бар тахти заррину анӯша хӯр ба ҷоми Ҷамшед; ва расми ниёкон дар ҳиммати баланду неқӯкорӣ ва варзиши доду ростӣ нигоҳ дор; сарат сабз боду ҷавонӣ чу хавид; аспат комқору пирӯз ва теғат равшану корӣ ба душман ва бозат гирову хучаста ба шикор; ва корат рост чун тир; ва ҳам кишваре бигир нав²⁵; бар тахт бо дираму динор, пешат хунариву доно гиromӣ ва дирам хор; ва сароят ободу зиндагонӣ бисёр.

Чун ин бигуфтӣ, ҷашнӣ кардиву²⁶ ҷом ба малик додӣ. Ва хавид дар дасти дигар ниҳодӣ. Ва динору дирам дар пеши тахти ӯ бинҳодӣ, ва ба-д-ин он хостӣ, ки рӯзи наву соли нав ҳарчи бузургон аввали дидор ҷашм бар он афкананд то соли дигар шодмону хуррам бо он чизҳо дар комронӣ бимонанд ва он барояшон муборак гардад, ки хуррамову ободонии ҷаҳон дар ин чизҳост, ки пеши малик овардандӣ.

Акнун ғоидаву сифату хосияти зар оғоз кунему суҳан аз вай ғӯем, ки зар шоҳи ҳама гавҳарҳои ғудозанда асту зинати мулук, ҷунонки ғуфтаанд.

АНДАР ЁД КАРДАНИ ЗАР ВА ОН ЧИ ВОҶИБ БУВАД ДАР БОРАИ Ӯ

Зар иксири Офтоб асту сим иксири Моҳ ва нахуст касе, ки зару сим аз кон берун овард, Ҷамшед буд. Ва чун зару сим аз кон берун овард, фармуд, то зарро чун курси Офтоб гирд карданд, ва бар ҳар ду рӯй сурати Офтоб мӯҳр ниҳоданд, ва ғуфтанд: «Ин подшоҳи мардумон аст андар ин замин ҷунонки Офтоб андар осмон». Ва симро чун курси моҳ карданд ва бар ҳар ду рӯй сурати Моҳ мӯҳр ниҳоданд, ва ғуфтанд: «Ин қадҳудои мардумон аст²⁷ андар замин ҷу-

нонки Моҳ андар осмон». Ва мар зарро, ки худованди кими-
ёст Шамсу нахор-ал-чадд хонданд. Яъне Офтоб рӯз – бахт,
ва мар симро Қамару лайли-л-чадд, яъне Моҳ шаб – бахт ва
марворидро кавкаб (кавокиб), яъне Самоу-л-ғино, яъне си-
тораи осмони тавонгарӣ ва гурӯҳе зиракон мар зарро нору
шитои-л-фақр хондаанд, яъне оташи зимистони дарвешӣ ва
гурӯҳе баҳбуху²⁸ кулуби-л-ачиллати, яъне хуррамиҳои дили
бузургон ва гурӯҳе нарчису равзати-л-мулки, яъне наргиси
бӯстони шохӣ ва гурӯҳе куррату айни-д-дини, яъне
рӯшноии чашми дин. Ва шарафи зар бар гавҳарҳои гудозан-
да чунон ниҳодаанд, ки шарафи одамі бар дигар ҳайвонот.
Ва аз хосиятҳои зар яке он аст, ки дидори вай чашмро рав-
шан кунаду дилро шодмон гардонад. Ва дигар он ки мардро
диловар кунаду донишро қувват диҳад. Ва седигар он ки
некӯии сурат афзун кунад ва ҷавонӣ тоза дорад, ва ба пирӣ
дер расонад. Ва ҷаҳорум айшро биафзояду ба чашми мар-
дум азиз бошад. Ва аз бузургии, ки зарро доштаанд, мулуки
Аҷам ду чизи заррин касеро надоданд; яке ҷому дигар ри-
коб. Ва дар ҳавос чунон овардаанд, ки кӯдаки хурдро чун ба
дорудони²⁹ зараши шир диҳанд, орошасухан ояд ва бар дили
мардум ширин ояду ба тан мардона ва эмин бувад аз бемо-
рии саръ, ва дар ҳоб натарсад. Ва чун ба мили заррин чашм
сурма кунанд, аз шабқӯриву обдавидани чашм эмин бувад
ва дар қуввати басар зиёдат кунад. Ва ҳалохили заррин чун
бар пойи боз банданд, бар шикор далертару хуррамтар ра-
вад. Ва ҳар ҷароҳате, ки ба зар афтад, зуд беҳ шавад, вале-
кин сар ба ҳам наёрад ва аз баҳри ин қанони бузургон дух-
тарону писарони ҳешро гӯш ба сӯзани заррин сӯроҳ кунанд,
то он сӯроҳ ҳаргиз сар ба ҳам наёрад. Ва ба кӯзаи заррин об
хӯрдан аз истиско эмин буваду дилро шодмона дорад ва аз
ин сабаб атиббо ба муфарраҳ андар зару симу марворид аф-
кананд ва уду мушку абрешим ба ҳукми он ки ҳар заъфе, ки
дилро афтад аз ғам ё андеша, онро ба гавҳару зару сим та-
вон бурд ва он чи аз ҷиҳати инқибоз афтад ба мушку уду
абрешим ба салоҳ тавон овард ва он чи аз ғалабаи хун афтад
ба қаҳрабову над(д)³⁰ ва он чи аз ситабрии хун афтад ба
марвориду абрешим.

АНДАР АЛОМАТИ ДАФИНАҲО

Ҳар заmine ки дар ӯ ганче ё дафинае бошад, он ҷо барф пой нагираду бигудозад. Ва аз аломатҳои дафина яке он аст, ки чун заmine хароб бошад, бе киштманд ва андар он сипарғае руста бувад, бидонанд ки он ҷо дафина бувад, ва чун шохи кунҷид бубинанд ё шохи бодинҷон ба домани кӯҳ, ки аз ободонӣ дур бувад, бидонанд ки он ҷо дафина аст, ва чун заmine шӯрнок бошаду бар он ба қадри як пӯсти гов хуфтан хоки хуш бошад, ё гиле, ки мӯҳрро шояд, бидонанд ки он ҷо дафина аст, ва чун анбӯхе каргасон бубинанд ва он ҷо мурдор набошад, бидонанд ки он ҷо дафина аст, ва чун бороне ояду бар поре замин об гирд ояд, бе он ки мағоке бошад, бидонанд ки он ҷо дафина аст. Ва чун ба зимистон ҷойгоҳе бубинанд, ки барф пой нагираду зуд мегудозад ва дигар ҷойҳо бар ҳоли хеш бошад, бидонанд ки он ҷо дафина аст. Ва чун санге бубинанд лаъру чунонки равшан бар ӯ рехтаанд ва борону об, ки бар вай ояд, ба вай андар наёвезаду тарӣ напазирад, бидонанд ки он ҷо дафина аст ва чун тазарвро бубинанду дурочро, ки ҳарду ба як ҷо фурӯ меоянду нишоту бозӣ мекунанд ё магаси ангубин бубинанд бе вақти хеш, ки мавзеъе гирд оянд ё дарахте бубинанд, ки аз ҷумлаи шохҳои ӯ як шох берун омад ҷудогона рӯй сӯи ҷое ниҳода ва аз ҳама шохҳо афзун бошад, бидонанд ки он ҷо дафина аст. Ин ҳама зиракон ба ҷора нишон кардаанд то ба вақти ҳоҷат бар сари ин дафина тавонанд омад³¹ ва ҳар кӣ зарро бе он ки дар хунбара³² ё чизе мисин ё обгина ниҳад, ҳамчунон дар зери замин дафн кунад, чун баъд аз соли бар сари он равад, зарро бознаёбад, пиндорад, ки касе бурдааст. Надуздида бошанд, лекин ба зери замин рафта бошад, аз баҳри он ки зар гирон бошад, ҳар рӯз фурӯтар ҳамеравад, то ба об расад. Ва андар қуввати зар ҳикоятҳо андаке ёд кунем.

Ҳикоят: Рӯзе Нӯшинравон ба боғи сарой андар ҳаҷҷомро бихонд, то мӯй бардорад. Чун ҳаҷҷом даст бар сари вай ниҳод, гуфт: «Эй худойгон, духтари хеш ба занӣ ба ман деҳ то ман дили ту аз ҷиҳати кайсар фориг гардонам». Нӯшинравон бо худ гуфт: «Ин мардак чӣ мегӯяд?!» Аз он суҳан гуфтани вай аҷаб дошт, валекин аз бими он устура, ки

ҳаҷҷом ба даст дошт, ҳеҷ наёрист гуфтан. Ҷавоб дод: «Чунин кунам то мӯй нахуст бардорӣ». Чун мӯй бардошту бирафт, Бузургмехрро бихонду ҳол бо вай бигуфт. Бузургмехр бифармуд, то ҳаҷҷомро биёварданд. Вайро гуфт: «Ту ба вақти мӯй бардоштан бо ҳудойгон чӣ гуфти?» Гуфт: «Ҳеҷ нагуфтам». Фармуд то он мавзеъро, ки ҳаҷҷом пой бар вай дошт биканданд. Чандон мол ёфтанд, ки онро андоза набуд. Гуфт: «Эй ҳудойгон, он суҳан ки ҳаҷҷом гуфт на вай гуфт, чи ин мол гуфт. Бар он чи даст бар сари ҳудойгон дошту пой бар сари ин ганҷ. Ва ба тозӣ ин масалро гӯянд: «Ман яра-л-канза тахта қадамайҳи, ясълу-л-ҳочата фавқа кадриҳи» [Ҳаркӣ дар зерӣ пойҳояш ганҷ бошад, зиёда аз қудрати ҳудаш ниёз талаб мекунад]».

Ҳикоят: Ба Панохусрав³³ бардоштанд ин хабар, ки марде ба Омул (замине) харид вайрон ва биринчистон кард. Акнун аз он замин биринч меҳезад, ки ҳеҷ ҷой ҷунон набошад ва ҳар сол ҳазор динор аз он бармеҳезад. Панохусрав он заминро бихарид ба чандон ки баҳо карду бифармуд то он заминро биканданд. Чихил ҳум динори хусравонӣ биёфт андар он замин гуфт: «Қуввати ин ганҷ буд, ки ин биринчистон бар ин гуна медорад».

Ҳикоят: Аз дӯсте шунидам, ки маро бар қавли ӯ эътимод будӣ, ки ба Бухоро зане буд девона, ки занон вайро талаб кардандӣ ва бо ӯ мазоҳу бозӣ карданд, ва аз сухани ӯ хандидандӣ. Рӯзе дар хонае ҷомаҳои дебош пӯшониданд ва пирояҳои зару ҷавҳар бар ӯ бастанд, ва гуфтанд: «Мо туро ба шавҳар хоҳем дод». Он зан чун дар он зару ҷавҳар нигарид ва тани ҳешро ораста дид, оғози сухани оқилона кард, ҷунонки мардумро гумон афтод, ки вай бехтар гашт аз девонагӣ. Ҷудо карданд, ба ҳамон ҳоли девонагӣ боз шуд.

Ва гӯянд, ки бузургон чун бо зане ё канизе наздикӣ хостандӣ кардан камари заррин бар миён бастандӣ ва занро фармудандӣ то пироя бар ҳештан кардӣ. Гуфтандӣ, чун ҷунин кунӣ фарзанди диловар ояду тамомсурату некурӯю хирадманд ва ширин бувад дар дили мардумон. Ва чун писаре зодӣ дурусте зару сим бар гахвораи ӯ бичунбидӣ, гуфтандӣ, ки Ҳудои мардумон ин ҳардуанд.

ЁД КАРДАНИ АНГУШТАРӢ ВА ОН ЧИ ВОЧИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ӯ

Ангуштарӣ зинатест сахт некӯву боистаи ангушт. Ва бузургон гуфтаанд, на аз мурувват бошад ки бузургон ангуштарӣ надоранд. Ва нахустин касе, ки ангуштарӣ карду ба ангушт дар овард Чамшед буд. Ва чунин гуфтаанд, ки ангушти бузургон бе ангуштарӣ чун нурест бе алам. Ва ангуштарӣ мар ангуштро чун алам аст (камар аст) мар миёро ва миён бо камар некӯтар ояд. Ва ангуштарӣ дар ангушти бузургон хабарро бувад бар мурувват тамом ва роӣи қавиву азимати дуруст, чи ҳар киро муруввати тамом бувад, хештанро аз мӯҳр бебаҳра надорад ва чун ба роӣ қавӣ бувад бе азимат набувад, бемӯҳр набувад чи номаи бузургон бе мӯҳр аз заифии роӣу сустазмӣ бувад. Ва хизонаи бемӯҳр аз хоркориву ғофилӣ бувад. Ва аз чихати он ки Сулаймон алайҳиссалом ангуштарӣ зоеъ кард, мулк аз вай бирафт. Шараф он мӯҳрро бувад, ки бар вай буд, на ангуштариро. Ва Пайғамбар салаллоҳи алайҳи вассалам ангуштарӣ ба ангушт андар овард ва номаҳо, ки фиристодӣ ба ҳар ноҳияте ба мӯҳр фиристодӣ. Сабаб он буд, ки номаи ӯ бе мӯҳр ба Парвиз расид, Парвиз аз он дар хашм шуд. Номаро бархонду бидариду гуфт: «Номаи бемӯҳр чун сари бекулоҳ буваду сари бекулоҳ анҷуманро нашоёд». Ва чун нома мӯҳр надорад, ҳар кӣ хоҳад, бархонад ва чун мӯҳр дорад, он кас хонад, ки ба-д-ӯ фиристода бошанд. Ва хирадмандон гуфтаанд, ки теғу қалам ҳарду ходимони ангуштарии маликанд, ки милк эшон бигиранду рост кунанд. Дар зери ҳукми ангуштарӣ милк андар ояд, ки то вай нахоҳад эшон ба вай нарасанд. Ва ҳар зинате, ки мардумро бувад шояд ки ба вакте бошаду ба вакте набошад магар зинати ангуштарӣ. Ва ба ҳеч вақт набояд, ки бе вай бувад, чи вай зинати ангушт аст, ки ба вай яке гиранд, ки раҳнамуне бувад бар ягонагии Эзиди чалла чалолуҳу. Ва ин зинат мар ӯро чун кароматест аз хосияти ин ҳол ва ин ҳамчунон аст чун муборизе, ки ҳунаре бинамояду ба-д-он сабаб ба бузурге наздик гардад, ки вайро каромате кунад, к-аз ёрони дигар ба-д-он каромат чудо гардаду тавки заррин дар гардани вай кунад ё камари

заррин диҳад, то бар миён бандад, чи хунараке намуда бошад. Ва анвои ангуштарӣ бисёр аст, валекин мулукро ба ҷуз ду нигина раво набувад доштан: яке ёқут, ки аз гавҳарҳо қисмати офтоб аст ва шоҳи гавҳарҳои ногудозанда аст ва хунари вай он ки шуоъ дораду оташ бар вай кор накунад, ва ҳама сангҳо бибурад, магар алмосро. Ва низ хосияташ он ки ӯ мазаррати ташнагӣ боздорад. Ва дар хабар чунон омадааст, ки Пайғамбар алайҳиссалом он вақт ки ба Мадина буду ҳарби Хандақ хост кардан, дар Мадина вабо афтода буд. Мустафо алайҳиссалом ёқуте бо ҳештан дошт ба кимат афзун аз ду ҳазор динору дигар аз пирӯза. Аз баҳри номашро³⁴ ва аз баҳри азизиву ширинии дидораш ва хосияташ он ки чашмзадагӣ боздораду мазаррати тарсидан дар хоб. Ва мар ангуштариро ба аломати фолу таъбири рӯё аломатхост ва дар он суханҳо гуфтаанд андар мулукро ба вилояту мулк гузориш кунанд ва дигар мардумонро бар амалу саноату гурӯҳеро бар қаромати бузургону гурӯҳеро бар офият он ҷӣ ба вай дар бошанд.

Ҳикоят: Гӯянд, Искандари Румӣ пеш аз он ки гирди ҷаҳон бигашт, хобҳои гуногун медид, ки ҳама роҳ ба-д-он мебуд, ки ин ҷаҳон ӯро шавад ва аз он хобҳо яке он буд, ки ҷумла ҷаҳон яке ангуштарӣ шуд³⁵ ва ба ангушти вай андар омадӣ, валекин ӯро нигин набудӣ. Чун аз Арастулис [Арасту] бипурсид, гуфт: «Ин ҷаҳон ҳама мулки ту гардад ва туро бас аз он бархурдорӣ набувад, чи ангуштарӣ вилоятест ва нигин султони вай».

Ҳикоят: Гӯянд, Яздичурди шаҳриёр рӯзе нишаста буд бар дӯкони боғи сарой ва ангуштари пирӯза дар ангушт дошт. Тире биёмаду бар нигинаи ангуштарӣ заду хурд бишикасту аз вай бигузашту бар замин дарнишаст ва кас надонист, ки он тир аз кучо омад. Ҳарчанд таҷассус карданд, падид наёмад. Вай аз он ғамноку баандеша шуд, ки ин ҷӣ шояд буд. Чун аз доноёну надимони хеш бипурсид, кас он таъвил намедонист ва он ки лаҳте донист, наёрифт гуфт. Пас аз он бас рӯзгор наёмад, ки бимурд ва милк аз хонадони ӯ бирафт.

Ҳикоят: Гӯянд, Муҳаммадамин ба-д-он рӯзгор, ки амирулмӯъминин буд ба боғ андар лаби ҳавз нишаста буду

ангуштарӣ аз ёкут дар ангушт мегардонид ва ба-д-ин байт масал мезад:

Нуфаллику ҳомман мин ричолин аъиззатин

Ғалайно ва ҳум кону аъаққа ва азламо.

[Мо дар шигифт мемонем аз мардоне, ки азизанд бар мо; ва ҳол он ки онҳо саркаштару золимтар (буд)-анд].

Ва ба-д-ин маънӣ Маъмунро меҳост, ки ўро хилоф карда буд.

Дар он миён аз канизакеш ҳашм омад. Он ангуштарӣ ба ҳашм бар вай зад. Нигинаш бичасту ангуштариву нигин ҳарду дар ҳавз афтоданд. Ҳарчанд касон фуру рафтанду талаб карданд ва ҳавз аз об тихӣ карданд, нигина бознаёфтанд. Ба ҷойи нигин яке санги сафед андар вай нишаста буд. Бас рӯзгор бар вай барнаёмад, ки Тоҳири Аъвар бо ӯ ҳарб кард ва ҳам дар он сарой мар ўро бикушт.

Ин қадар дар маънии ангуштарӣ гуфта омад.

ЁД КАРДАНИ ХАВИД ВА ОН ЧИ ВОҶИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ё

Чави рустаро мулуки Аҷам ба фол сахт бузург доштандӣ ба ҳукми он ки дар вай маномеъ бисёр аст ва аз ҳубуб, ки пайваста ғизоро шояд, вай зудтар расаду ба-д-ӯ масал зананд, ки чиҳил рӯз аз анбор ба анбор расад. Ҳар кучо биандозӣ барояду зудтар аз ҳама донҳо болад. Ва чав аст, ки ҳам дорурову ҳам ғизоро шояд. Ва ҳукамову зуҳҳод ғизои хеш чав ихтиёр кардаанду чунин гуфтаанд, ки аз хӯрдани вай хуни касифу фосид нахезад, ки ба истифроғ ҳоҷат афтад. Ва низ аз бемории дамавӣ ва сафрой бештар эмин бувад. Ва атиббои Ироқ вайро моъи муборак хонанд ва вай он чиз аст, ки бисту чаҳор гуна бемории маъруфро суд дорад: аз он суҳа³⁶ ва зоту-л-чанб [варами шуш] ва ҳуммо мутбикатун [таби ҳамешагӣ] ва ҳуммо муҳрикатун [таби сӯзон], сурфа, сарсом, диқ, сил, ва сичигар(?), йубусати меъда, атши козиб[ташнагии дурӯғин], талои хоя³⁷, талои сина, талои сар, талои пахлу, талои чигар, талои меъда, талои шикастагӣ, талои халъ, талои сӯхтагӣ, талои никрис, кирмо ва равгани чав кубои сафроро бибарад. Равгани ган-

дум кубои савдоро бибарад. Сабӯси чав дар дег кунанду нек бичӯшонанд, касеро, ки пайҳои пой сушт шаваду барнатавонанд хост ва ё пайвандҳои пою зону бигирад ва пойро дар миёни оби чав биниҳанд, то ба салоҳ бозояд. Ва сабӯси гандум ҳамин маънӣ кунад, мучарриб аст. Ва ба Бағдод чавро бичӯшонанду оби ӯ биполоянд ба равғани кунҷид дигарбора бичӯшонанд то об бираваду равған бимонад; ва он равғанро ба омоси сафрӯй андармоланд. Занон аз баҳри дарду омоси раҳм пунба ба-д-он тар кунанду баргиранд, азим суд кунад. Ва чунин гӯянд чун шаби хусуфи моҳ чав тавон кошт, чав бикоранду нони вай девонагонро диҳанд, суд дорад. Ва чун моҳ ба зиёдат бошаду ба Зӯхра нигарон, ба-д-он вақт чав коранд, ҳар асби лоғар, ки аз он чав бихӯрад, фарбех шавад. Некиву бадии сол андар чав падид ояд, ки чун чав рост барояду ҳамвор, далел кунад, ки он сол фарохсол бувад ва чун печидаву ноҳамвор барояд, тангсол бувад. Ва хабар аст аз Расул алайҳиссалом, ки гуфт: «Ниъмо-р-руғфону руғфону-ш-шаъири; фа ман қанаъа биҳо ва шабиъа минҳо, фа иннаҳо хубзӣ ва хубзу ғайрӣ мина-л-анбиёи – Неко гардҳо, ки гардҳои чав бувад ва он касро, ки ба вай хурсанд бошад сер гардад, ки вай нони ман асту нони пайгамбарони дигар».

Гандапирон ба чав муначчимӣ кунанду фол гиранду аз неку бад хабар гӯянд. Ва худовандони фусун ожахро ба вай афсун кунанд ба моҳи Кос (Конун), бипӯшонандаш, то оҷах фуру резад³⁸. Гурӯҳе занон ба моҳи Фарвардин армоли(?) чавро баркананд ва ба номи духтарон бикоранд, то он об(?) бар сар ниҳанд, мӯ дароз шавад.

Ҳикоят. Шунидам, ки рӯзе Ҳурмуз – падари Хусрав ба яке аз хавидзори чав бигузашт. Хавидро об дода буданду об аз киштзор берун меомаду роҳ мегирифт. Моҳи Фарвардин буд. Фармуд аз он об, ки аз чав берун меомад як кӯза пур кунанд, то бихӯрад. Гуфт: «Чав донae муборак асту хавидаш хавиде хучаста. Об ки бар вай гузарад ва аз вай берун ояд, мондагиро кам кунаду хастагии меъда бардорад, эмин бувад то соли дигар, ки чав расад, аз ранчи ташнагиву беморӣ».

Ҳикоят. Рӯзе ба Шамсулмулук Қобуси Вушмгир бардоштанд, марде ба даргоҳ омадааст ва аспе бараҳна оварда

ва мегӯяд, ки ба кишти хеш андар бигрифтаам. Пурсид, ки чав буд ё гандум? Гуфт; «Чав». Бифармуд худованди аспро биёваранду чандон ки қимати чав бувад ба вақти расидагӣ тоvon биситид ва ба худованди замин доду гуфт: «Худованди заминро бигӯед ки деҳконон чун хоҳанд, ки чав некӯ ояд, ба-д-ин вақт ба аспон диҳанд. Мо ин тоvon мар адабро биситидем то худовандони асп аспро ниғаҳ доранд то ба кишти касон андар наёяд, ки чав тӯшаи пайғамбарон асту тӯшаи порсомардумон, ки дин ба-д-эшон дуруст шаваду тӯшаи ҷаҳорпоёну сутурон, ки мулк бар эшон ба пой бувад».

Ҳикоят. Чунин гӯянд, ки Одам алайҳиссалом гандум бихӯрду аз биҳишт бадар афтод. Эзиди Таоло гандум гизои ӯ кард. Ҳарчанд аз вай меҳӯрд, серӣ наёфт. Ба Эзиди Таоло бинолид. Чав бифиристонд, то аз он нон карду бихӯрду ба серӣ расид. Он гаҳ вайро ба фол доштӣ, ки ӯро дидӣ сабзу тоза. Ва аз он гаҳ боз он дар миёни мулуки Аҷам бимонд, ки ҳар сол чав ба Наврӯз бихостандӣ аз баҳри манфиату муборақӣ, ки дар ӯст.

ЁД КАРДАНИ ШАМШЕР ВА ОН ЧИ ВОҶИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ӯ

Шамшер посбони мулк асту ниғаҳбони миллат. То вай набувад ҳеч мулк рост наистад, чи ҳадҳои сиёсат ба вай тавон ниғаҳ дошт. Нахустин гавҳаре, ки аз кон берун оварданд, оҳан буд, зеро ки боистатарин олате мар халқро ӯ бувад. Нахуст кас ки аз вай силоҳ сохт, Ҷамшед буд. Ҳама силоҳ бо ҳашмат асту боиста, валекин ҳеч аз шамшер боҳашаматтару боистатар нест, ки вай монандаи оташ аст бо шуоъ зуҳаддайн (зучасадайн)³⁹. Зиракон гуфтаанд, ки ҷаҳон бе оҳан чу марде ҷавон аст бе закар, ки аз ӯ ҳеч таносул наояд. Чун аз рӯи хирад бингаранд, масолеҳи ҷаҳон ҳама зери биму умед асту биму умед ба шамшер бозбаста аст, чи яке ба оҳан бикӯшад, то умедаш бар ояд ва яке аз оҳан бигурезад, то бимаш ниғаҳбони ӯ шавад. Ва тоҷ бар сари мулк, ки меистад, ба оҳан меистаду ганҷашон, ки пур мешавад, ба оҳан мешавад. Эзиди Таоло манфиати ҳама гавҳарҳо ба ороиши мардум бозбаст магар манфиати оҳан,

ки чамеи саноеъро ба кор асту чаҳон ороставу ободон ба-д-ӯст. Аз мартабати шамшер беҳтарин он аст, ки Пайғамбар алайҳиссаломро олати фатҳ шамшер доданд, чунонки фармуд: «Буъисту би-с-сайфи» [Маро бо шамшер ба пайғомбарӣ фиристоданд]. Ва мар ӯро ба Таврот Рабул-малҳама[худованди корзору қаҳрамонӣ] соҳибу-с-сайфи – соҳиби сайф [соҳиби шамшер] хондаанд. Ва ин олат, ки мартабат мегирад, ба-д-он аст, ки вай олати шуҷоат аст, ки бузургтарин фазилате бувад андар мардуму андар ҳайвони дигар⁴⁰. Ва ҳадди ин шуҷоат, ки ниҳодаанд: «Ҳия қувватун ғазабийятун, тастаълӣ биҳо-н-нафсуъало ман юъодиҳо», маъниаш чунон аст, ки вай нерӯест хашмӣ, ки нафс ба-д-ӯй бартарӣ чӯяд бар он ки бо вай душманӣ созад. Ва чунин гуфтаанд, ки фазилати шуҷоат табиӣ бувад на иктисобӣ, валекин ба иктисоб ороиш пазирад ва мар шуҷоатро хона чигар⁴¹ ниҳодаанд, ки хонаи хун асту аз ин сабаб марди шуҷоъ бар хун рехтан далертар бувад, чи шуҷоат ба хун нерӯ гирад чун чароғ ба равшан. Ва чунин гуфтаанд, ки фоъили шуҷоат қуввати ҳайвонии дил асту мунфаили вай қуввати табиӣ чигар, ки аз ин ҳар ду чун ҳоҷат ояд, фазилати шуҷоат падида ояд чун оташе, к-аз миёни сангу пӯлод бичаҳад, сӯхта бояд то ба вай андаровезад. Ва чунон ниҳодаанд, ки чун чирми дил қавӣ буваду чирми чигар заиф, худовандашро аввали ҷанг ба далериву ҳарисӣ буваду охир ба қоҳиливу сустӣ. Ва чун чирми дил заиф буваду чирми чигар қавӣ, худовандашро ба аввали ҷанг ба қоҳиливу сустӣ буваду ба охир ба тезиву ҳарисӣ бувад. Ва мисоли боистагӣ (шуҷоати боистагӣ) қуввати ҳозим ниҳодаанд андар меъдаву чигар ва гуфтаанд ҳамчунонки заифӣ қуввати айш бар мардум нохушу бемаза дорад (заифии нерӯи шуҷоат низ айш бар мардум нохушу бемаза дорад), чи пайваста тарсон буваду аз ҳар чизе гурезон. Ва мар шуҷоатро бар ин мисол сурат кардаанд чу нахчире боқувват сари ӯ чу сари шере, ки оҳан меҳояд. Пойи вай чун пойи пиле, ки санг меқӯбаду думи вай чун сари аждаҳое, ки оташ медамад. Ва гуфтаанд марди шуҷоъ чандон бояд, ки ба аввали ҷанг чун шер бошад ба далериву рӯй ниҳодан ва ба миёнаи ҷанг чун пил бошад ба сабр кардану неру овардану

ба ҳайбат будан ва ба охири ҷанг ҷун аждаҳо бошад ба ҳашм гирифтани ранҷ бардоштани гарм гаштан. Акнун анвои ин шуҷоат, ки ёд карда шуд, олати ӯ шамшер аст ва он ҷаҳордаҳ гуна аст: яке ямонӣ, дувум ҳиндӣ, савум қалъагӣ, ҷаҳорум сулаймонӣ, панҷум насибӣ, шашум миррихӣ, ҳафтум салмонӣ, ҳаштум муваллад, нӯҳум баҳрӣ, даҳум димишқӣ, ёздаҳум мисрӣ, дувоздаҳум ҳанифӣ, сездҳум нармоҳан, ҷаҳордаҳум қарочурӣ. Ва боз ин навъ ба дигар анвоъ бигардад, ки гар ҳама ёд кунем, дароз гардад. Аз ямонӣ як навъ он бувад, ки гавҳари вай ҳамвор бувад ба як андозаву сабз буваду матни [пушт, дарун] ӯ ба сурхӣ занаву наздики дунбол нишонҳои сапед дорад аз паси якдигар монанди сим. Онро қулоғӣ хонанд ва дигар навъ машаттаб ва ин машаттаб ҷаҳор гуна бувад бо ҷаҳор ҷӯ. Яке он ки нишони ҷӯйҳои жарф набувад ва гавҳаре монанди пойҳои мӯрча бувад забоназанон. Ва дигар он ки нишонҳои ҷӯйҳои жарф бошад ва гавҳари ӯ гирд намоёд ҷун марворид. Онро лӯълӯъ хонанд. Ва седигар ҷунонки ҷӯйи ҷаҳорсӯй буваду гавҳар он замон намоёд, ки каж дорӣ. Ва ҷаҳорум он ки сода бошад андакмоя асари ҷӯ дораду дарозии ӯ се ба дасту ҷаҳор ангушт бувад ва ҷаҳор ангушт паҳно дораду гавҳари вай ба сиёҳӣ занаву. Онро бўстонӣ хонанд. Ва дигар бувад сода се ба дасту ним дарозии ӯву ҷаҳор ангушт паҳно ва вазни ӯ даҳ ману ним ё се ман кам даҳ сатир⁴² ва яке гавҳар аст, ки Аристотелис сохтааст мар теғхоро аз баҳри Искандар. Он низ ёд кунем, чи сухани бадеъ аст, Аристотелис ҷунин фармудааст, ки як ҷузв магнисиё бибояд гирифт бо як ҷузв буссаду як ҷузв зангор, он гаҳ ҳар серо хурд бисояду бо якдигар биомезад. Он гаҳ як ман оҳани нарм биовараду пайваста андар кунад ва аз ин дору дувоздах ӯқийа барафканаду ба оташ барад то бигудозаду ба бўта андар бигардад. Пас ҷузве ҳармалу ҷузве мозу ва ҷузве балуту ҷузве садафу ҳамчандон ҳама зарорих гираду хурд бисояду бар ҳам омезаду ду ӯқийа бар мани оҳан афканаду бидамад то ҳама яке шаваду оҳан ин дорухоро бихӯрад. Он гаҳ сард бояд кардану аз вай теғҳо задан. Теғҳои покиза бошад. Ва ба силоҳхонаи Баҳром андар ҷунин гуфтааст, ки ҷун теғ аз ниём баркашанду аз вай нола ояд аломати хун рехтан бувад ва ҷун теғ худ аз ниём

барояд, аломати чанг ва чун теги бараҳна пеши кӯдаки хафтрӯза биниханд, ин кӯдак диловар барояд.

ЁД КАРДАНИ ТИРУ КАМОН ВА ОН ЧИ ВОЦИБ БУВАД ДАР БОРАИ ЭШОН

Тиру камон силоҳе боиста аст ва мар онро кор бастан адабе неқӯст. Ва Пайғамбар алайҳиссалом фармудааст: «Баллиму сибёнакуму-р-римоята ва-с-сибоҳата — — Биомӯзед фарзандонро тирандозиву шино». Ва нахуст кас ки тиру камон сохт, Каюмарт буду камони вай ба-д-он рӯзгор чӯбин буд бе устухон, якпора чун дарунаи⁴³ ҳаллоҷону тири вай килкин бо се пару пайкони устухон. Пас чун Ораши Ваҳодон⁴⁴ биёмад ба рӯзгори Манучеҳр камонро ба панҷ пора кард-ҳам аз чӯбу ҳам аз наю бисрешим (сирешим) ба ҳам устувор карду пайкони оҳан кард. Пас тирандозӣ ба Баҳроми Гӯр расид. Баҳром камонро бо устухон рост карду бар тир чаҳор парниҳоду камонро тӯз пӯшид. Мар сурати камонро аз сурати бахшҳои фалак бардоштаанд, ҳар чӣ худовандони алам бахшҳои доираи фалакро қисий хондаанд, яъне камонҳову ин хатҳо, ки аз каронаи ҳар бахше то дигар карона хезад, ба ростӣ онро автор хонанд, яъне зеҳно. Ин хатҳо, ки аз миёни доираи фалак бар ояду бар миёнаи ин бахш бигзарад, бар паҳнои вай онро саҳом хондаанд, яъне тирҳо. Ва чунин гуфтаанд, ки ҳар неку баде, ки аз таъсири кавокиби сайёра бар замин ояд, ба тақдиру иродати БорТаоло ва ба шахсе пайвандад ба-д-ин автору қисий гузарад, чунон чун падидаст аңдар дасти тирандоз, ки ҳар офате ба шикори вай расад, аз тири вай расад, ки ба зеҳну камони вай гузараду пайкари вай. Камон ба сурати мардум нигоштааст аз рағу пай ва устухону пӯсту гӯшту зеҳи вай чун қони вай (бувад), ки ба вай зинда бувад, чи камон то ба зеҳ аст, зинда аст бо қон, ки аз ҳунарманд биёбад. Ва чун ба ҳақиқат нигоҳ кунӣ камон синаву дасти мардум аст: яке даст бозкашаду пушти даст боз ҳамонад, сина чун қабзагоҳу бозуву соид ду ҳонаву ду даст дар гӯша. Ва вазни камони баландтарин шашсад ман ниҳодаанду мар онро кушканҷир хондаанду он мар қалъахоро бувад ва фурутарин як ман бувад ва мар онро

бахри кӯдакони хурд созанд. Ва ҳар чӣ аз чаҳорсад ман то дувисту панҷоҳ ман чарх бувад, ва ҳар чӣ аз дувисту панҷоҳ ман фуруд ояд то ба сад ман ними чарх бувад ва ҳар чӣ аз сад ман фуруд ояд то ба шаст ман аз камони баланд бувад ва аммо миқдори кувваи ҳар камон, ки бошад аз бартар то фурутар, ҳама бар як дараҷаи фалак ниҳодаанд, ҳар дараҷае шаст дақиқа ва оғоз орад аз ду гурӯҳ чунонки дар гӯшаи камон аст то фасонгоҳи зеҳ ва боз ба тазъиф баррафтанд то ба шонздаҳ хонае ба се бахш ва ҳар қабзaro чун марказ ниҳодаанд, ки аз ҷой начунбаду гӯшаҳову хонаҳо ба вай ба пой бувад, акнун ба-д-ин бахше, ки фуруд аз гӯша бувад, куввати дучандон бувад, ки ба гӯша ва баду нек (?) фуруд аз вай буваду адади вай чаҳордаҳ асту шонздаҳу сӣ ва нек (?) нимаву сии дигар ними ҷумла ҳазору шаст бувад ва ду хонаи камон ба шаш (бахш) кард аз баҳри он ки сурати камон нимдоира асту нимаи доираи фалак ба шаш бурҷ қисмат пазираду ҳамчунон ки анвои камон ҳар чӣ мар ӯро ном чарх аст, се аст, баланд асту пасту миёна. Ҳамчунин анвои тири вай се аст – дарозу кӯтоҳу миёна – дароз понздаҳ қабза, миёна даҳ қабза, кӯтоҳ ҳашт қабза ва ним. Ва ҳар камонero тири вай чандону чанд бояд, агар ҳама гуфта шавад, дароз гардад ва ғараз ин ҷо на дароз кардани сухан аст, чи бар нияти ҳунари тиру камон падида кардан аст, ки мулуки Аҷам он чизҳоро ба Наврӯз ҷаро хостаанд ва аз тариқи илми нучум гуфтаанд. Худовандони камон он чӣ тирандоз буду бештар силоҳашон тирандозӣ бувад, ҳаргиз тангрӯзӣ набошанд, ва ҳар сипоҳе, ки ғалабаи эшон дар силоҳи тир буваду тирандоз бошанд, ғолиб оянд ва ҳуччат он ки гуфтаанд, қисмати ин силоҳ бар бурчи Қавс аст ба таъъ оташиву хонаи Муштариӣ саъди бузургу мусалласа бурчи Ҳамалу Асад яке хонаи Офтобу шарафаш ба он ки хонаи Миррих аст. Ва аз рӯи тиб андар донишани тиру камон чанд манфиат зоҳир аст: риёзат тавон кард ба вай, аъсобу аъзоро қавӣ кунаду мафосилро нарм кунаду фармонбардор гардонаду ҳифзро тез гардонаду дилро кувват диҳаду аз бемории сактаву фолич[фалаҷ]у раъша[ларза] эмин дорад.

Ҳикоят. Соми Наримон(ро) пурсиданд, ки эй пирӯзгари солор, ороишгари разм чист? Ҷавоб дод, ки нури ҳамди (?)

шоҳу дониши сипаҳбади бо рой ва муборизи ҳунари, ки зиреҳ дораду бо камон чанг чӯяд.

Ҳикоят. Гӯянд, Баҳроми Гӯр рӯзе пеши Нӯъмони Мундаз истода буд, ки парвардагори ӯ буд. Ба як камон ду тир андохту ду мурғро ба-д-он ду тир аз ҳаво фуруд овард. Нӯъмон гуфт:

– Эй писар, то ҷаҳон будааст на чун ту тирандоз буд ва то ҷаҳон бошад, хоҳад бувад.

Ҳикоят. Гӯянд, рӯзе ҳакиме писари хешро панд медод. Гуфт:

– Эй писар, асп дӯст дору камон азиз дору беҳисор мабошу ҳисор бе матарс (хӯса) мадор.

Гуфт:

– Эй падар, аспу камон донистам, ҳисору матарас аз кучо?

Гуфт:

– Ҳисор мубориз асту матарс зиреҳ, яъне бе зиреҳ мабош то тавонӣ.

Ҳикоят. Сайф Зуязан гӯяд, ки он вақт ки сипаҳсолори эрониро⁴⁵ бифиристонд Анӯшинравон ва ӯ Абраҳаи Саббохро ба тир заду аз шутур фуруд андохт, гуфт: «Таъолу ихвонӣ, муъваҷҷин мустақимин, юрсилу-р-риҳа ва маййитин тоирин яъхузу-р-рӯҳа ва хумо-л-кавсу ва-с-сахму. Фа ъалайкум би адабиҳимо; фа иннаҳумо ҳукамоу-л-аслиҳати, юҳорибони мина-л-қурби ва юқотилони би-л-буъди – Эй бародарон, биёед сӯи кажжӣ рост, ки бод ронад ва мурдае, ки аз зинда ҷон ситонад ва он ҳар ду тиру камонанд. Адаби эшон нигоҳ доред, ки эшон ҳакими силоҳхоанд, ба наздик чанг кунанду аз дур душман кушанд».

Ҳикоят. Гӯянд, рӯзе Нӯшинравон аз Бобаки Ораз пурсид: «Аз силоҳдорон кадом номбардортаранд?» Гуфт: «Худовандони камону тир». Нӯшинравон аз вай шигифт монд. Хост, ки ин маънӣ ба шарҳ бозгӯяд. Гуфт: «Чӣ гуна бояд, ки бошанд ин мардумон?». Гуфт: «Чунонки ҳама таншон дил бошаду ҳама дилшон бозу ва ҳама бозушон камону ҳама камоншон тиру ҳама тиршон дили душман». Гуфт: «Чӣ гуна бояд, донист ин маъниро?» Гуфт: «Чунонки дил кавӣ доранду сахт чун бозу ва зех ҳамвору сахт чун камону тир

росту мувофиқ чун зех. То ҳар гоҳ ки чунин бувад ҷои тири хеш дар дили душман бинанд».

Ин қадар дар маънии тиру қамон гуфта омад.

ЁД ҚАРДАНИ ҚАЛАМУ ХОСИЯТИ Ё ВА ОН ЧИ ВОҶИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ё

Қаламро доноён машшотаи мулк хондаанду сафири дил ва сухан то бе қалам бувад чун ҷони бе қолбад бувад ва чун ба қалам бозбаста шавад, бо қолбад гардаду ҳамеша бимонаду чун оташест, ки аз сангу пӯлод ҷаҳаду то сӯхта наёбад, нагираду ҷароғ нашавад, ки аз ё рӯшноӣ ёбанд. Ва Маъмуни халифа гуфт: «Ли-л-Лоҳи дарру-л-қалами: қайфа яҷулу раъсӣ-л-мамлаката, яҳдиму-л-иродата ва ло ямили сиккатан ва [як қалимаи ноҳона] ва янтику соиран ғала арзин баёзӯҳо музлимун ва саводуҳо музиун» [Хушо қалам (ки гуфтааст): сари ман дар ин мамлакат ҷӣ гуна гардиш (ҷавлон) мекунад ба ирода(ҳошиш) хизмат мекунад ва бо дигарон дар замин, ки сафедии он торик аст ва сиёҳии он равшан аст, ба нутқ мебарояд(сухан меғӯяд)].

Нахуст қасе, ки дабири бинҳод Таҳмурас буд. Ва мардум агарчанд бо шарафи гуфтор аст, чун ба шарафи навиштан даст надорад, ноқис бувад чун як нима аз мардум, зеро ки фазилати навиштан аст фазилате саҳт бузург, ки ҳеҷ фазилате бад-он нарасад, зеро ки вай аст, ки мардумро аз мардумӣ ба дараҷаи фариштагӣ расонад ва дебро аз девӣ ба мардумӣ расонад. Ва дабири он аст, ки мардумро аз пояи дун ба пояи баланд расонад, то олиму имому фақеҳу муншӣ хонда шавад. Ва ҳамчунон мардумон ба фазилати сухан аз дигар ҳайвонот ҷудо гардаду бар эшон солор шавад. Дини Эзиди ҷалла зикра, ки ба пой мебуваду мамлакат, ки бар малик низом гирад, ба қалам мегирад. Ва ҳарчанд иҷтимоӣ мардум бар онанд, ки Мустафо алайҳиссалом уммӣ буду он ўро мўъҷиз буд, ки тамоми қуввати ё ба-д-он буд. Он чи на-висандагон ба қуввати набиштан қарданду он чи бидони-станд, ё беҳтар аз ҳама бикарду бидонист. Ва баъзе аз уламо бар онанд, ки ўро дар ҳеҷ илм доно нағӯему ё нодон набувад дар донишани хат. Аммо Эзиди Таоло ўро гуфт: «Ва ло

ахуттуку би яминика» [Ва ба дасти рости худ ҳеч китоберо аменавиштӣ – Қуръон 29:48].

Ва он гоҳ фармонро нибиштан фармудаасту ҳама Сухуф, и Эзиди Таоло аз осмон ба замин фиристод, ҳама ваҳйҳо ба алам нигоҳ доштанду ба вай адо карданду ба вай пазируфанду оинҳои мулку қонуну қоидаи вилоятҳо ба-д-ӯ нигоҳдоранду тартиб диҳанд. Ва аз мартабати нибиштан буд, ки астро ба зинати ангуштариву мӯҳр биоростанд, чи мулуки ҷам чун диданд, ки теғ вилоят гирифтун аркони сиёсат ба он карду қалам мулк забт кард ва ҳадди сиёсат нигоҳ дошун феъли ин ҳарду аз ҳунари даст ояд ва оқилаи хавос ба он ҷам ҷамбанд: самъу басару шамму завқу ламс. Ва мадори ин ҷам ҷамбанд, ки чун рӯҳ аст мар ҷамбанд, пас тоҷ фармуданду бар ҷамбанду ниҳоданду гӯшвор фармуданду аз гӯш даровехтанду ёра фармуданду дар соид кашиданду ангуштарӣ фармуданду дар ангушт карданд; гуфтанд: (шамшер) ба ҳунару қуввати соид кор кунадун ӯро писандида бувадун алам ба қуввату ҳунари ангушт равон бошад; шарафи ангуштарӣ вайро доданд то чун нома нависадун асрор сурат ӯнад мӯҳр ба-д-ӯ барниҳанд то ҷашми хоинону носазоён аз он дур бувад. Пас, номаро фармуданд то нахуст саҳт бипендун, пас мӯҳр барниҳоданду мӯҳрро ба парда низ ипӯшониданд, то ин ҳол нишоне бувад бар номаи мӯҳри ин олам, чи мардум номаи мӯҳри ин олам аст бо оёти мазҳабри Холиқи осмонун замин навиштавун бибинад табиат басару ба мӯҳри ангуштрии арвоҳ мӯҳр ниҳода ва бо ихтиёри он ба хирад пӯшида карда ва доноён мар қаламро олате ниҳодаанд ба дидор ҳакиру ба ёфтан осон, валекин набишаш бо мартабату кор бастан душвор. Чун мисол магаси гӯбину кирми пила, ки ба дидор ҳакиранд, валекин аз он чизҳо падидор ояд азизу боқимат дар мулуку андар он ҷамбанду бисёр. Ва ин олат, ки ёд карда бувад, се гуна ниҳодаанд: яке муҳаррафи тамом ва он хат, к-аз он қалам донро лачинӣ хонанд, яъне хатти симин ва дигар муставӣ он хат, к-аз қалам ояд онро асҷадӣ хонанд, яъне хатти ғарбин ва саввум муҳаррафи тамому муставӣ ва он хат, к-аз қалам ояд, онро лӯълӯъӣ хонанд, яъне хатти марворидин; хат ҷунон хостаанд, ки ҷаҳор чиз бо вай бувад: аввал он

ки қароршон бар ҷой бувад ба хурдиву бузургӣ, дигар он ки андом дорад чунонки ба сурат ниҳодаанд, дигар он ки бо равнаку об бувад ва он аз тезии қалам бошад ба бастагии дас-ти нависанда ва ҳамчунин таносуб нигоҳдоранд, ки «ро» чанд «нун» бошад ва ё «нун» ба «рай» монаду чашмҳои «вов»-у «қоф»-у «фо» дархури якдигару бар як андоза бувад на тангу на фароҳу кашиши «нун» ва «қоф»-у «сод» ҳамчунин ва дарозии «лому алиф» чанди якдигар. Чун ин киёс нигоҳ дошта бувад, агарчи хат бад бошад, некӯ намо-яду ҳамвору мустақим. Ва хат хонанда⁴⁶ бояд, ки доноён ғуф-таанд: «Аҳсану-л-хатти мо юкрау» [Бехтарин хат ҳамон аст, ки хоно бошад].

Ва се чиз некӯ бояд, то хат нек ояд ва агар аз ин се чиз яке некӯ набошад, агарчи хаттоту устод бошад, хат некӯ на-ояд, яке қалам, дуввум мидод⁴⁷, саввум қоғаз. Ва хате, ки аз хаттотон омӯхта бошанд ҳаргиз хуруфу калимоташ аз ҳоли хеш бинагардад, чи қоидаи муқодири хуруфу калимот дар дили вай мусаввар шуда бошад. Ҳар гоҳ ки чизе хоҳад на-бишт, даст ба дил рост кунад, хаташ ҳамчунон ояд, ки омӯхта бошад, ба нодир ҳарфе ё калимае бад ояд. Ва хати некӯ чун сурати тамомҷехра ва тамомқад асту онро некӯрӯ хонанд; ва хати бад чун рӯи зишту қомати номӯътадил ҳар андомаш на дархури якдигар.

Ҳикоят: Ҳам андар ин маънии фазилати қалам чунон хондаам аз ахбори гузаштагон, ки вақте амире расуле фири-стод ба малики Форс бо теге бараҳна, гуфт: «Ин тег (бибар)-у пеши ӯ бинеҳу чизе мағӯй». Расул биёмаду ҳамчунон кард. Чун тег бинҳоду сухан нагуфт, малик вазирро фармуд: «Ҷавобаш боздеҳ». Вазир сари даво⁴⁸ бикшоду яке қалам сӯи вай андохту гуфт: «Инак ҷавоб». Расул марди оқил буд, бидонист, ки ҷавоб бирасид. Ва таъсири қалам салоҳу фасод-и мамлакатро коре бузург асту худовандони қаламро, ки мӯътамад бошанд, азиз бояд дошт.

Ҳикоят: Фаҳруддавла, бародари Панохусрав он гоҳ ки бигурехту ба Нишопур омад, Соҳиб бар вай забон дароз карду ба номҳо вайро накӯхиду оқаш хонд. [Яъне, ўро оқи падар хонд]. Вай фасле набишту ба Соҳиб фиристоду гуфт: «Туро шамшер ва маро қалам – Фа-нзур айюҳумо ақво –

[Бинигар, то кадом аз ин ду нерумандтар аст?]. Соҳиб дар ҷавоб набишт: «ас-Сайфу акво ва-л-каламу аъло; фа-нзур айюхумо акфо» – [Шамшер нерумандтар ва қалам бартар аст; пас ту бинигар, то кадом аз ин ду (ба кор) басандатар аст]. Фахруддавла он руқъаро бар Шамсулмаолӣ арза кард. Қобуси Вушмгир зери он набишт: «Қад афлаҳа ман тазакко[Ҳамоно ҳаркӣ пок шуд, растагор шуд. Қуръон, 87:14] ва қад хоба ман қаззоба ва тавалло»[ва ҳамоно ҳаркӣ дурӯғ шумурд ва рӯй гардонд, пушаймон шуд. Дар Қуръон, 91:9 чунин омадааст: «Қад афлаҳа ман заққоҳ ва қад хоба ман дассоҳо» –Ҳамоно ҳаркӣ нафсро пок сохт, растагор шуд ва ҳамоно ҳаркӣ онро пӯшонд, зиёнкор шуд].

Ҳикоят: Шунидам, дар Эрон малике буд ва оини ӯ чунон буд, ки чун ҷанге кардӣ, сипоҳе дошт ороставу сохта ва эшонро ҳама ҷомаи сиёҳ пӯшонид. Рост, ки ҷанг саҳт гаштӣ, бифармудӣ то эшон пеши сипоҳ омадандиву он ҷанг ба сар бурдандӣ. Пас чунон афтод, ки вақте аз Туркистон сипоҳе гарон биомаданд ба қадри панҷоҳ ҳазор марду кор ба ҷанг афтоду ин малик ба сари баландӣ нишаста буд бо тане чанд аз хосағони хеш, дилаш чунон хост, ки он рӯз ҷанг ба дигар рӯз афганад. Давоту қалам хосту бар поре коғаз набишт, ки: «Сиёҳдорони сипоҳро бигӯянд то бозгарданд» ва наздики вазири хеш фиристод. Вазир бихонд, писандида надошт. Давот дар мӯза дошт, баргирифт «сиёҳ»-ро як нуқта зиёдат кард, то «сипоҳдорон» шуд ва («гарданд»)-ро нуне бар сар зиёдат кард, то «нагарданд» шуд ва пеши лашкар фиристод. Эшон руқъа бихонданду ҳештанро бар сипоҳ заданду сипоҳи Туркистонро бишқастанд. Ва ин дар «Сияр-ул-мулук» набиштанд, ки ба як нуқати қалам панҷоҳ ҳазор шамшер ҳазимат шуд.

Ва ба замини Ироқ дувоздаҳ қалам аст ҳар якеро қаду андому тароше дигару ҳар якеро ба бузургӣ аз хаттотон бозхонанд, яке муқлӣ ба Ибни Муқла бозхонанд ва дигар муҳалҳалӣ, ки ба Ибни Муҳалҳалӣ бозхонанд, седигар муқаффаъӣ, ки ба Ибни Муқаффаъ бозхонанд ва дигар муҳаллабиву дигар меҳрониву дигар амидиву дигар булфазливу дигар исмоиливу дигар сайидиву дигар шамсӣ. Ҳар якеро кадреву андозаву тарошест, ки ба сифати он суҳан дароз

гардад, валекин аз он чумла якеро сифат кунем; ва он қалами шамсӣ асту қалами Шамсулмаолӣ аз қасаби [най, килк] румхӣ буд ё аз қасаби бағдодӣ ё аз қасаби мисрӣ. Ва гуфт, он қасаб, ки бо неру бувад, дабирони девонро шояд, ки қалам ба қувват ронанд то сарир ораду набиштани эшонро ҳашамат бувад. Ва гуфтӣ, қалами мулук чунон бояд, ки ба вақти набиштан ба-д-эшон ранҷ нарасаду ангушташон набояд афшурад, чи мулукро нашоад, ки коғаз бар сари зону гиранду дабирвор нишинанд, то чизе нависанд, балки эшонро гирд бояд нишасту коғаз муаллақ бояд дошту қадӣ қалами ӯ ба дарозо се мушт бояд, ду мушт миёна ва як мушт сари қалам ва бисёр бояд набишт, то хат некӯву писандида ояд.

ЁД КАРДАНИ АСПУ ҲУНАРИ Ӯ ВА ОНЧИ ВОҶИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ӯ

Мегӯянд, ки аз сурати чаҳорпоён ҳеч сурат некӯтар аз асп нест, чи вай шоҳи ҳама чаҳорпоёни чаранда аст ва Расул алайҳиссалом фармудааст: « ал-Хайру маъқудун фӣ навосйл-хайл – Некӣ дар паҳлуи пешони асп баста аст». Ва мар аспро порсиён бодчон хондаанду румиён онро бодпой ва туркон гомзани комдеҳу ҳиндувон тахти паррону тозиён буроқ бар замин. Ва гӯянд он фаришта, ки гардуни Офтоб кашад ба сурати асп аст Алвас (ё Улус?)⁴⁹ ном; ва дар ҳадис аспӣ бузургонро сухани бисёр аст. Чунин гӯянд рӯзе бар Сулаймон алайҳиссалом асп арз карданд. Вай гуфт: «Шукр Худои Таолоро, ки ду бодро фармонбардори ман кард, яке бо ҷон ва яке бечон. То ба яке замин меспараму ба яке ҳаво. Ва Офаридунро пурсиданд, ки эй малик, чаро бар асп нанишастӣ? Гуфт: «Тарсам, ки Яздонро шукр ба воҷибе на-тавонам гузорд».

Ва Кайхусрав гуфт: «Ҳеч чиз дар подшоҳӣ бар ман гиромитар аз асп нест».

Ҳикоят: Хусрави Парвизро аспӣ Шабдиз пеш оварданд, то барнишинад. Гуфт: «Агар бартар аз одамӣ Яздонро банда будӣ, чаҳон ба мо надодӣ ва агар бартар аз асп чаҳорпое будӣ, аспро бар нишастӣ мо накардӣ». Ва ҳам ӯ гӯяд, ки подшоҳ солори мардон асту асп солори чаҳорпоён.

Ҳақ Субҳонаху ва Таоло мефармояд: «Ман мислӣ?! Ва қад халақу-л-фараса»[Кист, ки мисли ман бошад?! Ва ҳол он ки ман аспро офаридаам. Гарчанде гуфта шудааст, ки Ҳақ Субҳонаху ва Таоло мефармояд, яъне Худо мефармояд, вале ин иктибос қуръонӣ нест].

Ва Афросиёб гӯяд: «Асп мар мулукро чунон аст, осмон мар мохро». Ва бузургон гуфтаанд: «Аспро азиз бояд дошт, ки ҳаркӣ аспро хор дорад, бар дасти душман хор гардад».

Ва Маъмуни халифа гӯяд: «Ниъмо-ш-шайъу – ал-фарасу самоун яҷрӣ ва сарирун ямшӣ – Нек чизест асп – осмони гардону тахти равон».

Ва амирулмӯминин Алӣ ибни Абетолиб разиаллоху анху гуфт: «Мо халақа-л-Лоху-л-фараса, илло ли юизза биҳи-л-инсона ва юзилла биҳи-ш-шайтона – Эзиди Таоло аспро наёфарид илло аз баҳри он то мардумро ба вай азиз гардонаду девро хор кунад».

Абдуллох ибни Тоҳир гуфт: «Рукубу-л-фараси аҳаббу илайя мин рукуби унқи-л-фалаки – Бар асп нишастан дӯсттар дорам, ки бар гардани фалак».

Ва Нӯъмони Мунзир гӯяд: «ал-хайлу хусуну ричоли-л-лайли ва лавло-л-хайлу лам такуни-ш-шучоаъату-сман ястаҳаққу биҳи-ш-шучоъу – Аспон ҳисорҳои мардони шабанду агар асп набудӣ номи шучоат кай андархури номи мардони ҷангӣ будӣ».

Наср ибни Сайёр гӯяд: «ал-фарасу сариру-л-ҳарби ва-л-аслиҳату анворуҳо – Асп тахти ҷанг асту силоҳ гулҳои вай. Ва-с-сиёҳу ғиноу-л-ҳарби ва-д-даму уқоруҳо «[Ва овози баланд дар ҷанг суруди он аст ва хун шароби он].

Ва Муҳаллаб ибни Абусуфрат гӯяд: «ал-фарасу саҳобу-л-ҳарби ло юмтиру би барқи-с-сайфи илло матара дамин – асп абри ҷанг аст. Наборад ба дурахшидани шамшер магар борони хун».

Акнун баъзе аз номҳои аспон ёд карда шавад, ки порсиён дар сифати аспоне гуфта он чи ба таҷриба эшонро маълум шудааст аз айбу ҳунари эшон ва он ки ба фол нек бошад.

НОМҲОИ АСПОН БА ЗАБОНИ ПОРСӢ

Алвас, Чарма, Сурхчарма, Тозичарма, Хинг, Бодхинг, Магасхинг, Сабукхинг, Песаи кумайт, Кумайт, Шабдиз, Хуршед, Гӯрсурх, Зардрахш, Сиёхрахш, Хурмогун, Чашина, Шӯлак, Песа, Абргун, Хокранг, Диза, Бехгун, Майгун, Бодрӯй, Гулгун, Арғун, Бахоргун, Обгун, Нилгун, Абркос, Бовбор(?), Сапедзарда, Бӯрсор, Бунафшагун, Адас, Зоғчашм, Сабзпӯст(?), Симгун, Аблак, Сапед, Саманд.

Аммо Алвас он аспест, ки гӯянд осон кашаду дурбин буваду аз дурчое бонги суми аспон шунавад ва ба сахтӣ шикебо бувад, валекин ба сардсер токат надораду ба доштан хучаста бувад, валекин нозук бувад.

Чарма бадхашму дурбин бувад; Сиёхчарма хучаста бувад; Кумайт ранчбардор бувад; Шабдиз рӯзиманду муборак бувад; Хуршед оҳиставу хучаста бувад; Саманд шикебову коргар бувад; Песа худованддӯсту меҳрубон бувад; Сапедзарда бар нишаст мулукро шояд, Песаи кумайт ранчуру бадхӯ бувад.

Ва мар аспонро рангҳои ғариб аст, ки кам афтад ба-д-он ранг. Аристотолис ба китоби «Ҳайвон» лахте ёд кардааст ва гӯянд ҳар аспе, ки ранги ӯ ранги мургон бувад, хоса сапед, он бехтару шоистатар бувад, Худовандаш ба ҳарб ҳамеша пирӯзӣ (ёбад). Ва инчунин асп (маркаб) подшохро шояд.

Зардаи зоғчашму анбарранг, ки ранги чашми ӯ ба зардӣ занад ва он аспе, ки бар андоми ӯ нуктаҳои сапед бувад ё зарду чун хингуқоб ё сурххинг пойи ӯ бас сапед бувад ё кумайтранг бо рӯи сапед ё чаҳор дасту пойи ӯ сапед. Ин ҳама фарруху хучаста (бувад). Ва аспе, ки мулукро нашоад он асп бувад, ки рангаш ба ранги тазарв бувад ё бар рӯй нишонҳои калон дорад.

Аммо он чи фархунда бувад аз нишонҳои асп, яке он аст, ки бар ҷои ҳукм (?) нишон дорад, ки порсиён онро гардпо (?) хонанд муборак буваду фаррух. Ҳар аспе, ки мӯяш зард бувад ё сурх, ба сармо токат надорад. Ва Расул алайҳиссалом гуфт: «Равандтарини аспон Ашқар бувад». Ва амирулмӯъминин Алӣ разияллоҳу анҳу гуфтааст: «Диловартарини аспон Кумайт асту бебоктарин. Сиёҳу бонерутару

некухутар Хинг ва бохунартар Саманд». Ва аз аспони Хинг он бех, ки паси сару носияву пову шикаму хояву думу чашмҳо ҳама сиёҳ бувад.

Ва ин микдор чихати шартӣ китоб ёд карда шуд.

Ба рӯзгори пешин дар асп шинохтан ва хунару айби эшон доништан ҳеч гурӯҳ бех аз Аҷам надонишандӣ, аз баҳри он ки мулки ҷаҳон аз онӣ эшон буд. Ва ҳар кучо дар Арабу Аҷам аспӣ некӯ будӣ ба даргоҳи эшон овардандӣ. Ва имрӯз ҳеч гурӯҳ бех аз туркон намедонанд аз баҳри он ки шабу рӯз кори эшон бо асп асту дигар он ки ҷаҳон эшон доранд.

АНДАР ЗИКРИ БОЗ ВА ҲУНАРИ ЁВУ ОН ЧИ ВОҶИБ ОЯД ДАР БОРАИ Ё

Боз муниси шикоргоҳи мулк асту ба вай шодӣ оранду вайро дӯст доранд. Ва дар боз хӯйҳо бувад, ҷунонки андар мулк бувад аз бузургманишиву покизагӣ. Ва пешинагон ҷунин гуфтаанд, ки шоҳи ҷонварони гӯштхор боз асту шоҳи ҷорпоёни гиёҳхор аспу шоҳи гавҳарҳои ногудозанда ёкуту шоҳи гавҳарҳои гудозанда зар. Ва аз баҳри ин ҳол боз ба мулк маҳсустар аст, ки ба дигар мардумон; ва мар бозро ҳашаматест, ки парандагони дигарро нест. Уқоб аз вай бузургтар аст, валекин вайро он ҳашамат нест, ки бозро. Подшоҳон дидори вайро ба фол доранд. Чун боз бе табъе сабук бар дасти вай нишинаду рӯ сӯи подшоҳ кунад, далели он бошад, ки вайро вилояте нав ба даст ояд; ва бар хилофи ин, ба акс; ва чун ба вақти бархостан сар фуруд ораду боз бардорад, далел кунад, ки заъфе ба кори мулк дар ояд; ва чун бархезаду қасд кунад ё шикор баргираду баргирифта бонг кунад, ташвиши сипоҳ бошад; ва чун ба вақти бархостан аҳор (?) накунад, нуқсоне падид ояд; ва чун ба ҷашми рост сӯи осмон нигарад, корҳои (мулк) баландӣ гирад; ва чун ба ҷашми чап нигарад, халале бошад; ва чун (бар) осмон бисёр нигарад, далели зафару нусрат бувад; ва чун бар замин бисёр нигарад, машғули бошад; ва чун боз осуда бошаду ба шикоргоҳ бо бозе дигар ҷанг афтад, душмане нав падид ояд.

АНДАР ГУЗИДАНИ БОЗ

Анвоъ бисёр аст, валекин аз ҳама сапедчурда беҳтар. Бо-зи сурхфом ё зарди тамому ба шикор ҳаристар сапедчарда бувад, валекин беморнок буваду бадхӯ; ва пас аз вай зард ҳаристару тандурусттар, ва аз ин ҳарду сурхфом дурусттар, лекин бадхӯ бувад; ва ба колбад аз ҳама бузургтар бувад. Ва шунидам аз бозаргоне, ки дар айёми мо буданд, ки ҳеч кас аз Моҳонмаҳи Вушмгир беҳтар нашинохта андар ашқараро, ки кори эшон соле дувоздаҳ моҳ шикор кардан буд ва Алии Кома, ки сипаҳсолори бадрхасту[?] буд, низ некӯ шинохтӣ, валекин ҳама муттафиқ буданд, ки ҳеч кас аз Моҳонмаҳ беҳ надонистӣ; ва ўро ба забони кӯхӣ китобе «Шукра» ном аст, бузург, таснифи вай; ва ў чунин гуфтааст, ки ҳамаи ҷонварони якранг беҳ аз омехтаи нотаом, валекин шарт андар ихтиёри боз он аст, ки сахтгӯшт буваду гирду пайва-ста; ва андомхош дархури якдигар, ва ҷунонки сар кӯтоҳу хурд буваду пешониву чашмхош фарох буваду ҳавсала фа-роҳу сина паҳну паст, ва думчаву рони ситабр; ва гӯшти вай сахту соқҳояш ситабру гирду кӯтоҳ, ва панча некӯву ангуш-тон қавиву нохунон сиёҳу пой сабз. Ҳар бозе ки ба-д-ин си-фат бувад он бештар сапедчарда ё зарди тамом ё сурхи та-мом буваду нодир афтаду ба ҳама қимате арзад.

Ҳикоят: Чунин гӯянд, ки Моҳон подшоҳе бузург буда-аст, окилу кофӣ. Як рӯз боздори хешро (дид) боз бар даст об меҳӯрд. Бифармуд то сад ҷӯбаш бизаданд. Гуфт: «Эй аҷаб, боз ба тани хеш подшоҳи парандагон асту ғамгусори азизи дасти подшоҳон аст, раво бувад, ки ту инчунин беадабӣ кунӣ: азизи мулук бар дасту ту об хӯрӣ ё ҷуз об чизе ди-гар?». Боздор гуфт: «Зиндагии худованд дароз бод, чун ба шикоргоҳ ташна гардам, чун кунам, ки боз бо ман бувад?» Гуфт: «Ба касе дигар деҳ, ки аҳли он бувад, ки боз тавонад дошт, ки ту об хӯрӣ ё чизе дигар, ки туро ба-д-он ҳочат бо-шад».

Ҳикоят: Шунидам, ки Бӯабдуллоҳ Хатиб муаддиби амир Абулаббос буд, бародари Фаҳруддавла. Бар манзара ниша-ста буду амир Абулаббос кӯдак буд. Аз пеши вай фуруд омада буд. Ходиме боша бар даст дошт. Он боша бихосту

бар даст нишонд. Дар он миён аз даҳан хай биандохт. Чун сӯи Абдуллоҳи Хатиб омад, ўро маломат намуду рӯй турш карду гуфт: «Эй субҳоналлоҳ, ту малику маликзодаӣ, азизи маликон бар дасту чунин беадабӣ кунӣ, к-аз даҳон хай биандозӣ». Ин бигуфт, пас наълайн бардошту он ходимро наълайне чанд бар гардан заду гуфт: «Шумо маликзодагонро чунин мепарваред, к-аз эшон беадабӣ меояд, ки ашқара бар даст доранду хай андозанд».

ГУФТОР АНДАР МАНФИАТИ ШАРОБ

Доноёни тиб чунин гуфтаанд чун Чолинусу Сукроту Букроту Бӯалӣ Синову Муҳаммад Закариё, ки ҳеҷ чиз дар тани мардум нофеътар аз шароб нест, ҳоса шароби ангурии талху софӣ; ва ҳосияташ он аст, ки ғамро бибараду дилро хуррам кунаду танро фарбеҳ кунаду таомҳои ғализро бигудозаду гунаи рӯ сурх кунаду пӯсти танро тозаву равшан гардонаду фаҳму хотирро тез кунаду бахилро саҳиву баддилро далер кунад;³⁰ ва хӯрандаи шаробро беморӣ кам кунаду ағлаб тандуруст бошад аз ҷиҳати он ки табҳову беморӣ, ки аз хилтҳои лазаҷу фосид таваллуд кунад, ва сабаб он ки майҳораро гоҳ-гоҳ меафтад ва гоҳ исҳол нагузорад, ки хилти бад дар меъда гирд ояд. Ва гурӯҳе зиракон шаробро маҳаки мард хондаанду гурӯҳе ноқиди ақлу гурӯҳе саррофи донишу гурӯҳе меъёри хунар. Ва бузургон шаробро собуну-л-ҳамми [шӯяндаи андӯх] хондаанду гурӯҳе муфарраҳу-л-ғам [фараҳдихандаи ғам]; ва ҳаркӣ панҷ қадаҳ шароби ноб бихӯрад, он чи андар ўст аз неку бад, аз ў сар ояду гавҳари ҳеш падида кунаду бегонаро дӯст гардонаду андар дӯст биафзояд; ва агар ҳуди ўро ҳамин ҳосият аст, ки дӯстонро ба ҳам биншинад, бисёр аст ва аз латифии шароб аст, аз ҳама хӯрданиҳо, ки дар ҷаҳон аст аз ҷарбу ширину турш беш аз як серӣ натавон хӯрд ва агар беш хӯрӣ табъ нуфур гирад; ва боз мар шаробро ҳарчанд беш хӯрӣ, беш бояд; ва мардум аз ў сер нагардаду табъ нафрат нагирад, ки вай шоҳи ҳамаи шаробхост; ва дар бихишт неъмат бисёр асту шароб бехтарини неъматҳои бихишт аст; ва агар набудӣ, (Эзид онро) ба худ маҳсус накардӣ, (ҳарчанд неъматҳои дучаҳонӣ ба

тақдиру иродоти ўст) чунонки дар Мӯҳкам Китоби Худ[яъне, дар оятҳои возеҳи Куръон] ёд фармудааст, ки: «Ва сақоҳум Раббуҳум шаробан таҳуро» –[Ва Парвардигорашон шароби ниҳоят пок ба онҳо бинӯшонад. Куръон, 76:21].

Ва дигар ҷой мефармояд: «Ва манофиъу ли-л-носи ва исмуҳумо акбару мин нафъихимо – Мардумонро манфиати бисёр аст дар вай, валекин базаи ӯ аз нафъ бештар аст».

«Хирадманд бояд ки чунон хӯрад, ки маззаи ӯ бештар аз база бувад то бар ӯ вубол нагардад». Ва ин чунон бошад, ки ба риёзат кардан нафси худро ба ҷое расонад, ки аз аввали шароб хӯрдан то охир ҳеҷ бадиву ноҳамворӣ аз ӯ дар вучуд наёяд ба гуфтору ба кирдор илло некӯиву хушӣ чун ба-д-ин дараҷа расад шароб хӯрдан ўро зебад⁵¹. Ва фазилати шароб бисёр аст. Акнун фасле дар манфиати шаробу мазаррату дафъи мазаррати шаробҳо ёд кунем аз гуфтори Ҷолинуси ҳакиму Муҳаммад ибни Закариёи Розӣ ва Ҳоҷа Абӯалии Синову атиббои бузург.

Манфиати шароби масткунанда: таомро ҳазм кунаду ҳарорати аслӣ, яъне ҳарорати ғаризиро биафзояду танро қавӣ кунаду пок гардонад ба бавлу арақу бухор.

Мазарраташ: нашоёд кӯдаконро, ки саҳт гарммизоҷ бошанд.

Дафъи мазарраташ: агар ояд ҳоҷат мардуми гарммизоҷро ба хӯрдани ин шароб, ба обу гулоб мамзуч кунанд то зиён накунад. Вассалом.

Манфиати шароби сафеду тунук: ғизои камтар диҳаду мардумони гарммизоҷро бишоёд; сафро биронад ба бавл андак-андак.

Мазарраташ: худованди меъдаи савдоиро аз вай шикам пурбод гардаду дарди мафосил орад.

Дафъи мазарраташ: бо сапедбоҳову тавобилу табоҳаи хушк кунанд, то зиён надораду манфиат кунад.

Манфиати шаробе, ки на тира бувад на тунук: чун некӯ ояд, мувофиктарини шаробҳост. Мардумони мӯътадил-мизоҷро шоёд.

Мазарраташ: мардумони гарммизоҷро зиён дорад.

Дафъи мазарраташ: мамзуч кунанд бо обу гулоб ва нукле ба равое то зиён надорад.

Манфиати шароби талху тира: бод бишканаду балғамро бибарад, ва дарди меъдаву дарди шикамро суд дорад. (Баёни мазаррати ин шароб дар нусхаи «Алиф» нест, шояд сокит шуда бошад. Ручӯъ шавад ба мазаррати шароби мавизӣ).

Дафъи мазарраташ: бо оби мамзучу бо таомҳои турш хӯранду нукл⁵² меваҳои турш кунанд то зиён надорад.

Манфиати шароби райҳонӣ: дилу меъдаро қавӣ кунаду бодҳо бишканаду табҳоро, ки аз беморӣ хоста бувад, суд дорад.

Мазарраташ: дарди чашму дарди сар оварату зуд бар сар равад.

Дафъи мазарраташ: ба кофуру гулобу бунафша, ва нукли меваҳои турш гардонанд.

Манфиати шароби нав: хун дар тан биафзояду рағҳо пур кунаду бухор аз ӯ бар сар шавад.

Мазарраташ: нашоёд мардумонеро, ки тарӣ доранду бод бар эшон ғалаба дорад, ва танҳо пурхилт доранд.

Дафъи мазарраташ: қалъҳои хушк бо афзор бояд хӯрад ва нукл меваи хушк кунанд.

(Шароби) (номи навъи шароб аз нусхаи «Алиф» сокит шудааст): худовандони боду балғамро нек асту меъдаву чигари гармро бишояд ва онро (ки) аз бухор дар ранҷ бошад.

Мазарраташ: мардумони лоғарро ва хушкнизорро зиён дорад.

Дафъи мазарраташ: бо об биёмезанду кашкоб хӯранд ва таомҳои сарду меваҳои тар зиён дорад (шояд: то зиён надорад).

Шароби мамзучу мураввақ: касеро, ки хумор сахт кунад ва ё аз дарди сар ранҷ бошад, нек аст ва мардумони гарммизочро шояд.

Мазарраташ: бод дар шикам ангезаду дарди бандҳо ораду меъдаву чигарро сард кунад.

Дафъи мазарраташ: бо гӯштоваву қалъ, бо тавобилу афзор бисёр кунад, ва нукл меваи хушк кунад.

Шаробе, ки ба туршӣ занад: мардумонеро, ки меъдахову чигарҳои гарм доранд, шояд.

Мазарраташ: орзуи мучомиат бибараду пайхоро суст кунад.

Дафъи мазарраташ: бо сапедбоҳои ҳарф (шӯрбоҳои сафеду тоза)у халвову ширини хӯрдан то зиён надорад.

Шаробе, ки офтобпарварда бошад: латифтару зудгвортар аз ҳама шаробҳо бувад.

Мазарраташ: хунро ба зудӣ уфн гардонад.

Дафъи мазарраташ: бо сакубову сумоку норбо (шӯрбои сиркоомези зелолдор, шӯрбои анорӣ) кунанд, ва нукл ребосу анор кунанду аз паси ӯ сиканчабин хӯранд то зиён надорад.

Шароби мавизӣ: он чи аз ӯ софӣ бошад, монанди шароби мамзуч бошад, майл ба хушкӣ дораду мувофиқ аст махруронро (гарммичозон).

Мазарраташ: он чи тира бувад монанди шароби сиёҳ бошад, ва бад гувораду савдо ангезаду бод дар шикам афканаду шикам бар овараду роҳҳои чигар бибандад.

Дафъи мазарраташ: сиканчабину оби косниву тухми хиёр бо хиёри бодранг...

Шароби хурмой: танро фарбех кунаду хун бисёр ронад, хосса, ки нав бошад.

Мазарраташ: ғализу бадгвор асту роҳи чигар бибандаду хуни савдой ангезад.

Дафъи мазарраташ: шароби анору сиканчабину дорухое, ки савдору биронад ба кор дорад, то зиён надорад ва дар ин боб ин миқдор кифоят бошад.

Акнун пайдо кунем, ки ангур аз кучо падида маду май чӣ гуна сохтаанд.

Ҳикоят андар маънии падида омадани шароб

Андар таворих набиштаанд, ки ба Ҳирот подшоҳе буд комкору фармонраво, бо ганҷу хостаи бисёру лашкаре бешумор, ва ҳамаи Хуросон дар зери фармони ӯ буд; ва аз ҳешони Чамшад буд. Номи ӯ Шамирон. Ва ин дижи Шамирон, ки ба Ҳирот аст, ханӯз барҷост, ободон ӯ кардааст ва ӯро писаре буд номи ӯ Бодом (?; дар нусхаи дигар Бонон), саҳт

далеру мардонаву бозӯр буд; ва дар он рӯзгор тирандозе чун ӯ набуд. Магар (?) рӯзе шох Шамирон бар манзара нишаста буду бузургон пеши ӯ ва писараш Бодом пеши падар. Қазоро, ҳумое биёмаду бонг медошту баробари тахт порасе дуртар ба зер омаду ба замин нишаст. Шох Шамирон нигоҳ кард море дид дар гардани ҳумой печидаву сараш даровехта ва оҳанги он мекард, ки ҳумойро бигазад. Шох Шамирон гуфт: «Эй шермардон, ин ҳумойро аз дасти ин мор кӣ бираҳонаду тире ба савоб биандозад?» Бодом гуфт: «Кори банда аст». Тире биандохт чунонки сари морро дар замин бидӯхту ба ҳумой ҳеҷ газанде нарасид. Ҳумой халос ёфту замоне он ҷо мепариду бирафт. Қазоро, соли дигар ҳамин рӯз шох Шамирон бар манзара нишаста буд. Он ҳумой биёмаду бар сари эшон мепариду пас бар замин омад. Ҳамон ҷо, ки морро тир зада буданд, чизе аз минқор бар замин ниҳоду бонге чанд бикарду бипарид. Шох нигоҳ карду он ҳумойро бидид. Ба ҷамоат гуфт: «Пиндорӣ ин ҳамон аст, ки мо ӯро аз дасти он мор бираҳонидем ва имсол ба мукофоти он бозомадасту моро тӯхфа оварда, зеро ки минқор бар замин мезанад. Бираведи бингаред, ва он ҷи биёбед, биёред». Ду-се кас бирафтанду ба ҷумлагӣ ду-се дона диданд он ҷо ниҳода. Бардоштанду пеши тахти шох Шамирон оварданд. Шох нигоҳ кард, донае саҳт дид. Доноёнӯ зиракнро бихонду он донхо ба-д-эшон намуду гуфт: «Ҳумо ин донҳоро ба мо тӯхфа овардааст, ҷӣ мебинед андар ин? Моро бо ин донхо ҷӣ мебойд кардан?» Муттафиқ шуданд, ки инро бибойд кишту нек нигоҳ дошт, то охири сол ҷӣ падид ояд. Пас шох тухмро ба боғбони хеш доду гуфт: «Дар гӯшае бикору гирдогирди ӯ парчин кун то ҷаҳорпо андар ӯ роҳ наёбаду аз мурғон нигоҳ дору ба ҳар вақт аҳволи ӯ маро менамой». Пас боғбон ҳамчунин кард. Наврӯзмоҳ буд.

Якҷанде баромад, шоҳаке аз ин тухмҳо барҷаст. Боғбон подшоҳро хабар кард. Шох бо бузургону доноён бар сари он ниҳол шуд. Гуфтанд: «Мо чунин шоҳу барг надидаем». Ва бозгаштанд. Чун муддате баромад, шоҳхош бисёр шуду ба лағҳо (?) паҳн гашту хӯша-хӯша ба мисоли говарс аз ӯ даровехт. Боғбон наздики шох омаду гуфт: «Дар боғ ҳеҷ дарахте аз ин хуррамтар нест». Шох дигарбора бо доноён ба дидори

дарахт шуд. Ниҳоли ўро дид дарахт шудаву он хўшаҳо аз ў даровехта. Шигифт бимонд. Гуфт: «Сабр бояд кард то ҳама дарахтонро бар бирасад то бари ин дарахт чӣ гуна шавад». Чун хўша бузург карду донҳои ғўра ба камол расид ҳам даст ба-д-ў наёристанд кард, то хариф [тирамоҳ] даромад, ва меваҳо чун себу амруд шафтолуву нору монанди он даррасид, шоҳ ба боғ омад. Дарахти ангур дид чун арӯс орошта, хўшаҳо бузург шудаву аз сабзӣ ба сиёҳӣ омада. Чун шабах метофту як-як дона аз ў ҳамерехт.

Ҳама доноён муттафиқ шуданд, ки меваи ин дарахт ин асту дарахте ба камол расидаасту дона аз хўша рехтан оғоз кард ва бар он далел мекунад, ки ғоиди ин дар оби ин аст. Оби ин бибояд гирифтани дар хуме кардан то чӣ падидор ояд. Ва ҳеч кас дона дар даҳон наёрист ниҳодан. Аз он ҳаметарсиданд, ки набояд, ки заҳр бошаду ҳалок шаванд. Ҳамон ҷо дар боғ хуме ниҳоданду оби он ангур биғирифтанду хум пур карданду боғбонро фармуд, ҳарчи бинӣ маро хабар кун ва бозгаштанд. Чун шира дар хум ба чӯш омад, боғбон биёмаду шоҳро гуфт: «Ин шира ҳамчун дег бе оташ мечӯшад, ва нармӣ (?) андозад» Гуфт: «Чун биёромад, маро огоҳ кун». Боғбон рӯзе дид, софиву равшан шуда; чун ёкути сурх метофту ороида шуда. Дарҳол шоҳро хабар кард. Шоҳ бо доноён ҳозир шуданд. Ҳамагон дар ранги софии ў хира бимонданду гуфтанд: «Максуду ғоиди аз ин дарахт ин аст, аммо надонем, ки заҳр аст ё позаҳр». Пас бар он ниҳоданд, ки марде хуниро аз зиндон биёранду аз ин шарбате ба-д-ў диҳанд то чӣ падидор ояд. Чунон карданду шарбате аз ин ба хунӣ доданд. Чун бихӯрд, андаке рӯй турш кард. Гуфтанд: «Дигар хоҳӣ» Гуфт: «Бале». Шарбате дигар ба-д-ў доданд. Дар тараб кардану суруд гуфтани куну качул⁵³ кардан омад, ва шукӯҳи подшоҳ дар чашмаш сабук шуду гуфт: «Як шарбати дигар бидиҳед, пас ҳарчӣ хоҳед бар ман бикунед, ки мардон маргро зодаанд».

Пас шарбати саввум ба-д-ў доданд. Бихӯрду сараш гарон шуду бихуфт ва то дигар рӯз ба ҳуш наёмад. Чун ба ҳуш омад пеши малик овардандаш. Аз ў пурсиданд, ки он чӣ буд, ки дирӯз хӯрдиву ҳештанро чун мидидӣ? Гуфт: «Намедонам, ки чӣ мехӯрдам, аммо ҳуш буд. Кошкӣ имрӯз се

кадахи дигар аз он биёфтаме. Нахустин кадаҳ ба душхорӣ хӯрдам, ки талхмазза буд. Чун дар меъдаам қарор гирифт, табъам орзуи дигар кард. Чун дуввум кадаҳ бихӯрдам, нишотеву тарабе дар дили ман омад, ки шарм аз чашми ман бирафту ҷаҳон пеши ман сабук омад. Пиндоштам миёни ману шоҳ ҳеч фарқе несту ғами ҷаҳон бар дили ман фаромӯш гашт. Ва саввум кадаҳ бихӯрдам, ба ҳоби хуш даршудам». Шоҳ вайро озод кард аз гуноҳе, ки карда буд. Ба-д-ин сабаб ҳама доноён муттафиқ гаштанд, ки ҳеч неъмате бехтару бузургвортар аз шароб нест, аз баҳри он ки дар ҳеч таомеву мевае ин хунару ҳосияте нест, ки дар шароб аст, шоҳ Шамиронро маълум шуд, шароб хӯрдану базм ниҳодан, оин оварду⁵⁴ баъд аз он ҳама аз шароб рӯдҳо (муроди рӯд ба маънии созу олати тараб аст, мааҳазо мумкин аст савоб «сурудҳо» бошад) бисохтанд ва он боғ, ки дар ӯ тухми ангур бикиштанд, ханӯз барҷост. Онро Бахроғура (ва ғура)⁵⁵ (?) меҳонанду бар дари шаҳр аст; ва чунин ғӯянд, ки ниҳоли ангур аз Ҳирот ба ҳамаи ҷаҳон пароганду чандон ангур, ки ба Ҳирот бошад, ба ҳеч шаҳреву вилояте набошад, ҷунонки зиёдат аз сад гуна ангурро бар сари забон бигӯянд, ва⁵⁶ фазилати шароб бисёр аст.

ГУФТОР АНДАР ХОСИЯТИ РҶИ НЕКӢ

Рӯи некӯро доноён саодате бузург донистаанду диданашро ба фоли фаррух доштаанду чунин гуфтаанд, ки саодати дидори некӯ дар аҳволи мардум ҳамон таъсир кунад, ки саодати кавокиби саъд бар осмон; ва мисоли ин ҷунон ниҳодаанд чун мисли ҷома, ки атр андар сандук бувад, ки аз вай бӯй гираду бе атр он бӯй ба мардум бирасонад ва чун мисоли акси офтоб, ки бар об афтаду бе офтоб бар дигар ҷой акс бирасонад, зеро ки некӯии сурати мардум баҳрест аз сурати таъсири кавокиби саъд, ки ба тақдири Ӯзиди Таоло ба мардум пайвандад. Ва некӯӣ ба ҳама забонҳо сутуда асту ба ҳама хирадҳо (?) писандида. Ва андар ҷаҳон ҷизҳои некӯ бисёр аст, ки мардум аз дидорашон шод гардаду ба табъ андар тозагӣ орад; валекин ҳеч ҷиз ба ҷои рӯи некӯ нест, зеро ки аз рӯи некӯ шодӣ ояд, ҷунонки ҳеч шодӣ ба он нарасад.

Ва гуфтаанд, рӯи некӯ далели некбахтии ин ҷаҳон аст; ва чун рӯи некӯ бо ҳӯи некӯ ёр шавад он некбахтӣ ба ғоят расида бошад ва чун бо зоҳиру ботин некӯ бувад, маҳбуби Худову халқ гардад. Ва мар дидори некӯро ҷаҳор хосият аст: яке он ки рӯз хучаста кунад бар бинанда ва дигар он ки айш хуш гардонад ва се дигар он ки ба ҷавонмардиву мурувват роҳ диҳад ва ҷаҳорум он ки ба молу ҷоҳ зиёдат кунад, зеро ки мардум чун ба аввали рӯз аз рӯи некӯ шодӣ ёфт, далели баҳрае бувад аз баҳраҳои хучастагӣ, ки он рӯз ҷуз шодӣ набинад. Чун бо вай нишаст, айш бар вай хуш гардаду беғам шавад ва чун ин ҳол бар вай қарор гирифтудидори некӣ ёфт, агарчи бемуруввату сифла касе бувад, муруввату ҷавонмардӣ дар вай бичунбад, ва чун мардумон вайро бо рӯи некӯ диданд, ба таъзим нигаранд. Ў низ аз баҳри айши хеш ба мол варзидан кӯшиши беш кунад. Ва чунин гуфтаанд, ки рӯи некӯ пирро ҷавон кунаду ҷавонро кӯдаку кӯдакро бихиштӣ. Ва Расул алайҳиссалом гуфтааст: «Утлубу ҳочатикум мин ҳисони-л-вучуҳ – Ҳочати хеш аз некӯрӯён бихоҳед».

Ва ҳар кас аз рӯи шаторат мар рӯи некӯро сифат кардаанду лақабе ниҳода. Гурӯҳе «майдони ишқ» ниҳодаанду гурӯҳе «саҳрои шодӣ», «равзаи меҳр» ва «пирояи офариниш» ва «нишонаи бихишт» гуфтаанд.

Аммо худовандони илми фалосифа гуфтаанд, ки сабаби офариниш Эзид асту талаби илм ба-д-ӯ ва аз офаридгори хеш асар аст, ки роҳ намояд ба хубии зоти Ў; ва табиӣ гуфтаанд, ки ҳама чизҳоро зиёдату нуксону эътидол аст; ва оростагӣ ҳамвор бо эътидол аст. Пас чун бингаред, сурати эътидол хубтар бувад, ки ҳештанро ба таркиб менамояд. Ва ин олам, ки ба пой бувад, ба эътидол бар пой бувад, ва ба вай ободон бошад; ва таносуҳиён гӯянд, ки вай хилъати офаридгор аст, ки ба мукофоти он покиву парҳезгорӣ, ки банда карда бувад, андар пеш, он ба нури хеш ўро қаромат кунад. Фа аммо. Худовандони маърифат гуфтаанд, ки вай шавқи шамъ аст, ки шамъро барафрӯзанд; ва гурӯҳе гуфтаанд, ки вай маншури сир(р) асту борони раҳмат аст, ки равзаи маърифатро тоза мегардонаду дарахти шавқро бишқуфонад; ва гурӯҳе гуфтаанд, ки вай ояти ҳақ аст, ки ҳақиқат

бар муҳаккикон арза ҳамекунад, то ба ҳақиқати вай ба ҳақ бозгарданд. Ва дар дидори некӯ суҳанҳои бисёр гуфтаанд, агар ҳама ёд кунем дароз гардад. Ҳикояте аз Абдуллоҳи Тоҳир ёд кунем:

Ҳикоят: Чунин гӯянд, ки Абдуллоҳи Тоҳир якеро аз бузургони сипоҳи хеш боздошта буд. Ҳарчанд дар боби ӯ суҳан гуфтандӣ, аз вай хушнуд нагашт. Пас чун ҳол ба-д-он ҷо расиду ҳар кас аз кори ӯ ноумед гаштанд, ин бузургро канизаке буд Фасеҳа. Қиссае навишту он рӯз, ки Абдуллоҳи Тоҳир ба мазолим нишаст, он канизак рӯй барбасту ба хидмати вай рафту қисса бидоду гуфт: «Ё амиру ҳузи-л-ъафва, фа инна маниставло ва ман қадара ғафар – Эй амир, ҳар кӣ биёбад, бидихаду ҳар кӣ битавонад, биёмурзад. Ту ҷониби афв – бахшиданро бигир».

Абдуллоҳ гуфт: «Ё ҷорияту, инна занба соҳибики аъзаму миммо юрҷо ъафвуху – Эй канизак, гуноҳи меҳтари ту бузургтар аз он аст, ки онро омурзиш тавон кард».

Канизак гуфт: «Айюҳа-л-амиру! Ва инна шафиъӣ илайка аъзаму миммо юҳшо раддуҳу – Шафеи ман ба ту бузургтар аз он аст, ки боз тавон зад».

Гуфт: «Ва мо шафиъуки-л-лазӣ ло юраддуҳу? – Кадом аст ин шафеи ту, ки боз тавон зад?»

Канизак даст аз рӯй бардошту рӯй ба-д-ӯ намуду гуфт: «Ҳозо шафиъӣ – Инак шафеи ман».

Абдуллоҳи Тоҳир чун рӯи канизак бидид табассум карду гуфт: «Шафиъун – мо акрамаҳу! Ва мо юътиқи мо аъзамаҳу! – Бузурго шафеъо, ки ту овардӣ ва азиз хоҳише, ки турост». Ин бигуфту бифармуд, то он сарҳангро халос доданду хилъат доду бинавохту ба ҷойи ӯ кароматҳо кард; ва ин ба-д-он ёд карда шуд то бидонӣ, ки мартабати рӯи некӯ то кучосту ҳурмати ӯ чанд аст.

Ҳикоят: Гӯянд султон Маҳмуд рӯзе ба тамошо шуда буду аз саҳро сӯи шаҳр ҳамеомаду дар он ҳол ҳанӯз амир буду падараш зинда буд; ва чун ба дари дарвозаи шаҳр расид, чашмаш дар миёни наззорагиён бар писаре афтод чиркинҷома, ба қадри дувоздаҳсола, аммо саҳт некӯрӯю турфаву зебо буд тамомхилқати мӯътадилкомат. Инон бозкашиду гуфт: «Ин писаракро пеши ман оред». Чун биёвар-

данд, гуфт: «Эй писар ту чӣ касиву падарат кист?» Гуфт: «Падар надорам, валекин модарам ба фалон маҳаллат нишинад». Гуфт: «Чӣ пеша меомӯзӣ». Гуфт: «Қуръон хифз мекунам». Фармуд то он писаракро ба саро бурданд. Чун султон фуруд омад, писаракро пеш хонду аз ӯ ҳар чизе пурсиду чанд кораш фармуд. Сахт зираку расида буд. Иқболаш ёрӣ дод, фармуд то модарашро биёваранду гуфт: «Писари туро қабул кардам, ман ӯро бипарварам, ту дил аз кори ӯ фориғ дор»⁵⁷. Модарашро некӯиҳо фармуду писарро чомаҳои зебо пӯшониду пеши адиб нишонд, то хату дониш омӯхту силоҳу саворӣ; ва писарро гуфт: «Ҳар рӯз бомдод, ки ман ҳанӯз бор надода бошам, бояд ки пеши ман истода бошӣ». Писар ҳар бомдод пагоҳ ба хидмат омадӣ. Султон чун аз ҳучраи хос берун омадӣ, нахуст рӯи ӯ дидӣ. Ва мақсуди султон озмоиши ҳучастагии дидори ӯ буд. Сахт ҳучаста омад. Чун берун омадӣ аз ҳучра, чашм бар вай афкандӣ, ҳар мурода, ки доштӣ он рӯз ҳосил шудӣ. Ва ин писарро аз чомаву некӯдошт ҷамолаш яке сад шуд. Султон ҳар рӯз ӯро ба ҳештан наздик карду шоистагӣҳо аз вай падид меомад, ва султон ӯро неъмату хоста медоду эътимод бар ӯ зиёдат мекарду менавохт. Неъмату таҷаммули ин писар бисёр шуду султон аз ишқи ӯ чунон гашт, ки як соат шикобо натавонист буд.

Ин писарро солаш ба ҳаҷдах расиду ҷамолаш яке даҳ шуд, ва аз муборакии дидори ӯ султонро бисёр корхову фатҳҳои бузург даст доду чандин вилояти Ҳиндустон бикӯшоду шахрҳои Хуросон бигрифтӣ ба султонӣ биншаст. Магар рӯзе ин писар ба узре дертар ба хидмат омаду султон бе ӯ тангдил гашта буд. Чун ӯ биёмад, аз сари ҳашму итоб гуфт: «Ҳону хон, ҳештанро мешиносӣ? Ҳеч донӣ, ки ман туро аз кучо баргирифтааму ба кучо расонида ва аз хоставу неъмат чӣ дорӣ, туро захира он бошад, ки як соат аз пеши ман ғоиб шавӣ». Чун султон ҳамӯш гашт, гуфт: «Султон, бифармояд шунидан, ҳамчунон аст, ки мефармояд, мани бандаро аз хок баргирифтӣ бар фалак расонид. Ман як фурумоия будам, акнун ба давлати худованд понсад ҳазор динор зиёдат дорам бе зиёву ҷаҳорпову бандаву озод. Ва малик бандаро он мартабату ҳашамат додааст, ки дар давла-

ти худованд пояи ҳеч кас аз пояи банда баландар нест; ва бо ии хама каромат, ки бо банда кардаасту ин неъмат додаву ба-д-ин дараҷа расонида, ҳеч сипосу миннат бар банда наниҳад, бар дили хеш ниҳад, ки бандаро аз ҷиҳати дили хеш некӯ медорад ба ду маънӣ – яке аз ҷиҳати он ки дидори банда ба фол гирифтгу дигар, ки мани банда тамошогоҳу боғу бўстони дили маликам. Агар малик тамошогоҳи хешро биорояд, миннат ба касе набояд ниҳод, харчанд мани банда ба шукру дуо муқобила мекунам».

Маликро ҷавоби он писар аҷаб хуш омад, ўро бинвохту ташриф дод.

Сухани бузургону аҳли ҳақиқат дар маънии рӯи некӯ би-сёр аст. Ин микдор ба-д-он ёд карда шуд, то бидонӣ, ки мартабати ин атову хилъати Эзиди Таоло ба ҷӣ ҷойгоҳ аст; бузургон мар рӯи некӯро чи азиз доштанду ин китобро ба-рои фоли хуб бар рӯи некӯ хатм карда омад. Муборак бод бар нависандаву хонанда.

*Таммат би ғавни-л-Лоҳи ва ҳусни тавфиқи Раббӣ-хтим
би-л-хайри ва-с-саъодати ва-с-саломати ва-с-сиҳҳати.*

*Тамом шуд ба ёрии Худо ва некӯ тавфиқи Ў. Парвардигоро,
бо некӯӣ ва саодат ва саломат ва сиҳҳат ба поён расон.*

ҲАВОШӢ ВА МУЛОҲИЗОТИ НОШИР

1. Ин истидлол назири мазмуни ин байти Фирдавсӣ аст дар «Шоҳнома»:

*Агар беҳ набудӣ сухан аз Худой,
Набӣ кай будӣ назди мо раҳнамой.*
2. Иборат нокису мубҳам аст ва шояд чизе соқит шуда бошад. Мурод баёни ин аст, ки офтобро ду давр аст, яке гардиши шабонарӯзӣ, ки дар 24 соат як бор бар ҳасби зоҳир гирди замин мегардад, дигар ҳаракати солиёна, ки дар муддати 365 рӯзу 5 соату 48 дақиқаву 45 сонияву ним як бор бар ҳасби зоҳир давраи минтақат-ал-буруҷро тай мекунад, аммо ин ҳаракати солиёна бар он ҳаракати шабонарӯзӣ комилан мунтабик намешавад зеро як бор сайри Хуршед дар минтақат-ал-буруҷ ба андозаи шаш соатулқариб ё ёздаҳ дақиқа изофа бар 365 рӯз тӯл мекашад. Пас агар, масалан имсол Хуршед дар аввалин сония як рӯз вориди аввалин дақиқаи бурҷи Ҳамал шавад, пас аз тайи як давраи комил минтақаи албуруҷ дар соати 5-у 49 дақиқаи рӯзи сесаду шасту шашум боз ба аввали Ҳамал мерасад ва чаҳорумин давраи солиёнаи он қариб 44 дақиқа қабл аз поёни 365 шабонарӯз ва рубъи шабонарӯз наздик ба ёздаҳ дақиқа «ҳама кам шавад» то пас аз 1461 сол дубора дар аввалин сонияи рӯз ба аввалин дақиқаи бурҷи Ҳамал дохил мешавад.
3. Дар «Сиёсатнома», ки дар ҳикояти Ростравиши вазири Баҳроми Гӯр гӯяд: «Ва якеро, ки ном халифаи Баҳроми Гӯр буд, ин Ростравиш гуфт ўро...». Ва низ баъд аз чанд сатр гӯяд: «Пас ҳаркиро халифа бигрифтиву боздоштӣ. Ростравиш хештан ришват бистадӣ ва халифаро гуфтӣ, то ўро даст боздорад». Ва аз ин чунон бармеояд, ки халифа ба маъмуре ва соҳибмансаб истеъмол мешуда, ки ҳам қудрати лашкари ва ҳам қудрати кишварӣ дошта ва бастану задану гирифтани ба унвони тақсир дар ихтиёри ӯ будааст ва ин ғайр аз маънии чонишину қоиммақому ноиб аст ва низ маънии «ғуломони саклабӣ (славянӣ), ки дар сарои шоҳон хидмат мекардаанд», чунонки Дози шарҳ додааст, намедихад.
4. Ёзтиқоди эронӣ бар ин будааст, ки дар ибтидои ҳазораи ҳафтум аз офариниши чаҳон Хуршед аз бурҷи Ҳамал равон шуд ва дар ин ҳазора буд, ки Каюмарт офарида шуду таносул сурат гирифт. Ҳамзаи Исфаконӣ дар «Таърих сани мулук-ул-арз» гӯяд: «Толен аввалини ин ҳазора Саратон буду Муштарӣ

дар он буд ва Хуршед дар Ҳамалу Моҳ дар Савру Зухал дар Мизону Миррих дар Ҷаливу Зӯҳраву Аторуд дар Ҳут ва ин ситорагон аз ин буруч дар рӯзи Ҳурмузд аз моҳи Фарвардин равон шуданд».

Дар китоби «Бундаҳишн» низ зоичаи ибтидои ҷаҳонро ҷунин гуфтаанд: Меҳр дар Барра, Моҳ дар Гов, Урмузд дар Харчанг, Тир дар Хӯша (ва ба ривояти дигар дар Дил), Кайвон дар Тарозу, Баҳром дар Ваҳик (Бузғола), Нохид дар Моҳӣ.

5. Иборати ин мабҳас мубҳаму мушавваш аст. Дар рисолаи «Киронот»-и Эроншоҳ ибни Алии Нишобурӣ мастур аст, ки «кироноти Зухалу Муштарӣ кирони узмо буду кирони вустову кирони суғро, аммо кирони узмо он бувад, ки дар Ҳамал афтад, ки нуктаи эътидол аст ва аввали буручи мусалласаи оташӣ то бозрасидани кирон бо ҳамон мавзеъ ва он нӯҳсаду шаст сол бувад ва кирони вусто он бувад, ки кирон дар мабдаи удвийини ҳар мусалласа афтад то боз ки ба дигар мусалласа интикол афтад ва муддати он дувисту чихил сол бувад ва кирони суғро он бувад, ки дар ҳар бурҷе афтад ва муддати он ба тақриб бист сол бувад».

Ва ҷун кирони асғари Зухалу Муштарӣ ҳар нуздаҳ солу 315 рӯз аст ҳафтоду се бор кирони онҳо наздик ба 1450 сол мешавад. Ҳубути кавокиб зидди шурфи онҳост ва ҷун ситорае ба маҳалли ҳубут расад ва далел аст бар пастии аҳволи мансуботи он ва ҳубути Зухал дар бурҷи Ҳамал аст муқобала ба истилоҳи илми нучум назари ситорае ба ситораи дигар аст ба фосилаи нисфи даври фалақ, ки 180 дараҷа бошад, яъне шаш бурҷ, масалан Қамар дар ҷаҳорум дараҷаи Саратон бошаду Муштарӣ дар панҷум дараҷаи Ҷадӣ ва он далел бар итмоми душманист.

6. Паҳлавӣ будани номҳои моҳҳо дуруст, лекин маъниҳое, ки Ҳаким барои онҳо оварда аз навъи «иштиқоксозии омиёна аст». Ардибиҳиштро «монанди биҳишт» ва Хурдодро «Хӯришдод», Шаҳриварро «Ревшоҳ» ва Дайро «Дев»-у Баҳманро «ба ҳамон» тарҷума кардан ҳама ҳаёлангез аст. Дар паҳлавӣ на Ард ба маънии монанд аст на Рев ба маънии дахлу оиде, на Дай ба маънии дев на Исфанд ба маънии мева. Мааҳазо бо Ҳаким дар ин боб баҳсе нест чи шояд ӯ ин вачҳи тасмийҳоро аз ҷое накл кардааст. Инак тафсиру гузориши саҳеҳи ин номҳо:

Фарвардинмоҳ, дар паҳлавӣ Фравартинмоҳ, аз калимаи Фравартинам-и форсии қадим Фраварти ва ба ҳолати

музофилайх фраварти ҳамон аст, ки дар паҳлавӣ фравахр гуфта мешавад ва ба маънии вучуди рӯхиву азалии мардумон аст, ки дар муддати зиндагонӣ ба манзалаи «эзиди ниғаҳбон»-и шахс аст ва пас аз марг низ ба ҷо мемонад.

Ардибиҳишмох (Урдибиҳишмох), дар паҳлавӣ Артваҳишт ба номи Ардибиҳишт, ки яке аз Амуҳраспандон (Амшоспандон)-и шашгона аст мавсуму мансуб аст. Ардибиҳишт аз калимаи форсии қадим Артам ваҳиштам омада, ки ба маънии беҳтарин ростӣ аст.

Хурдодмох, дар паҳлавӣ Хурдат, ба номи яке дигар аз шаш Амуҳраспанд номида шуда. Дар Авесто Ҳаурватат ва ба маънии тандуруст, саломату комил будан аст.

Тирмох, дар паҳлавӣ Тир, ба номи яке аз эзидон, яъне фариштагони дараҷаи дуввум мансуб аст. Тир аз калимаи авестоии Тиштрия меояд, ки номи ситораи Шийрои Ямонӣ аст. Тир илова ба ин ном ситораи Аторуд низ ҳаст ва Мурдодмох, дар паҳлавӣ Амурдат, дар авестой Амеретат ба маънии бемаргӣ, ҷовидонӣ омада. Номи яке аз Амшаспандони шашгона аст.

Шаҳривар, дар паҳлавӣ Шатривар, ба номи яке дигар аз Амшоспандон мавсум аст. Дар Авесто Хшатремваирим ба маънии кишвари ормонӣ, матлуб, шоҳигарии дилхоста меояд.

Меҳрмох, дар паҳлавӣ Митр, аз калимаи форсии қадим Митра. Дар Авесто Митра, яке аз эзидони дараҷаи аввал аст, ки ниғаҳбонии заминро осмон ва кулли мавҷудоти ҷаҳонро бар дӯш дорад. Маънии ин калима меҳр, дӯстӣ, қарордод аст. Баъдан, ба сабаби он ки Меҳр ба манзалати Офтоб аст, ин эзид ба маънии рӯшноии мутлақ, номи Хуршед, эзиди Офтоб маъмул гардидааст.

Обонмох, дар паҳлавӣ Апан, ба номи эзиде, ки ниғаҳбони об аст, номида шудааст.

Озармох, дар паҳлави Отур ба номи Озар, эзиде, ки фариштаи ниғаҳбони оташ аст, номида шудааст.

Даймох, дар паҳлавӣ Дату, аз калимаи авестоии Датвах, яке аз номҳои Худо – Аҳура Маздо (Сарвари Доно) мебошад.

Баҳман, дар паҳлавӣ Воҳумана; дар Авесто низ Воҳумана ба маънии андешаи беҳ, нек, маниши беҳ, нек аст. Номи яке аз Амшоспандон низ мебошад.

Сфандормадмах, дар паҳлавӣ Спандормат, дар авестой Спента арманти, маъниаш мазҳари муқаддас, фурутанӣ ва фармонбардорӣ аст. Аз шумори Амшоспандони шашгона мебошад.

7. Ҳаким Носири Хусрав низ аз Хурдод ва Хӯрдод ба сабили санъати тачнис истифода кардааст:

*Зи баҳри он ки то дар домат орад,
Чу мургон мар туро Хурдод Хӯрдод,
Киро хӯр дод гетӣ мурд бояд,
Аз он ояд паси Хурдод Мурдод.*

8. Ҳисобе ки Ҳаким карда барои он аст, ки бигӯяд дар соли чаҳорсаду бисту якум аз шоҳии Ҷамшед буд, ки давраи 1461-сола тамом шуд, чи $30 + 970 + 40 + 421 = 1461$, вале арқоме ки шумурдааст, бо ҳеч як аз ривоёту маохизе, ки аз достонҳои паҳлавонии эронии ба дасти мо расида, мувофиқат намекунад ва аз кадом манбаъ гирифта шудани он маълум нест.

Муддати шоҳии Каюмартро дар «Бундаҳишн» ва «Худойнома»-и паҳлавӣ ва тарҷумаи Ибни Мукаффаъ, «Шоҳнома» ва ғ. сӣ сол навиштаанд. Ҷамзаву Берунӣ ва Балъамӣ (ба як ривоят), Масъудӣ дар «Муруч-уз-заҳаб» (ба қавле) чиҳил сол гуфтаанд. Дар баъзе манбаъҳо ҳафтод, ҳафтсад, ҳаштсаду панҷ, ҳазор сол низ омадааст. Муддати подшоҳии Ҳушанг дар аксари манобеъ фақат чиҳил сол будааст (чуз як ривояти Балъамӣ, ки чаҳорсад сол низ гуфта).

Аммо ҳисоби ҳаким Хайём бо ин натиҷа, ки аз аввали замони Каюмарт то соли 421 аз шоҳии Ҷам 1461 сол буд, бо ҳеч як аз маохиз мутобик намеояд. Аз аввали шоҳии Каюмарт то охири шоҳии Ҷамшед бинобар «Бундаҳишн» ва «Худойнома»-и паҳлавӣ ва таҳқиқи Ҷамзаи Исфаконӣ ҳазор сол будааст ва ба қавли Ибни Мукаффаъ ҳазору даҳ сол. Бинобар навиштаи Берунӣ ва як ривояти Балъамӣ 896 сол, ба навиштаи «Мучмал-ут-таворих» 966 сол, ба қавли Ибни Кутайба 1960 сол, ба ривояти Яъқубӣ 840 сол, ба нақли Табарӣ 1824 сол, ба ривояти дигари Балъамӣ 1901 ё 2201 сол, ба ҳисоби ривоёти маохизи Масъудӣ дар «Муруч-уз-заҳаб» 710 ё 810 ё 1770 ё 1870, «Таърихи гузида» 1870 сол, дар «Танбеҳ»-и Масъудӣ 1141 ё 1131 сол, ба ривояти Саолибӣ 920 ё 1890 сол, ба қавли Фирдавсӣ 800 сол, ба гуфтаи Сайид Заҳируддин 1460 сол. Ҷамаи ин ақвол ва арқомро устод Артур Кристенсен дар китоби «Аввалин инсон ва аввалин шоҳ дар таърихи достонии эронӣ» ба тафсил нақлу баҳс кардааст.

9. Хоразмӣ – соҳиби «Мафотех-ул-улум» гӯяд: «Калдонӣ ононанд, ки собеиёну ҳаронӣ номида мешаванд ва бақоӣ эшон дар Ҳарону Ирок ҳастанд ва пайғамбари худ Будоспро медонанд, ки дар Ҳинд зухур кард ва бархе аз эшон мегӯянд, ки

Ҳермес будааст, аммо Будосп дар рӯзгори шоҳ Таҳмурас буд ва дабирии порсиро ӯ овард ва ин қавмро дар замони Маъмун буд, ки собеин ном ниҳоданд. Аммо собеиёни ҳақиқӣ фирқае аз насорӣ ва боқимондаҳои симниён дар Ҳинд ва дар Чин ҳастанд».

Дар боби таърихии собеиёни Ҳарон ва тафсили мӯътақидоти эшон рӯйи шавад ба китоби «Фехраст»-и Ибни Надим, чопи Техрон, сах. 320 ба баъд.

10. Агар бихоҳем давраи ҳазору чаҳорсаду шасту яксолаи дуввум тамои шавад, бояд ба ҷойи ин адад 182 ба шумор оварем, зеро подшоҳии Ҷамшедро 700 сол гуфтаанд ва 421 сол, ки аз он кам шавад 279 сол мемонад, пас $279 + 1000 + 182 = 1461$, магар он ки подшоҳии Ҷамшедро 718 бигирем.
11. Барои пур кардани ҳисоби соли як рӯзи расми эронӣ ин буд, ки дар ҳар садӯ бист соли, ки ин рӯзҳо бо ҳам ҷамъ ва як моҳи сирӯза тамои мешуд, дар он соли садӯ бистум ин як моҳро бар моҳҳои сол меафзуданд, ки сздаҳ моҳ шавад ва он соли сздаҳмоҳаро ваҳизак, яъне муборак меномиданд ва ҳуди моҳи зоидро ба тартиб дар садӯ бистсолаи аввал Фарвардин ва дар садӯ бистсолаи дуввум Ардибиҳишт меномиданд. Ба тавре ки дар солҳои ваҳизак як моҳ такрор мешуд ва барои он ки бидонанд дар интиҳои ҳар садӯ бист соли кадом моҳро бояд муқаррар кунанд, панҷаи дуздида (панҷ рӯзи охири сол)-ро дар ҳар бор ба охири моҳи такроршаванда мегузаридаанд.

Иҷрои қабиса мебоист ба мубоширати шоҳон ва дар маҳзари муҳосибину аҳли қаламу муаррихину ҳирбадону мубадон ва ба иттифоқи эшон бар сифати ҳисоб ба амал ояд. Дар замони Сосониён барои ин кор аз пеш ҳар қасро, ки дар иқтори мамлакат аз ашхоси мазбур суроғ доштанд, ба пойтахт меҳостанд ва машварат мекарданд то мувофиқа ҳосил гардад. Моли бисёр дар ин роҳ ҳарч мекарданд ва Наврӯзи он солро бо шукӯҳи ҳоса ҷашн мегирифтанд. Шоҳ хирочи он соли раиятро мебахшид. Чун ин амри бисёр муҳим барои ҳосу шоху раият судманд буд ва ҳикмату амал бар муҷиби табиат онро тақозо менамуд, лочарам ҳар вақт ки мавқеи қабиса қардан мерасид, агар вазъи кишвар ба сабаби ҳодисаҳои мағшуш мебуд, дар иҷрои он таҳаммул мекарданд ва мегузоштанд, ки ду моҳ аз он гирд ояд ва дар сари садӯ бист сол баъд ҳарду моҳро дар як сол меафзуданд ё агар бими он буд, ки дар мавқеи қабиса қардани оянда шояд авзои кишвар ҷунон бо-

шад, ки ичрои он ба монетае дучор шавад, қаблан бинобар эҳтиёт ду моҳ якҷо меафзуданд, чунонки дар охири кабиса, ки ичро шуд, ҳамчунин қарданд. Ва он ба қавли Берунӣ қариб яксаду навад сол қабл аз қатли Яздигурди саввум ва бинобар ин дар ҳудуди 460 мелодӣ будааст, ки замони салтанати Фирӯз писари Яздигурди дуввум аст.

Мубошири ичрои ин кабиса марде буд аз дастурони Яздигурд ва дар он мавқеъ ду моҳ бар сол афзуданд ва Андаргоҳ, яъне Ҳамсаи мустариқа (панҷ рӯзи ба сол иловашуда)-ро ба охири Обонмоҳ изофа қарданд. Эътибори ин кабиса барои яксаду бист сол баъд аз он таърих, яъне то соли 580 мелодӣ боқӣ буд, ки ба муддати шоҳии Ҳурмузд писари Ҳусрави Анӯшервон меафтод ва бинобар ин лозим набуд, ки Анӯшервон кабиса кунад.

12. Зичи Маъмунӣ ба амри Маъмун ба мубоширати иддае аз мунаҷҷимин, ки дар соли 215 то 217 дар Шамосийаи Бағдод ва кӯҳи Қосиюни Димишқ ба омӯзиши ситораҳо машғул буданд, таҳия шуд, вале ба сабаби вафоти Маъмун соли 218 нотамои монд.

Зичи Маъмунӣ дар замони Қифтӣ низ маъмул будааст, вале аз он ки мунаҷҷимин соли эрониро таъдил ва Наврӯзро дар аввали Ҳамал собит қарда бошанд, зикре дар кутуби маохиз нашудааст.

13. Таъдили Мутаваккилӣ дар Муҳаррами соли 243 ба амал омад ва Муҳаммад ибни Абдулмалики Зийёт даҳ сол пеш аз он ба амри Мутаваккил кушта шуда буд. Аз ин гузашта таъдиде, ки дар замони Мутаваккил ҳисоб қарда буданд ба сабаби марги Мутаваккил нотамои ва ноичро монд. Мӯътазид дар соли 279 аз нав мунаҷҷиминро водошт, ҳисоб қардан ва Наврӯзро мутобиқи соли суриёний (румӣ) собит қарор доданд ва аз соли 282 ба мавқеи амал гузоштанд.

Таърихи ин ислоҳот дар китобҳои таърихӣ арабӣ ва форсӣ омадааст.

14. Тавсифи ин олат, тасвири шакли он дар китоби «Гохнома – 1311», таълифи Сайид Ҷалолуддини Техронӣ (с. 103) омадааст.
15. Дар соли 467 ҳичрӣ буд, ки Султон Маликшоҳ ва Ҳоҷа Низомулмулк ҷамъе аз мунаҷҷимину риёзиёнро гирд ва эшонро амр ба таъдили сол қарданд, яъне Наврӯзро, ки ба воситаи ичро нақардани кабиса дар аввали баҳор собит намонда буд ва дар ин сол дар нимаи бурчи Ҳут буд, ба аввали эътидоли рабей биоваранд ва тартибе муқаррар доранд, ки ҳеч гоҳ ав-

вали Фарвардин аз ҷои худ тағйир накунад. Аз ҷумлаи он мунаҷҷимин яке Умари Хайёми Нишопурӣ буд, дигарон Абдурраҳмони Хозинӣ, Ҳаким Лӯкарӣ, Абулмузаффарӣ Исфизорӣ, Маймун ибни Начиби Воситӣ. Эшон таъдиде карданд, ки ба Таъдиди Ҷалолӣ маъруф аст ва аз соли 471 ҳиҷрӣ онро ба мавқеи иҷро гузоштанд. Ибтидои вазъи он рӯзи ҷумъа даҳуми моҳи Рамазон, санаи 471 буд ва дар он вақт нузули офтоб ба бурҷи Ҳамал дар ҳаҷдаҳуми Фарвардин буд. Ҳаҷдах рӯз аз аввалро қабиса карданд ва рӯзи нуздаҳумро аввали Фарвардин қарор доданд ва соли 471 ибтидои Таърихи Ҷалолӣ гардид.

16. Мӯхтавиёти ин фасл ба «Сиёсатнома»-и Низомулмулк шабеҳ аст ба тавре ки баъзе аз иборати ин фасл ҷунун менамояд, ки аз мундариҷоти «Сиёсатнома» гирифта ва ҳулоса шуда бошад.

Барои хон ниҳодани шоҳон рӯҷӯ шавад ба фасли сиву шашуми «Сиёсатнома» (ҷопи Техрон), ки ба ин тавр шурӯъ мешавад: «Подшоҳон ҳамеша андар хонҳо ниҳодан тақаллуф кардаанд...»

17. Ҷазро бо асал ҷӯшонида дар хум мегузоштаанд ва аз он моеи масткунанда ҳосил мешудааст.
18. Фасли даҳум аз «Сиёсатнома» марбут ба шахсоне будааст, ки дар дарбори халифаҳо онро соҳибулбарид [номабар, пайк, соҳибхабар] мегуфтанд.
19. Ба эҳтимоми шоҳон дар бино кардану обод сохтани мамлакат дар «Сиёсатнома» ишорае беш нашудааст, он ҷо ки мегӯянд: «Ва дигар он ҷо ба иморати ҷаҳон пайвандад аз берун овардани қорезҳову қандани ҷӯйҳову қалъаҳо ва бар қузарии обҳои азим ва обод қандани деҳҳову музореъ ва баровардани ҳисорҳо ва сохтани шаҳрҳову баровардани биноҳои қалъаҳо (ва нишастгоҳҳои бадеъ ба ҷои орад) ва бар шаҳрҳои қалъаҳо фармояду мадорис аз қиёмати толибилмон, то он номи ӯро ҳамеша бимонад ва савоби он масоҳат бад-он ҷаҳон ӯро ҳосил шавад...» Ин ишора мақсади баёни ҳаким Умари Хайёмро дар водоштани шоҳони замонаш ба тамоми қандани қалъаҳои қузартагон оё бар ин метавон қалъа дод, ки меҳостааст шаҳри муосири ӯ ва қонишини Малиқшоҳ қореро, ки Малиқшоҳ шурӯъ қарда буд ва ирғиботе ба ҳади Хайём дошт, яъне сохтани расадхонаро ба қоида бирасонад?
20. Мувофиқи маълумоти сарчашмаҳои ҷуғрофӣ ва таърихӣ шаҳре ва қале будааст миёни қуҳистони Лур ва Гундишопур. Ин қалъа гӯё шаҳри Қосониён Шопур сохта будааст. Ин

шаҳрро Қантара ҳам мегуфтаанд. Дарозии пул 520 қадам, бараш 15 қадам. Харобаҳояш имрӯз ҳам боқӣ мондаанд.

21. «Ва расми Сосониён чунон будааст, ки ҳаркӣ пеши эшон суҳане гуфтӣ ё хунаре намудӣ, ки эшонро хуш омадӣ ва бар забони эшон рафтӣ, ки «зех», хазинадор ҳазор дирам бад-он кас додӣ» («Сиёсатнома», с. 93-94).
22. «Парвиз малик гуфт, ки малик нашоёд, ки гуноҳи чаҳор гурӯҳ мардумро даргузарад: Яке он ки оҳанги мамлакати ӯ кунад; дигар он ки оҳанги ҳарами ӯ кунад; сеюм он ки рози ӯ нигоҳ надорад, чаҳорум он ки забонаш бо малик дар дил бо муҳолифон ва дар сар тадбири кори эшон кунад» («Сиёсатнома»). Ҳамин навъ матлаб дар асари паҳлавии «Номаи Тансар» ҳам омадааст.
23. Ручӯъ шавад ба «Сиёсатнома» ва «Қобуснома».
24. Хид ба маънии чави навруста бо вови маъдула аст бар вазни дид. Фирдавсӣ мегӯяд:

*Чаҳон сабз гардад саросар зи хид,
Ба ҳомун саронарда бояд кашид.*

Саъдӣ:

*Ҳаркӣ мазрӯи худ бихӯрд ба хид,
Вақти хирман-ш хӯша бояд чид.*

Баъзеҳо ин калимаро хавид бо вови малфуз хондаанд ва шеъри Фирдавсиро «сабз гардад ҳаме аз хавид», шеъри Саъдиро «бихӯрд ба хавид» навиштаанд.

25. Ишора аст ба эътиқодоте, марбут ба хоб дидани ангуштарӣ, ки «мулукро ба вилояту мулк гузориш кунанд» (Н. к. фасли «Ёд кардани ангуштарӣ...»)
26. Чошнӣ андаке аз таому шаробро гӯянд, ки аз барои тамйиз кардан бичашанд; ва чошнигир ҳокими матбахро гӯянд («Бурҳони қотеъ»). Шоҳон даст ба гизое наметзаданд магар пас аз он ки хонсолор худ аз гизое, ки ба ҳузур оварда аз ҳар як андаке мечашид, то шоҳ мутмаин шавад, ки дар онҳо заҳр нест.
27. Сарех аст дар ин ки кадхудо ба маънии вазир ҳам истеъмол мешуда. Масалан, дар «Сиёсатнома» дар муколамае миёни вазири Баҳроми Гӯр ва як тан лашкарӣ, он марди лашкарӣ мегӯяд: «Маро ҳаққи хидмат бошад дар ин даргоҳ — кори гул набояд кард, аммо туро кадхудой кардани подшоҳ бибояд омӯхт».

28. Ношири китоб ба форсӣ – Минуй ин калимаро Лаҳ-лаҳ хонда иборате гуфтааст, ки шарҳаш дар фарҳангҳо наомадааст.
29. Дорудон зарфе будааст, ки ба воситаи он дору дар даҳони бе-мор мерехтаанд ва аз ин иборати «Наврӯзнама» бармеояд, ки барои шир додан ба кӯдакон ба ҷои пистонаки имрӯзӣ низ ба кор мерафтааст.
30. Моддаи доруй, муқаввӣ дил, рафъкунандаи зуком ва ғ.
31. Муроди Ҳаким он аст, ки ин аломатҳои зикрашон омада, мансуби мардумонест, ки молро дар ҳок ниҳон кардаанд. Ба воситаи ин аломатҳо ҷои молро фаромӯш намеkunанд.
32. Хуму хунбу хунбаву хумбараву хунбараву хумра ҳама саҳеҳу ҳама дар фарҳангҳо мазбут аст ва хунбара хумчаву хуми хур-дро гӯянд. Низомӣ гуфтааст:

*Хунбараи нима барорад хурӯш,
Лек чу нур гардад гардад ҳамӯш.*

33. Номи Панохусрав дар силсилаи Оли Бӯя муқаррар шудааст, вале ин ҷо мурод, бешак машхуртарину бузургтарини эшон Абушучоъ Панохусрав Азуддавла писари Рукнуддавла Ҳасан аст.
34. Мурод, фоли фирӯзӣ ва киноя аз зафар аст. «Гӯянд нигоҳ кардан бар он рӯшноии чашм оварад» («Бурҳони қотъ»).
35. Шоирону адибони қадим дар назму наср дар баёни вақое, ки дар олами рӯё иттифоқ афтада буда сифати мозии истимрориро истеъмол мекардаанд. Масалан: «Хоб дидам, ки чунин ме-шуд». Мисол аз Фирдавсӣ:

*Чунон дид равшанравонам ба хоб,
Ки рахшанда шамъе баромад зи об.
Ҳама рӯи гетӣ шаби лоҷувард
Аз он шамъ гаштӣ чу ёқутӣ зард.
Дару дашт бар сони дебо шудӣ,
Яке тахти пирӯза пайдо шудӣ.
Нишаста бар ӯ шаҳриёре чу моҳ,
Яке тоҷ бар сар ба ҷои қулоҳ.
Маро хира гаштӣ сар аз фарри шоҳ
В-аз он ҷандапинону чандин сипоҳ.
Чу он чеҳраи хусравӣ дидаме.
Аз он номдорон бипурсидам...*

Аз «Сиёсатнома»: «Қазоро он шаб ҳарду ба хоб диданд, ки қиёмат астӣ ва халқ ба ҷойгоҳ шудандиву як-якро пеш мебурдандӣ ва Мустафо саллаллоҳу алайҳи вассалам шафоат ҳозир мекардӣ ва сӯи биҳишт мебурдӣ».

Дар ашъори шоирони баъдина ин қоида риоя нашудааст.
Ҳофиз мегӯяд:

Дидам ба хоби хуш, ки ба дастам пиёла буд...

36. Эҳтимол сӯхта бошад. Ба ин шакле, ки дар асл омадааст, дар фарҳангҳо ба назар намерасад.
37. Ин лафз дар ҳамин сафҳа дар мавриди даҳ муолиҷаи дигар низ зикр шуда. Агар ҳамон тало ва талои арабӣ [ба итқӣ] бошад, ба маънии ҳар чизе бошад, ки онро бар мавзее бимоланду талоя кунанд чун қатрон бар бадани шутур ва рағған бар гулӯ ва ғайра. Дар ин сурат бояд қабул кард, ки талои чигар ва талои меъда ҳам аз хориҷ бар мавзее аз бадан молида мешавад.
38. Оҷах, озаҳ.... иллате бошад, ки дар одамай ва асп пайдо мешавад. Донаҳои гӯштии саҳт бар аъзо бармеояд ба қадри гандум ё нахӯд ё мобайни онҳо хурду калон. Дард намекунад.
39. Мурод, дар таркиби шамшер ду унсур обу оташ аз ҷаҳор унсур – обу оташу боду ҳок дохил аст.
40. Дар мавориде ки имрӯз калимаи ҳайвонро ба шакли ҳайвонот ҷамъ мебандем, дар гузашта аксаран онро ба шакли танҳо меовардаанд, чи ҳайвон исми ҷинс аст барои ҳама зиндагон. Акси он, яъне ҳайвонот низ дида мешавад (масалан, дар ҳамин «Наврӯзнама»).
41. Ин эътиқод бояд робитае бо ин таъбири маҳсуси форсӣ дошта бошад, ки захираву чигарро маҷозан ба маънии шучоат истеъмол мекунем. Носири Хусрав мегӯяд:
*Гар ман асири мол шавам ҳамчу ину он,
Андар шикам чӣ бояд захира-в чигар маро.*
42. Сатир ҳамон аст, ки имрӯз «сир» мегӯем, яъне чихиляки як ман. «Ҳар истир ҷаҳор дирам бувад ҷунонки сесади истир ҳазору дувист дирам бувад». («Сад дар наср»). Сир (seer) дар забони ҳиндӣ ва ситак (setak) дар санскрит решаи аслии ин калимаанд ва онҳо низ чихиляки як маунд (maund)-и ҳиндианд.
43. Даруна ба фатҳи аввал ва бо вои маҷҳул... қавси кузаҳ ва камони ҳаллоҷиро низ гӯянд ва ба зами аввал ба ду маънии охир аст, ки қавси кузаҳ ва камони ҳаллоҷӣ бошад.
44. Дар ин ҷо ду шахс бо ҳам иштибоҳан маҳлут шудаанд. Яке Ораши камонгир аст, ки ҳангоми мусолиҳа байни Афросиёбу Манучеҳр барои таъини марзи Эрону Турон тир андохт (аз Табаристон то кӯҳи Хванванд тири ӯ парвоз кард). Мисол аз «Вис ва Ромин»-и Гургонӣ:

*Агар хонанд Ораширо камонгир,
Ки аз Сорӣ ба Марв андохт як тир,*

Дигаре Оғаши Ваҳодон аст, ки дар замони Кайхусрав шоҳи Гелон будааст. Ҳардуи ин номҳо дар «Номнома»-и Юсти [муҳаққиқи олмонӣ] зери унвонҳои Ереҳша ва Ағуш тавсиф шудаанд.

45. Мурод Ваҳрез (Ваҳриз, Ваҳриж) писари Комгори Дайламі сипахбаду саркардаи ҳаштсад тан зиндонии эронист, ки дар соли 570 ба амри Анушервон Хусрави Кубодон барои берун кардани зангиён аз Яман равона шуд ва он чоро гирифта замимаи мутасарруфоти Эрон сохт. Вай аз хонадони сосонӣ буд ва Ҳамзаи Исфаконӣ номи вайро Хурзод писари Нарсӣ гуфта ва мӯътакид аст, ки Ваҳрез исми мартабае аз маротиби бузургони дарборӣ будааст. Дар ин ҳикоят Ҳакимро иштибоҳе даст дода, ки шоҳи ҳабашро «Абраҳаи Саббоҳ» ном бурда ва ҳол он ки Абраҳаи Саббоҳ ҳамасри Шопури Зулактоф ва аз подшоҳони араб будааст. Шоҳе ки Ваҳрез ба тир зад, Абояк-сум Мусарвак ибни Абраҳа ибни аш-Шарми Ҳабашӣ буд.

Дар «Ғулар»-и Саолибӣ дар ин бобат матлабе оварда шудааст.

46. Ба маънии хоно ва қобили хондан омадааст.
47. Имрӯз ба шакли мураккаб – моее, ки аз дуда дуруат мекунанд барои навиштану чоп кардани аврок.
48. Сарех аст, ки мурод аз ин калима қаламдон аст. Дар ашъори Фарруҳӣ ба ин маънӣ омадааст. Дар китобҳои таърихӣ омадааст, ки гоҳе подшоҳе давати вазорат пеши касе мефиристад ба ин нишон, ки тӯро ба вазорат гумоштем. Ё вазиреро таҳдид мекунад, ки дават аз пешат баргирам, яъне тӯро азл кунам ё вазире давати вазоратро ба аломати истеъфо пеши шоҳ мефиристад. Дар ҳамаи ин маворид мурод қаламдони вазорат аст.
49. Ин калима дар фарҳангҳо ба назар нарасид ва шарҳи он муш-килот пеш меорад.
50. Дар ин бобат абёти Рӯдакӣ ба ёд меоянд:
- Май орад шарафи мардумӣ падид
В-озоданаҷод аз дирамҳарид.
Май озода падид орад аз бадасл,
Фаровон ҳунар аст андар ин набид.
Ҳар он гаҳ ки хӯрӣ май хуш он гаҳ аст
Хоса чун гулу ёсуман дамид.
Басо ҳусни баландо, ки май кушод,
Басо курраи навзин, ки бишканид.*

*Басо дун бахило, ки май бихӯрд,
Каримӣ ба ҷаҳон-дар пароканид.*

51. **Аз Умари Хайём:**

*Май гарчи ҳаром аст, вале то кӣ хӯрад,
Он гоҳ чӣ миқдор хӯрад, бо кӣ хӯрад.
Ҳар гоҳ ки ин се шарт шуд рост, бигӯ,
Пас май нахӯрад мардуми доно, кӣ хӯрад?*

Аз Абӯалӣ ибни Сино:

*Ҳалол гашта ба тақвои ақл бар доно,
Ҳаром гашта ба аҳкоми шаръ бар аҳмақ.*

52. Он чи имрӯз «мазза»-и шароб мегӯем дар гузашта нуқл ме-
гуфтаанд. Нуқл – он чи баъди шароб аз қисми туршу намаки-
ну кабоб ва ғайра хӯранд. (аз «Ғиёс-ул-луғот»). Аз
Манучехрӣ:

*Дар маҷлиси аҳрор се чиз асту фузун на,
В-он ҳар се шароб асту рубоб асту кабоб аст.
На нуқл бувад моро на дафтару не нард,
В-ин ҳар се дар ин маҷлиси мо-дар на савоб аст.
Дафтар ба дабистон буваду нуқл ба бозор,
В-ин нард ба ҷое, ки харобот хароб аст.
Мо марди шаробему кабобему рубобем,
Хошо, ки шаробасту кабобасту рубоб аст.*

Аз Убайди Зоконӣ: «Ҳакиме гуфта, ки хушёр дар миёни
мастон монанди зинда дар миёни мурдагон аст, аз нукулашон
мехӯраду ба уқулашон механдад».

53. **Чунбонидани суриш бошад ба хангоми рақс.**

54. Достони пайдоиши шароб дар осори шиғоҳӣ ва хаттии ада-
биёти форсӣ ба шакли нақлу ривоёт ва қиссаҳои дилангезе
вомехӯрад. Яке аз онҳо ин аст, ки гӯянд Чамшед (шоҳи
пешдодӣ) ангурро бисёр дӯст медошт ва амр кард, қадре аз
онро дар хум нигоҳ доранд. Чунин карданд ва сари хумро
пӯшонданд. Чун зимистон расид, рафтанд, ки андаке аз он
биёранд. Талх шуда буд. Гуфтанд: «Ин заҳр шудааст. Эҳтиёт
кунед, ки касе аз он нахӯрад». Канизаке, ки аз ранҷи дарде
бедармон аз умр ба танг омада буд, андаке аз он хӯрд ба
қасди он ки аз заҳмати зиндагӣ раҳой ёбад, беҳбудӣ ёфт. Розӣ
хосияти шароб макшуф шуд.

Ҳикояти дигаре дар бораи шароб дар китоби «Роҳат-ус-судур»-и Ровандӣ оварда шудааст. Эҳтимол Ровандӣ онро аз «Китоб-уш-шароб»-и муаллифаш номаълум гирифтааст. Ривояти Ровандӣ ин аст: «Ва овардаанд, ки ба даври Кайкубод чашне азим буду кибор дар ҳазрати бори симотайни хидмат кашида. Лаклаке биёмад море дар гардан овехтаву маҳкам шуда. Бар шакли додхоҳону фарёдхонон дар муқобили тахти малик бар замин нишасту ба забони мурғон аз дасти мор фиғон даргирифт». Яке аз ҳичоб ғуфт: «Ин безабон аз дасти ин ҳайвони ҷонситон дармондааст ва истиғосат ба ҳазрати малик оварда ва бо ӯ истизҳор ва савқе натавон кард, ки аз мо эмин бошад, то ӯро бираҳонем». Кайкубод бар кушоди тир кодиру восик будӣ, фармуд, ки ман ба тир сари мор дар замин дӯзам то мурғ роҳи ҳаво бардорад ва морро ба зору вор бигзорад. Гуфт: «Ройи аъло бартар аст». Рой ба имзо расонид ва мурғ ба фароғ ҳалос ёфта аз чашмҳо ғоиб гашт. Баъд аз замоне чун мустабширеву мустазҳаре гурозону нозон ҳалқақунон ба ҳамон мавзеъ фуруд омад. Панҷ дона дар даҳон хидматқунон сар бар замин ниҳод ва ба ғайбати таширф дод. Малик фармуд, ки муқофоти ин эҳсон, ки дар бораи ӯ намудем ин дона овардааст, ҳозир кунед то худ чист. Чун ба канори тахт нақл карданд, малик фармуд, ки ин чӣ шояд буд? Гуфтанд, ин аз наводири даҳру ғароиби аср аст. Чашми мо чунин чизе надидааст ва ғӯши ҷинс ин воқеа нашнидааст. Аснофи мардумро аз уламову ҳукамову атиббову даҳокину раҳобину файласуфону атторону баққолону мардуми кишоварзро ҳозир карданд ва ба хидмати тахти аъло оварданд. Ҳар касе сухане мегуфту дурре месуфт. Иттифок бар он ниҳоданд, ки ин дона ҳарчро бишояд аз ин кадр коре нақшояд. Дар замин дафн бояд кард то аз ӯ чӣ зояд. Дар ҷое ҳасин рӯдборае ҷустанду бар тарфи марғзоре бикиштанд ва дар тааххуд афзуданд то ба муддати набат аз ҳар яке шохе ҷаст, ки ҳазрати ӯ номуси аҷнаҳаи товус бишикаст. Хабар ба Кайкубод расид. Таҷашшум карду бидид ва васияте, ки лоиқ буд тақдим фармуду дар тааххуд фузуд, то ба ангур буду лутфи худ бинмуд. Гуфтанд: «Ин набот дар ҳазрат назрате дошту ба мева сар бифрошт аз ӯ дигар донҳо бибояд кошт то зеби боғҳову ороиши роғҳо аз ӯ ҳосил шавад». Чу бисёр шуд намеёристанд хӯрдан чи бар манофеъву музор вокиф набуданд.

Малик фармуд, ки манфиати ин дар обу шароб тавонад буд. Чу об бигрифтанду дар хунб карданд ба ҷӯш омад. Фай-

ласуфон аз он дар тааччуб монданд. Бар он ниҳоданд, ки чамъе мубохуддамро ҳозир бояд кардан то таҷрибат ҳосил ояд. Се каси мухталифулмизочро биоварданду бо кароҳии азим бо сад ҳазор бим шурбате ҳар яке бозхӯрданд. Ба дуввум шурбат густох шуданду ба саввум шурбат фарёд карданд то чаҳорум биёварданд. Чун панҷ расид нишот дар эшон омад ва рақсу качул огозиданд ва луру самсул варзиданд ва касро бо-лои худ надиданд. Забон ба дашноми Кайқубод кашиданд. Чун ба ғояти мастӣ расиданд, рӯзи дигар сабр наметавони-станд ва бузургон дар он шурӯъ намеёристанд.

Гуфтанд, то чаҳор фасл бар эшон нагзарад, эмин нашоёд буд, ки ин нишот ғаме орад ва марге бар эшон гуморад. Дар чаҳор фасл чанд касро ин шароб бидоданд то фавоиди шароб рӯй намуд ва ҳамаро нишот афзуд. Гуфтанд, манфиати он до-на ин буд. Баъд аз он зинати маҷлису чамъи аҳбоб ба-д-он мечустанд...»

55. Ғӯра ё ғӯрач (муарраб) номи қарияе будааст бар дари шаҳри Ҳирот.
56. «Ва дар саводи Ҳарӣ саду бист лавн анғур ёфта шавад, ҳар як аз дигаре латифтару дилпазиртар». («Чаҳор макола»-и Низо-мии Арӯзии Самарқандӣ, чопи Техрон).
57. Ин ғулومه, ки Султон Маҳмуд ба ин тарз тарбият карда буда-аст, ҳеч кас наметавонад бошад магар Аёзи Ёймоқ, ки баъдҳо дар рӯзгори Султон Масъуд аз сардорони мӯътабар шуд ва дар соли 449 ҳичрӣ даргузашт.

**ФАРҲАНГИ ЛУҒОТ
ВА ИСТИЛОҲОТИ «НАВРҮЗНОМА»**

Абаргун, навъе асп.

Абаркос, навъе асп.

Аблак, ҳар чизи дурангро гӯянд умуман ва сиёҳу сафедро хусусан; аблак муарраби он аст.

Абраш, ранги сурху сафеди ҳар омехтаро гӯянд; асперо низ чунин меноманд, ки ҳамин гуна нуктаҳо дорад.

Адас, навъе асп.

Амидӣ, навъе асп.

Аргун, навъе асп.

Ардибиҳишт, ниг.ба ҳошияи 6.

Асчадӣ, навъе хат.

Афзор, адвияи гарме, ки дар таом кунанд ҳамчун филфил, дорчинӣ, зира ва ғайра.

Ашқара, мурғони шикорӣ.

Ашқар, навъе асп.

Байдах, аспи тунду чангӣ.

Баҳман, ниг. ба ҳошияи 6.

Баҳоргун, аспи асилеро гӯянд, ки баҳри наслгириӣ онро ба гала ҳамроҳ мекунанд.

Баҳрӣ, навъе шамшер, мансуб ба Баҳрайн(?).

Бедод, ба маънои золим омадааст.

Беморнок, дардманд.

Бод, навъе асп.

Бодхинг, навъе асп.

Борагӣ, навъе аспи боркаш.

Булфазлӣ, навъе қалам; аз номи шахсе ба номи Булфазл.

Бунафшагун, навъе асп.

Бӯз, аспе, ки рангаш сафедча аст; аспи тунду тезро низ гӯянд.

Бӯр, навъе асп; аспе, ки рангаш ба сурхӣ моил аст.

Бӯрсор, навъе асп; монанд ба бӯр.

Бӯстонӣ, навъе шамшер.

Гандапир, зани пири солхӯрда.

Гулгин, сохта аз гул.

Гулгун, аспи сурхранг; аспи Ширин, маъшуқа ва завҷаи Хусрав (шоҳи сосонӣ).

Гулхинг, навъе асп; монанд ба сурххинг.

Гӯрсурх, навъе асп.

Дай, ниг. ба ҳошияи 6.

Деза, навъе асп; ранги сиёхро низ гӯянд; инчунин ба таври умумӣ ранги хокистариин ба сиёҳӣ моилро низ гуфтаанд, махсуси аспу уштуру ҳар бошад; баъзе ҳайвоноти дигарро, ки аз кокул то думаш хати сиёҳ кашида шуда бошад, ҳамин гуна ном мебаранд.

Димишқӣ, навъе шамшер.

Дугурӯҳа, дугулӯла; гулӯлаи ресмон, гулӯлаи тӯпу туфангу гулӯлаи бозиву гулӯлаи хаамири нон ва ғ. Курӯҳа муарраби он аст.

Дӯкон, мастаба; аз маъние, ки имрӯз медиҳад, дар гузашта фарқ доштааст. Дар он рӯзгор сӯфай тахтмонанде буда, ки дар миёни майдоне ё пойдеворе месохтанд. «Пешин аз мулуки Аҷам дӯконе (баланд) ва бар асп бисохтандӣ бар он ҷо рафтӣ то мутазолимонро, ки дар он сахро гирд буданд, бидидандӣ ва доди ҳар як бидодандӣ» («Сиёсатнома»).

Дӯстдор, шакли дурусти ин калимаро муҳаккиқи олмонӣ Т. Нёлдеке «дӯстор» медонад ва далел меоварад, ки он аз забони форсии бостон аст ва дар санғнабиштаҳои Доро (Катибаи Бесутун) ба назар мерасад.

Зарда, аспӣ зардранг.

Заронч, шакли ҷамъ аз калимаест, ки худӣ он ба беш аз бист вачҳ накл шуда ва аз ҳама машҳуртарини онҳо зароҳу заруҳу зареҳ аст ва ин номи ҷонваре аз ҳашарот аст аз мағас бузургтар, шабеҳи занбӯр, кирмизранг, дорои нуқтаҳои сиёҳу зарду сафед ва ду бол, ки ба-д-онҳо мепарад. Ин ҳайвон самм(заҳр)-и кушанда дорад ва агар хоҳанд асари самми он бартараф шавад, бо адас меомезанд ва ин махлут барои муолиҷаи касе, ки сағи ҳораш газида бошад, ба кор меравад.

Зоғзабон, дар асп таъриф аст ва дар одамии киноя аз мардуми сиёҳзабон бошад, яъне касоне ки дуову нафринашон асар мекунад.

Зоғчашм, навъе асп.

Зуннор, мурод ин ҷо куштӣ, камарбанди мазҳабии зардуштиён аст; зуннор камарбандест, ки онро насронӣён ба фармоиши мусалмонон мебастанд то ки аз мусалмонон фарқ бикунанд; зуннор дар асл калимаи юнонӣ аст.

Икдиш, ду тухмаро гӯянд аз ҳайвону инсон; нисбат ба аспе истифода мешавд, ки падараш аз чинсе ва модараш аз чинси дигар бошад.

Исмоилӣ, навъе қалам; зоҳиран, мансуб ба Соҳиб Исмоил ибни Аббод, вазири Оли Бӯя аст.

Исфандормад, ниг. ба ҳошияи 6.

Ишкел, асперо гӯянд, ки дасти рости пойи чапи ӯ сафед бошад.

Кавдан, аспи пири кундрав.

Калич, асперо гӯянд, ки ҳар ду пойи ӯ қач бошад.

Калоғӣ, навъе шамшер.

Каҳар, аспе ки рангаш ба ранги аспи кумайт монанд аст.

Кулӯс, асперо гӯянд, ки чашму рӯву пӯз(фук)-и ӯ сафед бошад.

Кумайтӣ, аспи сурхёлу думсиёҳ; ба гармову сармову гуруснагиву ташнагиву тохту тозу офтобу санглоху гилу лой токаташ аз ҳама бештар аст.

Куран, **Каран**, **Куранд**, **Куранг**, навъе асп, ки ранги ӯ миёни зарду бӯр бошад.

Кӯшканчир, яъне сӯрохкунандаи кӯшк, навъе аз олоти қалъакушӣ.

Қалъӣ, навъе шамшер; мурод аз қалъи ҳиндӣ, пӯлоди ҳиндӣ аст.

Қарочӯрӣ, навъе шамшер; қарочӯрӣ ва қарочӯлӣ низ гуфтаанд.

Қубо, ниг. ба шарҳ дар сах. ...

Лӯълӯ, навъе шамшер.

Лӯълӯӣ, навъе хат.

Магасхинг, навъе асп.

Майгун, навъе асп.

Матарс, зоҳиран, пайкараҳоест, ки зиреҳ мепӯшонанду ба сурати сипоҳиён ораста бар болои девори қалъа рост мекарданд, то муҳосирин гумон кунанд, ки муҳофизону лашкариёнаанд.

Муҳаллабӣ, навъе қалам.

Машаттаб, навъе шамшер.

Меҳр, ниг. ба ҳошияи 6.

Меҳрон, навъе қалам; аз номи шахси бузурге дар Аҷам бо номи Меҳрон(?), ки дар «Бурҳони қотеъ» аз ӯ ёд шудааст.

Миррихӣ, навъе шамшер; ниг. ба калимаи Сиррихӣ.

Мисрӣ, навъе шамшер.

Мондан, ба маънои гузоштан истеъмол шудааст.

Мохчӣ, асперо гӯянд, ки аз як ҷониб арабӣ ва аз ҷониби дигар туркӣ бошад ва онро дутухма ҳам мегӯянд; аспи ироқӣ, аспи хушчавлон ҳам гуфтаанд.

Мувадлид, навъе шамшер.

Мукаффаъӣ, навъе қалам; аз номи Ибни Мукаффаъ(?).

Муклӣ, навъе қалам; мансуб ба Ибни Мукла – котиб, хаттоти маъруф(?).

Мурдод, ниг. ба ҳошияи 6.

Мушкин, навъе асп.

Муҳалхалӣ, навъе қалам.

Наванд, наванда, аспро бо ин калима ном мебаранд.

Нармоҳан, навъе шамшер; маънии маҷозиаш марди забуну сушт.

Нилгун, навъе асп.

Нимҷарх, навъе камон.

Нозук, зарифу латиф, ки зуд осеб бинаду аз даст биравад.

Нукраҳинг, аспе ки рангаш ба мисли нукра сафед аст.

Обгун, навъе асп.

Обон, ниг. ба ҳошияи 6.

Озар, ниг. ба ҳошияи 6.

Пай, асаб.

Парвардигор, мураббӣ, парваранда.

Песа, навъе асп; рангаш сиёҳу сафеди ба ҳам омехта; ҳар ранги дигари ба сафед омехтаро низ гӯянд; аблақ.

Поло, **полод**, **полода**, **полой**, **боло**, навъе асп.

Рахш, ранги сурху сафеди дар ҳам омехта бошад; дар баъзе фарҳангҳо рангери гуфтаанд миёни сиёҳу бўр; аспи Рустам – қаҳрамони «Шоҳнома» Рахш ном дорад. Рахшро бо ранги қирмизиву зардаи тухми мурғ, сафедӣ ва гулҳои бисёр хурди миёни қирмизиву зард низ гуфтаанд; аз зери чашм то даҳон сафед будааст.

Салмонӣ, навъе асп; ранге бошад ба зардӣ моил; аспи даванда.

Сапед, навъе асп.

Сапедзарда, навъе асп.

Саранг, навъе асп.

Саричӣ, навъе шамшер.

Сарҳинг, навъе асп; зоҳиран, сабзранг.

Саъидӣ, навъе қалам.

Сиёрахш, навъе асп.

Сиёҳ, навъе асп; аспи Ҷамшед, аспи Исфандиёр – қаҳрамони «Шоҳнома» сиёҳ буда.

Сиёҳҷарма, навъе асп.

Симгун, навъе асп.

Сирпӯст, навъе асп; шояд ширпӯст(?).

Сис, аспи тунду тез.

Собунӣ, як навъ ҳалвои ларзонак ё роҳатулукум, ки аз равгани кунҷиду ношоиставу асал мепухтанд ва донаҳои pista ё бодом дар он ба қор мебаранд; гуногунранг аст; дар қолабҳои собунмонанд мерехтанд, аз ин рӯ собунӣ мегӯянд.

Суксук, аспе ки ноҳамвор роҳ равад.

Сул, ранги хокистарии моил ба сиёҳӣ. Ниг. ба Сур.

Сулаймонӣ, навъе шамшер.

Сур, аспи хокистарранги ба сиёҳӣ моил, ки хати сиёҳ аз кокул то думи ӯ кашида бошад ва онро сул низ гӯянд; доштани чунин аспро номуборак гуфтаанд: «Сур аз гала дур».

Сурххинг, навъе асп.

Сурхчарма, навъе асп.

Сӯхта, кав, он чӣ оташ дар ӯ зананд ва онро пада низ гӯянд; ба арабӣ – ҳарок.

Табоҳа, гӯшти пухтаи нарму нозукро гӯянд; ба маънии қалъи бодинҷони пухта низ омада.

Табоҳача, ниг. ба *Табоҳа*.

Тавобил, афзор.

Тавсан, ваҳшӣ, ромнашаванда; аспи саркашу чаҳанда.

Тарӣ, рутубат.

Тозичарма, навъе асп; аспи арабӣ; инчунин ниг. ба *Чарма*. Аспи нуктадори сурхранг.

Тӯз, пӯсти дарахти ҳаданг, ки бо он камонҳову сипарҳоро мепошониданд. Аз ин пӯст чун коғаз ҳам истифода мекарданд. Аз пӯсти ин дарахт пирохани тобистона низ месохтаанд.

Уқйа, воҳиди вазн (дар атторӣ, доруворӣ).

Фарвардин, ниг. ба ҳошияи 6.

Хинг, навъе асп; ҳар чиз, ашӯи сафедро гӯянд; аспи мӯяш сафедро хинг гӯянд; дар баъзе матнҳо умуман аспро хинг гуфтаанд.

Хингуқоб, навъе асп.

Хокранг, навъе асп.

Хурмогун, навъе асп; беҳтарин рангҳои асп кумайту хурмогун аст, ки ҳам некӯ бувад ва ҳам дар гармову сармо сабур бошаду ранчкаш.

Кумайте, ки рангаш чу хурмо бувад,

Ба гармову сармо тавоно бувад.

Хуршед, навъе асп.

Хусравонӣ (Динор), навъе зар; дирам.

Ҳаданч, **Ҳаданг**, аспи хинг, яъне аспе ки мӯйи ӯ сафед бошад.

Ҳайгар, аспи кумайтро гӯянд.

Ҳанифӣ, навъе шамшер. Ҳармал, испанд, субоби биёбонӣ; донии гиёҳи маъруф аст, ки барои дуд додан ба кор меравад ва барои дарди мафосил нек аст; мусхил аст, суди ӯ балгамро хориҷ мекунаду хунро пок месозад; ҳоб меоварад, зеро қувваи масткунанда дорад мисли шароб, ки мастӣ меоварад ва он ду навъ аст. Якеро ба форсӣ исфанд ва дигареро судоби биёбонӣ гӯянд.

Ҳиндӣ, навъе шамшер, ки аз оҳани ҳиндӣ ё дар худи Ҳиндустон сохтаанд.

Ҳошимӣ, навъе ҳалво.

Чавгонӣ, асперо гӯянд, ки барои чавгонбозӣ муносиб аст.

Чамуш, аспу устури лагадзану баднаълро гӯянд.

Чарма, навъе асп; аспӣ сафедмӯй.

Чарх, навъе камон; камони сахт; инчунин камонеро гӯянд, ки ба шакли манҷаниқ аст.

Чархандоз, камондор, камонбадаст.

Чашина, навъе асп, хинг, сафедмӯй.

Чашм, сафедии миёни сари ҳарфҳои фо, коф, вов.

Чил, аспест, ки дасту пойи чапи ӯ сафед бошад.

Чипор, ҳар чизи дуранг; аспе ки нуктаҳо, холҳои сиёҳ ё ғайри ранги ҳудаш дошта бошад.

Чошнӣ, ниг. ба шарҳ дар сах. 6.

Чав, ниг. ба шарҳ дар сах. 6.

Чаманд, чаман, чаманд, мардуми коҳилу ботилу бекорро гӯянд; нисбат ба аспӣ коҳилу гумроҳ аз ин калима истифода мебаранд. Чаман аспӣ хушроҳу нармрафторро ҳам гуфтаанд. Чаманд аспӣ кундрафтору коҳилро гӯянд.

Чамбӯр, аспе ки рӯю шикаму ҳар ду дасту пойи ӯ сафед бошад.

Чамзевар, асперо гӯянд, ки рӯю шикаму ҳар ду пойи ӯ сафед бошад.

Шабдиз, аспӣ Хусрави Парвиз – шоҳи сулолаи Сосониён.

Шароби масткунанда, навъе шароб.

Шароби офтобпарвард, навъе шароб.

Шароби райҳонӣ, шароби ноби хушбӯй.

Шароби сапеду тунук, тунук ба маънии рақику тира, ғализу тира истеъмол шудааст.

Шароби таршуш, ба арабӣ қахва гӯянд.

Шароби хурмой, навъе шароб.

Шахривар, ниг. ба ҳошияи 6.

Шӯлак, навъе асп; аспӣ тунду тез.

Якрон, аспӣ асилу хуб; дар баъзе фарҳангҳо рангест миёни зарду бӯр(сурх); низ асперо гуфтаанд, ки хангоми рафтан як пойи пасро тангтар ниҳад аз пойи дигар, яъне кӯтоҳтар гузорад.

Ямонӣ, навъе шамшер; мансуб ба кишвари Яман (дар Арабистон); мувофиқи маълумоти осори таърихӣ, ки аз замони Маҳмуди Ғазнавӣ иттилоъ медиҳанд, дар Ҳиндустон низ ноҳияе бо номи Яман вучуд доштааст.

МУНДАРИЧА

Э.Раҳмон. Наврӯзи бостонӣ ва ҷаҳонӣ.....	3
А.Турсун. Чун гул ба Наврӯз рухи лола бишуст.....	5
М.Минуй. «Наврӯзнама»-и Хайём	21
Оғози китоби «Наврӯзнама»	25
Андар оини подшоҳони Аҷам	32
Омадани мубади мубадон.....	34
Офарини мубади мубадон	35
Андар ёд кардани зар	35
Андар аломати дафинаҳо.....	37
Ёд кардани ангуштарӣ	39
Ёд кардани хавид.....	41
Ёд кардани шамшер	43
Ёд кардани тиру камон	46
Ёд кардани қалам.....	49
Ёд кардани асп	53
Номҳои аспон	55
Андар зикри боз.....	56
Андар гузидани боз	57
Гуфтор андар манфиати шароб.....	58
Гуфтор андар хосияти рӯи некӯ	64
Ҳавошӣ ва мулоҳизоти ношир.....	69
Фарҳанги луғот ва истилоҳоти «Наврӯзнама»	83

Умари Хайём

НАВРҶЗНОМА

*(Рисолае дар маншаъ ва
таъриху одоби ҷашни Наврӯз)*

Муҳаррири ороиш *Ромиш Шералӣ*
Муҳаррири саҳифабандӣ *Гурез Сафар*

Ба матбаа 10.02.2012 супорида шуд.
Чопаш 17.02.2012 ба имзо расид. Андоза 60x90 1/16.
Ҷузъи чопӣ 22,0. Адади нашр 1000 нусха.

Муассисаи нашриявӣ «Адиб»-и
Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон
734018, ш.Душанбе, кӯчаи Н.Қаробоев 17а

Дар матбааи ЧДММ «Эр-граф» ба таъъ расидааст.
734036, ш.Душанбе, кӯчаи Р.Набиев, 218.

Омар Хайям

НАВРУЗНАМЕ

Душанбе
«Адиб»
2012

ББК 84 Таджики 7-4-5
Х-74

Составитель *Муаззам Диловаров*
Редактор *Шамсия Мирзоева*

Х-74 **Омар Хайям Наврузнаме**
– Душанбе, «Адиб», 2012, 352 стр.

Вашему вниманию предоставляется перевод рукописи великого мыслителя и поэта Омара Хайяма «Наврузнаме», посвященной истории возникновения и культуры празднования Навруза.

ISBN 978-99947-2-180-1

© Издательства «Адиб», 2012

ДРЕВНИЙ И ВСЕМИРНЫЙ НАВРУЗ

Культура, которая служит улучшению жизни человека, является достоянием всего человечества. Она, подобно солнцу, восходит из глубины сердца и разума одной нации, преодолевает границы, всем поровну дарит свет и тепло. Да здравствует та нация, которая взрастила такую культуру кровью сердца и светом очей!

Каждый раз, когда размышляю о древнем празднике Навруз, всё моё существо охватывает подобное тёплое и горделивое чувство. В книге «Наследие Бузургмехра» («Ёд-гори Бузургмехр»), оставшейся нам в наследство из периода Сасанидов, запечатлены такие ценные слова: **«То, что предпочитает спасение души во времяпровождении, является достойной культурой»**. Мудрый везир Сасанидов Бузургмехр под понятием «времяпровождения» имеет ввиду возможности улучшения и украшения жизни. А словосочетанием «спасение души» выразил все средства духовного воспитания человека. То есть, достойная культура та, которая улучшает нашу жизнь и наше душевное состояние. Именно такой культурой является древний Навруз наших великих предков. Навруз – это новый день, начало смены и совершенствования природы мира и людей, заря свежих идей, новых созидательных планов, обновления внешнего облика и внутреннего мира, помыслов и чаяний.

Наши предки, согласно традициям Навруза, сеяли зёрна, строили дома, очищали среду, прощали и дарили свободу, ценили человека, добром вспоминали предков, проявляли заботу и милосердие в отношении умных и учёных людей, учились и обучали мудрости, творили её. В книгах запечатлено, что царь Джамшед, который считается основоположником Навруза, именно на этом празднике самосоздания и самопознания призывал людей к открытию рудников, созданию инструментов, строительству домов и дворцов, изучению знаний и мудрости.

Все эти названные достоинства Навруза разве не являются частью мечты и чаяний человечества и в наши дни? Разве каждая семья нашей планеты не желает, чтобы у неё был такой праздник?

С учётом всего этого, 19 февраля 2010 года 64-я сессия Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций приняла резолюцию о Всемирном дне Навруза. Когда я об этом узнал, про себя подумал: «Наконец-то все гуманистические мечты и чаяния наших предков, отражённые в благословенном Наврузе, стали достоянием человечества!». В этой резолюции говорится, что каждое государство – член ООН должно стремиться к развитию, совершенствованию и празднованию Навруза в своей стране. То есть, теперь Навруз будет торжественно праздновать не только его традиционные «собственники», но и около 200 государств-членов ООН.

Можно с гордостью отметить, что в стараниях нескольких стран, имеющих общий язык и культуру, в первых рядах находился и независимый Таджикистан, который внёс свой достойный вклад в дело становления Навруза всемирным праздником.

Наш созидательный народ веками охранял традиции и мудрость Навруза, передавая их от поколения к поколению. Наши великие и мудрые предки в своих ценных трудах доставили до сегодняшнего дня каждую сияющую жемчужину этого древнего праздника. В этом ряду особое место занимает бесценный труд великого учёного, математика и астронома, автора бессмертных рубаи хакима Омара Хайяма «Навруз-наме». Хайям с любовью и верой сочинил эту книгу несколько веков тому назад, чтобы в начале XXI века на сладком родном языке поздравить всех нас со становлением Навруза всемирным праздником.

Сегодня, когда Таджикистан стал местом празднования великого Навруза и пригласил друзей из ближних и дальних стран к праздничному дастрахану, «Навруз-наме» хакима Омара Хайяма станет праздничным подарком нашей нации каждому из них.

С праздником Навруз!

ЭМОМАЛИ РАХМОН,
Президент Республики Таджикистан

ДОЖДЕМ НАВРУЗА УВЛАЖНИЛОСЬ ПОЛЕ...

Культурологические заметки на полях

«Наврузнома» Умар-и Хайём

В отличие от счастья, которое почему-то всегда крадется в одиночку, беда никогда не приходит одна. Эта житейская мудрость на то и мудрость, чтобы не быть локализованной в определенной точке социального пространства-времени; она в равной мере относится и к жизненным невзгодам людей, живших тысячу лет назад...

В последнее десятилетие одиннадцатого века в политической цитадели Великих Сельджукидов произошел ряд трагических событий, которые оказались поистине роковыми и для постояльца царского двора Умара Хайёма: его высокого мецената Малик-Шаха (1055-1092) отравили; друга и покровителя Низом-ул-Мулка, ранее снятого с должности Великого вазира в результате дворцовых интриг, убили тогдашние неуловимые мстители (по-современному, террористы); они же сожгли культурную Мекку ученого — Главную мечеть столицы (Исфахон), где была собрана уникальная коллекция рукописных книг; наконец, закрыли научную гордость Хайёма — знаменитую обсерваторию, где в течение восьми лет (1074-1092) под его руководством проводилась большая работа по реформе официальной календарной системы.

Пытаясь спасти от неминуемой гибели свою астрономическую обсерваторию, Хайём написал «Наврузнома», где пропагандировал достойные подражания «обычаи царей Аджама», проявивших «большое усердие» не только в возведении дворцов, городов и караван-сараев, но и в материальной поддержке деятелей науки и культуры. Уже в самом начале своего трактата ученый воспроизводит церемонию встречи нового года во дворе древних царей Ирана и Турана (мулук-и Аджам), во время которой Главный жрец (Мубад-и мубадон) обращается к Шаху поздравительными словами. Там по художественной воле Хайёма в уста жреца вложено следующее многозначительное наставление: «Соблюдай обычаи предков с великодушием и добродетелью... Пусть талантливый и ученый человек ценится у тебя и получает жалованье».

В числе же обычаев «царей Аджама» Хайём, как бы между прочим, но не без явного подтекста сообщает: «Они горячо стремились к возведению зданий, и каждый царь, севший на трон державы, день и ночь думал о постройке города там, где был хороший кли-

мат, чтобы вспоминали, как он заботился о процветании страны». Более того, «обычай иранских, тюркских, румских царей из рода Афридуна был таков, что если царь возводил высокий дворец, город, селение, караван-сарай, крепость или проводил канал и если строительство не закончилось в его время, то его сын или преемник на троне государства после взятия дел державы в свои руки не обращал такого внимания ни на что, кроме окончания постройки здания, недостроенного прежним царем. Пусть все люди знают, что мы тоже стремимся к процветанию мира и страны. Но сын царя в этом отношении был еще более ревностен, чем его отец, чему было несколько причин: он говорил, что сыну еще более необходимо закончить недоделанное дело своего отца, объясняя, что поскольку мы сели на трон отцовского царства, нам более удобно сделать это, чем ему. Далее он говорил: мой отец возводил это здание для того, чтобы мир процветал, из великодушия, для доброй славы, для приближения к всевышнему Аллаху или для наслаждения и радости, во всяком случае, мне тоже необходимо процветание страны, добрая слава, удовлетворение всевышнего бога, наслаждение и радость. Поэтому он приказывал окончить здание и добивался окончания этого города или здания. И если это здание не оканчивалось в его царствование, это здание заканчивал его преемник. И люди благословляли и высоко ценили такого царя, говоря, что всевышний бог закончил это здание его руками».

Данный достойный подражания обычай, пересказанный в духе восточного «насихат» (морального наставления), конечно же, не произвел должного впечатления на тех, на поддержку которых рассчитывал абстрактно мыслящий ученый; времена были уже не те: новым правителям, вовлеченным в междоусобицу за политическую власть, просто было не до ученых, да и научных знаний вообще ...

Одиннадцатое столетие (век Хайёма) ознаменовалось политическим возвышением военно-кочевой знати тюркского происхождения. В начале этого исторического процесса, как писал летописец своего времени Хайём, «мы были свидетелями гибели учёных, от которых осталась небольшая многострадальная кучка людей. Суровость судьбы в эти времена препятствует им всецело отдаться совершенствованию и углублению своей науки». В образовавшийся же научный вакуум хлынула волна дилетантов и нечистоплотных имитаторов. «Большая часть тех, которые в настоящее время имеют вид учёных — свидетельствует с горечью

Хайём, — одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и лицемерия. И если они встречают человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек».

Именно «суровость судьбы», на которую сетовал Хайём, оказавшийся в эпицентре политических потрясений своего времени, не позволила ему осуществить свою заветную научную мечту: создать новый, более точный солнечный календарь. Однако в «Наврузнома» великий ученый свою эпохальную работу подытожил очень скромно и лаконично: «Время не дало возможности закончить сие дело».

Это же суровое время продолжало работать против Хайёма вплоть до его смерти. Не это ли обстоятельство отражено в его следующей философско-поэтической миниатюре?

В наш подлый век неверен друг любой.

Держись подальше от толпы людской.

Тот, на кого ты в жизни положился, -

Взмотрись-ка лучше, - враг перед тобой!

I

Проблематизируя известную русскую пословицу «чужая душа — потёмки», можно истолковать ее как отражение загадки эпистемологического отношения к Другому: познаваемо ли Другое Другим? Или, как говаривали в греческой античности, подобное познается только Подобным? Если же согласиться с последней философской сентенцией, то, как ее соотнести с другой народной мудростью, констатирующей, что «со стороны виднее»?..

Инокультурного читателя, впервые взявшего в руки книгу Умар-и Хайём «Наврузнома», не может не удивить обилие сведений о вещах и событиях, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к ее теме («истина Навруза»). В ней объяснение «причины установления Навруза» (по словам самого автора, он изложил все, что «нашел в книгах предшественников и слышал от ученых») соседят с рассказами о мечи и перстне, каламе (перо) и золоте, стреле и луке, названиях коней и свойствах красивого лица. А ведь книга принадлежит автору не какой-нибудь скорописи из серии «Аджоиб-ул-махлукот», но прославленному хакиму, известному своими открытиями в математике и философии и считавшему себя учеником самого Авиценны!

Дело, однако, не только или не только в своеобычности трактата, написанного в эпоху мусульманского Средневековья. (В нем, как правило, не проводится четкой разделительной линии между реальными историческими событиями и легендами о них, а собственные наблюдения и свидетельства автора переплетаются с преданиями и даже выдумками, некритически заимствованными из других книг.) Все дело - в особенностях восприятия феномена, закодированного под простым названием «*Новый день*» (*Навруз*).

Для Хайёма и его современников Навруз не был лишь повторяющимся из года в год календарно- сезонным событием, объявленным когда-то началом солнечного летоисчисления. А для нас, его потомков, Навруз не есть лишь новогодний праздник, который под грузом тысячелетий превратился в формальный обряд, то есть лишился своего изначального сакрального этоса и одухотворенного пафоса. Наверное, поэтому знаменитый мудрец не нарисовал *научный портрет* Навруза, а создал его *культурологический образ*. Последний же *мозаичен*: он воссоздан Хайёмом из разноцветных камушков астрономии и астрологии, эстетики и мифологии, этики и алхимии. Следует также заметить, что речь идет вовсе не о механической смеси разнородных элементов, а именно о *мозаике*. Однако для объемного восприятия мозаичной картины Навруза в первую очередь нужен голографический *культуроскоп*, а не аналитический микроскоп или даже исторический телескоп.

Ниже предпринята попытка превратить эту мозаику в *живую целостность*. Эмпирической базой нижеследующих теоретических размышлений, служит не только трактат «*Наврузнома*» Хайёма, но и такие классические научные произведения Абурайхон-и Беруни, как «*Тафхим*» и «*Осор-ул-бокия*».

Не в обиду другим и тем более не в укор всем остальным будь сказано, Навруз как новогодний праздник выделяется рядом своих существенных характеристик, превращающих его в уникальное мировое явление.

Первое. Навруз – пожалуй, самый старый новогодний праздник на земле; его следы теряются в глубине тысячелетий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже такие яркие звезды мирового научного небосклона, как Абурайхон Беруни и Умар Хайём, при объяснении происхождения Навруза прибегали к языку мифологии и религиозных преданий. Согласно традиционному воззрению, изложенному Хайёмом в трактате (рисола) о Наврузе, в незапамятные времена легендарный иранский царь Кайумарс, считающийся также Первопредком всего человеческого рода, *решил*

дать названия дням года и месяца и установить летоисчисление, чтобы люди знали это». Определив день и момент (утро), когда Солнце входит в созвездие Овна, он приказал «мубадам Ирана» (жрецам господствующей религии) начать летоисчисление с этого момента. Позднее его правнук Джамшед «устроил праздник в упомянутый день, дал ему название Навруз и приказал людям праздновать каждый год появление нового фарвардина и считать этот день началом года»¹.

Обратившись к реальной истории, следует заметить, что хотя «Наврузнома» Хайёма написана с мировоззренческой позиции зороастризм (зардуштия), однако в самой Авесте (имеется в виду, конечно, сохранившиеся части Книги) нет особого упоминания о Наврузе. Но там воспевается «День Хурмуза» – начало каждого месяца солнечного календаря. В пахлавиязычной же литературе, относящейся к авестийской традиции, Навруз особо выделен как как «День Ормазда (Хурмуза) месяца Фарвардин». Толкование этого названия Навруза можно находить у Беруни. «Это день избранный (руз-и мухтори), ибо он называется Хурмуз, (а Хурмуз) – имя (зороастрийского) великого бога – создателя, промыслителя и покровителя мира и его обитателей...».

Беруни обратил внимание и на другой важный аспект истории вопроса: зороастризм не был крестным отцом Навруза; последний как новогодний народный праздник существовал задолго до появления зороастрийской религии на духовной арене человеческой истории. Иными словами, зороастризм произвел лишь религиозную коронацию Навруза: в его рамках древний новогодний праздник получил высшую духовную санкцию. Отсюда вышеупомянутое религиозное название праздника: «День Ормазда (Хурмуза) месяца Фарвардин». Беруни разъясняет: «Причина наречения этого дня Наврузом [следующая]: когда [на аджамском троне] воцарился Джамшед, он восстановил религию [магов]. Это дело выгля-

¹ Все цитаты из «Наврузнома» приведены по академическому переводу, вновь публикуемому в данном сборнике, но местами уточнены по таджикско-персидскому оригиналу.

Авесто цитируется по его персидскому тексту Джагила Дустхоха (Душанбе: Конуният, 2001).

Все высказывания Абурайхон-и Беруни, касающиеся истории и мифологии Навруза, цитируются по академическому изданию его трудов на русском языке (см.: Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, т. I: Памятники минувших поколений, Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957; том 6: Книга вразумления начаткам науки о звездах), Ташкент: Фан, 1975, но местами уточнены или исправлены по таджикско-персидскому оригиналу или переводу.

дело величайшим. И тот необыкновенный новый день объявили праздником, хотя и до этого Навруз считался величественным и высокочтимым (азиз-у муаззам) днем».

Зороастризм как религиозная система свою духовную зрелость достиг уже к началу исторической эпохи, обозначенного Карлом Ясперсом как «Осевое время» (VIII столетие до Р.Х. – II век христианской эры), что позволило ему вступать в равноправный диалог с другими развитыми культурами эпохи интеллектуального пробуждения человеческого рода. В ходе начавшегося еще тогда межкультурного диалога этико-космологическое воззрение арийцев внесло заметный вклад в становление монотеистического сознания. Идеиные следы зороастризма специалисты находят на всех ветвях духовной традиции Иброхима (Авраама) – в иудаизме, христианстве и исламе, а также в буддизме. Это значит, что по большому историческому счету зороастризм способствовал духовному развитию человечества в целом.

С историко-цивилизационной точки зрения можно полагать, что социогенетика Навруза связана с неолитической революцией, имевшей место где-то на рубеже 10-6 тысячелетий до Рождества Христова и знаменующей в истории *Homo sapiens* стадийный переход от *присваивающего* типа хозяйства (собирательство и охота на животных) к *производящему* типу (земледелие и оседлое скотоводство). В числе принципиальных изменений, вызванных этим социоэкономическим переворотом, переход от лунного календаря к солнечному календарю, то есть к летоисчислению по движению Солнца. Это не просто смена одной системы отсчета времени другой; оно символизирует собой существенное изменение типа мировоззрения.

Для того чтобы в должной мере раскрыть общеисторическое значение этого мировоззренческого переворота, необходимо изменить концептуальную базу и инструментарий анализа: от *истории культуры* перейти к *теории культуры*.

Второй. Культура Навруза зиждется на ценностях, которые не чужды фундаментальным духовным началам жизни других народов мира.

В самом деле, Навруз – не праздник победы над кем-то или день национального плача по случаю поражения от кого-то; тем более – это не день ритуального возмездия за зло, причиненное субъекту праздника кем-то и когда-то. (Скажем, в день Навруза не издеваются над чучелом реального или виртуального врага, равно как и не посылают проклятия в его адрес.) Всенародный праздник

в целом не носит также протестный характер, хотя местами (в Худжанде, например) хор языкастых девушек высмеивал городских вельмож. Словом, ни *этос* и ни *пафос* Навруза не направлен против кого-то бы ни было.

Происхождение Навруза связывается с не какими-нибудь событиями этнического, национального или локального характера, а с самими масштабными явлениями, имеющими универсальное значение – актуальное или потенциальное. Так, традиция представляет Навруз как начало ряда космогонических событий (они перечислены в трудах Беруни и Хайёма: сотворение Вселенной, создание дольного мира, образование Солнца, приведение в движение небесных сфер и т. д. Не менее масштабны и универсальны также ассоциируемые с Наврузом поворотные моменты эпической борьбы Добра и Зла, особенно победа Кайумарса над Девом. Но праздник установлен не в честь этих космических и эпических событий. Правда, день Мехргона (второго по значению национального праздника, совпадающего с днем осеннего равноденствия) ассоциируется с днем заточения узурпатора Заххока-Змееносца повстанцем Ковой. Однако опять-таки само народное торжество учреждено не по данному случаю, а, как не без соответствующего политического подтекста информирует Хайём своих читателей – первую очередь новых хозяев двора Сельчукидов! – «в честь добрых царей».

В высшей степени характерно также то, что в отличие от других почитаемых праздников, особенно тех, «*причиной коих* – по Беруни – *являются дела веры*», Наврузу не предшествуют дни скорби. Правда, некогда иранцы – западные (персы) и восточные (согдийцы) – отмечали и траурные дни, но те были посвящены проходам старого года и, к тому же, не вошли в традицию. Во всяком случае, эти обычаи не сохранились до наших дней, что тоже не случайно.

Объединяющее начало Навруза – не языческая или этноцентристская религия, равно как и не какая-либо эзотерическая секта, не сакрализованная география и тем более не «голубая кровь», а *культура* с большой буквы, которая с момента взаимного отчуждения сынов Адама призвана восстанавливать былые общеродовые узы человечества.

Третий. Навруз – самый универсальный среди всех известных народных праздников: как по природной основе, так и по культурным архетипам. Универсальность Навруза как астрономического явления очевидна: за начало нового года принят момент первого восхода Солнца после наступления равноденствия, которое отра-

жено во всех известных системах солнечного летоисчисления (от календаря Майя до «эры Джалоли», созданной Хайёмом).

Астрономическое явление равноденствия открыли не иранцы. Первое научное описание это небесного феномена принадлежит греческому ученому Гиппарху (второе столетие до христианской эры), а в изучение его особенностей внес вклад средневековый арабский астроном Собит ибн-и Курра. Приоритет в принятии дня весеннего равноденствия как начала нового года тоже принадлежит не им – до них это сделали шумеры и вавилоняне. Но иранцы *одухотворили* явление равноденствия: органически включили его в свою полифоническую (но не синкретическую!) традицию, выросшую на стыке цивилизаций Востока и Запада. Так, согласно Беруни, Первочеловек (Кайумарс) сотворен в точке равновесия дня и ночи (*муаддилуннахор*) [6], что перекликается с древним представлением о священном «центре» как месте творения – излюбленной идеей архаичных космологий.

Конечно, Навруз, как и любой другой народный праздник, отражает архетипы и инварианты культуры того этноса-творца, а также его религиозно-нравственные нормы и историософские идеалы. В этом качестве культура нашего праздника представляет собой зеркало земледельческой цивилизации иранской ветви арийства. Вместе тем, однако, Навруз *не этноцентричен*, не замыкается в скорлупе собственной традиции, хотя служил и продолжает служить одним из важных конститутивных элементов самосознания ираноязычных народов. Главное же в культуре Навруза состоит в том, что ей не свойственно особое выделение субъекта праздника, скажем, в качестве *богоизбранной общины* или *богоносного* народа. По своему происхождению – это общенародный праздник Аджамы но он установлен не для одних туранцев или иранцев; Навруз включен в более широкий культурно-исторический контекст.

С этой точки зрения обращает на себя внимание *нравственный* этос культуры Навруза. В ее мировоззренческом основании лежит убеждение в том, что данный праздник установлен полномочным представителем *Бога Добра* для *всех добрых* людей. Этим сказано всё. Другого такого универсального праздника на земле нет.

II

Происхождение новогоднего праздника Навруз обычно объясняют в культурологическом контексте древнего мифопоэтического представления об умирающей и воскресающей природе, генети-

чески связанного с общим духовным полем политеизма. Что до исторического происхождения этого культа, то в западном культуроведении, как правило, ограничиваются ссылкой на праздничную традицию древнего Шумера и Вавилона: там существовал культ умершего бога Тамуза (в Финикии его звали Адуно, который был трансформирован греками в мифического героя Адониса), воскрешающегося каждый год в весеннюю пору.

Типологически сходная версия мифа о боге умирающей и воскрешающей природы существовала и среди предков современных таджиков. Речь идет о стародавнем народном почитании Сиёвуша. Культуроведы усматривают в его образе отражение архаичного мифа об умирающем и воскрешающем божестве растительного мира, вытесненном в дальнейшем теологическими образами зороастризма. Однако для нынешних таджиков Сиёвуш прежде всего культурный герой, трагическая история которого приобрела вторую жизнь в эпико-поэтической полотно Фирдавси «*Шахнома*». Не будем гадать о хронологии появления древнесогдийского варианта данного мифа. Это и не важно; важно то, что культ Сиёвуша в ритуальной форме живет до сих пор.

По характеру же соблюдаемого и поныне ритуала поминания Сиёвуша можно догадаться, что в основе старотаджикского варианта культа лежит более ранний языческий культ, распространенный во всех древних культурах; в нем отражается сезонно-календарный цикл жизни растений, ежегодно увядающих осенью, исчезающих зимой и расцветающих вновь весной. Очевидно, с реликтами именно этого культа связан преднаврузный праздник *гулгардони* (*гулгардак*), во время которого народные почитания полевых цветов – «*наврузи*», «*бойчечака*», «*сияхгуша*» и других – как предвестников воскрешения природы. В простонародном же сознании эти ранневесенние полевые цветы олицетворяют тот символический красный цветок, который, по преданию, вырос на месте казни Сиёвуша и получил название «*кровь Сиёвуша*» («*хун-и Сиёвуш*» или, по-Фирдавси, «*хун-и Исёвушон*»).

В восточном средиземноморье (Ассирии, Вавилоне и Сирии) праздник, посвященный умирающему и воскресающему богу, состоял из двух частей – *грустной* (плач по умершему богу) и *радостной* (по нововоскресшему).

Обобщая этнографические данные о ритуалах и обычаях Навруза, соблюдаемых в разных частях иранского ареала культуры, можно заключить, что и церемония почитания Сиёвуша состояла из двух частей – *грустной* и *радостной*. Но в сохранившихся среди

таджиков ритуалах почитания Сиёвуша эти моменты не разведены во времени. Поэтому иные их новогодние обычаи могут выглядеть необычными, особенно практикуемая бухарцами праздничная жертва петуха на предполагаемой могиле Сиёвуша, которая сама по себе явление уникальное, не наблюдаемое в других регионах иранского ареала культуры.

На мой взгляд, главная загадка культурологии легенды о Сиёвуше в ее связи с ритуалами празднования нового года состоит в следующем. В зороастризме петух, особенно петух белого цвета – одно из самых почитаемых священных животных; его нельзя убивать, а тем более употреблять его мясо. Не будем касаться новогодней традиции таджиков Афганистана (там в ночь Навруза и поныне из мяса белого цыпленка готовят ритуальную пищу *чуджа-палов*); сосредоточимся на более загадочном явлении: почему в Бухаре десятого века в день поминания невинной жертвы (Сиёвуша) жертвовали другого невинного живого существа? В этой связи интересен также деталь легендарной охоты мстителя (Кай Хусрава) за Афросиёбом (убийцей Сиёвуша). Сыну Сиёвуша помогает другое божество растительного мира Хаома, который в момент завершения «операции» по поимке убийцы принимает образ петуха. Казалось бы, надо воспевать петуха, а не проливать его невинную кровь! Или хотя бы подражать легендарным китайцам, которые в своих траурных церемониях использовали петуха для изгнания злых духов! Но это уже из области сравнительной мифологии, где такого рода загадки не редкость.

Переплетение, смешение или интерференция разных традиций, влияние одной традиции на другую (вплоть до принятия – добровольно или насильно – чужой традиции) – общее место в истории культуры.

У Рудаки есть новогоднее двустишие, в котором лирический герой поздравляет с Наврузом, объявляя его днем жертвоприношения овца (*гуспандкушон*). Но это уже мусульманский ритуал жертвоприношения, совершаемый в «Ид-и Курбон», Очевидно, во времена Рудаки произошло хронологическое совпадение исламского и зороастрийского праздников (первый по лунному календарю, а второй – по солнечному). Это наводит на мысль о том, что бухарский ритуал жертвоприношения петуха на могиле Сиёвуша не является специфически зороастрийским; в данном случае мы имеем дело скорее исторической интерференцией разных духовных традиций: *дозороастрийского (митраизм), зороастрийского и исламского.*

Логика исторической культурологии подсказывает, что культ Сиёвуша более соответствует предновогодний праздник «Гул-и Сурх» (Красный цветок), который отмечается по сей день в Мазоре и Шарифе (Афганистан) и Исфаре. Есть также постновогодний праздник «День цветов», который отмечается до сих пор в древних городах, в особенности Самарканде, Бухаре и Худжанде. Ведущим субъектом этого праздника является юноша с букетом красных роз или тюльпанов. Его можно рассматривать как олицетворение воскресшего Сиёвуша, а красные розы и тюльпаны – символами крови культурного героя–мученика.

В уже упомянутой восточно-средиземноморской версии праздника умирающего и воскресающего бога *трагические* мотивы, воплощенные в соответствующих скорбных ритуалах, кажется, были выражены сильнее *оптимистических*. Но в позднегреческой версии праздника умирающей и воскресающей природы, в которой культ Адониса стал сопрягаться с культом Диониса или Вакха, на передний план выдвинулись сугубо *романтические* мотивы.

Навруз тоже имеет политеистическое происхождение, а потому сохранил духовный потенциал своего родимого пятна. Но в моноистической перспективе зороастризма мозаичная культура Навруза засверкала новыми гранями – теми, герменевтика которых выходит за узкие рамки объяснительной схемы языческого культа Адониса и его духовных собратьев по индоевропейскому древу, в том числе и согдийского культа Сиёвуша.

В философско-культурологическом плане важно подчеркнуть, что Навруз с самого начала своего появления на арене культурной истории Аджамы был праздником *возрождения* - не только собственно природы, но и Духа. Правда, существовало также почитание умерших: традиция предписывает посетить кладбище и обрадовать души покойников в дни Навруза. О силе этой традиции можно судить уже потому, что наши предки соблюдали ее и в рамках сугубо мусульманских праздников *ид-и Фитр* (Рамазан) и *ид-и Азхо* (Курбон). Но эту традицию нельзя механически уравнивать с архаичным *культом мертвых*. В основе древнего зороастрийского праздничного ритуала, очевидно, лежало особое почитание *предков*, которое, однако, не тождественно культу мертвых.

В данном плане любопытно наблюдение Геродота: древний грек не без удивления заметил, что «самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека». Особенно пышно отмечался день рождения царя: во дворце устраивали торжественный пир, во время которого придворным вручались

ценные подарки. Очевидно, не без влияния этой древнеиранской традиции в Элладе стали отмечать дни рождения не только богов, но и выдающихся людей.

Если эти судьбоносные космические явления включить в контекст древнеарийского культа рождения, то Навруз предстает как средоточие ряда “рождественческих” событий: космогонических, антропологических и исторических. Среди них наиболее значимыми оказываются дни рождения Солнца и Человека (первопредка его рода Кайумарса). Изначальную цель празднования начала нового года Хайём усмотрел в том, чтобы *«почтить Солнце»* как источника наиболее яркого света в общем ряду божественных светов. В день Навруза *«все люди чтят Солнце... они смотрят на него с торжественностью и почетом»*. Нам бы хотелось подчеркнуть, что Навруз — всенародное чествование дня рождения не только Солнца, но и цивилизации. Ведь воцарение родоначальника человечества Кайумарса, знаменующего собой начало *«золотого века»* в истории, тоже произошло в день Навруза.

III

Почему в классической культуре ираноязычных арийцев особое значение приобрело такое, казалось бы, рядовое астрономическое явление, как *равноденствие*? Почему самые светлые праздники древнего Ирана и Турана Навруз и Мехргон по времени совпадают с наступлением *равноденствия* — соответственно весеннего (Навруз) и осеннего (Мехргон)? Хотя с собственно астрономической точки зрения, как заметил еще Беруни, *«солнцестояния лучше взять за начало года, чем равноденствия»*.

Именно так и поступили древние греки. Но в одном только научно-практическом *удобстве* ли причина греческого выбора? Не заключается ли первопричина в разности *общекультурных* посылок иранского и греческого рационального мышления вообще?

Провозгласив борьбу космических сил притяжения и отталкивания, символизируемых соответственно *«Любовью»* и *«Враждой»*, древнегреческая мудрость в лице Эмпедокла не спустилась с окутанных диалектическими противоречиями небесных высот на землю, хотя она тогда еще не считалась грешней.

Арабо-аджамская же мудрость движущей силой нравственно одухотворенной Вселенной считала одну лишь *«Любовь»*. В мусульманскую эпоху благодаря духовно-интеллектуальным усилиям суфиев *«любовь»* превратилась в этико-космологическую категорию и как таковая вышла за пределы *тасаввуфа* (суфизма). Разра-

боткой этой категории занялись даже *фалосифа* (философы), представлявшие на мусульманском Востоке традицию греческой рациональности, а именно школу перипатетизма. Так, Абуали-и Сино написал на эту тему специальное философское сочинение под названием *«Трактат о любви»*. Если же вопрос поставить в более широком культурно-историческом контексте, включающем также домусульманскую интеллектуальную традицию, то выясняется, что квинтэссенцию ирано-таджикского мироощущения более адекватно выражает категория *«дружелюбие»*. Так, в известном домусульманском сочинении *«Мену-и хирад»* (VI в.), одним из *«величайших добродетелей»*, необходимых праведному человеку в качестве жизненного принципа, провозглашено *«доброжелательное отношении ко всему и ко всем»*.

Обращая внимание на то, что Солнце и один из месяцев древнеиранского солнечного календаря называются одни и тем же именем *Мехр* (буквально: *любовь*), Хайём особо подчеркнул, что эту часть года иранцы считают *«месяцем дружбы между людьми»*. Не лишне заметить, что *«мехр»* в смысле *дружбы*, в отличие от суфийской *«любви»*, не предусматривал конечное растворение субъекта в объекте, символизируемое в образе любви мотылька к свече. (Правда, спустя много веков, в философски зрелой поэзии Мухаммада Икбола – по словам Саида Нафиси, *«самого выдающегося суфия двадцатого столетия»* – традиционный акт интеллектуального «самосожжения» был фундаментально переосмыслен.)

Напротив, мирской *«мехр»* предполагал *триединство активности*: в окружающей среде, социуме и индивидуальной жизни. (К слову сказать, согласно исламской традиции форма активности человека в личностном плане выражалась в *«Большом джихаде»*, то есть духовном самоусовершенствовании.) Дружба со всеми предусматривала совместный *созидательный труд* ради *Благоустройства* везде и всюду - от микрокосма до макрокосма. Фирдавси в пылу утверждения этого идеала политической волей легендарного Джамшеда приучил к труду даже злых духов (*девов*):

И дивам нашел он работу подстать:

Заставил их глину с водою мешать,

Лепить кирпичи одного образца

И не было этой работе конца!

Из камня с известкой див стену воздвиг,

Мир зодчества тайну впервые постиг.

Философски обобщая поэтическую аллегорию Фирдавси, можно сказать, что в самом архетипе культуры Навруза заложен культ одухотворенного творческого труда. Арийский новогодний праздник олицетворяет не только день сотворения Вселенной Богом, но и начало со-творческой деятельности человека на земле во имя усовершенствования мира сего.

А эта деятельность изначально носила ярко выраженную этическую направленность: она была призвана содействовать победе Добра над Злом во вселенческом масштабе. В историческом же плане со-творческая активность человека олицетворяла собой начало строительства цивилизации. Если Фирдавси главную суть созидательной работы Джамшеда свел к градостроительству, то Беруни особое внимание обратил на создание Тахмурасом письменности. Оба (город и письменность) суть классические перво-элементы любой цивилизации.

Все это побуждает углубиться в мировоззренческо-ценностные основания арийского мышления. Его ведущее основоположение четко сформулировано в «Наврузнома» Хайёма: *«Единый порядок обуславливается равновесием... Этот мир установлен только равновесием, он процветает благодаря ему»*. Очевидно, Хайём опирался на древние зороастрийские тексты. В одном из них («Бундахишн») со ссылкой на Ахуро Маздо говорится, что весь материальный мир создан равным с тем, чтобы все сотворенное было одним целым – надо полагать, гармоническим целым.

Исходя из этого, можно констатировать, что речь идет о всеобщем постулате, – назовем его *философией равновесия*. Равновесие было важным элементом категориальной структуры ирано-туранского мировоззрения *per se*. Так, в архитектуре основополагающей эстетической категорией стала пропорциональность частей, а в музыке – гармония звуков. Учитывая архетипическую предзаданность морального вектора ирано-туранского мировоззрения, можно сказать, что парадигматическая роль философии равновесия особенно велика в этике.

В тасаввуфе (суфизм) космическая онтология равновесия естественно и плавно переходит в земную этику умеренности. В этом теософском комплексе этика умеренности сформулирована в качестве следующего морального императива: *необходимо соблюдать меру во всем* – от выражения чувств любви и соблюдения религиозных обязанностей до удовлетворения социальных потребностей и биологических нужд. О степени социальной значимости этой максимы можно судить уже по тому, что в таджик-

ском фольклоре она «узаконена» в форме народной пословицы: «Андозаи хама корҳо ниғаҳ дор». Этика, вытекающая из философии равновесия, в одинаковой мере порицает и *недостаточное* (тафрит), и *чрезмерное* (ифрот). Оба квалифицированы Газали как «*порок, а совершенство – умеренность*».

Таким образом, философия равновесия составляет мировоззренческо-теоретический фундамент не только космологии, но также эстетики и этики Аджама.

Философия равновесия имплицитно присутствует и в той версии космического круговорота, которую поэтически воспел Рудаки. Во вселенческих процессах возникновения и уничтожения действует принцип *симметрии*: круговорот не есть повторение одного и того же, равно как и полное уничтожение ранее существовавшего. *Оптимистическая трагедия* заключается в том, что уничтожение сопровождается обновлением.

*Ты видишь: время старит все, что казалось нам новым,
Но время также молодит деяния былые.*

Чтобы показать органичность связи Навруза с философией равновесия, попытаемся заземлить эту философию. Хайёмовская концепция равновесия не есть отвлеченная метафизическая идея. Она не является также продуктом ситуативной рефлексии, то есть своего рода *ad hoc*-гипотезой, специально придуманной для объяснения красивого лица – в свою очередь «случайной» темы, которая, на первый взгляд, включена в трактат «Наврузнома» с целью развлечения пресыщенного читателя из числа высоких вельмож.

В понимании Хайёма всякое божественное творение прекрасно по определению. Но среди творений Бога есть и такие, созданию которых Творец уделил больше внимание. Среди этих привилегированных творений центральное место занимает Человек. Недаром же «Творец своим светом даровал ему красивое лицо». Каков же критерий красоты? Красивое лицо, по Хайёму, – «лицо, в котором все в равновесии»,

Вообще говоря, согласно теологической эстетике восточного средневековья, красивое лицо – особый божий дар, причем в определении судьбы обладателей это дара принимают участие также небесные тела, принадлежащие к астрологическому классу «благоприятных» (саъд). Хайём констатирует: «Красота лица людей является частью влияния счастливых светил, достигающего людей по повелению всевышнего Изада».

Этика умеренности имеет прямое отношение и к нормам куль-

туры праздника Навруз. Следуя современным культурологическим интерпретациям праздника как имитации акта сотворения мира, можно было бы представить древний восточно-арийский ритуал встречи нового года как микрокосмическое воспроизведение процесса макрокосмогенеза. Но согласно тем же интерпретациям, этому процессу, понимаемому как *чудо*, должно предшествовать усиление власти хаоса в форме *карнавализации*, сопряженной крайним эмоционально-нервным напряжением. Здесь, однако, проходит четкая духовная граница между Востоком и Западом.

Навруз, как и всякий другой народный праздник, *полифоничен*, но его звук не громкий. Наш новогодний праздник пришел из языческого прошлого, но ему чужда языческая стихия современной музыки и танца. Его музыкальную природу адекватнее всего выражает классический *«Шашмаком»*; космическое же происхождение Навруза отражается в таких известных макóмах, как *«Сози Навруз»*, *«Наврузи Бузург»* и *«Боди наврузи»*, в которых эхом звучит негромкая пифагоровская «музыка небес».

Изначальная этическая природа Навруза такова, что оставаясь веселым народным праздником, он в принципе не может превратиться в карнавал западного образца, особенно массового развлечения того типа, который родился в рамках смеховой культуры европейского средневековья. Ибо, так сказать, карнавальная демократия, предоставляющая всем участникам праздника полную свободу, включая и свободу не считаться с общественными правилами приличия, противоречит нормам традиционной культуры праздника. Обратившись к языку известной классификации Ницше, можно сказать, что эстетический дух культуры Навруза свое наиболее адекватно выражение находит не в «дионисийской красоте», а *«аполлонической красоте»*, определяемой по критериям *меры и порядка*.

В антропоцентризме хайёмовкого типа красивое лицо – особый божий дар, причем в определении судьбы обладателей это дара принимают участие также небесные тела, принадлежащие к астрологическому классу «благоприятных» (*саъд*): *«Красота лица людей является частью влияния счастливых светил, достигающего людей по повелению всевышнего Изада»*. Появление символически «свет» и «цвет» в хайёмовской эстетике человеческого лица далеко не случайно.

В системе арабо-мусульманского мировоззрения особое предпотенение получил *зеленый* цвет, который, однако, не был чужд и аджамской эстетичекой традиции, ибо как символ возро-

ждающей природы гармонировал с архетипом праздника Навруз. Культура Навруза сберегла также символику белого цвета, которая воплощена в белотелом и светозарном облике Первочеловека Кайумарса. (Хотя его тело было создано из земли, первоначальной субстанцией служило семя, сотворенное из света и небесной влаги.)

В народной же традиции белый цвет и поныне служит символом *чистоты*, а также *благополучия* и *счастья*. Вот почему в системе ритуалов праздника наряду с огнем и водой специальное место отведено белоснежным предметам. Так, по наблюдениям этнографов прошлого века, в праздничные дни женщины Самарканда для косметики лица употребляли народное средство, именуемое по-таджикски *сафедабом* (род белой пудры).

“Свет” как мыслительная категория и художественный образ приобрел особое значение и звучание в контексте ирано-туранской культуры в целом – как домусульманской, так и мусульманской. Лейтмотивом этико-космологического учения зороастризма, манихейства, да и всей авестийской традиции, была именно световая символика. Эта символика своими новыми идейными и художественными гранями засверкала в мусульманскую эпоху, когда *тасаввуф* (суфизм), углубляя концепцию духовного совершенства и самосовершенствования в преемственной связи с традициями зороастризма, иудаизма и христианства, обратился к древнеиранской теософии Света. А в словесном искусстве и архитектуре категория света служила ведущим эстетическим началом.

IV

Выше обращалось внимание на то, что культурологический образ праздника Навруз вырос на духовной почве, удобренной элементами науки (астрономия и история), мифологии (легенды и предания), религии, искусства и оккультизма (астрология и алхимия), то есть был *мозаичным*. Теперь необходимо добавить новый нюанс: подчеркнуть *системный характер* данного образа. Отдельные камушки мозаичной картины Навруза в форме научного факта, исторического предания, предмета веры или астрального культа были знакомы многим племенам и народам. Но только туранцы и иранцы в широких рамках своей культурной *традиции* интегрировали эти *элементы* в единое целое; все заимствованное у других культур (астрологическое, алхимическое, эстетическое и т. д.), пройдя через мировоззренческо-ценностное сито древнеиранской культуры, приобрело новое системное свойство и значение.

традиции золото является знаком Хварны/Фара - божественной благодати.)

Недаром легендарный Джамшед, когда впервые добыл его в недрах земли, сообщает Хайём, царь первым делом *«приказал сделать из золота круглый диск, подобный диску Солнца, и поставить печать на обеих сторонах этого изображения, говоря, что он является царем людей, так же как Солнце является царем на небе»*.

Далее в мифопоэтическом описании Хайёма вновь дает о себе знать синтетический стиль мышления, присущий ему как философу авиценновского склада ума: астрология прокладывает мост между алхимией, эстетикой и этикой. Называя золото *«солнцем дня счастья»* и *«огнем зимы бедствия»*, Хайём среди прочих его достоинств особо упоминает то, что *«оно увеличивает красоту лица»*.

Хайём рассматривает красивое лицо *«следом Творца»*. Поэтому он разделяет мнение *«просвещенных людей (худовандон-и маърифат)»* своего времени, которые считали красивое лицо *«лаврами головы и дождем милосердия, освежающим сад знания и распускающим дерево страсти (дарахти шавкро бишукуфонад)»*.

Следует особо отметить, что в для аджамцев красота не была чисто эстетической категорией; она была окрашена в яркие этические тона. В этом можно убедиться по следующим замечаниям Хайёма. Предпосылочная философия равновесия подсказывает автору *«Наврузнома»*, что *«лицо, в котором все в равновесии лучше по своей форме»*, но тут же следует моральное усиление эстетического идеала: *«Счастье достигает апогея»* только в том случае, *«если красивое лицо сочетается с хорошим характером»*.

Более того, для Хайёма и его современников эстетика – детище высшей этики, имеющей божественное происхождение. Поэтому в красивом лице он усматривает также проявление *«доброты Его (Бога) сущности»*. Отсюда двойственное отношение Хайёма к учению о переселении душ: хотя он как ученый-философ рационалистической ориентации не разделяет это учение (во всяком случае, его излюбленной формой изложения, как и, впрочем, Беруни, является *«говорят, что...»*), но, тем не менее, в нем замечает моменты, созвучные с собственной эстетически обогащенной этикой: *«Сторонники учения о переселении душ говорят, что лицо является почетным халатом Творца, знаком Его награждения за чистоту и добродетели, совершенные Его рабом в прежней жизни»*.

V

В начале прошлого столетия научно-художественной кистью Освальда Шпенглера была обрисована историософская картина, развенчавшая, говоря его собственными словами, «*безграничный тривиальный оптимизм*» прогрессистской идеологии эпохи Просвещения. Представляя всемирную историю как вечный процесс созидания и разрушения, он уподоблял локальные культуры живым существам высшего порядка: они появляются, растут и гибнут совершенно бесцельно, как цветы на поле. Правда, уточнял своего предшественника Андре Боннар, порой они погибают не совсем и сохраняются в благодарной памяти последующих поколений людей как шелест воспоминаний о «золотом веке», а потомкам иногда случается мысленно соотносить и согласовать с их исчезнувшим духом свои новые творческие замыслы.

Я бы не третировал эту историософскую картину, прозвав ее «*тривиальным пессимизмом*», но сомневаюсь в ее универсальности. Во всяком случае, в Аджаме прошлое сохраняется не просто «как шелест воспоминаний», да и дух его культуры не обречен на бесследное исчезновение...

Две вещи наиболее адекватно олицетворяют культурно-историческую самобытность современных иранцев и таджиков и как таковые являются самыми верными стражами и классической традиции: новогодний праздник Навруз и эпическое полотно «*Шахнома*». Они суть точки опоры культуры, сводящие воедино все звенья цепи ее традиции. А в этом качестве Навруз и «*Шахнома*» символизируют диахронную *непрерывность* и синхронную *неразрывность* живой ткани нашего социокультурного бытия.

На языке традиционных мусульманских понятий, превращенных мастерами художественного слова в поэтические аллегории, «*Шахнома*» предстает как «*мабдаъ*» (исток), а Навруз – как «*маод*» (место, куда возвращаются). Образно выражаясь, «*Шахнома*» и Навруз образуют две фокальные точки эллиптической фигуры классической культуры Аджамы. Эти точки суть *сакральные центры*, где сходятся воедино *космогоническое, эпическое и историческое*. Зажженная там священная огонь Ахуры Маздо есть олицетворение одухотворенного чаяния народов, которое по линии межпоколенческой эстафеты передается из рук в руки. Иными словами, Навруз – не просто новогодний праздник, приуроченный к наступлению определенного сезонно-календарного события; он изначально призван не просто ежегодно засведе-

тельствовать сохраняющуюся связь настоящего с прошлым, но и гарантировать наступление будущего.

Навруз как олицетворение подлинной души и живой традиции представляет собой наиболее *типичное* явление арийской культуры. Именно этот подлинно народный праздник в качестве сгущенной духовности предшествующих поколений и эпох на уровне нашего исторического подсознания олицетворяет собой извечное *единство* архетипов и духовных инвариантов культурной традиции, равно как и *неразрывную* духовную связь поколений – прошлых, настоящих и будущих.

Вот почему на каждом крутом повороте исторического русла экзистенциальной угрозе подвергался, прежде всего, *Навруз*. В истории же борьбы за сохранение *Навруз-и Аджам*, а значит и в отстаивании культурно-исторической самобытности народов Ирана и Турана, поистине судьбоносными были два события: завоевания Большого Хуросона сначала греками, а затем арабами. Судьбоносными же эти события были в том смысле, что в отличие от последовавших за ними тюрко-монгольских нашествий, оба, Александр и Кутайба, помимо прочего, преследовали далеко идущую идеологическую задачу: переделать на собственный лад традиционное сознание покоренных народов.

Основательно разрушенный Персеполь (Истахр-и Форс) был символом не столько материальной мощи имперского Ирана, сколько его духовной силы; его святость определялась уже тем, что там проводили официальное празднование Навруза. Вот почему Александр не ограничился физической расправой над бывшим геополитическим соперником; македонский царь решил также сломать духовный хребет нации, претендовавшей на мировое господство. Поэтому, по словам высокообразованного поэта-мыслителя Низами Ганджави, греческий полководец первым делом *«приказал иранцам перестать поклоняться огню»*, а чтобы лишить их мировоззренческо-ценностной опоры «ученик Аристотеля» (как представляет Александра историческая апология) повел сжечь Авесто! Об этом, как и других аналогичных духовно-военных преступлениях завоевателей (например, об уничтожении войсками арабо-мусульманского Халифата культурного наследия хорезмийцев) с исторической горечью сообщил тот же Беруни.

Однако в конечном итоге Навруз как символ негибимой духовной силы народа исторически выжил. Более того, вскоре ценности местной культуры, породившей этот новогодний праздник, вышли за географические пределы поверженной державы Ахемени-

дов. По сообщению того же Низами, упоминавшего о фактах эллино-иранских культурных контактов задолго до начала христианской эры, часть письменных реликвий Ахеменидского Ирана (древние пахлавиязычные тексты, связанные с традицией Авесты) была вывезена в Грецию для перевода.

Начальный этап арабского завоевания тоже сопровождался разрушением инфраструктуры Большого Хуросона - не столько материальной, сколько духовной. Местной культуре потребовались полных два века, чтобы восстановить цепь своей традиции, потерявшей целые звенья. В числе выживших культурных сокровищ физически покоренного, но духовного несломленного народа - новогодний праздник *Навруз*.

Правда, при этом его традиционную культуру пришлось адаптировать в определенной мере к новым историческим условиям. Во-первых, были исламизированы интерпретации отдельных элементов традиционной мифологии, а местами они поправлены или даже «обогащены» новыми сюжетами. Например, Навруз (**а**) истолковали как «дату» сотворения Адама, (**б**) как день спасения Ну-ха (библейского Пророка, вошедшего также в кораническую традицию) во время всемирного потопа, (**в**) отождествили со временем, когда архангел Джабраил явился к исламскому пророку Мухаммаду с посланием от Аллаха, (**г**) как день, когда Али освободил Каабу от идолов и т. д.

К императивам новой религии (ислама) пришлось приспособить также кое-какие «языческие» элементы традиционного ритуала Навруза. Например, хотя на праздничный *дастархон* по-прежнему ставили семь предметов, вместо прежнего свода, включающего также вино, пришлось выбирать вещи, не противоречащие букве и духу новой религии: вместо *шароб* (вино) стали класть *сирко* (уксус), а зороастрийского молитвенника заменили Кораном. Главное, однако, не в наименовании конкретных вещей, украшающих праздничный дастархан, а в самой сути ритуала, духовное ядро которого составляет астрально-нумерологическая святость числа 7.

Возрожденческий дух культуры Навруза наиболее выпукло выражается в старинном обычае, о котором сообщали арабоязычные авторы: на праздничном дастархане для царя в обязательном порядке должны были находиться *семь* ветвей *семи* сортов плодовых деревьев. К ветвям же прикрепляли следующие надписи: «*афзуд*» (умножилось), «*афзун*» (умножающийся), «*афзояд*» (умножится) и так далее.

В принципиальном отношении существенным выглядит новая символическая *интерпретация огня*, которую внушила мусульманская теология: его стали ассоциировать с адом, а дьявола (*шайтан*) объявили созданным из «чистого огня». Это привело к изменению роли огня в духовном мироздании иранцев: огонь из *очищающего и исцеляющего* начала превратился в средство *устрашения и кары*. Правда, момент огневого воздаяния присутствует и в древнейшей части Авесты (*Гатах*), где рассказывается о Судном дне. И, тем не менее, речь идет о разных духовных ситуациях: можно говорить лишь об *аналогии*, а не о *тождестве*. Однако сказанным вопрос не исчерпывается. В Авесте, в отличие от Корана, во-первых, объектом устрашения были злые духи, а, во-вторых, разрушительная функция огня была подчинена его этико-очистительной функции.

Важно констатировать, что обусловленные суровыми временами новшества не привели к пересмотру доктринальных оснований Навруза: космогония, экология, этика и эстетика праздника в принципе не изменились. Существенно не изменилось также его место в системе традиционной культуры. На уровне же повседневного быта и обыденного сознания Навруз и поныне остается праздником «*небесного огня*» (*оташ-и фалаки*) – Солнца, почитаемого как первоисточник жизни на земле. Недаром даже в мусульманское время на праздничном *дастархане* осталась свеча – символ священного огня, пронизывающего собой все и вся и распространенного во всей Вселенной.

К этому можно добавить также следующую философскую метафору: таджики жили (и поныне живут!) в *геоцентрической* Вселенной. Но элитная культура народа сохранила свою *гелиоцентрическую* устремленность, гуманистическую суть которой можно выразить простой констатацией: *Солнце светит одинаково всем*. Именно классическая гуманитарная культура Аджамы и превратила Навруз в *День Солнца*!

VI

Переходя на историософский уровень размышлений, необходимо реконструировать ведущие, но явно не формулируемые начала, лежащие в основании восточно-арийского типа мышления вообще. Их можно свести к следующим *трем* мировоззренческо-ценностным установкам: (1) *преемственность*, (2) *умеренность* и (3) *толерантность*.

Культура Навруза выросла на духовной почве именно этих начал, возведенных самой историей в степень архетипов. В сравнительно-культуроведческом контексте данного параграфа особого внимания заслуживает принцип преемственности, являющийся и организующим фактором, и первичным условием сохранения *самобытности* цивилизации Аджамы. Праздник Навруз в качестве одного из духовных фундаментов культурно-исторического самосознания иранских народов как раз является практическим воплощением *преемственности* поколений и эпох.

Что касается толерантности, то сначала обратим внимание на один историко-культурный факт, имеющий немаловажное философское значение. Формирование монотеизма завершилось *гносеологическим переворотом*: возникло представление о существовании *высшей истины*, которая уже по определению считалась *единственной, окончательной и всеобщей*, а стало быть, и не подлежащей какому-либо сомнению или критике. Это положил конец *веротерпимости* вообще.

Соединение же монотеистического мировоззрения с государством, в особенности превращение религиозной веры большинства в официальную религию империй, придало межконфессиональной борьбе *непримиримость и беспощадность*: отныне *единственность* господствующей формы «высшей истины» утверждалась всею мощью державы. Наглядный тому исторический пример – ужесточение борьбы с религиозным инакомыслием в Сасанидской империи, особенно с еретическими вероучениями внутреннего происхождения – манихеизмом и маздакизмом. Что до отношения к внешним духовным соперникам – иудаизму и христианству, то государственный зороастризм, как правило, не прибегал к силовой борьбе. Но при двух условиях: если 1) *идеологическим* разногласиям не сопутствовали *внешнеполитические* подозрения и 2) потенциальные жертвы не задевали экономические интересы государства.

Тем не менее, если духовную амбицию зороастризма сравнить с соответствующими претензиями христианства, а позднее и ислама, то она выглядит куда более скромной. По крайней мере, у него не было явно выраженной тенденции к *прозелитизму*. Правда, в Авесте исследователи древнеиранского письменного наследия обнаружили призыв *“обратить всех живущих”*. Известный авестолог Л. А. Леликов в этом обращении усмотрел *«агрессивный прозелитизм»*. Наверное, с доктринальной точки зрения он был прав, но, судя по политическому поведению Ахеменидов, социо-

культурная практика «отставала» от требований религиозной догматики, иначе иранцы первым делом обратили бы в свою веру евреев, освобожденных ими из вавилонского плена. К тому же останется совершенно непонятным мотив решения Кира и Артаксеркса I оказать материальную помощь иудеям в восстановлении их разрушенного храма.

В принципе же зороастризм был и остался *аристократической верой*. Хотя бы потому что подлинно аристократическим был его идеал – *нравственная чистота* субъекта веры, призванного *триединством* своего образа жизни (*доброе мышление, доброе слово и доброе поведение*) способствовать окончательной победе Добра над Злом. Поэтому мне больше импонирует другой обобщающий вывод Леликова: *«Во все времена и у всех народов сознательное освоение догматики ограничивалось узким сообществом интеллектуальной элиты, теми, "кто знает", инишиатами vidva и vaedemna, о чем заявил и сам Зороастр (Ясна 48.3). Рядовая паства тогда, как и ныне, жаждала от религии не логики и этиологии, но аффекта, эмоционального катарсиса. Соответственно этому для нее зороастризм был чем-то иным, нежели для пророка. Нельзя, видимо, говорить о зороастризме вообще, всегда равном самому себе в любых эпохах и культурно-исторических ситуациях. Социологически он мог воплощаться на удаленных один от другого уровнях, скажем, теоретическом и на незатейливо сниженном для потребностей неграмотной религиозной общины»*.

Поэтому и при рассмотрении противоположных явлений прозелитизма и толерантности в домусульманском Иране и Туране лучше судить по делам, чем по словам. Сошлюсь на один малоизвестный исторический эпизод времен династии Сасанидов. Тогда Навруз считался общегосударственным торжеством, то есть его празднование было обязательным для всех подданных державы. В историческом источнике, датируемом началом девятого века христианской эры, читаем: *«Когда Навруз бывал в день Субботы, царь приказывал давать главе еврейской общины четыре тысячи дирхемов; и не знали иной причины этому, как то, что это обычай, исполнявшийся и сделавшийся, как поголовная подать»*. Сопоставляя последнюю фразу, не отличающуюся ясностью, с соответствующими местами еврейского предания из Книги Есфирь, текстологи смысл всего сообщения истолковали следующим образом: *«Царь приказывал уплатить означенную сумму не из своей казни, а как налог с населения»*. Наверное, можно было бы также

добавить: инородцам платили носители господствующей духовной традиции, то есть коренные *иранцы*!

Это уже нечто экстраординарное, опять-таки не имеющее исторического прецедента. Речь идет не просто об уважительном отношении древних иранцев к религиозно-культурным традициям других народов. Ведь говорится о государственной финансовой компенсации духовного ущерба, нанесенного подданным в случае их участия в мероприятии, не согласующегося с их собственными обычаями. Более того, речь идет о сверхуважительном отношении к обычаю, который противоречил узаконенной традиции «государствообразующей нации»!

В общем и целом главную черту ирано-таджикского отношения к пришлому и чужому можно обозначить как *толерантность*, которая, однако, в отличие толерантности западного образца не отягощена *равнодушием*. Очень важная психокультурная сторона этой специфической толерантности состоит в ее *принципиальной открытости* чужим инновациям. (На эту примечательную черту древних иранцев особое внимание обращал еще «Отец истории» Геродот.) В самом деле, как свидетельствуют сохранившиеся исторические тексты, уже в самом начале приобщения местного образованного слоя к пришлой культуре, будь она греческой или арабо-мусульманской, положительно сказывалась древнеиранская традиция почитания *мудрости*.

Художественный летописец ирано-таджикской исторической генеалогии Абулкосим-и Фирдавси эту этическую традицию превратил в литературный этикет: его великое эпическое полотно «*Шахнома*» начинается с поэтического гимна *Разуму* – тому универсальному познавательному инструменту, который роднит всех сынов Адама и который, будем надеяться, спасет человеческий род от нарастающих глобальных угроз. Недаром же у таджиков, как и у китайцев, этическим идеалом был и остается образ *терпеливого мудреца* – тот самый образ, которым в прошлом веке философски восхищался Макс Шелер. Отсюда отсутствие в тогдашнем духовно-интеллектуальном окружении иранцев – как западных (персов), так и восточных (таджиков) – резко выраженной вражды и ненависти к арабам вообще и исламу в особенности. И это при всем том, что арабы пришли как завоеватели, а мусульманская вера вначале внедрялась силой, причем насильственная исламизация зачастую сопровождалась уничтожением культурных ценностей покоренных народов.

Правда, иранофильское движение Шу`убия с самого начала носило явно антиарабскую направленность. Однако этот идеологический крен следовало бы рассматривать скорее как несколько запоздалую политическую реакцию старой патриотически настроенной духовной элиты, которая металась в поисках спасительной альтернативы принципиальным переменам, наступившим после арабского завоевания, чем как исторически-адекватный ответ культуры Аджама на вызов новой исторической эпохи. Что касается выпадов против тюрков, встречающихся в приписываемой Фирдавси знаменитой поэтической сатире на Султон Махмуда, то я разделяю уверенность многих литературоведов в том, что эти выпады были вкраплены в текст "*Шахнома*" в более позднее время (скорее, после нашествия Чингизхана, когда стали отождествлять этнонимы "*тюрок*" и "*монгол*", а *Турон* превратили в *Туркистон*).

В культурологическом отношении обращает на себя внимание одна характерная деталь бесстрастного подхода научной элиты того времени к оценке своего и чужого. Например, примечательно то, что наши ученые предки, объясняя своим современникам и последующим поколениям происхождение Навруза, в число, так сказать, учредителей этого праздника наряду с легендарным царем Джамшемдом включали также царя Соломона, который, согласно библейской традиции, правил древним Израильско-Иудейским царством. Так, Беруни без научного комментария (стало быть, косвенно одобряя) излагает следующее высказывание некоего «хашвита»: *«Когда Соломон, сын Давида – мир ними обоими! – потерял свой перстень, и ушла от него власть, а потом, через сорок дней, ему вернули перстень, и блеск (его власти) восстановился, то явились к нему цари (земли) и обратились над ним птицы. И сказали тогда персы: «Навруз омад», то есть «Пришел новый день, и был (этот день) назван Наврузом».*

На первый взгляд, это не более чем идеологическая конъюнктура из числа тех исторических адаптаций культуры Навруза к новой духовной ситуации, о которых речь шла выше. Ведь Соломон (по-арабски Сулаймон), как и Нух (Ной), рассматривается одним из предшественников Мухаммада в общем ряду признаваемых исламской духовной традицией пророков. Однако не забудем, что Беруни был не каким-нибудь древним сказочником или современным мифотворцем от истории; он прекрасно знал, о чем говорил, а главное, «кто есть кто». Конечно, не следовало бы модернизировать или идеализировать восточное Средневековье, то бишь лепить из Беруни образ интернационалиста в современном смыс-

ле слова. Тем более что новейшие версии «интернационализма», особенно в его политическом преломлении, если иметь в виду суть, а не форму, зачастую отличаются крайней лицемерностью (в силу использования двойных стандартов).

Очевидно, что великие сыновья Аджамы не были людьми без роду без племени. Но они, оставаясь самым собой, осознавая свою принадлежность и приверженность к этнокультурным традициям родной земли, вместе с тем считали себя духовными наследниками цивилизаций Западной, Центральной и Южной Азии, равно как и Средиземноморья, а свое творчество вкладом во всемирную копилку *Истины, Добра и Красоты*.

VII

В 2010-ом году к общей радости всех народов и стран, где Навруз является национальным праздником, это старое, но нестареющее новогоднее торжество решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций получило *международное* признание. Это побуждает оттенить *универсалии* культуры Навруза на фоне всечеловеческих ценностей и идеалов.

Абурайхон Беруни, исходя из социогенетики праздников, разделил их на две категории: *«таких, причиной коих являются дела мирские»* и *«таких, причиной коих являются дела веры»*. Разъясняя цель установления мирских праздников, он обратился к раскрытию значения связанных с ними обычаев. Изначальный смысл древнеарийских праздничных ритуалов Беруни усматривал в том, что они призваны помогать не просто *«достигнуть увеселения души и радости духа»*, но и *«поддержать надежды уповающих и спасти близких к гибели от опасности и беды»*. Ритуалы эти суть *«правила, которые потомки заимствовали у предков»*. В рассматриваемом контексте очень важна характеристика цели констатируемой ученым *преемственной* связи поколений: *«Ради благословения счастья и благого предзнаменования»*.

«Благое предзнаменование» — органическая часть оптимистического этоса и пафоса культуры Навруза. По свидетельству того же Беруни, наши далекие предки шестой день праздника, именуемый *«Навруз-и Бузург»*, считали **Днем Надежды** (*«Руз-и Умед»*). Что касается происхождения и основания этой надежды, то Беруни ограничился указанием на верования своих современников: они были уверены в том, что в знаменательный день *«Навруз-и Бузург»* там, на небесах, *«распределяют счастье (бахт) для обитателей земного шара»*. Но Беруни как историк культуры об-

ратил внимание лишь на **одно** из **трех** составляющих новогодней надежды древних сородичей таджиков, а именно на то, которое можно условно обозначить как *теокосмическое*.

К тому же он не входил в детали религиозного толкования. Между тем в зороастрийском тексте *«Мену-и хирад»* проводится различие между двумя понятиями – «судьбой» и «предопределением»: *«то, что бывает сначала, - судьба, а то, что распределяют потом - предопределение»*.

Второе составляющее новогодней надежды древних иранцев назовём *этико-политическим*. Речь идет о *социальном ожидании*, связанном с фактом участия царя в церемонии празднования Навруза. Участию шаха в новогодней церемонии традиция придавала поистине космологическое значение.

По Хайёму, она начиналась с приветствия главы зороастрийских жрецов (*Мубад-и мубадон*), обращенного к царю. В рассматриваемом плане интересны следующие слова из этого обращения: *«Соблюдай обычай предков с великодушием и добродетелью, будь справедливым и правдивым (доду рости)»*. Призыв быть *«справедливым и правдивым»* - не просто новогоднее пожелание; это органическая часть *социального идеала*, связанного с извечной народной мечтой об идеальном царе - справедливом и добром. Отсюда политически узаконенная в Древнем Иране и Туране традиция «задобрить» царя путем преподношения ему новогоднего подарка, состоявшего из набора семи *«прекраснейших вещей»*: перстни, мечи, пера, сокола, коня, вина, а также красивейшей рабыни, отличающейся красотой лица и добрым нравом.

В культурологическом плане это явление существенно отличается от того феномена дарения, который исследован французским этнологом Марселом Моссом на материале этнографических наблюдений в архаических обществах полинезии, Меланезии и северо-запада Америки. Но в плане социально-психологическом принцип *«Дарить, принимать дары и одаривать»* остается в силе и в случае древнеиранской традиции преподношения новогодних подарков в день Большого Навруза. В универалистском контексте культуры Навруза характерно следующее каузальное обоснование этой культурной традиции, данное Хайёмом: *«Вещи, предложенные царю, являются причиной радости и процветания всего мира»*.

Третье составляющее надежды, связываемой с наступлением Навруза, имеет *эсхатологический* характер. Эта надежда вытекает из веры в наступление в эсхатологическом будущем грандиозного

вселенческого события, именуемого *фирашкард* (авестийское: *фрашокерети*). Его главная цель состоит в восстановлении идеального состояния мира, господствовавшего до начала всеохватывающей космической битвы сил Добра и Зла. Эта эсхатологическая цель осуществляется через коренное преобразование всего бытия, знаменующего собой окончательную и бесповоротную победу сил Добра над силами Зла.

Элиаде уже обратил внимание на то, что в космологии реформированного зороастризма традиционная эсхатология *обновления* получила принципиально новую *интерпретацию*.

Конечно, задолго до реформ Заратуштры древние индоиранцы имели свои ритуально-мифологические сценарии конечного преобразования мира сего посредством новогоднего ритуала, символически повторявшего космогонические события начала времен. Духовная инновация же Заратуштры состояла в том, что он решительно отказался от архаичной идеи *ежегодного* возрождения космического целого; пророк маздоизма провозгласил, что в эсхатологическом будущем радикальная и окончательная «*трансфигурация мира*» (термин Элиаде) происходит *раз и навсегда*.

Важно отметить, что предусмотренный в зороастризме поворот космологического течения наступает не неожиданно, не как чудо, свершившееся только благодаря вмешательству божественной мессии. Правда, явление Спасителя (точнее, спасителей, ибо в зороастризме их трое) имеет место и в данном случае, но космическое спасение происходит не без участия самого субъекта надежды, живущего на земле, но призванного поддержать бога Добра и его добрых небесных посланцев. В этом состоит принципиальное доктринальное отличие зороастрийской эсхатологии от эсхатологический учений всех остальных религий – мировых, этнических и локальных: место и роль, отведенные человеку в системе духовного мироздания Ахуро Маздо, беспрецедентны.

В самом деле, надежда, связываемая с приходом Навруза, – вовсе не *пассивное ожидание* общекосмического спасения традиционно-мессианского типа. Правда, сама идея спасения посредством вмешательства извне тоже имеет собственно зороастрийское происхождение. (Позднее она была заимствована религиями Ибрагима.) Но в отличие, опять-таки, от авраамской духовной традиции, превратившей человека в *абд* (букв.: *раб божий*), зороастризм подразумевает *соучастие* субъекта надежды в благоустройстве бытия в обоих его измерениях – космического и земного. Человек – вовсе не бессловесный раб всемогущего бога, а его *партнёр*

(хамкор) в борьбе за духовное совершенствование мира, находящегося под тлетворным давлением злых сил. Важный момент партнёрства бога и человека состоит в том, что эта созидательная роль вовсе не навязывается человеку, так сказать, в принудительном порядке; человек как *разумное* существо наделен свободной волей и он может и вправе делать *сознательный* нравственный выбор между Добром и Злом. Кстати, и небесные спасатели (*саошйанты*) работают на духовной почве, ранее возделанной добрыми людьми.

Эта мировоззренческая доминанта, лежащая в основании предпраздничной *Надежды* имеет широкий философский контекст. Следуя классификации Альбера Швейцера, зороастризм можно охарактеризовать как *оптимистически-моральное* мировоззрение, исходящее из *миро- и жизнеутверждающего* начала.

Называя «великой проблемой» попытку *«слить в мысли воедино универсум и этику»*, Альбер Швейцер заметил, что эта проблема, вставшая перед мировыми религиями, аналогична той, которая в последующие столетия встали перед западной философией. По его мнению, все три типа мировоззрения, выступающие в мировых религиях, повторяются и в западной философии. И она также пытается вместить этику в натурфилософию – будь то в миро- и жизнеутверждающую или в миро- и жизнеотрицающую. Или же стремится, более или менее отказавшись от натурфилософии, прийти к мировоззрению, которое было бы этическим само по себе.

В зороастризме Бог и Человек суть своего рода комплементарные субъекты: они не взаимодействуют, но в этическом мироздании по божьей воле или божьей милости их цели – искоренение зла на земле и в космосе – соответствуют друг другу. Ахуро Маздо требует от человека не просто почитания, но и активного, морально одухотворенного *соучастия* в благодеяниях Премудрого и столь же активного содействия спасительной миссии Его сыновей (трех саошйантов).

В конце же времен именно когерентные усилия Бога, Человека и Небесных спасителей порождает суммарную духовную энергию, способную обеспечить окончательную победу сил добра над силами зла. Самое главное в этом поворотном событии общекосмического масштаба и значения состоит в том, что оно свершится в светлый *День Навруза!*

Таким образом, культурные архетипы Навруза суть не только духовные константы прошлого и настоящего, но и детерминанты

борьбы за *достойное будущее*, освещенное светом одухотворенной этико-космологической веры в *конечную победу* Добра над Злом. Эта вера заложена в самой духовной онтологии зороастризма, доктринально соединившего эсхатологию с историей. Отсюда отсутствие четкой демаркации между реально-историческим и мифологическим нарративами: переход от одного (скажем, мифического персонажа) к другому (историческому лицу) происходит плавно и естественно.

VIII

Обратим внимание еще на два важных элемента культуры Навруза, предписывающих субъекту праздника социокультурную активность. Согласно традиционным верованиям, небо особенно благосклонно к земле в дни Навруза еще в одном отношении. В этот день на землю спускаются ангелы (*фариштагон*). Но небесные посланники не посещают дома землян в двух случаях: если (а) они не убраны и (б) там нет мира и согласия. В системе элитной культуры Навруза эти два элемента народного поверья приобрели универсальное значение и как таковые могут быть органически включены в новформирующееся глобальное сознание. В контексте же перспективы современного глобализирующегося мира они приобретают новое гуманистическое звучание.

Так, расширив пределы семейного дома до масштабов земного мира, в обычае предпраздничной уборки можно усмотреть прообраз теперешнего экологического императива, требующего не допускать загрязнения окружающей среды. Более того, в свете нравственных установок культуры Навруза (культ моральной чистоты, особенно воспитание одухотворенного чувства нетерпимости по отношению ко лжи и лицемерию, о чем, кстати, восторженно сообщал древним грекам тот же Геродот) можно углубить и само понятие *экологии*, а именно ставить вопрос о предотвращении загрязнения окружающей среды – не только *физической*, но и *духовной*.

Речь идет о *расширении* традиционного предмета экологии: в него наряду с защитой *природы* необходимо включить также защиту *культуры* – как от разрушения, так и от загрязнения. Ведь разрушение и загрязнение первой (природы) зачастую является следствием деградации второй (культуры).

Этот новоэкологический императив фактически уже прокладывает себе дорогу в коллективное сознание мирового сообщества. В основополагающих документах ООН – от Декларации тысячелетия

до многочисленных рекомендаций ЮНЕСКО – настойчивый призыв к диалогу на всех уровнях международного общения сопровождается подчеркиванием необходимости укрепления культурного взаимопонимания, воспитания религиозной толерантности и поощрения духовного развития, включающего преодоление этно- и культуроцентристских предрассудков и идеологических предрассудков. В стратегии перехода от «культуры реагирования» к «культуре предотвращения», реализуемой нынче ООН в глобальном масштабе, важнейшим звеном как раз является *экология культуры*.

В высшей степени символично, что концепцию *диалога цивилизаций* как достойной альтернативы теории «конфликта цивилизаций» выдвинула именно Исламская Республика Иран, народы которой, наряду с другими нациями, принадлежащими к аджамскому ареалу культуры, разделяют историческое наследие Навруза.

В качестве дальнейшего развития и углубления идеи межкультурного диалога напрашивается необходимость формирования *культуры совыживания* в высшем смысле. Вопреки началам классического марксизма и утопиям новейшего глобализма, оваянным неолиберальной мечтой о *конце истории*, вовсе не стремление к *единообразию* мира, а, наоборот, культивирование его *разнообразия*, является общеисторическим фактором выживания человеческого рода. Но с одним существенным методологическим уточнением: расцвет разнообразия должен сопровождаться с *интерактивным взаимодействием*.

К сожалению, судя по текущей международной практике, политическому мышлению современности все еще чуждо понимание *многообразия* в качестве *позитивного фактора развития вообще*. Наоборот, *многообразие воспринимается как угроза*. Именно такое миропонимание, неадекватное как с теоретической точки зрения, так и практической, как это неоднократно констатировалось в документах ООН, не позволяет многим увидеть общие ценности, соединяющее всех нас в одно историческое целое – *глобальную цивилизацию*.

В этом контексте обратим внимание на еще одно проявление универсальной тенденции культуры, породившей Навруз. Эта имманентная тенденция выражена также в герменевтике понятия «народ». Последний воспринимается в очень широком смысле, который характерен именно для философии истории Аджамы: народ не как совокупность людей, живущих *теперь и здесь*, но как

целокупность предков и потомков, то есть людей, живших во все предшествующие эпохи и даже еще не родившихся!

Такой широкий подход предполагает особое понимание *социального времени*. В данном случае излюбленный поэтический образ времени как равномерно и необратимо текущей реки явно расходится с его устоявшимся философским представлением. Для того, чтобы понять суть данного духовно-интеллектуального конфликта, мы должны учесть одно принципиальное различие между арийским и семитским типами мировоззрения, которое отражается и в *типологии мышления* вообще.

Мировоззренческую матрицу арийского мышления составляет *непрерывность* социального пространства-времени, тогда как семитское мышление исходит из *дискретности* этого континуума. Когда в первом веке мусульманского летоисчисления хиджри (7 век христианской эры) по воле истории произошло столкновение архетипов арийского и семитского типов мышления, второй тип преобладал над первым. Но здесь дало о себе знать ирано-туранское *подсознание* (арийское), которое и внесло существенную поправку в структуру семитизированного *сознания*.

Каждое мгновение времени подобно легендарной Чаше Джамшеда воспроизводит историческую память как целое в единстве *всех ее пластов*. Говоря более наглядно, для любого поколения таджиков Фирдавси и Авиценна, Руми и Бедил, Дониш и Айни суть *живые* современники и собеседники. В этом контексте знаменитый этико-философский афоризм Саъди-и Шерози «*Дети Адама – тело одно*» (своими идейными истоками эта максима восходит к известному изречению исламского пророка Мухаммада, которое, однако, созвучно также древнеарийским представлениям об извечном единстве микрокосма и макрокосма) приобретает особое *диахронное* значение: это «тело» покрывает собой всю пространственно-временную структуру истории человеческого рода.

В зеркале философской же рефлексии можно увидеть и более широкий горизонт теоретического синтеза. Речь идет о *новом типе гуманизма*, сформировавшемся на стыке древней культуры Аджамы и ойкуменистической парадигмы ислама. Прославленная ирано-таджикская поэзия классического периода вся пронизана идеалами этики с большой буквы. Художественный гуманизм Абуабдулло Рудаки и Абулкосима Фирдавси, Носира Хисрава и Джалолиддина Руми, Саъди Шерози и Хофиза Шерози характеризуется извечной космической устремленностью: плеяда гуманистов но-

вой формации пыталась нравственно гармонизировать не только микрокосм (Человек) и весь макрокосм (Мироздание). Считая всех сынов Адама органическими частями единого вселенческого организма и напоминая им об имманентной взаимосвязанности и взаимозависимости его частей («*коль тела одна только ранена часть, то телу всему в трепетанье впасть*»!) гуманисты Большого Хорасана вопрошали своих современников и потомков:

*Над горем людским ты не плакал вовек,
Так скажут ли люди, что ты - Человек?!*

Этот высший тип гуманизма – не только для восточного и западного Средневековья, но и для нашего времени! – громко перекликается с идеалами Организации Объединенных Наций, борющейся, хотя часто и безуспешно, за утверждение в мировом сообществе *всечеловеческих* ценностей, в особенности при решении судьбоносных вопросов войны и мира.

Акбар ТУРСОН

Во имя Аллаха милостивого и милосердного

Благодарение и хвала богу, велико его величие, создателю мира, владыке земли и времени, дающему пропитание всему живому, знающему явное и тайное, бесподобному, без соправителей и без советников, единственному, но не в сравнении и не в числе, могущественному и не нуждающемуся в помощи, и поклон его пророкам, начиная с чистого Адама до арабского пророка, избранника Мухаммада², благословение Аллаха всем им, а также родственникам [Мухаммада], его друзьям и избранным им.

Так говорит ученый ходжа, философ века, глава исследователей, царь ученых Омар ибн Ибрахим ал-Хайями, да будет Аллах милосерден к нему: когда я посмотрел с точки зрения совершенства разума, я не нашел ничего лучшего, чем слово, и ничего более возвышенного, чем речь, потому что если было бы что-нибудь более замечательное, чем речь, то всевышний Аллах обратился бы с этим к пророку, — благословение Аллаха ему. По-арабски сказано: «наилучший собеседник в жизни — это книга»³.

Один мой очень хороший друг, исключительно верный своему слову, попросил меня объяснить ему причину установления Навруза⁴ и какой царь установил его. Я принял эту просьбу и изложил ему это кратко с помощью того, чье величие велико.

НАЧАЛО КНИГИ НАВРУЗНАМЕ

В этой книге раскрывается истина Навруза, в какой день он был при царях Ирана⁵, какой царь установил его и почему его справляют, а также другие обычаи царей и их поведение во всех делах.

Что касается причины установления Навруза, то она состоит в том, что, как известно, у Солнца имеется два оборота, один из которых таков, что каждые триста шестьдесят пять дней и четверть суток оно возвращается в первые минуты созвездия Овна,⁶ в то же самое время дня, когда оно вышло, и каждый год этот период уменьшается⁷.

Когда Джамшид постиг этот день, он назвал его Наврузом и ввел в обычай праздник. Цари и другие люди последовали ему. Рассказывают, что когда царь Ирана Кайумарс Первый⁸ стал царем, он решил дать названия дням года и месяцам, и установить летосчисление, чтобы люди знали это. Он установил тот день, когда утром солнце входит в первую минуту созвездия Овна, собрал мубадов⁹ Ирана, и приказал начать летосчисление с этого момента. Мубады собрались и установили летосчисление с этого момента. Мубады Ирана, бывшие учеными того времени, говорили, что всевышний и святой Изад¹⁰ сотворил двенадцать ангелов, из них четырех ангелов он послал на небеса, чтобы они охраняли небо от дьяволов, четырех он послал в четыре угла мира, чтобы не пускать дьяволов переходить через горы Каф¹¹, а четверем ангелам он приказал ходить по небу и земле, и отгонять дьяволов от людей. Они говорили, что этот мир находится внутри другого мира, как новый дом, построенный внутри старого дворца, и что всевышний Изад создал солнце из света, а с помощью солнца он сотворил небо и землю. Все люди чтят солнце, так как оно есть свет из светов всевышнего Изада, они смотрят на него с торжественностью и почтением, так как всевышний Изад обратил больше внимания на сотворение его, чем на сотворение всего остального, как великий царь, возвышающий одного из своих наместников и объявляющий о его превосходстве, так что чтящие его чтят царя¹². Говорят, что когда всевышний и святой Изад приказал солнцу сдвинуться с места, чтобы его лучи и приносимая им польза были бы повсеместно, солнце вышло из головы Овна, тьма отделилась от света, и появились день и ночь. Так началась история этого мира. После этого оно через тысячу четырехста шестьдесят один год вернулось на то же место, в тот же день и в ту же минуту¹³. За это время Юпитер соединялся с Сатурном семьдесят три раза. Это называют малым соединением, это соединение бывает каждые двадцать лет. Когда солнце кончает свой оборот и возвращается на то же место, между Сатурном и Юпитером происходит соединение в том созвездии Зодиака, которое является созвездием упадка Сатурна, противостоящим созвездию Весов, являющемуся со-

звездием возвышения Сатурна. Один оборот здесь, один оборот там в том порядке, как мы указали и показали места светил¹⁴. Когда солнце вышло из [созвездия] Овна, и Сатурн и Юпитер с другими светилами были там согласно повелению всевышнего Изада, положение мира изменилось и появились новые вещи, которые соответствовали миру и его судьбе. В это время цари Ирана для того, чтобы почтить Солнце, и, так как не всякий может найти этот день, отметили его, установили праздник и сообщили всем людям, чтобы это было всем известно и чтобы соблюдали эту дату. Говорят, что когда Кайумарс установил этот день в качестве начала летосчисления, он разделил каждый солнечный год, когда совершается один оборот Солнца в течение трехсот шестидесяти пяти дней, на двенадцать частей, каждая по тридцать дней, и назвал каждую из них по имени ангела из тех двенадцати ангелов, которых всевышний и святой Изад послал в мир. Затем он назвал большой оборот, содержащий триста шестьдесят пять дней и четверть суток, большим годом и разделил его на четыре части. Когда проходят четыре части большого года, совершается большой Навруз и происходит обновление состояния мира. У царей имеется обычай – в начале года им необходимо произвести определенные церемонии для благословения, установления даты и наслаждения. Тот, кто в день Навруза празднует и веселится, будет жить до следующего Навруза в весельи и наслаждении. Эту практику для царей установили ученые.

Месяц Фарвардин – [Фарвардин] – пехлевийское слово, означающее, что этот месяц является началом роста растений. Этот месяц относится к созвездию Овна. С начала до конца этого месяца солнце находится в этом созвездии.

Месяц Урдбихишт – этот месяц называли *Урдбихишт*, что означает, что в этом месяце мир своим весельем похож на рай, *урд* на пехлевийском языке значит «как». Солнце в этом месяце, согласно истинному обороту, находится в созвездии Тельца. Этот месяц является серединой весны.

Месяц Хурдад – это означает, что этот месяц кормит людей пшеницей, ячменем и плодами. Солнце в этом месяце находится в созвездии Близнецов.

Месяц Тир – этот месяц называли *Тир*, потому что в этом месяце делят пшеницу, ячмень и другие вещи. В этом месяце кульминация Солнца начинает понижаться. В этом месяце Солнце находится в созвездии Рака. Этот месяц является первым месяцем лета.

Месяц Мурдад – т.е. земля дала то, что надо было дать из плодов и фруктов, чтобы они созрели. В этом месяце погода похожа на прах земли. Этот месяц есть середина лета. Солнце в этом месяце находится в созвездии Льва.

Месяц Шахривар – этот месяц называют *Шахривар*, так как это месяц обилия доходов, т.е. доходы царей приходятся на этот месяц. В этом месяце крестьянину легче платить налог. В этом месяце Солнце находится в Деве. Это последний месяц лета.

Месяц Михр – этот месяц называют *Михр*, так как это месяц дружбы между людьми, и все, что созрело из злаков и плодов и досталось им, они совместно съедают. Солнце в этом месяце находится в Весах. Это начало осени.

Месяц Абан – т.е. в этом месяце прибывают воды вследствие начинающихся дождей, и люди поливают посевы. Солнце в этом месяце находится в Скорпионе.

Месяц Азар – на пехлевийском языке *Азар* означает «огонь». В этом месяце погода становится холодной и появляется нужда в огне, т.е. это месяц огня. Солнце в этом месяце находится в созвездии Стрельца.

Месяц Дай – на пехлевийском языке *Дай* означает «дьявол». Этот месяц называют *Дай*, так как он суров и земля в этом месяце далека от веселья. Солнце находится в Козероге. Это первый месяц зимы.

Месяц Бахман – т.е. этот месяц похож на тот месяц – на месяц Дай, по своему холоду и сухости. Солнце в этом месяце вместе с Сатурном находится в Водолее и близко к Козерогу.

Месяц Исфандармуз – этот месяц называют *Исфандармуз*, так как *Асфанд* на пехлевийском языке означает «плод», т.е. в этом месяце начинают прорасти плоды и растения. Солнце в этом месяце достигает последнего созвездия, т.е. созвездия Рыб¹⁵.

Затем Кайумарс разделил это время на двенадцать частей и установил начало летосчисления. После этого он прожил сорок лет¹⁶. Когда он умер, наследовал ему Хушанг, царствовавший девятьсот семьдесят лет¹⁷. Он победил дьяволов, изобрел кузнечное, плотничье и ткацкое ремесла, а также получение шелка из коконов и меда от пчел, и оставил мир в полном веселье, покинув его поминаемый добром. После него на трон сел Тахмурас. Он царствовал тридцать лет¹⁸. Он подчинил дьяволов, построил улицы и базары и ткал шерсть и шелк. Против него вышел отшельник Бозасп, проповедовавший религию сабиев¹⁹. Тахмурас принял эту религию и опоясался зуннаром²⁰. Он поклонялся солнцу и научил людей письму. Его называли Тахмурас – укротитель дьяволов. После него царство перешло к его брату Джамшиду²¹. С начала летосчисления прошло тысяча сорок лет и Солнце в начале дня Фарвардина вошло в девятое созвездие [Стрельца]. Через четыреста двадцать один год царствования Джамшида, этот оборот окончился и солнце в своем Фарвардине вошло в начало Овна. Таким образом, мир пришел в равновесие. Джамшид подчинил дьяволов и приказал устроить бани и производство парчи. До него называли парчу «вытканное дьяволом»²². Но люди разумом и опытом в течение времени дошли до такого состояния, какое мы видим теперь. Далее Джамшид скрестил осла и лошадь и получил мула. Он добыл в копиях драгоценные камни, и сделал все виды оружия и украшений. Он добыл в рудниках золото, серебро, медь, олово, свинец и сделал корону, трон, браслеты, ожерелья и перстни. Он получил мускус, амбру, камфару, шафран, алоэ и другие благовония. Он устроил праздник в упомянутый нами день, дал ему название Навруз и приказал людям праздновать каждый год появление нового Фарвардина и считать этот день новым [годом] до тех пор, пока не произойдет большой оборот [Солнца]. В этом и состоит истина Навруза. Джамшид в начале своего царствования был очень справедлив и добродетелен, люди любили его и радовались, а всевышний Изад дал ему такую благодать и разум, что он украсил людей золотом, драгоценными камнями, парчой, благовониями и скотом. Через четыреста

с лишним лет с начала его царствования он был увлечен дьяволом, который очаровал его миром, — пусть никакой человек не очаровывается миром! — он возгордился и привык к несправедливости и тщеславию, стал копить богатства, люди стали терпеть мучения, и днем и ночью просили всевышнего Изада, чтобы его царствование окончилось. Божественная благодать покинула его, и все его дела стали ошибочными. Тогда из одного угла царства выступил Беварасп, которого называли Заххаком²³. Он разгромил Джамшида, а люди не помогали ему, так как они терпели от него мучения. Джамшид бежал в Индийскую землю, а Беварасп сел на трон. Впоследствии поймал его и разорвал на части. Беварасп царствовал тысячу лет. Вначале он был справедливым, в конце же он стал несправедливым, был увлечен дьяволом в своих действиях и словах, мучил людей до тех пор, пока не пришел из Индии Аффридун²⁴. Аффридун убил его и сел на трон. Аффридун был из рода Джамшида. Он царствовал пятьсот лет. Когда прошло сто шестьдесят четыре года царствования Аффридуна, окончился второй оборот по летоисчислению Кайумарса. Аффридун принял религию Ибрахи-ма²⁵, — мир над ним! Он приручил слона, льва и гепарда, построил шатер и портик, провел в сады и в здания текущую воду и принес во фруктовый сад саженцы и семена плодовых деревьев — турунджа, апельсина, бадранга²⁶, лимона и цветов розы, фиалки, нарцисса, лотоса и т.д. Он же устроил Михрган — в этот день он заточил Заххака и в тот же день принял царствование и установил праздник Саде²⁷. Люди, избавленные от несправедливости и тиранства Заххака, были очень довольны и праздновали этот день как [день] хорошего предзнаменования, и до сих пор в Иране и Туране²⁸ каждый год совершается этот обычай в честь добрых царей. Когда Солнце достигло своего Фарвардина, Аффридун снова праздновал этот день. Он собрал людей со всего мира и написал договор об этом. Он приказал, чтобы его чиновники были справедливы. Он разделил свое царство между своими сыновьями. Туркистан от реки Джайхуна до Чина и Мачина²⁹ он дал Туру, Румскую землю³⁰ — Салму, а Иранскую землю и свой трон — Ираджу³¹. Таким образом, все цари

Туркистана, Рума и Ирана – одного происхождения и родственники между собой, так как все они – потомки Аффридуна. Поэтому всем людям необходимо совершать церемонии в честь царей, потому что все они от семени Аффридуна. Когда его эпоха и эпоха других царей после него до эпохи Гуштаспа³² окончилась и когда прошло тридцать лет царствования Гуштаспа, явился Зардушт и принес религию гебров³³. Гуштасп принял его религию и ее вино. Со времени праздника Аффридуна до тех пор прошло девятьсот сорок лет. Когда Солнце вошло в созвездие Скорпиона, Гуштасп приказал отметить високос, в результате чего Фарвардин начался в день вступления Солнца в созвездие Рака. Гуштасп установил праздник, говоря, что надо соблюдать этот день и праздновать Навруз [в этот день], так как Рак – счастливое созвездие для работы, и что крестьянам и земледельцам нужно дать право платить налог в это время, тогда им будет легко. Потом он приказал считать високос каждые сто двадцать лет³⁴, чтобы годы были определенными и чтобы люди знали свое время и в холода и в жару. Этот обычай продолжался до эпохи Искандара Румского, называвшегося Двурогим³⁵. Начиная с этого времени люди перестали отмечать високос и продолжали поступать так же, как и до этого обычая. Это продолжалось до эпохи Ардашира Папакана³⁶, который вновь отметил високос и установил большой праздник. Он составил договор об этом и назвал этот день [Наврузом]. Люди справляли этот праздник до эпохи Нушинравана Справедливого³⁷. Когда портик Мадаина³⁸ был закончен, Нушинраван установил празднование Навруза согласно обычаям того времени. Но он не отмечал високоса, говоря, что люди должны воздерживаться от этого обычая, пока Солнце к концу оборота не достигнет первого дня Рака, и таким образом упразднил указания Кайумарса и Джамшида о совершении високоса. Это продолжалось до эпохи халифа Ма'муна³⁹, который приказал наблюдать за Солнцем и каждый год, когда Солнце достигает Овна, совершать Навруз. Таким образом были составлены «Астрономические таблицы Ма'муна» и еще в наше время календарь исчисляют при помощи этих таблиц⁴⁰. Это продолжалось до эпохи Мутаваккила ала-л-лаха⁴¹, Мута-

ваккил имел везира, по имени Мухаммад ибн Абд ал-Малик⁴², который сказал ему, что собрание налога приходится на такое время, когда скот далеко от хлебных полей, и поэтому люди мучаются, и что согласно обычаю царей Ирана люди совершали високос для возвращения года на свое место, чтобы меньше мучиться во время уплаты налога после сбора урожая. Мутаваккил согласился и приказал считать високос и возвратить Солнце из Рака к Фарвардину. Тогда люди успокоились и вновь стали придерживаться этого обычая. После этого Халаф ибн Ахмад, эмир Сеистана⁴³, установил другой високос. С тех пор до нашего времени стало шестнадцать дней разницы. Счастливый султан, опора веры, Маликшах⁴⁴, — да освятит Аллах его душу, — узнав об этом, приказал установить старый високос и возвратить год на свое место. Для этого он призвал ученых того времени из Хорасана. Они соорудили все необходимое для наблюдения — возвели стены, установили астролябии⁴⁵ и тому подобное — и перенесли Навруз в Фарвардин. Но время не дало возможности султану закончить это дело, и високос остался незаконченным⁴⁶.

Вот истина Навруза, все это мы нашли в книгах наших предшественников и слышали от ученых.

Теперь кратко расскажем о некоторых обычаях царей Ирана, а затем снова вернемся к вопросу о Наврузе при содействии Аллаха и с его доброй помощью.

ОБ ОБЫЧАЯХ ЦАРЕЙ ИРАНА

Цари Ирана во все времена имели такой порядок: накрыть стол как можно лучше⁴⁷. Когда пришло время халифов, они по поводу накрытия стола предлагали такие церемонии, что невозможно описать. В особенности это относится к аббасидским халифам. Различные виды супа, жаркое, разнообразная халва, пиво — все это установлено ими. Большинство хороших видов халвы, как хашими и сабуни, лаузина⁴⁸, супы, печеные изделия — все это ввели аббасидские халифы. Эти хорошие обычаи показывали их великодушие.

Другие обычаи царей Ирана: справедливость, возведение зданий, обучение наукам, занятия философией, покровительство ученым – во всем этом они проявили большое усердие.

Другие обычаи: они посадили в каждом городе и в каждой области страны своих людей, чтобы те сообщали царю о всяком известии и обо всем, что случалось среди людей. Благодаря этому приказу царя у злоумышленников руки были коротки, и чиновники не осмеливались причинить несправедливость никакому человеку, не могли получить несправедливым образом ни от кого ни дирхема⁴⁹, чиновники не осмеливались требовать от подданных ничего сверх установленного законами и правилами. Таким образом, добро, жены и дети были в покое и сохранности. Каждый человек занимался своим делом и ремеслом из страха перед царем⁵⁰.

Еще один обычай: кусок хлеба, который они давали слуге, не брали обратно и, согласно обычаю, давали в свое время каждый год и каждый месяц. Если же кто-нибудь умирал и после него оставался сын, который мог бы выполнить ту же службу, они передавали ему хлеб его отца.

Другой обычай: они горячо стремились к возведению зданий, и каждый царь, севший на трон державы, день и ночь думал о постройке города там, где был хороший климат, чтобы вспоминали, как он заботился о процветании страны. Обычай иранских, тюркских, румских царей из рода Афридуна был таков, что если царь возводил высокий дворец, город, селение, караван-сарай, крепость или проводил канал, и если строительство не закончилось в его время, то его сын или преемник на троне государства после взятия дел державы в свои руки не обращал такого внимания ни на что, кроме окончания постройки здания, недостроенного прежним царем. Пусть все люди знают, что мы тоже стремимся к процветанию мира и страны⁵¹. Но сын царя в этом отношении был еще более ревностен, чем его отец, чему было несколько причин: он говорил, что сыну еще более необходимо закончить недоделанное дело своего отца, объясняя, что поскольку мы сели на трон отцовского царства, нам более удобно сделать это, чем ему. Далее он говорил:

мой отец возводил это здание для того, чтобы мир процветал, из великодушия, для доброй славы, для приближения к всевышнему Аллаху или для наслаждения и радости, во всяком случае мне тоже необходимо процветание страны, добрая слава, удовлетворение всевышнего бога, наслаждение и радость. Поэтому он приказывал окончить здание и добивался окончания этого города или здания. А если постройка этого здания не оканчивалось в его царствование, это здание заканчивал его преемник. И люди благословляли и высоко ценили такого царя, говоря, что всевышний бог закончил это здание его руками. Портик Кисры⁵² в городе Мадаин, фундамент которого заложил Шапур Заплечник⁵³, а после него строили несколько царей, был закончен руками Нушинравана Справедливого. Подобного этому много, в том числе мост в Андимашке.

Другой обычай царей Ирана был таков: если кто-нибудь предлагал им что-нибудь, спел песню или сказал хорошую речь, понравившуюся им, они говорили «Славно!» и тотчас после того как они произносили слово «Славно!», выдавали из казны ему тысячу дирхемов. Они высоко ценили хорошую речь⁵⁴.

Еще один обычай царей Ирана был таков: они прощали всякую вину, кроме трех преступлений; одно из них – разглашение их тайн, другое – оскорбление Яздана, третье – невыполнение приказа и презрение к нему, говоря, что тому, кто не сохранил тайну царя, невозможно доверять, кто оскорбил Яздана⁵⁵ – неверующий, а кто не подчинился приказу царя – тот хотел быть равным с царем и поэтому ослушался. Они немедленно наказывали все эти три преступления, говоря, что: то, что цари имеют из благ мира, имеют и другие люди и различие между царями и другими только в том, что они повелевают, и если другие не слушаются приказа царя, то какая же разница между ними и другими? Еще один обычай: они строили в пустынях в местах остановки караванов караван-сарай, выкапывали колодцы и охраняли дороги от разбойников и злодеев. Если они приказывали выдавать жалованье и пособие человеку, они выдавали ему это жалованье каждый год без его требования. Если кто из

чиновников прибавлял что-нибудь к налогу с области или селения сверх установленного закона, цари воздерживались поручать ему такое дело и наказывали его, чтобы никакой другой человек не стремился получать от людей избыточное, так как в этом причина разрушения царства.

Если кто-нибудь из его слуг оказывал ему услугу, его тотчас благодарили и награждали согласно его услуге, чтобы другие тоже стремились оказывать хорошие услуги. Если же кто-нибудь провинился или совершил проступок, не приказывали наказывать его тотчас, а, имея в виду его заслуги, заключали в тюрьму, чтобы, когда кто-нибудь заступится за него, его можно было бы простить. Подобных примеров много. Если бы мы хотели упомянуть все это, было бы слишком долго; достаточно и изложенного. Вернемся к описанию Навруза, являющегося целью этой книги.

О ПРИХОДЕ МУБАДА МУБАДОВ И ПРОВОЗГЛАШЕНИИ НАВРУЗА

Обычай царей Ирана со времени Кайхусрава до эпохи Йаздиджарда⁵⁶, последнего царя Ирана, был таков: в день Навруза первый человек не из семьи царя, мубад мубадов⁵⁷, приходил к царю с золотым кубком, полным вина; с перстнем, дирхемом и царским динаром⁵⁸, охапкой ростков ячменя, мечом, луком и стрелой, чернильницей и пером, восхвалял и благодарил его на персидском языке⁵⁹ согласно своей речи. Когда мубад мубадов заканчивал свое восхваление, приходили вельможи и предлагали свою службу.

ВОСХВАЛЕНИЕ МУБАДА МУБАДОВ СОГЛАСНО ЕГО РЕЧИ

«О царь! В праздник Фарвардина в месяце Фарвардине будь свободным для Яздана и религии Каев. Суруш⁶⁰ внушил тебе ученость, проницательность, знания, живи долго с характером льва, будь весел на золотом троне, вечно пей из чаши Джамшида, соблюдай обычай предков с великодушием и добродетелью, будь справедливым и правым, пусть

твоя голова не седеет, пусть твоя молодость будет похожа на ростки ячменя, пусть твой конь будет резвым и победоносным, пусть твой меч будет блестящим и смертельным для врагов, пусть твой сокол будет удачливым на охоте, пусть твое дело будет прямым как стрела, овладей еще одной страной, будь на троне с дирхемом и динаром, пусть талантливый и ученый человек ценится у тебя и получает жалованье, пусть твой дворец будет цветущим и твоя жизнь долгой». После того как он говорил это, он отведывал вина и давал кубок царю, в другую руку царя давал ростки ячменя, клал у его трона динар и дирхем. Этим он желал, чтобы если в день Навруза, в новый год, вельможи видят что-либо первым взглядом, они были бы веселы и радостны до следующего года и были бы с этими вещами в счастье. Это благословенно для них, так как вещи, предложенные царю, являются причиной радости и процветания мира.

Теперь перейдем к пользе и свойствам золота, и расскажем об этом, ибо, как говорят, золото является царем всех драгоценностей и украшением царей.

О ЗОЛОТЕ И О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Золото – это эликсир солнца, а серебро – эликсир луны. Первым человеком, который добыл золото и серебро из рудника, был Джамшид. Когда он добыл золото и серебро из рудника, он приказал сделать из золота круглый диск, подобный диску солнца, и поставить печать на обеих сторонах этого изображения солнца, говоря, что оно является царем людей, так же как солнце является царем на небе. Затем сделали из серебра диск, подобный диску луны, и поставили печать на обеих сторонах этого изображения луны, говоря, что это повелитель людей на земле, так же как луна на небе. Золото, являющееся богом алхимии, называют солнцем дня счастья, серебро – луной ночи счастья, а жемчуг называют звездой неба богатства⁶¹. Некоторые прозорливые люди называют золото огнем зимы бедствия, некоторые метко называют его радостью сердца вельможи, и некоторые – нар-

циссом сада царства, некоторые – светом очей религии. Преимущества золота над всеми металлами объясняют подобно преимуществу человека над другими животными. Одно из свойств золота есть то, что его лицезрение дает свет глазам и радость сердцу, другое – то, что оно делает человека смелым и укрепляет ум, третье – то, что оно увеличивает красоту лица, освещает молодость и отдаляет старость, четвертое – то, что оно увеличивает удовольствие и делает его более ценным в глазах людей. Цари Ирана так высоко ценили золото, что никому не давали двух золотых вещей: одна из них чаша, а другая – стремя. О свойствах золота говорят, что если кормить малого ребенка молоком из золотого кувшина, он начинает хорошо говорить и нравиться сердцу людей, он становится мужественным, предохранен от падучей болезни, не пугается во сне, и если ему помазать глаза сурьмой при помощи золотой палочки, глаза предохранены от куриной слепоты и слезотечения и, кроме этого, увеличивается сила зрения. Если связать ноги сокола золотой цепочкой, на охоте он будет более храбрым и резвым. Любая рана посредством золота вылечивается более скоро, но не зарастает, вследствие чего жены вельмож прокалывают мочки ушей своих дочерей и сыновей золотой иглой, и этот прокол не зарастает. Питье из золотого кувшина предохраняет от водянки и веселит сердце, поэтому врачи среди веселящих средств упоминают золото, серебро, жемчуг, алоэ, мускус, шелк. Каждую слабость сердца от горя или беспокойства можно вылечить золотом и серебром, запор можно вылечить мускусом, алоэ и шелком, давление крови – янтарем и сушеными фруктами, а густоту крови можно вылечить жемчугом и шелком.

О ПРИЗНАКАХ КЛАДОВ

Если в земле находится сокровище или клад, в этом месте снег не остается и тает. Один из признаков клада состоит в том, что на незасеянном пустыре вырастает базилик: это указывает, что там есть клад. Если видят ветвь кунжута или баклажана у подножья горы вдали от жилья, также опреде-

ляют, что там клад. Если среди солончака имеется хорошая почва размерами со шкуру быка или глина, удобная для выделки мухра⁶², определяют, что там клад. Если видят множество коршунов, но нет падали, определяют, что там клад. Если идет дождь и на одном участке земли, на котором нет углубления, собирается вода, определяют, что там клад. Если зимой видят одно место, в котором снег не остается и быстро тает, в то время как в других местах снег остается, определяют, что там клад. Если видят... камень, который кажется намазанным маслом, так что дождь и вода не смачивают его, определяют, что там клад. Если видят фазана и куропатку, спускающихся вместе, играющих и веселящихся, или видят, что пчелы собираются в одном месте в необычное время, или видят дерево, одна ветвь которого растет отдельно от всех ветвей в каком-то направлении, причем эта ветвь больше других ветвей, определяют, что там клад. Все это прозорливые люди замечали при помощи различных средств для того, чтобы, когда нужно, найти эти клады. Всякий человек, прячущий золото под землей и не кладущий его в чан или другую вещь из меди или стекла, если захочет найти это золото через год, не найдет его; он подумает, что кто-то унес его, но на самом деле никто не украл его, оно глубоко ушло в землю, так как золото очень тяжело и все время погружается, пока не достигнет воды. По поводу силы золота приведем несколько рассказов.

Рассказ. Однажды Нушинраван позвал цирюльника в сад своего дворца, чтобы тот побрил ему голову. Когда цирюльник положил свою руку на его голову, он сказал: «Если ваше величество отдаст свою дочь замуж за меня, я избавлю вас от мысли о стране Кайсара»⁶³. Нушинраван сказал про себя: «Что говорит этот человек», — и удивился таким словам. Но от страха перед бритвой, которая была в руках цирюльника, он не осмелился ничего сказать и ответил: «С удовольствием, после того как ты побреешь». Когда цирюльник побрил его и ушел, он позвал Бузурджмихра⁶⁴ и рассказал ему все это. Бузурджмихр приказал привести цирюльника и спросил его: «Что ты сказал, когда брил голову

его величеству?». Тот ответил: «Ничего». Тогда Бузурджмихр приказал копать в том месте, на котором стоял цирюльник. Там нашли столько богатства, что его нельзя было сосчитать. Бузурджмихр сказал: «О ваше величество! Те слова, которые сказал цирюльник, он сказал не сам. Это сказала сокровище, так как его рука была над головой вашего величества и нога над этим сокровищем, а по-арабски говорят: «Кто видит сокровище под своими ногами, тот требует свыше своего достоинства»⁶⁵.

Рассказ. Панна Хусрав⁶⁶ сообщили, что один человек в Амуле купил пустынную землю и превратил ее в рисовое поле. Сейчас на этой земле растет такой рис, которого нет ни в каком другом месте, и за него каждый год выручается тысяча динаров. Панна Хусрав купил эту землю по ее цене и приказал копать эту землю. Он нашел в этой земле сорок чанов динаров и сказал, что причиной обилия этого рисового поля была сила этого сокровища.

Рассказ. Я слышал от одного друга, словам которого я доверял, что в Бухаре была одна сумасшедшая, которую женщины позвали и стали шутить над ней, играть с ней и смеяться над ее словами. Однажды в одном доме ее одели в шелковое платье и надели на нее украшения из золота и драгоценных камней, говоря ей: «Мы выдаем тебя замуж». Эта женщина никогда не имела золота и драгоценных камней, и, когда она увидела на себе эти украшения, она начала говорить разумные речи, так, что люди стали думать, что она вылечилась. Но когда у нее отняли все это, она опять стала сумасшедшей.

Говорят, что вельможи, когда хотели сблизиться с женой или с невольницей, опоясывали свои чресла золотым поясом и приказывали женщине также украсить, говоря: «Если так сделать, сын будет храбрым, с совершенной фигурой и красивым лицом, умным и приятным для людских сердец». А когда женщина рожала сына, они вешали вокруг колыбели золотые и серебрянные монеты, говоря: «Эти две вещи – повелители людей».

О ПЕРСТНЕ И О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Перстень является очень хорошим украшением и необходим для пальца. Вельможи говорили, что благородство обязывает вельмож носить перстни. Первый человек, носивший перстень на пальце, был Джамшид. Говорят, что пальцы вельмож без перстня похожи на отряд людей без знамени (?). Перстень же на пальце похож на пояс на чреслах, а чресла с поясом красивее. Перстень на пальцах вельмож говорит об их полном благородстве, силе мысли и правильности решений, потому что тот, кто имеет полное благородство, пользуется печатью. Кто обладает силой мысли, тот не бывает нерешительным, а тот, кто решителен, не бывает без печати, потому что письмо вельмож без печати указывает на слабость мысли и отсутствие решительности. Письмо без печати указывает на беззаботность и беспечность. Сулайман⁶⁷ — мир над ним! — потерял царство потому, что он испортил свой перстень. Важнее иметь печать, а не сам перстень. Пророк, — да будет над ним благословение Аллаха! — носил на своем пальце перстень, и, когда он посылал в какую-либо область письма, он посылал их запечатанными. Как-то раз он отправил незапечатанное письмо Парвизу⁶⁸. Парвиз разгневался и, не читая письма, разорвал его, говоря, что письмо без печати похоже на голову без шапки, а голова без шапки не годится для общества. Когда письмо без печати, кто захочет, может его прочитать, а когда запечатано, читает только тот, кому его послали. Мудрые люди говорили, что меч и перо являются слугами перстня царя, потому что они захватывают царство и устанавливают его по приказам перстня царя, так как если он не захочет, они не могут достичь этого. Каждое украшение, которое имеют люди, может быть, а может не быть, кроме перстня. Никогда не следует быть без него, потому что он является украшением пальца. Надевают его на такой палец, который является показателем единства Бога, — велико его великолепие! — и благодаря этому это украшение пальца является признаком его превосходства. Это похоже на борца,

который проявляет такой талант, что приближается к вельможе, вследствие чего тот оказывает ему милость и выделяет его из его товарищей, надевая на него золотое ожерелье или давая ему золотой пояс для опоясывания чресел: это значит, что он проявил талант. Перстни бывают многих видов, но для царей годны перстни только с двумя драгоценными камнями. Один из них – яхонт, являющийся частицей солнца. Он царь драгоценных камней, его свойством является излучение, на него не действует огонь, он режет все камни, кроме алмаза. Одно из его свойств то, что он предотвращает вред от жажды. Рассказывают, что когда пророк – мир над ним! – был в Медине и хотел начать «битву в окопах»⁶⁹, в Медине была холера, но у избранника – мир над ним! – был яхонт ценой больше двух тысяч динаров. Другой из этих камней – бирюза. Бирюза пользуется известностью, дорого ценится и приятна на вид. Она имеет свойство предохранять от дурного глаза и от страха во сне. Перстень обладает многими приметами для гаданий и толкований слов, о чем много говорили. Они указывают на господство и величие царей, на благородство вельмож, на благополучность дела.

Рассказ. Говорят, что Искандар Румский до того, как он обошел мир, видел разнообразные сны, которые указывали на то, что он владеет этим миром. Один из этих снов был таков, что весь мир был как один перстень и наделся на его палец. Но этот перстень не имел камня. Когда он спросил об этом у Аристотеля⁷⁰, тот сказал, что ты будешь владеть всем миром, но ты не сможешь достаточно пользоваться им, так как этот перстень – царство, а камень – его царь.

Рассказ. Говорят, что однажды царь Йаздиджард сел на каменную скамейку дворцового сада и надел на палец бирюзовый перстень. Вдруг прилетела стрела и попала в камень перстня, который разлетелся на куски, а стрела, пролетев дальше, воткнулась в землю. Но никто не знал, откуда прилетела эта стрела. Несмотря на то, что много искали, ничего не нашли. Он от этого очень опечалился и размыш-

лял о том, что же это может быть. Когда он спросил у ученых и приближенных, никто не знал объяснения этому. А кто знал немного об этом — не осмеливался сказать. Немного времени спустя он умер, и его династия прекратилась.

Рассказ. Говорят, что в то время, когда Мухаммад Амин был повелителем правоверных⁷¹, он сел в саду на берегу бассейна и, поворачивая на своем пальце яхонтовый перстень, сказал стих, являющийся пословицей: «Мы раскалываем головы драгоценных людей, но они более неповинующиеся и более несправедливые»⁷². Он имел в виду Ма'муна, который не повиновался ему. В это время он рассердился на одну рабыню и в гневе ударил ее перстнем. Камень выскочил, и камень и перстень упали в бассейн. Несмотря на то, что много людей ныряли в воду и искали, наконец, вычерпали воду из бассейна, но камня не нашли. Вместо камня нашли перстень, в котором был белый камень. Некоторое время спустя пришел кривой Тахир⁷³, сразился с ним и в этом же дворце убил его.

Мы рассказали о значении перстней.

О РОСТКАХ ЯЧМЕНЯ И О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НИХ

Цари Ирана считали ростки ячменя хорошей приметой, так как от ячменя много пользы. Он созревает раньше всех других съедобных злаков. О нем говорят, что в течение срока дней он попадает из амбара в амбар. Он растет всюду, где ты его бросишь, и прорастает раньше всех злаков. Ячмень годен и для лекарства и для еды. Мудрецы и отшельники питаются ячменем. Говорят, что при питании им кровь никогда не портится, и нет нужды в кровопускании. Он также предотвращает болезни крови и желчи. Врачи называют ячменную водку благословенной водой. Она полезна против двадцати четырех известных видов болезней, среди которых: ожог, воспаление легких, лихорадка, тиф, кашель, горячка, сухотка, чахотка, запор желудка, водянка. Она полезна для компрессов мошонки, головы, груди, бока, пече-

ни, желудка, перелома костей, ожога, подагры, а также против глистов. Ячменное масло уничтожает желтую чесотку, а пшеничное масло – черную чесотку, а если положить ячменные отруби в котел и хорошо прокипятить, это очень полезно для того, у кого слабые кости ног и кто не может стоять. Если у кого судорога в ногах и коленях, ему нужно поставить ноги в ячменную водку, и он вылечится. Пшеничные отруби имеют такое же значение. В Багдаде кипятят ячмень, сцеживают воду, затем еще раз кипятят с кунжутным маслом, чтобы вода испарилась, а масло осталось, намазывают этим маслом желтую опухоль, а женщинам против заболевания и опухоли матки очень полезно смочить маслом вату и положить внутрь⁷⁴. Говорят, что если возможно посеять ячмень ночью во время затмения луны, хлеб из него полезен для сумасшедших. Если луна увеличивается и противостоит Венере в то время, когда сеют ячмень, и если худая лошадь съест этот ячмень, она потолстеет. Будет ли год хорошим или плохим, определяется при помощи ячменя. Если ячмень растет прямо и дружно, это указывает на то, что год обильный, а если он растет криво, недружно, значит, год неурожайный. Есть предание о том, что пророк, – мир над ним! – говорил: «Лучший из всех хлебов – ячменный хлеб. Кто удовлетворяется этим, он его насыщает, так как это мой хлеб и хлеб других пророков». Дряхлые старцы гадают на ячмене и сообщают о добре и зле. Колдуны при помощи ячменя заколдовывают бородавки во время месяца кануна⁷⁵. Затем закрывают бородавку, и она исчезает. Женщины в месяце Фарвардине замачивают ячмень и сеют его во имя своих дочерей (?) Если ячменем покрывать голову, волосы становятся длинными.

Рассказ. Я слышал, что однажды Хурмуз, отец Хусрава⁷⁶, ехал мимо одного ячменного поля. Поле орошалось, и вода вышла за пределы поля и текла по дороге. Это было в месяце Фарвардине. Он приказал наполнить один кувшин водой, вышедшей из ячменного поля, чтобы пить ее, говоря, что ячмень – благословенное зерно, а его ростки – хорошие ростки. Вода, проходящая через него и выходящая из него,

уменьшает усталость и вылечивает болезни желудка, и тот человек, кто пил ее, будет сохранен от болезней и мучений жажды до следующего года, когда созреет ячмень.

Рассказ. Однажды Шамс ал-Мулуку Кабусу Вушмгиру⁷⁷ сообщили о том, что какой-то человек вошел в ворота дворца и привел неоседланного коня, сказав, что он поймал его на своем поле. Тот спросил: «На ячменном или пшеничном поле?» Человек ответил: «На ячменном». Тогда Шамс ал-Мулук Кабус Вушмгир приказал привести владельца коня, взял штраф с него в размере цены созревшего ячменя и отдал владельцу земли, говоря ему, что, если крестьяне хотят, чтобы ячмень хорошо рос, надо пустить пастись коней в это время, и что мы этот штраф взяли в наказание для того, чтобы владельцы коней не отпускали своих коней пастись на чужих полях, так как ячмень есть пища пророков и отшельников, с помощью которых устанавливается религия. Ячмень в то же время есть пища четвероногих животных. На всем этом держится царство.

Рассказ. Говорят, что Адам – мир над ним! – ел пшеницу и за это его изгнали из рая. Всевышний Изад установил его пищей пшеницу, но он, сколько ни ел ее, не насыщался. Поэтому он умолил всевышнего Изада и тот послал ему ячмень, он сделал из него хлеб, поел его и насытился. После этого он считал хорошей приметой, если видел зеленый и свежий ячмень. С этого времени цари Ирана каждый год на Навруз хотели ячменя, так как он полезный и благословенный.

О МЕЧЕ И ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Меч есть хранитель царства и надзиратель за народом. Без него не устанавливается ни одно царство, так как только при помощи меча можно охранить законы правления. Первым металлом, добытым в руднике, было железо, так как оно было важнейшим веществом для людей. Первым человеком, сделавшим из него оружие, был Джамшид. Всякое

оружие великолепно и необходимо, но нет ничего более необходимого и более великолепного, чем меч, так как он похож на огонь по своему блеску и содержит два элемента⁷⁸. Прозорливые люди говорят, что мир без железа похож на молодого человека без детородного члена, не способного к продолжению рода. Если посмотреть с умом, то станет ясно, что дела вселенной зависят от страха и надежды, а страх и надежда зависят от меча, так как один человек стремится при помощи железа осуществить свои надежды, а другой человек бежит от железа, и этот страх является его хранителем. Корона, которая надевается на головы царей, завоевывается при помощи железа, и сокровищницы царей пополняются при помощи железа. Всевышний Изад полезность всех веществ поставил в зависимость от обычаев людей, кроме полезности железа, так как оно употребляется в любом производстве и мир украшен и процветает благодаря ему. Среди достоинств меча лучшим является то, что пророку, — мир над ним! — дали меч как орудие завоевания, и он сказал: «Я послан с мечом». В Торе⁷⁹ его называли душой сражения и владеющим мечом⁸⁰. Достоинство этого орудия происходит оттого, что меч есть орудие храбрости, являющейся наибольшей добродетелью и среди людей и среди животных. Храбрость определили как такую гневную силу, благодаря которой душа берет верх над своими врагами. Говорят, что храбрость является свойством естественным, а не приобретенным, но она украшается приобретением. Местом храбрости считают печень, так как она есть место крови. Поэтому, храбрый человек будет более смел при кровопролитии, ибо храбрость разжигается кровью, как лампа маслом. Говорят, что действующим в храбрости является естественная сила сердца, а страдающим — естественная сила печени, так как этими двумя силами при необходимости проявляется достоинство храбрости, подобно огню, который выскакивает из камня и стали, и тот, кто осмеливается схватить его, обжигается. Установили, что если сердце сильно, а печень слаба, их обладатель в начале сражения храбр и отважен, а в конце — беспечен и слаб, а если сердце слабо, а печень сильна, их обладатель в начале сражения

беспечен и слаб, а в конце – смел и отважен. Мерой храбрости установили силу пищеварения, происходящего при помощи желудка и печени. Говорят, что, подобно тому как слабость этой силы делает жизнь бесцветной и неприятной, слабость силы и храбрости также делает жизнь бесцветной и неприятной, так как такой человек всегда труслив и бежит от всего. Символ храбрости выразили в виде сильного зверя, с головой, похожей на голову льва, грызущего железо, ногами, похожими на ноги слона, дробящего камень, и хвостом, похожим на голову огнедышащего дракона. Говорят, что храбрый человек должен быть в начале сражения похож на льва по своей смелости и натиску, в середине сражения – на слона по своему терпению, напряжению и внушительности, а в конце сражения – на дракона по своему гневу, терпению к страданию и ожесточенности. Мы упомянули виды храбрости, орудием же ее является меч.

Вот четырнадцать сортов мечей: первый – *йамани*, второй – *хинди*, третий – *кали*, четвертый – *сулаймани*, пятый – *насиби*, шестой – *маррихи*, седьмой – *салмани*, восьмой – *мучаллад*, девятый – *бахри*, десятый – *димашки*, одиннадцатый – *мисри*, двенадцатый – *ханифи*, тринадцатый – *нармахан*, четырнадцатый – *кардджури*⁸¹. Этих сортов много, если будем упоминать все, будет слишком многословно. *Йамани* – такой сорт меча, тело которого гладко со всех сторон и зеленовато, основание которого красновато, а ближе к концу у него белые знаки друг за другом, похожие на серебро. Его называют вороненым. Другой род – с насечками. Мечей с насечками – четыре сорта: первый – у которого насечки неглубокие, а тело сверкает и переливается, как муравьиные ножки. Другой – у которого насечки глубокие, его тело похоже на жемчуг. Его называют жемчужным. Еще один – у которого насечки пересекаются под прямым углом, тело его иногда кажется косым. Четвертый – простой, с небольшим числом мелких насечек, его длина равна трем пядям и четырем пальцам, а ширина – четырем пальцам, тело черновато. Его называют садовым. Меч *йамани* бывает простым, длиной в три с половиной пяди, шириной – четыре пальца и весом два с половиной мана или три мана без деся-

ти стиров⁸². Имеется такой состав для мечей, который изготовил Аристотель для мечей Искандара. Упомянем об этом, ибо речь об этом удивительна. Аристотель приказал взять одну часть магнезии, одну часть коралла и одну часть ярь-медянки, натереть все очень мелко, смешать все это вместе, затем принести один ман мягкого железа и последовательно смешивать с ним, и из этой смеси взять двенадцать *укийа*⁸³, положить в огонь и держать, пока не расплавится и не потечет в тигле, затем взять одну часть руты, одну часть чернильных орешков, одну часть дубовых желудей, одну часть перламутра и столько, сколько всего этого, – шпанских мушек, растолочь очень мелко, смешать. Из этой смеси прибавить два *укийа* к каждому ману железа и раздуть [огонь], пока все не соединится и железо не растворит эту смесь. Затем остудить и сделать из этого состава мечи. Тогда мечи будут очень чистые. В «Книге Бахрама об оружии»⁸⁴ говорится, что если вынимают меч из ножен и он стонет, это признак кровопролития, если меч сам вынимается из ножен, это признак войны, если же обнаженный меч поставить около семидневного ребенка, ребенок вырастет храбрым.

О СТРЕЛЕ И ЛУКЕ, И ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НИХ

Стрела и лук – необходимое оружие, употребление которого указывает на хорошее воспитание. Пророк, мир над ним, указывал: «Учите ваших сыновей стрелять и плавать». Первый человек, который сделал лук и стрелу, был Кайумарс. Его лук был деревянный, без костей, из одного куска и похож на инструмент трепальщиков хлопка. Его стрела была из трехгранного тростника с костяным наконечником. Затем, во время Манучихра, когда пришел Араш Вахадан⁸⁵, он сделал лук из пяти частей из дерева и тростника, скрепив эти пять частей рыбьим клеем, наконечники стрел его были из железа. Когда очередь стрельбы дошла до Бахрама Гур⁸⁶, Бахрам сделал лук из кости, а стрелу четырехгранной и обернул лук тузом⁸⁷. Форму лука взяли по форме частей неб⁸⁸, потому что ученые называли части небесного круга дуга-

ми, т. е. луками⁸⁸. Прямые линии, соединяющие один конец каждой дуги с другим концом, называют хордами, т. е. тетивами, а линию, выходящую из центра небесного круга и проходящую через середину дуги по его ширине, называют стрелой. Говорят, что всякое добро и зло, приходящее на землю под действием светил и по предопределению и воле всевышнего творца и посланное к какому-нибудь человеку, проходит через эти хорды и дуги, подобно тому как в руках стрелка каждое бедствие его дичи попадает к ней от стрелы, проходящей через тетиву и лук. С одной стороны, лук похож на человека, так как в нем имеются жилы, нервы, кости, кожа и мясо, а его тетива является душой, так как его жизнь зависит от нее, ибо лук живет до тех пор, пока у него есть тетива, при помощи души, которую он находит у талантливового человека. Поистине, когда посмотришь, то увидишь, что лук подобен груди и рукам человека. Когда он натягивает тетиву одной рукой, тыльная сторона руки сгибается, грудь похожа на рукоять лука, предплечье и плечо похожи на изгиб лука, кисти рук – как два угла лука. Вес самого высокого лука шестьсот манов. Его называют *кушканджир*⁸⁹. Он предназначен против крепостей. Вес самого низкого – один ман. Он сделан для малых детей. Луки от двухсот пятидесяти до четырехсот манов – это осадные машины, от двухсот пятидесяти до ста манов – полумашины, от ста до шестидесяти манов – высокие луки. Что касается силы каждого лука, то она может быть больше или меньше и измеряется такими же градусами, что и небо. Каждый градус – шестьдесят минут, считая от двух узлов в углу лука до места натяжения тетивы, затем поднимаясь удвоением до шестнадцати, причем каждый изгиб делится на три части. Рукоять считается за центр, так как она неподвижна, а углы и изгибы лука считаются по ней. Таким образом, в этой части, опускающейся от угла, сила в два раза больше, чем в углу, числа его четырнадцать и шестнадцать, т. е. тридцать, это одна половина, а другая – тоже тридцать, вместе шестьдесят. Два изгиба лука он разделил на шесть частей, потому что фигура лука похожа на полукруг, а полукруг неба также разделен на шесть созвездий. Видов лука, называемых

осадными машинами, три: высокий, низкий и средний; они имеют также три вида стрел: длинные, короткие и средние. Длинные – в пятнадцать кулаков, средние – в десять кулаков, короткие – в восемь с половиной кулаков. Говорить о том, сколько стрел надо для каждого лука, будет слишком многословно. Мы не стремимся здесь к многословию. Наши намерения состоят в объяснении достоинств стрелы и лука и почему цари Ирана желали эти вещи на Навруз.

С помощью науки астрологии утверждают, что владеющие луком, если они стрелки и занимаются большую часть времени оружием стрельбы, не нуждаются [ни в чем другом]. Победа каждого войска зависит от оружия – стрелы, и стрелки, владеющие этим оружием, побеждают. Довод в пользу этого таков, что судьба этого оружия находится в созвездии Стрельца, а природа Стрельца огненная. Большим счастьем является дом Юпитера – треугольник в созвездии Овна, созвездие Льва является домом Солнца, а достоинства созвездия Стрельца объясняются тем, что оно – дом Марса⁹⁰.

С точки зрения медицины знание стрелы и лука приносит ясную пользу в нескольких отношениях: с ними можно проделывать физические упражнения, они делают сильными нервы и члены, смягчают суставы и делают их послушными, обостряют память, усиливают сердце, предохраняют от удара, паралича и дрожи.

Рассказ. У Сам-и Наримана⁹¹ спросили: «О победоносный предводитель, что такое украшение битвы?» Он ответил: «Свет достославного шаха, знания умного полководца и талантливый боец, имеющий латы и воюющий с луком».

Рассказ. Говорят, что однажды Бахрам Гур в присутствии Нумана Мунзира⁹², своего воспитателя, выстрелил двумя стрелами из одного лука и сбил с неба этими двумя стрелами двух птиц. Нуман сказал: «О мой сын, с создания мира до нашего времени не было такого стрелка, как ты, и не будет, пока существует мир».

Рассказ. Говорят, что однажды один мудрец давал совет своему сыну и сказал: «О сын, люби коня и цени лук, но не бывай без крепостных стен и без запора». Тот спросил: «О отец, я знаю коня и лук, но что значит «стены» и «запор»?» Отец ответил: ««Стены» – это рыцарь, а «запор» – это латы, то есть не бывай без лат, пока возможно».

Рассказ. Сайф Зуязан⁹³ рассказывает, что когда Нушинраван послал иранского сипахсалара стрелять в Абраху Саббаха⁹⁴, тот сшиб его с верблюда и затем сказал: «Идите сюда, братья. Посмотрите на прямое и кривое, посылающее ветер, и на летящее мертвое, забирающее душу. Это лук и стрела. Уважайте их, ибо они мудрецы оружия, воюют вблизи, а убивают вдали».

Рассказ. Говорят, что однажды Нушинраван спросил Бабака Ариза⁹⁵: «Кто из воинствующих людей более известен?» Тот ответил: «Владеющие луком и стрелой». Нушинраван очень удивился этому и потребовал объяснить смысл этого, спрашивая, какими должны быть эти люди. Бабак Ариз ответил: «Они должны быть такими, что все их тело – сердце, все их сердце – рука, вся их рука – лук, и весь их лук – стрела, а вся их стрела попадает в сердце врага». Нушинраван спросил: «Как надо понять смысл этого?» Бабак Ариз ответил: «Надо понимать так, что они должны иметь сердце сильное и крепкое, как их рука, жилы ровные и крепкие, как лук, и стрелу прямую и ровную, как тетиву, а если будет так, они увидят место своей стрелы в сердце врага». Это говорилось о значении лука и стрелы.

О ПЕРЕ И ЕГО СВОЙСТВЕ, И ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Ученые называли перо украшением царства и посланием сердца. Слово без пера похоже на душу без тела, а когда оно связывается с пером, оно соединяется с телом и сохраняется навсегда. Оно похоже на огонь, выскакивающий из кремня и стали и без труда не загорающийся и не становящийся

светильником, от которого получают свет. Халиф Ма'мун сказал: «Да благословит Аллах перо. Как может моя голова управлять страной без пера? Оно служит воле, не стремясь к вознаграждению и оплате. Оно говорит, прогуливаясь по земле. Его белизна омрачает, а его чернота освещает»⁹⁶. Первый человек, пользовавшийся письмом, был Тахмурас. Человек, владеющий достоинством речи, но не владеющий достоинством письма, несовершенен и похож на половину человека, так как достоинство письма является большим достоинством, и никакое достоинство не равно ему, оно повышает человека из степени человека до степени ангела, а дьявола из степени дьявола до степени человека. Письмо повышает человека с низкой ступени на высокую ступень, такую, что он называется ученым, имамом, законоведом ислама и секретарем, так же как люди с достоинством речи отличаются от других животных и делаются их руководителями. Религия бога, – велика его память, – устанавливается и страна приводится в порядок царем при помощи пера. Несмотря на то, что некоторые люди считают, что избраннык, – мир над ним, – был неграмотен, и считают это его чудом, и что сила его чуда зависит от этого, он сильнее всех писателей, проявивших себя в письме, – он и узнал, и сделал. Некоторые из ученых считают, что он был знатоком во всех науках. Таким образом, он не был новичком в знании письма. Но всевышний Изад сказал ему: не пиши это сам, приказал ему продиктовать все письма, которые всевышний Изад послал с неба, и также все внушения сохранены при помощи пера. Совершили это при его помощи и приняли. Обычаи царства, законы и правила в областях сохраняют, и при его помощи приводят в порядок. Достоинство письма украсило руку украшением перстня и печатью, так как цари 'Аджама увидели, что меч захватил страну и установил опоры правления, а перо распорядилось царством и сохранило законы правления, и что оба эти действия происходят от таланта руки. Основных чувств пять: слух, зрение, обоняние, вкус, осязание – и местонахождение всех этих пяти, которые похожи на душу в теле, – в голове. Поэтому, они сделали корону и надели ее на голову, сделали серьги и

вдели их в уши, сделали браслеты и надели их на руку, сделали перстень и надели его на палец, говоря, что меч действует достоинством и силой руки, поэтому, ей нужно достоинство браслета, а перо движется силой и талантом пальца, поэтому, ему дали славу перстня, а когда оно пишет письмо и рисует тайны, над ним ставят печать, чтобы оно было удалено от глаз изменников и недостойных. Они приказали сначала крепко свернуть письмо, а потом запечатать и покрыть печать чехлом, чтобы это было знаком письма печати этого мира, так как человек есть письмо печати этого мира, согласно упомянутым стихам творца неба и земли, написанное и завязанное веревкой природы, запечатанное печатью перстня души и являющееся привилегией ума, заключенного в голове. Ученые определяли перо как инструмент, который по виду скромн и по нахождению легок, но написанное им достойно и по результатам ценно, так же как медовая пчела и шелковичный червь, которые по виду скромны, но дают царям ценные и редкие вещи, в которых много пользы. Упомянутого инструмента установили три вида: один из них – совсем косой, и почерк [письма], написанного им, называется серебряным, другой – прямой, и почерк называется золотым, а третий – между совсем косым и прямым, написанное им называют жемчужным. Необходимо, чтобы почерк отвечал четырем требованиям: во-первых, почерк должен быть определенным по размерам, во-вторых, он должен иметь установленную форму, в-третьих, он должен быть красивым и беглым, что зависит от остроты пера и от ловкости руки пишущего. [В-четвертых], необходимо при письме соблюдать гармонию: не надо писать *ра`*, как *нун*, и *нун*, как *ра`*. Глаза *вава*, *кафа* и *фа`* по возможности не должны отличаться друг от друга, быть одной величины, не узкими и не широкими. Протяжение *нуна*, *кафа* и *сада*, и длина *лама* и *алифа* должны быть одинаковы⁹⁷. При соблюдении этого правила, даже если почерк нехорош, он кажется хорошим, гладким, ровным и разборчивым, а ученые говорили, что лучше всех почерков тот, который разборчив. Для хорошего почерка нужны три хорошие вещи, и если одна из этих трех вещей не будет хороша, несмотря на то что пи-

шущий – мастер, письмо не будет хорошим. Первое – это перо, второе – чернила, третье – бумага. Если кто-либо учился письму у каллиграфа, то буквы и слова у него никогда не теряют своего положения, так как правила о количестве букв и слов запечатлеваются в сердце и когда ему хочется что-нибудь написать, он направляет руку с помощью сердца, и поэтому почерк таков, как научили, и буквы или слова редко бывают плохими. Хороший почерк похож на полное лицо и совершенный стан, который называют красивым, а плохое письмо похоже на уродливое лицо и нестройный стан, члены которого не подходят один к другому.

Рассказ. В этом смысле о достоинстве пера. Я читал среди преданий предшественников, что некогда какой-то эмир послал посла властителю Фарса с обнаженным мечом, говоря: «Принеси этот меч властителю, поставь перед ним и не говори ничего». Посол пришел и сделал так. Когда он поставил меч, не говоря ни слова, властитель приказал везиру отвечать ему, а везир открыл крышку пенала, бросил одно перо по направлению к нему, говоря: «Вот ответ». Посол был умным человеком и знал, что ему ответили: «Влияние пера на правоту и беспорядок страны очень велико. Надо ценить доверенных, обладающих пером».

Рассказ. Фахр ад-Даула, брат Панна Хусрава⁹⁸, бежал в Нишапур. Сахиб резко упрекал его в своих письмах, называя его неповиновущимся. Тот писал сахибу: «У тебя меч, а у меня перо. Посмотрим, что из них сильнее». Сахиб в ответ написал: «Меч сильнее, но перо выше. Посмотри-ка, что из них более достойно». Фахр ад-Даула показал это письмо Шамсу ал-Маали⁹⁹. Кабус Вушмгир подписал на этом письме: «Кто очищал, тот спасен, а кто опровергал и не соглашался, тот отчаялся»¹⁰⁰.

Рассказ. Я слышал, что в Иране был царь, обычай которого был таков: когда он воевал, он имел часть войска, хорошо организованную и хорошо снабженную, одетую в черное платье. В тот момент, когда битва становилась ожес-

точной, этой части войска приказывали выйти вперед всего войска и продолжать битву. Случилось, что из Туркистана пришло большое войско, около пятидесяти тысяч человек, и дело шло к войне. Этот царь горделиво воссел с несколькими своими приближенными. Ему хотелось отложить битву на другой день. Он потребовал пенал и перо и написал на куске бумаги: «Скажите, чтобы часть войска, одетая в черное, возвратилась», и послал это своему везиру. Везир прочел, но это ему не понравилось. Он взял пенал из своего сафьянового сапога и прибавил одну точку под словом *сий-ах* и получилось *синах-даран*, затем прибавил один *нун* к слову *гарданд* и получилось *нагарданд*, и послал в войско¹⁰¹. В войске прочли письмо, бросились вперед и разбили туркистанское войско. Поэтому в книге «Жизнеописание царей»¹⁰² написано, что одной точкой пера разбито пятьдесят тысяч сабель.

В стране Ираке имеется двенадцать видов перьев, каждое из которых имеет свою длину, размер и форму. Каллиграфы называют каждое из них по имени больших людей: одно *мукли* – по имени Ибн Муклы, другое *мухалхили* – по имени Ибн Мухалхила, третье *мукаффа`и* – по имени Ибн Мукаффа, четвертое *мухаллиби*, пятое *михрани*, шестое *`амиди*, седьмое *булфазли*, восьмое *исма`или*, девятое *са`иди*, десятое *шамси*¹⁰³. Каждое из них имеет свою длину, размер и форму, описание которых было бы слишком многословно. Опишем одно из них – перо *шамси*. Это перо названо по имени Шамс ал-Ма`али. Делается оно из бамбука или из багдадского или египетского камыша. Шамс ал-Ма`али сказал, что секретарям дивана подобает крепкий камыш, так как они водят перо со скрипом. Их писание великолепно. Он сказал также, что перо царей должно быть таким, чтобы при писании они не мучились, нажимая своими пальцами, так как царям не подобает брать бумагу на колени и садиться для написания, как секретари. Они должны садиться кругло¹⁰⁴ и держать бумагу на весу, а длина их пера должна быть три кулака: два кулака до середины и один кулак – головка пера. Для того чтобы хорошо писать, надо много писать.

О КОНЕ И ЕГО ДОСТОИНСТВАХ, И ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Говорят, что среди четвероногих нет лучше коня, ибо он – царь всех пасущихся четвероногих. Пророк, – мир над ним! – сказал: «Благо написано на лбах коней»¹⁰⁵. Персы называли коня ветротелым, румийцы – ветроногим, турки – шагающим и осчастливливающим, индийцы – летающим тронem, арабы – бураком¹⁰⁶ на земле. Говорят, что ангел, несущий орбиту Солнца¹⁰⁷, имеет вид коня, называемого *алус*¹⁰⁸. Большие люди много говорили о коне. Говорят, что, когда к Сулайману, – мир над ним! – привели коня, он сказал: «Я благодарю всевышнего Аллаха за то, что он заставил повиноваться мне два ветра: один – одушевленный, другой – неодушевленный. При помощи одного я езжу на земле, а при помощи другого – по воздуху». У Аффридуна спросили: «О царь! Почему ты не едешь верхом?» Он ответил. «Я боюсь, что не смогу благодарить как подобает Яздана». Кайхусрав сказал: «У моего царства нет более дорогого, чем конь».

Рассказ. Хусрав Парвизу привели коня Шабдиза¹⁰⁹, чтобы он сел верхом. Он сказал: «Если бы у Яздана был бы раб лучше человека, то он не отдал бы нам мир, а если было бы четвероногое лучше коня, то он не сделал бы коня нашим верховным животным». Затем он добавил: «Царь является предводителем людей, а конь – предводителем четвероногих». Благословенный и всевышний Аллах говорит: «Я сотворил коня по своему подобию»¹¹⁰. Афрасиаб¹¹¹ говорил: «Конь для царя, как месяц для неба»¹¹². Большие люди говорили, что надо ценить коня, потому что тот, кто унижает коня, сам унижается в руках врага. Халиф Ма'мун говорит: «Как хорош конь, он текущее небо и идущий трон». Повелитель правоверных Али ибн Аби Талиб¹¹³, – да будет Аллах доволен им! – сказал: «Аллах сотворил коня для того, чтобы с его помощью возвысить человека и унижить дьявола». Абдаллах ибн Тахир¹¹⁴ сказал: «Сесть верхом на коня для меня лучше, чем сесть на шею неба». Нуман Мунзир говорит: «Конь – это крепостной вал ночных людей, и если

бы не было коня, имя храбрецов не подобало бы военным людям». Наср ибн Сайяр¹¹⁵ говорит: «Конь – это трон войны и цвет ее оружия». Мухаллаб ибн Абу Суфр¹¹⁶ говорит: «Конь – это облако войны, проливающее кровавый дождь при блеске меча»¹¹⁷. Упомянем несколько названий [пород] коней, данных персами, а также то, что известно по опыту о свойствах коней, их пороках и достоинствах и хороших приметах, [связанных с ними].

НАЗВАНИЯ КОНЕЙ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

*Алус, чарма, сурхчарма, тазичарма, хинг, бад-хинг, ма-гасхинг, сабз-хинг, писа-кумайт, кумайт, шабдиз, хуриид, гурсурх, зард-рахш, сийахрахш, хурмагун, чашина, шулак, писа, абргун, хакранг, диза, бихгун, майгун, бадруи (?), гулгун, аргаван, бахар, гун, абгун, нилгун, абркас (?), наубар, сатид-зарда, бурсар, банафшегун, адбас (?), загчаим, сабзпуст (?), симгун, аблак, сатид, саманд*¹¹⁸.

Что касается алуса, то это конь, о котором говорят, что он несется по небу, что он очень зорок и слышит стук конских копыт на большом расстоянии. Он очень терпелив, но не может терпеть холодного климата. Иметь такого коня – счастье, но [он] очень нежен. *Чарма* – очень стремителен и зорок. *Сийахчарма* [приносит] счастье. *Кумайт* – переносит страдания. *Шабдиз* – приносит счастье и благословение. *Хуриид* – медленен и [приносит] счастье. *Саманд* – деятелен и терпелив. *Писа* – приветлив и любит своего хозяина. *Сатидзарда* подходит для верховой езды царей. *Писакумайт* – болезнен и злонравен.

Кони имеют причудливые масти, которые очень редко встречаются. Аристотель в своей книге о животных¹¹⁹ упоминает об этом. Говорят, что конь цвета птиц(?), в особенности белый, лучше и более достоин [внимания]. Его владелец на войне всегда будет победителем. Такой конь подходит для верховой езды царя. У *зарда* – серые глаза, его цвет, как янтарь, цвет его глаз – желтоватый. Конь с белыми или желтыми яблоками, как орлиный *хинг*, или рыжий *хинг* с белыми ногами или конь цвета *кумайта*, с белой мордой и

белыми ногами – все эти виды счастливы и благоприятны. Не подходит для царей конь цвета фазана, или конь с большими яблоками на морде. Что касается счастливых знаков коней, то один из них называется по-персидски *гард* (?). Это счастливо и благоприятно. Конь с желтой или рыжей шерстью не терпит холода. Пророк, – мир над ним! – сказал, что самым быстроходным из коней является *ашкар*. Повелитель правоверных Али¹²⁰, – да будет Аллах доволен им! – сказал, что самый храбрый конь – *кумайт*, самый неустрашимый – вороной, самый сильный и добронравный – *хинг*, самый талантливый – *саманд*. Среди коней *хингов* лучше такой *хинг*, у которого темя, лоб, ноги, живот, мошонка, хвост и глаза – все черное. Это упомянуто, поскольку это необходимо в книге. В прошлые времена никакой народ не знал коней, их достоинств и пороков, лучше персов, потому что тогда они владели миром и повсюду, где у арабов и персов был добрый конь, его приводили к ним. Сегодня никакой народ не знает этого лучше тюрок, потому что они день и ночь занимаются конем, и они владеют миром¹²¹.

О СОКОЛЕ, ЕГО ДОСТОИНСТВАХ, И ЧТО НЕОБХОДИМО [ЗНАТЬ] О НЕМ

Сокол является другом охотничьего загона царей. С ним веселятся, его любят. Нрав сокола похож на нрав царей своим великолепием и чистотой. Предшественники говорили, что сокол – царь плотоядных животных, как царь травоядных животных – конь, царь минералов – яхонт, царь металлов – золото. Поэтому сокол более подобает царям, чем другим людям. У сокола такая величественность, какой нет у других птиц. Орел больше, чем он, но у того нет такой величественности, как у сокола. Цари считают хорошей приметой лицезрение его. Когда сокол сразу садится на руку и смотрит в лицо царя, это значит, что тот овладеет новой властью, а если наоборот – будет наоборот. Когда во время поднятия он наклоняет голову, а затем поднимает ее, это значит, что в делах царства будет ухудшение, а когда он поднимается... или поймает дичь и вернется с криком, это

означает возмущение войска. Если во время поднятия не поймает дичь (?), это означает появление ущерба. Если он посмотрит правым глазом на небо, возвысятся дела царства. Если посмотрит левым глазом, будет ущерб. Если он долго смотрит на небо, это означает победу и триумф. Если он долго посмотрит на землю, это означает занятость. Когда сокол дерется в загоне с другим соколом, появляется новая вражда.

О ВЫБОРЕ СОКОЛА

Он имеет много видов, но лучше всех беловатый, желтоватый, красноватый или совсем желтый. Более жаден на охоте – беловатый, но он болезнен и злонравен. Желтый – наиболее жаден после беловатого и более здоров. Красноватый более здоров, чем эти два, но он злонравен. Его тело больше, чем их [тела]. Я слышал от одного сокольника, жившего в наше время, что никто не знал сокола лучше, чем Маханмах Вушмгир, так как он все двенадцать месяцев в году охотился. Али Камах, бывший сипахсаларом, тоже хорошо знал это, но все единогласно утверждали, что никто не знал лучше Маханмаха. У него есть китъа на горном языке¹²² под названием «Сокол». Это большое сочинение. Он сказал, что все животные одного цвета лучше пестрых и смешанной масти, но сокола надо выбирать так, чтобы его мускулы были жестки, круглы и плотны, а его тело пропорционально. Например, голова должна быть короткая и маленькая, лоб и глаза большие, зоб широкий, грудь широкая и вогнутая, хвост и бедра толстые, мускулы бедер жесткие, голени толстые, круглые, короткие, лапы хорошие, пальцы сильные, когти черные, ноги зеленые. Каждый сокол с таким свойством обычно беловатый, целиком желтый или целиком красный и редко встречается. Он стоит очень дорого.

Рассказ. Говорят, что Махай был великим царем, мудрым и совершенным. Однажды он увидел своего сокольника, который пил воду, держа сокола на руке. Он приказал дать ему сто палок, говоря: «Удивительное дело! Сокол –

это царь птиц, наиболее милый и ценный в руке царей. Как могло случиться, что ты совершил такое невежество? Ценимый царями на твоей руке, а ты пьешь воду или что-то другое!» Сокольничий сказал: «Да продлит Аллах твою жизнь, а если у меня жажда и я держу сокола, что надо делать?». Тот ответил: «Дай другому, способному к этому делу. Он будет держать сокола, а ты пей воду или что-либо другое, что тебе нужно».

Рассказ. Я слышал, что Абу Абдаллах Хатиб был воспитателем эмира Абу-л-Аббаса, брата Фахр ад-Даула. Он сел у окна, и эмир Абу-л-Аббас, бывший мальчиком, был внизу перед ним. Один слуга держал на руке сокола. Абу-л-Аббас потребовал этого сокола и посадил на руку, и в то же время плюнул. Когда он вернулся к Абдаллаху Хатибу, тот его упрекнул, нахмурившись, и сказал: «Если бы ты не был маленьким и не изучал бы вежливость, я тебе так показал бы сегодня, что об этом заговорили бы». Затем он сказал: «Удивительное дело! Ты царь и царевич, а ценимому царями на твоей руке ты учинил такое невежество, плюешься». Говоря это, он взял сандалии и несколько раз сандалией ударил по шее того слуги, говоря: «Что вы воспитываете царевичей так, что они проявляют невежество, держат сокола на руке и плюются?»

СЛОВО О ПОЛЬЗЕ ВИНА

Ученые медики Гален¹²³, Сократ и Гиппократ¹²⁴, Абу 'Али-йи Сина¹²⁵, Мухаммад-и Закарийа¹²⁶, [Бахтишу и Сабит-и Курра]¹²⁷ говорили, что для организма людей нет ничего более полезного, чем вино, в особенности виноградное вино, горькое и профильтрованное. Оно уносит горе, веселит сердце, полнит, способствует перевариванию густой пищи, румянит щеки, освежает и белит кожу, обостряет память, скупого делает щедрым, трусливого делает храбрым и уменьшает болезни. Пьющий вино обычно здоров, так как лихорадки и болезни порождаются вязкими и порочными соками и у того, кто пьет много вина, редко встречаются. Во

время поноса оно не дает дурным сокам скопляться в желудке. Некоторые прозорливые называют вино пробным камнем мужественного человека. Некоторые называют его критиком разума, некоторые – мерилom знания, некоторые – критерием таланта. Большие люди называли вино смывающим горе, а некоторые – веселящим горе. Кто выпьет пять чаш чистого вина, проявляет доброе и злое, что есть в нем, всю свою сущность. Оно делает незнакомого – другом и умножает дружбу, в то же время оно усаживает друзей вместе. Вино очень приятно; все съедобное в мире, как жирное, сладкое, так и кислое, таково, что его нельзя съесть сверх насыщения, а если съешь больше, то человеческой природе становится противно, а вино как много ни пьешь, еще больше хочется. Человек не насыщается им, и человеческой природе оно не противно, потому что оно – царь напитков. В раю много благ, но вино наилучшее благо рая, а если бы было не так, Изад не взял бы его себе, несмотря на то, что блага обоих миров подчинены его могуществу. Подобно тому как в своей мудрой книге он упоминал: «Их господин поил их чистым вином», в другом месте он говорит: «Оно полезно для людей, но его грех больше его пользы»¹²⁸. В нем много пользы для людей, но его грех больше его пользы. Мудрому нужно пить так, чтобы его вкус был больше греха, чтобы не мучиться, упражнением он доводит свою душу до того, что с начала питья вина до конца от него не происходит никакого зла и грубости ни в словах, ни в поступках, а только добро и веселье. Когда он достиг этой ступени, ему подобает пить вино. Преимуществ вина много. Сейчас мы упомянем подробно о пользе и вреде вина и об устранении его вреда согласно словам врача Галена, Мухаммада ибн Закарийи Рази, ходжи Абу Али-йи Сины и [других] великих медиков.

Польза пьянящего вина: оно способствует перевариванию пищи и повышает основную температуру, т.е. естественную температуру. Оно усиливает тело и очищает его при помощи мочи, пота и пара. **Его вред:** для детей, у которых очень пылкий темперамент, оно не годится. **Устранение его вреда:** если люди с пылким темпераментом нуждаются в

питье его, надо смешать его с водой и розовой водой, тогда безвредно. Больше ничего.

Польза жидкого белого вина: оно требует мало пищи и годится людям с пылким темпераментом. Оно постепенно устраняет желчь при помощи мочи. **Его вред:** оно наполняет газом живот у того, у кого имеется черная желчь, и причиняет боль в суставах. **Устранение его вреда:** употребление белого супа¹²⁹, закусок и сушеного шашлыка. Тогда [оно] безвредно и полезно.

Польза жидкого мутного вина. Если оно хорошо, тогда является самым подходящим из вин и подобает людям с умеренным темпераментом. **Вред его:** оно вредно людям с пылким темпераментом. **Устранение его вреда:** смешать с водой и розовой водой и пить, запивая соком граната. Тогда оно безвредно.

Польза горького мутного вина: оно устраняет газы, флегму и боль в желудке. Оно полезно при болях в животе. **[Вред его:** оно вредно людям с пылким темпераментом, при головной боли и воспалении печени]¹³⁰. **Устранение его вреда:** надо пить его, смешав с водой, и есть кислую пищу и закуску из кислых фруктов. Тогда безвредно.

Польза базиликового вина: оно усиливает сердце и желудок и устраняет газы, полезно при лихорадках, происходящих от болезней. **Вред его:** оно причиняет боль глазам и головную боль, быстро ударяет в голову. **Устранение его вреда:** возможно посредством камфары, розовой воды и фиалок и закуски из кислых фруктов.

Польза молодого вина: оно прибавляет кровь в теле и наполняет жилы, его пары ударяют в голову. **Вред его:** для людей с большой сыростью негодно — у них много газа, их тела наполнены жидкостью. **Устранение его вреда:** надо есть сушеное жаркое с приправой и закуской из сушеных фруктов.

[Польза старого вина]¹³¹: оно хорошо для людей с флегмой и газами. Оно подходит для лечения желудка и пылкой печени и подобает тому, кто страдает паром. **Вред его:** оно вредно для сухопарых, худых и тщедушных людей. **Устранение его вреда:** смешать с водой, есть ячменную похлебку. Холодная пища и свежие фрукты — вредны.

[**Польза чистого вина:** благоприятно для желудка и живота, уничтожает газы в животе, облегчает головную боль и болезнь глаз. **Вред его:** действие этого вина ударяет в голову. **Устранение его вреда:** употреблять столько, сколько требует тело]¹³².

Смешанное и профильтрованное вино: оно хорошо для того, кто крепко охмелел или страдает головной болью, и подобает людям с пылким темпераментом. **Вред его:** оно возбуждает газы в желудке, причиняет боль в суставах и охлаждает желудок и печень. **Устранение его вреда:** можно произвести бульоном, жареным мясом, закуской с приправой и закуской из сушеных фруктов.

Кисловатое вино: подобает тем людям, у которых желудок и печень горячи. **Вред его:** оно устраняет желание сближения и ослабляет жир. **Устранение его вреда:** при помощи чистого, белого супа, халвы и сладостей, тогда оно безвредно.

Вино, обработанное солнцем, – самое приятное и наиболее перевариваемое из вин. **Вред его:** оно быстро портит кровь. **Устранение его вреда:** при помощи уксусного супа с барбарисом, гранатового супа, закуски из ревеня и граната; пусть пьют уксусно-медовый сироп, тогда [оно] безвредно.

Вино из мавиза¹³³. Если его профильтровать, оно похоже на смешанное вино. Оно ближе к сухому и подобает пылкому темпераменту. **Вред его:** если оно мутное, оно похоже на черное вино, плохо переваривается, возбуждает черную желчь и газы в животе, раздувает живот и закупоривает каналы в печени. **Устранение его вреда:** при помощи уксусно-медового сиропа, цикорной воды и зерен огурца или огурцов с бадренгом.

Вино из хурмы. Оно полнит и прибавляет много крови, в особенности если оно свежее. **Вред его:** оно густое и плохо переваривается, закупоривает каналы печени и возбуждает черную желчь. **Устранение его вреда:** употребляется гранатовое вино и уксусно-медовый сироп, а также лекарства, устраняющие черную желчь.

Об этом достаточно¹³⁴. Сейчас выясним, откуда появился виноград и как узнали вино.

Рассказ о появлении вина. В истории написано, что в Герате был могущественный царь, обладавший многими сокровищами и богатствами и бесчисленным войском. Весь Хорасан был под его властью. Он был из рода Джамшида и звали его Шамиран¹³⁵. Крепость Шамиран в Герате, сохранившаяся до сих пор, построена им. Он имел сына, по имени Бадам, очень храброго, мужественного и сильного. В то время не было такого стрелка, как он. Однажды царь Шамиран сел у окна и все вельможи стояли перед ним, а его сын Бадам был [рядом со своим отцом]. Вдруг появился феникс¹³⁶, с криком опустился напротив трона и сел на землю. Царь Шамиран посмотрел на него и увидел, что вокруг шеи феникса обвилась змея и намеревалась ужалить феникса. Царь Шамиран сказал: «О люди-львы! Кто может спасти этого феникса от змеи, сразив ее одной стрелой?» – «О царь, это дело твоего раба», – сказал Бадам. Он выстрелил так, что пришил голову змеи к земле, не причинив никакого вреда фениксу. Феникс был спасен, и, полетав некоторое время, исчез. В следующем году, в тот же день царь Шамиран с вельможами сел у окна. Тот же феникс появился вновь и, полетав над их головами, опустился на землю в том же самом месте, где была застрелена змея. Он опустил что-то из клюва на землю и, крикнув несколько раз, улетел. Царь посмотрел, увидел этого феникса и сказал народу:

«Это тот же феникс, которого мы спасли от змеи. В этом году он возвратился, чтобы вознаградить нас, и принес нам подарок, так как он ударяет клювом о землю. Идите и посмотрите, и то, что найдете, принесите». Два-три человека пошли и увидели только два-три зерна, которые были положены там. Они взяли их и принесли к трону царя Шамира́на. Царь посмотрел и увидел твердые зерна. Он позвал ученых и прозорливых людей, показал им эти зерна, говоря: «Эти зерна нам принес феникс в подарок. Что вы видите в этом и что нам надо делать с этими зернами?» Все в один голос сказали, что это надо посеять и, хорошо охраняя до конца года, посмотреть, что получится. Затем царь дал зерна своему садовнику, говоря: «Посей в одном углу и сделай изгородь вокруг, чтобы туда не могли войти четвероногие, а также охраняй от

птиц, и все время показывай мне его состояние». Садовник так и сделал. Был месяц Навруза. Прошло некоторое время. Из этих зерен выросла небольшая ветвь. Садовник рассказал об этом царю. Царь с вельможами и учеными пришел к кусту. Все сказали: «Никогда мы не видели такой ветви и листьев». Потом они вернулись. Некоторое время спустя ветвей стало много, листья стали широкими и на кусту висело много гроздьев, похожих на каперсы. Садовник пришел к царю и сказал, что никакое дерево в саду не является более веселым. Царь второй раз с учеными пришел для лицезрения этого дерева. Он увидел, что куст превратился в дерево, что на нем висели гроздья. Он удивился, говоря, что надо подождать, пока не созреют все плоды других деревьев, и посмотреть, каким будет плод этого дерева. Когда гроздья выросли и ягоды созрели, никто не осмеливался прикоснуться к ним. Затем пришла осень и плоды – яблоки, груши, персики, гранаты и т.д. – созрели. Царь снова пришел в сад. Он увидел виноградное дерево, украшенное, как невеста. Его гроздья выросли, из зеленых стали черными и блестели, как агат, а ягоды сыпались с него одна за другой. Все ученые в один голос сказали, что это плоды дерева, и что оно является совершенным деревом; то, что ягоды начали сыпаться с гроздьев, означает, что в их соке имеется польза. Надо выжать этот сок, налить в чан и посмотреть, что получится. Но никто не осмелился положить ягоды в рот. Их боялись, думая, что это яд, который убьет их. Там же в саду поставили чан и, выжав сок винограда, наполнили им чан. Царь приказал садовнику: «Сообщи мне о том, что увидишь». Затем они вернулись. Когда сок в чане стал бродить, садовник пришел и сказал царю: «Этот сок кипит, как вода в котле, без огня. Из него выходит (газ?)». Царь сказал: «Когда он успокоится, сообщи мне». Однажды садовник увидел, что он стал прозрачным и ясным, блестел как красный рубин, и успокоился. Он немедленно сообщил царю. Царь с учеными пришли и удивились прозрачности его цвета, говоря: «Цель и польза этого дерева – в этом. Но мы не знаем, яд это или противоядие». Потом они решили привести убийцу из тюрьмы, дать ему выпить одну чашу и посмотреть, что получится. Так и сделали. Дали одну

чашу этому убийце. Когда он выпил немного, он нахмурился. Спросили: «Хочешь ли другую?» Сказал: «Да». Дали ему другую чашу. Он начал веселиться, петь, качать задом, и великолепие царя стало в его глазах легким. Сказал: «Дайте мне еще чашу, потом делайте со мной все, что хотите, так как люди рождены для смерти». Ему дали третью чашу. Он выпил, у него закружилась голова, он заснул и до следующего дня не просыпался. Когда он проснулся, его привели к царю и спросили у него, что он вчера выпил и как чувствовал себя. Ответил: «Я не знал, что я пил, но было очень хорошо. Если бы я нашел и сегодня три чаши этого! Первую чашу я выпил с трудом, так как оно горького вкуса, но когда это было уже в моем желудке, моя природа захотела другую. Когда я выпил вторую чашу, ко мне пришли такие радость и веселье, что стыд ушел из моих глаз и мир стал легким. Я думал, что нет никакой разницы между мной и царем, и забыл горе мира. Когда я выпил третью чашу, я заснул очень хорошим сном». Царь простил ему совершенный им грех. Все ученые в один голос сказали, что нет никакого блага лучше и великолепнее, чем вино, так как ни в какой еде и в плоде нет такого достоинства и свойства, как в вине. Так царь Шамиран научился пить вино. Он установил обычай пира, и с тех пор во время питья вина играли на руде¹³⁷ и пели песни. Тот сад, в котором был посеян виноград, сохранился до сих пор, его называют Хирауза. Он находится у входа в город. Говорят, что куст винограда распространился по всему миру из Герата и в Герате так много винограда, как ни в каком городе и местности.

Люди насчитывали более ста сортов винограда. Преимуществ вина много.

СЛОВО О СВОЙСТВАХ КРАСИВОГО ЛИЦА

Красивое лицо ученые считают большим счастьем и его лицезрение – хорошей приметой. Говорят, что счастье хорошего лицезрения имеет такое же влияние на состояние людей, как счастливое сочетание светил на небе. Это подобно одежде, находившейся в сундуке с благовониями, испускающими приятный запах: оно дает людям этот запах и без

благовоний. Это подобно отражению солнца в воде, происходящему и без солнца, так как красота лица человека является частью влияния счастливых светил, достигающего людей по повелению всевышнего Изада. Красота восхваляется на всех языках и приятна всякому разуму. В мире много хороших вещей, лицезрение которых веселит людей и приносит свежесть в природу, но ничто не заменит красивое лицо, ибо от красивого лица рождается такое веселье, что никакое веселье не сравнится с ним. Говорят, что красивое лицо является причиной счастья в этом мире. А если красивое лицо вместе с хорошим характером, счастье достигает крайности. Когда человек и по наружности и по существу хорош, он возлюблен богом и людьми. Красивое лицо обладает четырьмя свойствами. Одно из них то, что оно делает день созерцающего его благополучным, другое то, что оно делает приятным наслаждение жизнью, третье то, что оно делает человека великодушным и доблестным, четвертое то, что оно увеличивает богатство и высокое положение. Если человек рано утром развеселился благодаря красивому лицу, это указывает на то, что его доля счастлива, и в этот день он видит только веселье. Когда человек садится рядом с красивым лицом, жизнь становится для него веселой, горе исчезает и дела его идут лучше. Когда человек видит кого-либо с красивым лицом, в нем возбуждаются чувства мужественности и великодушия, даже если он не мужественный и низкий. Когда люди видят того, у кого красивое лицо, они смотрят на него с уважением, так как это — благо в наслаждении жизнью. Говорят, что красивое лицо делает старика молодым, молодого делает ребенком, а ребенка — ангелом. Пророк, — мир над ним! — сказал: «Требуите все, что вам нужно, у красивых лицом». Каждый определяет для себя красивое лицо и дает ему свое название. Некоторые люди называют его площадью любви, некоторые степень веселья, садом общительности, украшением создания и знаком рая. Что касается ученых и философов, то они говорят, что оно есть доказательство божественного создания и желания изучать науку. Оно является следом творца и показывает доброту его сущности. Натуралисты¹³⁸ говорят, что у всех вещей имеется прибавление,

уменьшение и равновесие и единый порядок обуславливается равновесием так, что если вы посмотрите, то лицо, в котором все в равновесии, лучше по своей форме; этот мир устроен только равновесием, он процветает благодаря ему. Сторонники учения о переселении душ¹³⁹ говорят, что лицо является почетным халатом творца, знаком его награждения за чистоту и добродетели, совершенные его рабом в прежней жизни. Творец своим светом дарует ему красивое лицо. Что касается обладающих знаниями, то они говорят, что лицо является отражением свечи, освещающим свечу. Некоторые говорят, что оно является лаврами головы и дождем милосердия, освежающим сад знания и заставляющим распускаться дерево старости. Некоторые говорят, что оно является знаком истины, показывающим исследователям правду, чтобы с помощью этой правды они вернулись к истине. О красивом лице сказано много; если мы упомянем все, будет слишком много-словно. Приведем рассказ об Абдаллах-и Тахире.

Рассказ. Говорят, что Абдаллах-и Тахир¹⁴⁰ посадил в тюрьму одного из начальников своего войска. Он продолжал оставаться недовольным им, несмотря на то, что за него много просили. Дошло до того, что все люди отчаялись в этом деле. У этого военачальника была одна красноречивая невольница. Она написала челобитную, и в тот день, когда Абдаллах-и Тахир начал суд, эта невольница надела покрывало, пришла к нему и вручила ему челобитную, говоря: «О эмир, прости, потому что кто найдет, дает, а кто может — прощает»¹⁴¹. Абдаллах сказал: «О невольница! Грех твоего хозяина больше надежды на его прощение». Невольница сказала: «О эмир, мой заступник перед тобой. Он больше того, чтобы бояться его опровержения». Он сказал: «Что же такое твой неопровержимый заступник?» Тогда невольница рукой подняла покрывало и показала ему лицо, говоря: «Вот мой заступник!» Когда Абдаллах увидел лицо невольницы, он улыбнулся и сказал: «Как велик твой заступник, которого ты принесла, так и дорога просьба, которую ты имеешь!» Сказав это, он приказал выпустить военачальника, дал ему халат, обласкал его и осыпал его щедротами.

Это упомянуто для того, чтобы ты знал, сколько достоинств у красивого лица и каково к нему уважение.

Рассказ. Говорят, что однажды султан Махмуд¹⁴² пошел на зрелище и вернулся с поля в город. Тогда он был еще эмиром и был жив его отец. Когда он дошел до ворот города, среди зрителей он увидел мальчика в грязной одежде, приблизительно двенадцати лет, у которого было очень красивое лицо, свежее и прекрасное, — совершенное создание со стройным станом¹⁴³. Он потянул за повод, говоря: «Приведите этого мальчика ко мне». Когда его привели, он сказал: «О мальчик! Кто ты, кто твой отец?» Тот ответил: «У меня нет отца, но моя мать живет в таком-то месте». Султан Махмуд спросил: «Чему ты учишься?» Мальчик ответил: «Я учу наизусть Коран». Султан приказал ввести этого мальчика во дворец. Когда пришел султан, он позвал мальчика, спросил его обо всем и приказал ему сделать несколько дел. Тот оказался очень расторопным и смышленным, удача помогла ему. Султан приказал привести его мать, говоря ей: «Я принял твоего мальчика, как сына, и буду его воспитывать. Не беспокойся о нем». Потом он приказал наградить ее, одеть мальчика в шелковую одежду и посадить его к воспитателям, чтобы он изучал письмо, знание, оружие и верховую езду, и сказал мальчику: «Каждый день утром, когда я еще не начну прием, ты должен предстать предо мной». Мальчик каждое утро рано приходил к нему, и султан, выходя из своей комнаты, первым видел его лицо. Цель султана состояла в проверке благотворности его лицезрения. Оно оказалось очень благотворным. Выходя из комнаты, он смотрел на него и достигал всякой цели в тот же день. Он еще улучшил одежду этого мальчика, так что его красота увеличилась во сто раз. Султан с каждым днем приближал его к себе, и у того появлялось достоинство. Султан даровал ему милости и богатства, увеличивал доверие к нему и ласкал его. Блага и великолепия этого мальчика умножались. Султан так любил его, что не мог терпеть одного часа без него. Мальчику исполнилось восемнадцать лет, и его красота удесятирилась. Султану досталось много боль-

ших завоеваний и много дел благодаря благословенному лицезнению этого мальчика. Он завоевал несколько областей Индии, а также несколько городов Хорасана, и стал султаном. Однажды этот мальчик по какой-то причине опоздал к нему, а султан без него соскучился и, когда он пришел, сказал ему в гневе и раздражении: «Ах ты! Ты узнаешь себя? Ты знаешь, откуда я тебя взял, и куда возвел, и сколько у тебя милостей и богатства? Как же ты осмелился не быть один час около меня?» Когда султан замолчал, тот сказал: «А теперь пусть султан послушает. Все именно так, как он говорит. Он меня взял с земли и возвел меня на небо. Я был низким, сейчас благодаря господину у меня больше пятисот тысяч динаров, не считая множества имений, скота, рабов и вольных слуг. Царь даровал мне такое достоинство и великолепие, что благодаря господину ничья степень не выше моей степени. Но надо сказать, что эти щедроты, оказанные им мне, эти богатства, дарованные им мне, и эта степень, врученная им мне, не должны служить попреком мне. Это должно быть попреком его сердцу, так как он привязан ко мне сердцем в двух смыслах: во-первых, потому, что лицезреть меня для него хорошая примета, а во-вторых, то, что я являюсь зрелищем, садом и цветником сердца царя. Если царь украшает [то, что является его] зрелищем, он не должен попрекать никогда, хотя я и приношу ему свою благодарность и молитвы». Царю ответ этого мальчика удивительно понравился, и он обласкал его и оказал ему почет.

Мудрые и правдивые люди сказали много о значении красивого лица. Это все упомянуто нами для того, чтобы ты знал, до какой степени высоко достоинство этого дара и награды всевышнего Изада, как ценили большие люди красивое лицо¹⁴⁴.

Эта книга окончена хорошей приметой – красивым лицом, для того чтобы она была благословенна и для писателя, и для читателя.

Окончена с помощью Аллаха и благодаря прекрасному его содействию. Господи, оканчивай добром, счастьем и здоровьем.

КОММЕНТАРИИ К «НАВРУЗНАМЕ»

1. Перевод выполнен с рукописи Cod. or. 8° № 2450 (лл. 78 – 105 б.) Германской государственной библиотеки (Берлин). Некоторые пробелы этой рукописи восполнены по рукописи Add. № 23568 (лл. 86 б – 101 б.) Британского музея (Лондон). В лондонской рукописи *Навруз-наме* приведена не полностью, в частности, в ней отсутствует введение, содержащее имя автора трактата; текст лондонской рукописи местами перепутан и существенно отличается от текста берлинской рукописи. Поэтому мы привлекали текст лондонской рукописи для восполнения пробелов берлинской рукописи только в тех местах, где эти тексты близки друг к другу.
- Берлинская рукопись была издана с комментариями иранским исследователем Моджтабой Минови (См. таджикское издание настоящей книги).
2. Мухаммад (571 – 632) – основатель мусульманской религии. В дальнейшем именуется также пророком (*расул*) и избранником (*мустафо*).
3. Арабская пословица приведена по-арабски.
4. Навруз (буквально – «новый день») – праздник Нового года, приходящийся на день весеннего равноденствия. Вследствие процессии день весеннего равноденствия медленно перемещается: в настоящее время этот день – 21 – 22 марта, во времена Хайяма был 14 – 16 марта. Праздник Навруза был главным религиозным праздником зороастрийцев, религия которых исповедовалась большей частью населения Ирана и Средней Азии, а также частью населения Закавказья до арабского завоевания. Навруз празднуется как народный праздник иранцами, афганцами, азербайджанцами и некоторыми другими народами Востока и в настоящее время, а в Иране и Афганистане является официальным новогодним праздником.
5. 'Аджам – первоначально арабское название всех неарабов – во времена Хайяма употреблялось как название Ирана и прилегающих областей Средней Азии (западные арабы называли 'Аджамским языком' испанский язык).
6. Овен – одно из двенадцати созвездий Зодиака, расположенных вдоль эклиптики – большого круга небесной сферы, по которому совершается видимое движение Солнца.

В течение своего годового оборота Солнце проходит каждое из созвездий Зодиака за месяц. Вступление Солнца в Овна совпадает с днем весеннего равноденствия.

Так как эклиптика разделена на 360 градусов, каждое созвездие Зодиака занимает 30^0 . «Минуты созвездия Овна» – 60-е доли градусов этого созвездия.

Второй оборот Солнца, о котором говорит Хайям, – точный.

7. Годовой оборот Солнца, равный 365 суткам 5 часам 48 минутам $45\frac{1}{4}$ секунды, меньше $365\frac{1}{4}$ суток на 11 минут $14\frac{3}{4}$ секунды.
8. Джамшид – один из легендарных царей древнего Ирана (См. прим. 21). Каюмарс – согласно зороастрийской легенде о сотворении мира – первый человек, согласно *Шах-наме* великого персидско-таджикского поэта Абулкасима Фирдоуси (934? – 1025) – первый царь:

*Принес престола и венца закон
Царь Каюмарс, и начал править он –
К созвездию Овна солнце устремилось
Мир получил закон, и власть, и милость.*

(Фирдоуси. *Шах-наме*, под ред. И. Брагинского и С. Шервинского, Н.М. Османова, М., 1957 стр. 45; далее Фирдоуси. *Шах-наме*).

Смысл последнего двестишья объясняется словами Хайяма: «Он установил тот день, когда утром Солнце входит в первую минуту созвездия Овна».

9. Мубады – высшие жрецы зороастрийской религии.
10. Изад и Яздан – древние иранские названия бога (собственно Яздан – множественное число от Изад). В *Навруз-наме* бог большей частью называется древними, доисламскими названиями, а не мусульманским названием «Аллах».
11. Горы Каф – легендарные горы, якобы окружающие землю по краям. Горы Каф считались местом обитания птиц Анка. *Анка магриб* – «западная Анка» – мифическая птица (птица рок). Название гор сохранилось в современном названии Кавказа.
12. Зороастрийская религия, как религия земледельческих народов, была основана на культе Солнца и тесно связанном с ним культе огня. Солнце рассматривалось как «наместник бога». С этим было связано то, что главным праздником этой религии был день весеннего равноденствия – Навруз.
13. $1461 = 4 \times 365\frac{1}{4}$ т. е. если считать, что годовой оборот Солнца равен точно $365\frac{1}{4}$ суток, через 1461 год Солнце возвращается в ту же точку небесного свода в ту же минуту.
14. Соединение (*киран*) – взаимное расположение двух светил,

при котором их геоцентрические долготы совпадают. Противостояние (*мукобала*) – взаимное расположение светил, при котором их долготы отличаются на половину оборота, т. е. на 180^0 . Соединение и противостояние – важнейшие частные случаи взаимного расположения двух светил, носившего в средневековой астрологии общее название аспекта (*назар*). Средневековые астрологи пользовались и другими видами аспектов – квадратурой (*таб'и*), тригональным аспектом (*таслис*) и секстильным аспектом (*тасдис*) – взаимными расположениями двух светил, при которых их долготы отличаются соответственно на четверть, треть и одну шестую оборота, т. е. на 90^0 , 120^0 и 60^0 . Соединение Юпитера и Сатурна происходит через 19 лет 314 дней, и 73 таких соединения происходят приблизительно за 1450 лет. Кроме того «малого соединения», происходящие в созвездиях Овна, Рака, Весов и Козерога, что случается раз в 240 лет, и «большое соединение», происходящее в созвездии Овна, что случается раз в 960 лет.

В средневековой астрологии некоторые созвездия Зодиака считались «созвездиями упадка» для тех или иных планет, а другие созвездия Зодиака считались «созвездиями возвышения»: при прохождении планет через «созвездия упадка», считалось, что благотворное влияние этих планет на судьбы людей ослабляется, при их прохождении через «созвездия возвышения» считалось, что влияние усиливается.

15. Хайям вольно обращается с этимологией названий месяцев иранского солнечного календаря. Приводим более правильное толкование М. Минови, данное им в комментариях к его изданию «Наврузнаме»: Фарвардин – от пехлевийского (среднеперсидского) *фравартинам* – родительный падеж множественного числа от *фраварти* – «ангел-хранитель». Урдбихишт – имя ангелов, от древнеперсидского *отам вахиштам* – «лучшее право» (*бихишт* по-персидски – «рай»). Хурдад – от *Хурдат* – имени ангела (от древнеперсидского *хаурватат* – «целость»). Тир – от *Тиштрия* – имени ангела, является названием Меркурия, Мурдад – от *Амуртат* – имени ангела (от древнеперсидского *Амеретат* – «бестрашный»). Шахривар – от *Шавревар* – имени ангела (от древнеперсидского «хшаврешвайрим» – «требуемая страна»). Михр – от *Миср* – имени ангела света (от древнеперсидского *мисра* – «свет»). Абан от *Апан* имени ангела огня (по-персидски *азар* – «огонь»), откуда происходит название «Азербайджан» –

- «страна огней»). Дай – от Даев – относящийся к созданию (от древнеперсидского даевах – «создатель»). Бахман от *Вахуман* – имени ангела (от древнеперсидского *вахумана* – «добросовестный»). Исфандармуз – от *Спандармат* – имени богини (от древнеперсидского *спента армаити* – «святость и послушание») (см. комментарии к изданию на таджикском языке).
16. *Шах-наме* не приводит числа лет царствования Каюмарса. Абурайхан Беруни в «Памятниках минувших поколений» сообщает, что по одному преданию Каюмарс царствовал 213 лет, по другому – 40, а по третьему – 30 лет (Беруни, *Памятники минувших поколений*, пер. и прим. М. А. Салье, Ташкент 1957, стр. 113 – 116; далее Беруни).
 17. Хушанг – по *Шах-наме* внук Каюмарса, сын его сына Сиямака, убитого злым духом. Хушанг, согласно *Шах-наме*, убивает злого духа, учит людей ремеслам и земледелию и открывает огонь (см. Фирдоуси, стр. 49 – 51). *Шах-наме* не приводит числа лет его царствования. По всем трем преданиям, цитируемым Беруни, Хушанг царствовал 40 лет, по двум из этих преданий – после междуцарствий в 170 и 194 года (см. Беруни, стр. 113 – 116), что резко расходится с приводимым Хайямом числом лет 970. Последнее, очевидно, подобрано так, что сумма $40 + 970 + 30 + 421$ (где 30 и 421 – числа лет двух следующих царствований) была бы равна 1461.
 18. Тахмурас – по *Шах-наме* сын Хушанга, по преданиям, цитируемым Беруни, – его правнук. Как *Шах-наме*, так и все три предания, цитируемые Беруни, указывают, что Тахмурас царствовал 30 лет (см. Фирдоуси, стр. 52 – 54 и Беруни, стр. 113 – 116).
 19. *Бузасп*, у Беруни, Будасаф, легендарный основатель религии звездопоклонников – сабиев. Беруни, пишет о нем: «Первый из [лжепророков], о которых упоминают, – это Будасаф. Будасаф появился в земле индийской через год по окончании царствования Тахмураса и принес с собой персидскую письменность. Он призывал принять вероученье сабиев и за ним последовало множество людей» (Беруни, стр. 201).
 20. Зуннар – ритуальный пояс сабиев и зороастрийцев. Во времена Беруни сабии сохранились в Харране (Сирия), из их числа вышли выдающиеся астрономы Сабит ибн Курра (Абу-л-Хасан Сабит ибн Кура ал-Харани (836 – 901), известный в Западной Европе под латинизированным именем Thebit уроженец Харрана (Сирия), принадлежал к сабиям – звездопоклон-

никам; во времена Ибн Куры культура сабиев была греческой, но сам Ибн Кура писал на арабском языке и работал в Багдаде. Ибн Куре принадлежит перевод «Начал» Евклида и комментариев к ним, переводы Архимеда и Аполлония, а также ряд трактатов по геометрии, арифметике, сферической тригонометрии, астрономии и механике, часть из которых была переведена на латинский язык) и ал-Баттани (ум. в 929 г.).

21. *Джамшид* – по *Шах-наме* – сын Тахмураса, по преданиям, цитируемым Беруни, – его брат. Согласно этим преданиям Джамшид положил начало государственности, разделил людей на четыре сословия, научил людей носить одежду (см. Фирдоуси, стр. 55 – 58; Беруни стр. 113).
22. По-персидски парча – *диба*, от слов *див-бафт*, «вытканное дьяволом».
23. Заххак – легендарный завоеватель Ирана, «царь-дракон». Согласно *Шах-наме* злой дух совращает Заххака и целует его в плечи. От этих поцелуев у Заххака на плечах вырастают две змеи, отнимающие у него все, что он подносит ко рту. Когда змей срезали, они вырастали снова. Злой дух советует Заххаку кормить змей человеческим мозгом. Заххак каждый день приказывает убивать двух юношей и кормить змей их мозгом. Тогда кузнец Кава, у которого Заххак убил семнадцать сыновей и собирается убить последнего, поднимает восстание против Заххака. Кава призывает Аффридуна – потомка Джамшида и с его помощью побеждает Заххака. Кожаный фартук кузнеца Кавы становится с этих пор официальным знаменем царей Ирана. Другое имя Заххака Фирдоуси приводит в форме Бева-распа, по древнеперсидски «Имеющий десять тысяч коней», и считает Заххака выходцем из Аравии (см.: Фирдоуси, стр. 59 – 92). Все три предания, цитируемые Беруни, указывают, что Заххак царствовал 1000 лет (см. Беруни, стр. 113 – 116).
24. Аффридун, в *Шах-наме* Фаридун, согласно преданиям, цитируемым Беруни, – потомок Джамшида. По одному из них он царствовал 200 лет, по двум другим – 500 (см. Беруни, стр. 113-116).
25. Ибрахим – библейский пророк Авраам, считающийся мусульманами одним из основных пророков.
26. Турундж и бадранг – разновидности цитрусовых.
27. Михрган – праздник осеннего равноденствия – 21 Михра. Сада – праздник за 50 дней до Навруза – 10 Бахмана («сада» – дословно «сотня», т. е. 50 дней и 50 ночей до Навруза).

28. Туран – древнее название Средней Азии.
29. Под Туркистаном в средние века понимались Синьцзян и Монголия. Джайхун – река Аму-дарья, Чин – Северный Китай, Мачин – Южный Китай.
30. Румской землей на средневековом Востоке называли Малую Азию и Грецию – от названия Византии «Восточная Римская империя».
31. Согласно «Шах-наме» сыновья Фаридуна Тур и Салм убили своего брата Ираджа, но в свою очередь были убиты сыном Ираджа Манучихром, который привез их головы Фаридуну и унаследовал от него трон Ирана (см. Фирдоуси, стр. 93 – 139).
32. Гуштасп – вероятно, Дарий Гистасп (552 – 486 до н. э.) – царь из древнеперсидской династии Ахеменидов, основанной Ки-ром.
33. Зардушт – персидское название Зороастры или Заратуштры – основателя зороастрийской религии, или, как ее называли на средневековом Востоке, религии гебров. Беруни называет его «Заратуштра сын Сефид-тумана, азербайджанец» (Беруни, стр. 205).
34. Таким образом разница между годовым оборотом Солнца и календарным годом, содержащим 365 дней, равная четверти суток, компенсировалась не в виде одного добавочного дня раз в четыре года, а в виде одного добавочного месяца раз в 120 лет. Добавляемый месяц помещался поочередно после каждого из двенадцати месяцев, т. е. в первом 120-летьи после Фарвардина, во втором 120-летьи после Урдбихишта и т. д. и считалось, что в этом году два Фарвардина или два Урдбихишта и т. д.
35. Искандар – Александр Македонский (356 – 323 до н. э.); в имени «Александр» *ал* было осмыслено как арабский артикль. *Зу-л-карнайн* – «Двурогий» – арабское прозвище Александра по его коню Букефалу («Быкоголовому»). Александр – герой многих восточных преданий, на основе которых была написана поэма великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141 – 1203) «Искандар-наме» (см. Низами, Пять поэм, под ред. Е. Э. Бертельса, М., 1946, стр. 475 – 641; далее Низами).
36. Ардашир Папакан, сын Папака (Бабака) Сасана, – основатель иранского государства Сасанидов, царствовал в 226 – 251 гг.
37. Нушинраван (Нуширван или Ануширван), другое его имя Хусрав (в арабской форме – Кисра) – царь Ирана из династии

Сасанидов, царствовал в 531 – 579 гг. Прозван иранской аристократией «Справедливым» за подавление народного движения, возглавляемого жрецом Маздаком (имя Ануширван означает «имеющий бессмертную душу»).

38. Мадаин (Ктесифон) – столица государства Сасанидов на реке Тигре. Мадаин – арабское название этого города, буквально «города», было дано потому, что этот город был окружен многолюдными пригородами. Впоследствии на его развалинах был построен Багдад.
39. Ма'мун – аббасидский халиф в 813 – 833 гг., сын Харуна ар-Рашида, халифа в 789 – 809 гг.
40. Под названием «Астрономические таблицы Ма'муна» в настоящее время известны 1) таблицы *Зидж ал – Ма'мун*, упоминаемые Хаджи Халифой (Haji Khalifa, *Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum*, vol.1 – 10, London, 1835 – 1858), и 2) таблицы *Аз-зидж ал – Ма'муни ли-л мумтахин* («Астрономические таблицы Ма'муна для испытателя»), составленные группой астрономов во главе с Йахйя ибн Абу Мансуром. Первые таблицы не обнаружены; приводимое Хаджи Халифой их начало отличается от начала вторых, сохранившихся в позднейшей обработке (см. Kennedy, E. S. *A survey of Islamic astronomical tables*, – «*Transaction of the American philosophical society*». New series, vol. 46, part 2, 1956, стр. 132).

О том, что астрономы, работавшие при дворе Ма'муна, занимались реформой иранского солнечного календаря, ничего неизвестно; официальным календарем в странах халифата был мусульманский лунный календарь, в котором год состоит из двенадцати месяцев. Так как лунный месяц равен 29, 5306 суток, лунный год равен 354, 3672 суток, и сто солнечных лет соответствуют 103 лунным годам.

41. Мутаваккил 'ала-л-лах, Абу-л Фазл Джафар ибн Мухаммад – аббасидский халиф в 847 – 861 гг. Беруни рассказывает, что Мутаваккил, увидев, что ко времени сбора налога посевы были еще зеленые и люди не могут вносить налог, спросил о причине этого, на что ему ответили, что так установили цари персов, требовавшие уплаты налога и дни Навруза, и это послужило образцом для царей арабов. Тогда Мутаваккил призвал мубада (см. прим. 9) и тот разъяснил ему «какие у персов года, какова их продолжительность и почему их нужно дополнить... а когда пришел ислам, это было отменено и люди

стали терпеть ущерб». Тогда Мутаваккил призвал Ибн ал-Аббаса ас-Сули и приказал ему сделать с Наврузом так, как говорил мубад: исчислить дни года и установить для Навруза неизменное правило, а потом написать от имени Мутаваккила письмо во все области государства, что Навруз отодвигается. Однако Мутаваккила убили, и ему не удалось довести эту реформу до конца. Реформа была произведена одним из преемников Мутаваккила Ахмадом ибн Талха Мутаидом биллахом, халифом в 892 – 902 гг. Эра Мутаида, как сообщает Беруни, «исчисляется по годам румов и месяцам персов, но другим способом: каждые четыре года прибавляется один день» (см. Беруни, стр. 43 – 44).

42. Абу Джа'фар Мухаммад ибн Абд ал-Малик – везир многих халифов, был убит в 847 г. через несколько недель после вступления на трон Мутаваккила.
43. Сеистан – область Ирана, пограничная с Афганистаном, считается родиной легендарных богатырей иранского и среднеазиатского эпоса Сама, Зальзара, Рустама и др. Халиф ибн Ахмад – эмир Сеистана из рода Саффаридов, был вассалом Махмуда Газневи (см. прим. 142).
44. Малик-шах – сельджукский султан, царствовавший в 1072 – 1092 гг.
45. Астролябия (*зат-ал-халак*) – астрономический инструмент для определения координат видимого положения светил на небесной сфере.
46. В 1074 – 1092 Хайям руководил астрономической обсерваторией в Исфахане. Одним из важнейших результатов работы исфаханской лаборатории была календарная реформа, известная под названием «летоисчисление Малики».
47. Высказывания Хайяма в этой главе во многом перекликаются с высказываниями везира Низам ал-Мулка в «Книге о правлении» («Сиясатнаме»). По поводу данного высказывания ср. у Низам ал-Мулка: «Государя обязаны всегда с раннего утра заботиться о добром столе» (см. Низам аль Мульк, Сиясатнамэ, пер. и прим. Б. Н. Заходера, М.-Л., 1949, стр. 135).
48. Хашими и сабуни – виды халвы, лаузина – род сладостей из миндаля и фисташек.
49. Дирхем (от греческой драхмы) – серебряная монета весом в 1,45 г.
50. Ср. у Низам ал-Мулка: «Государю необходимо ведать все о народе и о войске вдали и вблизи от себя, узнавать о малом и

великом, обо всем, что происходит... Волей-неволей появляется необходимость в сахиб-бариде [осведомителе]. Все государи и до ислама и при исламе получали свежие новости через сахиб-баридов, через их посредство они были осведомлены о хорошем и плохом; так как, например, если кто хотя бы за пятьсот фарсангов отсюда отнял несправедливо у кого-либо торбу сена или курицу, государь все равно узнавал и на то лицо накладывал взыскание, дабы знали все остальные, что государь неусыпен, что он всюду назначил лиц, осведомляющих его» (см. Низам ал-Мулк, стр. 64).

51. Ср. у Низам ал-Мулка: «Еще к нему [государю] имеет отношение все, что связано с благоустройством мира: поведение каризов [водопроводов], откапывание каналов, построение мостов над великими токами вод, устройство селений, пашен, построение крепостей, новых городов. И пусть он устраивает возвышенные строения, прекрасные местопребывания и приказывает строить рабаты [караван-сарай] на больших дорогах, от таких трудов имя его останется навсегда» (см. Низам аль Мульк, стр. 12).

Эти слова, по-видимому, обращены к преемникам Малик-шаха с целью побудить их к дальнейшей поддержке работы обсерватории, также являющейся «возвышенным строением»; возможно, что одно из зданий, относящихся к обсерватории, не было достроено в момент смерти Малик-шаха и после его смерти строительство было прекращено. В привлечении внимания преемников Малик-шаха к солнечному календарю, на котором основан праздник Навруза, и состоит основная цель этой книги.

52. Кисра – Хусрав Нушинраван, см. прим. 37.
53. Шапур Заплетник (Зу-л-Актаф) – царь Ирана из династии Сасанидов, царствовал в 310 – 379 гг.
54. Ср. у Низам ал-Мулка: «Таким был обычай в роде Сасанидов: когда кто-нибудь говорил с ними речь или показывал талант, который им нравился, и у них вырывалось восклицание «славно!», немедленно казначей давал тому лицу тысячу дирхемов» (Низам аль Мульк, стр. 138 – 139.)

Быть может, прославление Хайямом щедрости царей Аджама к певцам и мудрецам имело целью побудить и преемников Малик-шаха быть щедрее к ученым, в частности к астрономам. Ср. слова Хайяма: «Еще один обычай: кусок хлеба, который они давали слуге, не брали обратно и, согласно обы-

чаю, давали в свое время каждый год и каждый месяц», «Если они приказывали выдавать жалованье и пособие человеку, они выдавали ему это жалованье каждый год без его требования».

55. Изад – название бога, см. прим. 10.

56. Кайхусрав – Кир, основатель древнего иранского государства Каянидов (Ахеменидов), царствовал в 558 – 529 гг. до н. э.

Йаздигард (Йаздигард) – последний царь иранского государства Сасанидов, царствовал в 632 – 681 гг. В царствование Йаздигарда государство Сасанидов было завоевано арабами.

День вступления Йаздигарда III на престол – 16 июня 632 г. является началом «летосчисления Йаздигарда», которым пользовались все применявшие иранский солнечный календарь в первые столетия после арабского завоевания. При Малик-шахе, после календарной реформы, проведенной под руководством Хайяма, летосчисление Йаздигарда было заменено «летосчислением Малики».

57. Мубад мубадов (мубад-и мубадон) – верховный жрец зороастрийской религии.

58. Динар (от римского денария) – золотая монета весом в 2,42 г.

59. Здесь под персидским языком (парси) понимается пехлевийский язык – литературный язык государства Сасанидов (в других случаях в «Навруз-наме» тем же термином называется современный Хайяму персидский литературный язык). Мубад мубадов обращался к царю на общепонятном литературном языке, а не на языке богослужений – древнем языке племени магов, из которого происходила основная масса зороастрийских жрецов.

60. Суруш – ангел-вестник в зороастрийской религии.

61. Выражения «солнце дня счастья», «луна ночи счастья» и т. д. приведены сначала по-арабски, а потом по-персидски.

62. Мухр – глиняный диск, к которому шииты прикладывают лбом при совершении намаза; первоначально делался из почвы Кербелы, одной из святынь шиитов, где был убит почитаемый ими имам Хусайн (памяти которого посвящены траурные церемонии «шахсей-вахсей»).

63. Кайсар – арабское название византийского императора («ке-саря»).

64. Бузурджмихр (Бузургмихр) – везир Нуширвана, герой многих сказаний, где он выступает как идеальный царский советник (имя Бузургмихр означает «большая любовь»).

65. Арабская пословица приведена по-арабски.
66. Панна Хусрав (Фанна Хусрав) – буидский султан, именовавшийся также Абу Шуджа ‘Адуд ад-Даула ибн Рукн ад-Дин (936 – 983). Династия Буидов (Бувайхидов), основанная дедом Фанна Хусрав Бувайхом, господствовала в центральном и северном Иране в 932 – 1055 гг.; в 956 г. Буиды захватили Багдад и подчинили себе багдадского халифа.
67. Сулайман – библейский царь Соломон.
68. Хусрав Парвиз – царь из династии Сасанидов, царствовал в 590 – 628 гг., один из главных героев поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин» (см. Низами, стр. 61 – 242).
69. «Битва в окопах» – одно из сражений при обороне Медины основателем ислама Мухаммадом от мекканцев (628 г.). По совету своего сподвижника иранца Салмана ал-Фарси (ум. 655) Мухаммад приказал вырыть окопы, до этого незнакомые арабам, но широко применявшиеся иранцами. В этой битве Мухаммаду с 300 человек удалось разбить десятитысячное войско мекканцев.
70. Аристотель (здесь Аристуталис) был воспитателем Александра Македонского.
71. Мухаммад Амин – аббасидский халиф в 809 – 813 гг., сын халифа Харуна ар-Рашида, убитый по приказу своего брата Ма’муна (см. прим. 39). «Повелитель правоверных» – титул халифа.
72. Стих приведен по-арабски.
73. Тахир ибн Хусайн (775 – 822) – полководец халифа Ма’муна, впоследствии основатель династии эмиров Хорасана Тахиридов, управлявшей в 821 – 873 гг.
74. Хайям, как многие средневековые ученые, был также и врачом. Он лечил от оспы малолетнего султана Санджара, а также участвовал в лечении правителей Махмуда и Баркярука.
75. Канун первый и канун второй – декабрь и январь по греческому календарю.
76. Хурмуз – сын Хусрава Нушинравана (см. прим. 37) и отец Хусрава Парвиза (см. прим. 68), царствовал в 579 – 590 г.
77. Шамс ал-Мулук Кабус Вушмгир – султан Табаристана (на южном побережье Каспийского моря), из династии Зийаридов, наиболее известным представителем которой был Шамс ал-Ма’али Кабус Вушмгир (см. прим. 99).
78. Здесь имеются в виду два из четырех элементов – огонь и вода. Считалось, что при закалке в сталь попадает вода.

79. Тора – древнееврейское и арабское название первых пяти книг Библии.
80. Согласно Корану Мухаммад упоминается в Библии под именем Ильи.
81. Меч *йамани* – йеменский, *хинди* – индийский, *бахри* – бахрейнский, *димашки* – дамаский, *мисри* – египетский, *караджури* – караджурский (Караджур или Караджунь – область в южном Азербайджане). Меч *сулаймани* назван по имени Сулаймана (Соломона?), меч *салмани* – по имени Салмана (возможно, по имени Салмана ал-Фарси, см. прим. 69), меч *ханифи* – возможно, по имени арабского полководца Ахнафа ибн Кайса (ум. 686), участвовавшего в завоевании Ирана. Название *кал*а, по-видимому, происходит от арабского слова *кал*’а – крепость, *миррихи* – от слова *миррих*, арабского названия планеты Марс, *насиби* – от арабского слова *насиб* – удача. Слово *муваллад* по-арабски – «порожденный», слово *нармахан* по-персидски – «мягкое железо» (см.: комментарии М. Минови, в таджикском издании).
82. Ман – мера веса, равная 503, 68 г, стир – $\frac{1}{40}$ мана, т. е. 12, 592 г; $\frac{1}{4}$ стира – дирхем, равный 3,148 г.
83. Укийа – мера веса, равна $\frac{1}{4}$ мана или 10 стирам, т. е. 125, 92 г.
84. «Книга Бахрама об оружии» – *Силах-наме-йи Бахрам*. Книга до нас не дошла, и ее автор неизвестен. Возможно, что название книги дано в честь Бахрама Гура (см. прим. 86); Бахрамом древние иранцы называли также планету Марс.
85. Манучихр – см. прим. 31. Араш – легендарный стрелок из лука, известный в древнеперсидской священной книге Авеста под именем Эрекса. Согласно этой книге Араш выстрелил из лука на расстояние тысячи фарсангов и от напряжения распался на куски (см. Беруни, стр. 231).
86. Бахрам Гур – царь из династии Сасанидов, царствовал с 420 по 438 г., известен как выдающийся стрелок из лука, один из главных героев поэмы Низами Гянджави «Семь красавиц» (см. Низами, стр. 341 – 471). Имя Гур означает «онагр, дикий осел».
87. Туз – белая и упругая кора дерева, которой обвертываются седла и луки.
88. «Дуга» – *каус*, по-арабски дословно «лук»; «хорда» – *ватар*, по-арабски дословно «тетива»; перпендикуляр, опущенный из середины дуги на хорду (так называемую линию синус-верзуса), математики стран ислама называли *сахм* – «стрелой».

89. Кушканджир – баллиста (осадное орудие).
90. С каждым из семи светил – Солнцем, Луной и пятью известными в средние века планетами средневековые астрологи связывали некоторые участки пояса Зодиака, чаще всего треугольники, называемые «домами» этих светил. Солнце и Луна имели по одному «дому», планеты – по два – в каждом из созвездий Зодиака находился «дом» одного из светил. В период нахождения светила в его «доме» сила его воздействия на судьбы людей, по мнению астрологов, увеличивалась. Дом Солнца находился в созвездии Льва, один из домов Юпитера – в созвездии Овна; в созвездии Стрельца (*каус* – буквально «лук») находился один из «домов» Марса.
91. Сам-и Нариман, т. е. Сам, потомок Наримана – легендарный богатырь, отец Зальзара и дед Рустама, один из героев *Шах-наме* (см. Фирдоуси, стр. 143 – 218).
92. Имеется в виду Мунзир ибн Нуман – царь из доисламской арабской династии Лахмидов, царствовавший в Хире (к югу от Куфы, в Ираке) в начале V в. Отец Мунзира Нуман прославился постройкой замечательного дворца Хаварнак. У Мунзира ибн Нумана провел свое детство Бахрам Гур (см. прим. 86), получивший иранский престол при его поддержке.
93. Сайф Зуязан, южноарабский князь, современник Хусрава Нуширвана (см. прим. 37).
94. Абраха (эфиопская и южноарабская форма имени Авраам) – эфиопский наместник в Йемене, разбитый Сайфом Зуязаном с помощью войск Нуширвана. Хайям, возможно, смешивает его с йеменским царем Аюрахой ибн ас-Саббахом, современником Шапура Заплетника (см. прим. 53) (см. Беруни, стр. 133 – 134). Сипахсалар – военачальник.
95. Бабак Ариз – приближенный Хусрав Нуширвана.
96. Слова Мамуна приведены по-арабски.
97. *Нун* и *ра* арабские буквы дугообразной формы; *вав*, *каф* и *фа* буквы, состоящие из кружочка («глаза»), с хвостиком; буквы *нун*, *каф* – и *сад* отличаются своей шириной, а буквы *лам* и *алиф* – высотой.
98. Фахр ал-Даула – султан Рея (близ нынешнего Тегерана) из рода Буидов, младший брат Панна Хусрава (см. прим. 66).
99. Шамс ал-Маала Кабус (976 – 1012) – султан Табаристана. При дворе Шамс ал-Маала Беруни закончил свой «Памятники минувших поколений».
100. Слова Вушмгира приведены по-арабски.

101. «Скажите, чтобы часть войска, одетая в черное, возвратилась» – *сипахдорон сиёхро бигўянд то бозгарданд*; после превращения буквы «й» в «п» (путем добавления одной точки под буквой) и вставки буквы «н» перед *гарданд* предложение принимает вид *сипахдорон сиёхро бигўянд то бознагарданд* – «скажите, чтобы военачальники войска не возвращались».
102. «Жизнеописания царей» (*Сийар ал-мулук*) – «Жизнеописания царей Ирана» (*Сийар мулук ал-‘Аджам*) – арабский перевод пехлевийской книги Худай-намак («Книга царей»), послужившей основным источником *Шах-наме* Фирдоуси.
103. Виды перьев названы по именам известных писателей и везиров Абу‘Али Мухаммад ибн ‘Али ибн Мукла (886 – 940) – везир халифа Мухтадира (халиф в 908 – 932 гг.). Абу‘Амр‘Абдаллах ибн ал-Мукаффа‘ (ум. 759), иранец, живший в Басре, один из переводчиков *Худай-намак* на арабский язык, переводчик пехлевийской эпической поэмы «Калила и Димна» и других книг; был заживо сожжен по обвинению в неверии. Абу Мухаммад ал-Хасан ибн Мухаммад ал-Мухаллиби (907 – 967) – везир Му‘изз ад-Даула, султан Кермана из рода Буидов. Перо *булфазли* названо по имени Абу-л-Фазла Мухаммада ибн ал-‘Амида (ум. 970) – везира султана Рукн ад-Даула, отца Фанна Хусрава (см. прим. 66). Перо *амиди* названо по имени Амида, отца Абу-л-Фазла Мухаммада, бывшего везиром Мардавиджа ибн-Зийара (ум. 935), султана Табаристана и Гиляна, основателя династии зийаридов, к которой принадлежали его племянник Шамс ал-Ма‘али (см. прим. 99) и Шамс ал-Мулук (см. прим. 77). Перо *исмаили* названо по имени Исмаила ибн Аббаса ат-Талакани (938 – 975). Везира буидских султанов Муаййад ад-Даула. Перо *са‘иди*, по видимому, названо по имени арабского грамматика Са‘ида ал-Ансари (ум. 830), работавшего в Багдаде. Михран – арабское название реки Инд (см. комментарии М. Минови, в таджикском издании).
104. «Сидеть кругло» – сидеть поджав под себя ноги, по турецки.
105. Слова Мухаммада приведены по-арабски, а затем по-персидски.
106. Бурак – таинственное животное, на котором, согласно легенде, Мухаммад совершил свой ми‘радж, т. е. ночной полёт на небо.

107. По средневековым представлениям, Солнце, Луна и планеты движутся по своим орбитам специальными ангелами. В картине мира, изложенной в «Трактате о всеобщности существования» Хайяма, эти ангелы называются господом соответственных небес.
108. Алус – название одной из тюркских пород коней.
109. Шабдиз («ночецветный») – чудесный конь принцессы Ширин, возлюбленной царя Хусрав Парвиза (см. прим. 68).
110. Приписываемые Аллаху слова приведены по арабски.
111. Афрасиаб – легендарный царь-колдун, временно захвативший трон Ирана царей у Манучихра (см. прим. 31).
112. Слова Афрасиаба приведены на тюркском языке, близком к современному узбекскому: *ат арга андаг ким кукга ай* и переведены на персидский.
113. Али ибн Абу Талиб (602 – 661) – четвертый халиф (халиф в 656 – 661 гг.), сподвижник Мухаммада, муж его дочери Фатимы, особенно почитается шиитами.
114. Абдаллах ибн Тахир (798 – 844), сын Тахира ибн Хусайна (см. прим. 73), полководец при халифе Ма'муне и его преемниках и поэт, впоследствии эмир Хорасана.
115. Наср ибн Саййар ал-Лайси (ум. 748) – арабский наместник Хорасана.
116. Мухаллаб ибн Абу Суфр ал-Азди (634 – 702) – арабский поэт.
117. Слова Ма'муна, Абу Талиба, Абдаллаха ибн Тахира, Ну'мана Мунзира, Насра ибн Саййара, Мухаллаба ибн Абу Суфра приведены по арабски.
118. Названия пород коней: *алус* – см. прим. 107; *чарма* – одна из пород корней белой масти; *сурх-чарма*: *сурх* – красный; *тази-чарма*: *тази* – арабский; *хинг* – одна из пород коней белой масти; *бад-хинг*: *бад* – ветер; *магас-хинг*: *магас* – муха; *сабз-хинг*: *сабз* – зеленый; *песа-кумайт*: *песа* – пестрый, *кумайт* – конь с рыжей гривой и черным хвостом. *Шабдиз* – см. прим. 109; *Хушид* – «конь-солнце»; *гур-сурх* – «красный онагр»: *зард-рахш*: *Рахш* – боевой конь богатыря Рустама (см. Фирдоуси, стр. 214); *зард* – желтый. *Сийах-рахш*: *сийах* – черный. *Хурма-гун* – конь цвета хурмы. *Чашина* – одна из пород коней белой масти. *Шулак* – одна из пород коней. *Песа* – пестрый конь, «в яблоках». *Абр-гун* – конь цвета облака. *Хак-ранг* – конь цвета земли. *Диза* – серый конь с черной линией вдоль хребта. *Бех-гун* – конь цвета

айвы. *Май-гун* – «конь-вино». *Гул-гун* – «конь роза». *Аргаван* – вид цветка. *Бахар-гун* – «конь-весна». *Аб-гун* – «конь-вода». *Нил-гун* – конь цвета индиго. *Абр-кас* – «конь – темное облако». *Сапид-зарда* – бело-желтый конь. *Бур-сар* – сероватый конь. *Банаше-гун* – «конь-фиалка». *Заг-чаим* – сероглазый конь. *Сабз-пуст* – конь с зеленой шкурой, *Сим-гун* «конь-серебро». *Аблак* – пегий конь. *Сапид* – белый конь. *Саманд* – конь соловой масти (см.: комментарии М. Минови, в таджикском издании).

119. О цвете шерсти у животных Аристотель говорил в V главе книги «О возникновении животных» (см.: Аристотель, О возникновении животных, пер. статьи и прим. В. П. Карпова, М.-Л., 1940, стр. 206 – 207) и более подробно в 10 главе III книги «Истории животных».
120. 'Али – 'Али ибн Абу'Талиб (см. прим. 113).
121. *Навруз-наме* написана во время господства тюркской династии сельджуков.
122. Маханмах Вушмгир – один из султанов Табаристана из династии Зийаридов. Его книга была написана на гилянском языке – местном языке Табаристана.
123. Клавдий Гален (Galenus, ок. 130 – ок. 200), у Хайяма Джа-лину-с – римский врач и философ. На средневековом Востоке были распространены арабский переводы сочинений Галена под названием «Шестнадцать трактатов» (*Ситта асар*), «Большая анатомия» (*ат-Таширх ал кабир*) и «Книга о взглядах Гиппократов и Платона» (*Китаб ара' Букрат ва Афлатун*).
124. Сократ (, ок. 470 – ок. 400 до н. э.), у Хайяма Сукрат – древнегреческий философ, учитель Платона. Сведения по медицине, приписываемые Сократу, были, по-видимому, изложены в книге Галена о взглядах Гиппократов и Платона (см. прим. 123).

Гиппократ (ок. 460 – 377 до н. э.), у Хайяма Букрат – древнегреческий врач. На средневековом Востоке были распространены арабские переводы многих произведений Гиппократа.

125. Абу 'Али-ий Сина – то же, что Абу 'Али ибн Сина (на персидском языке арабское слово ибн – «сын» часто заменялось изафетом и). Главное медицинское сочинение Ибн Сины «Канон медицины» (*ал-Канун фи-т-тибб*) было основным руководством по медицине в средние века как на Вос-

токе, так и в Европе. Помимо рассмотрения в медицинских сочинениях, Ибн Сина прославляет его и в своих стихотворениях (см. Бертельс Е. Э., *Авиценна и персидская литература*, – Известия АН СССР, Отд. общест. наук № 1 – 2, 1938, стр. 871).

126. Мухаммад-и Закарийа' – Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийа' ар-Рази (855 – 930), иранский медик, известный на Западе под именами Rases и Abubater. Жил в Рее, был автором свода практической медицины «Объемляющая книга» (*ал-Китаб ал-хави*), переведенной в средние века на латынь, а также ряда других сочинений по медицине, философии и музыке.
127. Слова в квадратных скобках отсутствуют в берлинской рукописи и добавлены по лондонской рукописи (л. 94 б). Бахтишу' – известная иранская христианская династия врачей (по-персидски бахт – «счастье»), Ишу' – Иисус; Бахтишу' – «счастье Иисуса». Представители этой семьи были одними из главных ученых знаменитой Джундишапурской Академии – центра доисламской иранской науки. Хайям, вероятно, имеет в виду Джибраила (Гавриила) ибни Бахтишу' (ум. 829), врача при халифах Харуне ар-Рашиде и ал-Ма'муне. Весьма известен также дед Джибра'ила – Джирджис (Георгий) ибн Бахтишу' (ум. 771) – джундишапурский ученый, работавший в Багдаде в 765 – 770 гг.
128. Цитата из Корана приведена по-арабски (Коран, II, 219).
129. «Белый суп» – жидкое блюдо из простокваши.
130. Слова в квадратных скобках о вреде «жидкого мутного вина» отсутствуют в берлинской рукописи и восполнены по лондонской рукописи (л. 95 а).
131. Название абзаца отсутствует в берлинской рукописи и восполнено по лондонской рукописи (л. 95 б).
132. Абзац о пользе «чистого вина» отсутствует в берлинской рукописи и восполнен по лондонской рукописи (л. 95 б).
133. Мавиз – крупный сушеный черный виноград.
134. Высказывание Хайяма о вине вполне соответствуют его много – численным четверостишиям, в которых воспевается вино.

Некоторые исследователи Хайяма пытались истолковать стихи Хайяма о вине в мистическом смысле, говоря, что Хайям под опьянением понимает не опьянение вином, а религиозный экстаз. Высказывания о вине в *Навруз-наме*

полностью опровергают такое толкование стихов Хайяма о вине.

Следует также подчеркнуть, что воспевание вина Хайяма носит характер резкого протеста против ислама, который, как известно, запрещает пить вино. Этот антиисламский характер воспевания вина вполне соответствует антиисламскому характеру всей *Навруз-наме*, посвященной зороастрийскому празднику и изобилующей воспоминаниями о доисламских временах.

135. Легенда об открытии вина царем Шамираном, по-видимому, является народной переработкой легенд об ассирийской царице Семирамиде (Шаммурамат), жене основателя Ниневии Нина, жившей в IX в. до н. э. Беруни называет Семирамиду Ашмирам (см. Беруни, стр 102). О Семирамиде и ее пышных дворцах с висячими садами возникло много легенд у разных народов Востока. В армянских легендах Семирамида именуется «сладострастной и блудной Шамирам». Отражением легенд о Семирамиде является образ царицы Шамиры, тетки и воспитательницы красавицы, героини поэмы «Хосров и Ширин» Низами; о Шамире Низами говорит:

Нет мужа у нее, но есть почет и власть,

И, видно, дни свои она проводит всласть.

(Низами, стр. 75).

Возможно, что Хайям говорит не о «царе Шамиране», а о «царице Шамиран», так как слово шах по-персидски означает не только «царь» но и «царица». Однако, обстоятельства приводимые Хайямом легенды настолько далеки от обстоятельств жизни исторической Семирамиды, что мы переводим слово *шах* его основным значением.

136. Феникс (*хумай*) – легендарная птица, по поверью приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень.
137. Руд – струнный музыкальный инструмент.
138. Натуралисты (*табийян*) – это слово употребляется Хайямом для обозначения философской школы, объясняющей все явления естественным путем, без помощи бога. Теолог Наджм ад-Дин относит самого Хайяма к этой школе.
139. Сторонники учения о переселении душ (*танасухийан*) – суфии. Татави пишет, что «из большого числа сочинений известно, что Омар держался веры в переселение душ. Рассказывают, что в Ншабуре была старая семинария; для по-

правки ее ослы возили кирпичи. Однажды мудрец шел с учениками по двору семинарии; один из тех ослов никак не мог войти внутрь. Заметив это, мудрец улыбнулся и, направившись к ослу, сказал ему promptly:

*Пошел ты и опять возвратился, – стал ты... **

Имя твое исчезло из имен:

Ногти все собрались и стали копытом,

На сидении выросла борода и превратилась в хвост.

Осел вошел. У мудреца спросили, что тому за причина. Омар сказал: «Дух, который вошел в тело этого осла, ранее был в теле учителя этой семинарии, – поэтому он не мог войти внутрь; а теперь когда увидел, что камрады узнали его, он сам по необходимости пролез внутрь» (В. А. Жуковский, Омар Хайям и «странствующие четверостишия». Сб. «Ал-Музаффария». Сб. статей учеников В. Р. Розена, СПб., стр. 337 – 339).

Но, очевидно, что «объяснение» Хайяма – издевательство как над учением о переселении душ, так и над учителями мусульманских религиозных школ.

* Жуковский оставил без перевода слово *хиллум*, означающее предмет детской игры, который «уходит и возвращается», «может быть, нечто вроде нашего мяча или чижика

140. 'Абдаллах-и Тахир – то же, что 'Абдаллах ибн Тахир (см. прим. 114).
141. Арабская пословица приведена по-арабски.
142. Махмуд Газневи – султан из династии Газневидов, царствовал в 998 – 1030 гг. Государство Газневидов с центром в Газне (Афганистан) охватывало Среднюю Азию, Иран, Афганистан и часть Индии. При дворе Махмуда работал Беруни и ряд других ученых.
143. Мальчик, о котором говорится в рассказе, по-видимому, фаворит султана Махмуда Айаз.
144. Высказывания Хайяма о красоте вполне соответствуют его многочисленным четверостишиям, в которых воспеваются красавицы и красавцы.

СОДЕРЖАНИЕ

Э.Рахмон. Древний и всемирный Навруз	93
А.Турсун. Дождем Навруза увлажнилось поле	95
Начало книги Наврузнаме	131
Об обычаях царей Ирана	138
О приходе Мубада мубадов и провозглашении Навруза	141
Восхваление Мубада мубадов согласно его речи	141
О золоте и о том, что необходимо [знать] о нем	142
О признаках кладов	143
О перстне и о том, что необходимо [знать] о нем	146
О ростках ячменя и о том, что необходимо [знать] о них	148
О мече и том, что необходимо [знать] о нем	150
О стреле и луке, и что необходимо [знать] о них	153
О пере и его свойстве, и что необходимо [знать] о нем	156
О коне и его достоинствах, и что необходимо [знать] о нем	161
Названия коней на персидском языке	162
О соколе, его достоинствах, и что необходимо [знать] о нем	163
О выборе сокола	164
Слово о пользе вина	165
Слово о свойствах красивого лица	171
Комментарии к «Наврузнаме»	176

Омар Хайям

НАВРУЗНАМЕ

*(Повествование об истории
празднования Навруза)*

Художественный редактор *Ромии Шерали*
Технический редактор *Гурез Сафар*

Сдано в набор 10.02.2012.

Подписано к печати 17.02.2012.

Формат 60х90 1/16. 22,0 п.л. Тираж 1000 экз.

Издательство «Адиб»

Министерства культуры Республики Таджикистан
734018, г.Душанбе, ул. Н.Карабаева, 17а

Отпечатано в типографии ООО «Эр-граф».
734036, г.Душанбе, ул. Р.Набиева, 218.

Omar Khayam

NAWRUZ-NAME

Dushanbe

«Adib»

2012

BBK 84 Tajik 7-4-5
Kh-74

Editor *Muazzam Diloarov*
English Interpretation *Parvona Jamshed*

Omar Khayam. Nawruz-name.
– Dushanbe, «Adib», 2012, 352 str.

ISBN 978-99947-2-180-1

© “Adib” Publishing House, 2012

ANCIENT AND WORLD NAWRUZ

The culture which serves human life improvement, is property of all mankind. It, like the sun, ascends from depth of heart and reason of one nation, overcomes borders, to all equally gives light and heat. Long live the nation which has grown such culture by means of blood of heart and light of eyes!

Each time when I reflect on the ancient holiday Nawruz all my being covers similar warm and pride feeling. The book «Buzurgmehr Heritage» («Yodgori Buzurgmehr»), remained to us a heritage from Sassanides period, such valuable words are embodied: «what is **prefer the soul rescue in pas-time, is worthy culture**». Wise vezir of Sassanides under concept of «pas-time» had in mind the possibility of improvement and a life ornament. And a word-combination «soul rescue» has expressed all means of spiritual education of the person. That is, this worthy culture which improves our life and our soil condition. Such culture is ancient Nawruz of our great ancestors. Nawruz is a new day, the beginning of change and perfection of the nature of the world and people, a dawn of the fresh ideas, new creative plans, updatings of external shape and private world, thoughts and expectations.

Our ancestors, according to Nawruz traditions, sowed grains, built houses, cleared environment, forgave and gave freedom, appreciated the person showed care and mercy concerning clever and scientific people, studied and trained wisdom, and created it. In books it is embodied, that king Jamshed who is considered the founder of Nawruz, on this holiday of self-creation and self-knowledge called people for opening of mines, creation of tools, building of houses and gaining studying of knowledge and wisdom.

Are all these named advantages of Nawruz not a part of dream and expectations of mankind even today? Doesn't each family of our planet wish, to have such holiday?

With the account of all of it, on February, 19th, 2010 64th

session of General assembly of the United Nations Organization has accepted the resolution on the World day of Nawruz. When I heard about it myself I thought: «At last – that all humanistic dreams and the expectations of our ancestors reflected in blest Nawruz, became property of mankind!». In this resolution it is said, that each member state of the United Nations should aspire to development, perfection and celebrating Nawruz in their country. That is, now Nawruz will solemnly celebrate not only its traditional «proprietors», but also about 200 member states of the United Nations.

It is possible to notice with pride, that in diligence of several countries having common language and culture, in the forefront there was also independent of Tajikistan who has brought the worthy contribution to the formation of Nawruz by the world holiday.

Our creative people protected for centuries the traditions and wisdom of Nawruz, transferring them from generation to generation. Our great and wise ancestors in the valuable works delivered till today each shining pearl of this ancient holiday. In this number is an invaluable work of the great scientist, the mathematician and the astronomer, the author of immortal rubai Hakim Omar Khayyam's «Nawruz-noma» Omar Khayyam with love and belief has composed this book several centuries ago in order in XXIst century on sweet native language to congratulate all of us for declaring of Nawruz as the world holiday.

Today, when Tajikistan became a place of celebrating great Nawruz and has invited friends from the near and far countries to celebratory dastarkhan, «Navruz-name» of Hakim Omar Khayyam becomes a celebratory gift of our nation to each of them.

With holiday of Nawruz!

EMOMALI RAHMON
*The President of the
Republic of Tajikistan*

THE CULTURE OF NAVRUZ AND UN IDEALS

Some historical and philosophical reflections

The reader who for the first time takes into his hands Omar Khayyam's book titled the "*Navruznama*" cannot but be surprised by the abundance of information about things and events that at first glance do not have any relation to its subject. In the book explanation of the reasons for the establishment of Navruz (Nowruz) is interseperated with the vivid stories about the sword and the ring, the falcon and the arrow, names of horses and description of the features of a beautiful face.

Why? The truth of the matter does not lie only or rather not only in the specific feature of the treatise written at the epoch of Middle Ages. (An author of it usually draws no boundary line between myth and reality, legend and history.) For Khayyam and his contemporaries as well as for us, their successors, Navruz was not and is not just the first day of spring on the solar calendar. Also, it is not just a celebration of the New Year, or feast of the astronomical Vernal Equinox which occurs on March 21. It has a much *wider historical-cultural context* with deep doctrinal significance. That is why Khayyam did not paint a *scientific portrait* of Navruz but created its *culturological image*. So, can it be wondered then that Khayyam produced a mosaic picture of Navruz by an arrangement of variously colored pieces of astronomy and astrology, esthetics and mythology, ethics and alchemy.

Navruz apparently is the most ancient New Year celebration on the Earth. Its roots are lost in the depths of millenniums. That is why even such bright luminaries of the scientific firmament as Abu Rayhan Beruni and Omar Khayyam had to resort to the language of legends in order to explain its origins. In Iranian tradition the establishment of Navruz is attributed to Jamshid (Yima of the Indo-Iranian lore), a legendary king of seven continents (*haft kishvar*) and the most glorious epic hero as well.

According to Abu Rayhan Beruni, the famous Iranian-Tajik scholar of the 10th century A.D., *it is the belief of the Persians that Navruz marks the first day when the heavenly spheres started their motions*. I would like to add that Jamshid's rein was marked by great victories not only on the battle-fields (he defeated Demons)

but in the sphere of historically important creative works, too. Jamshid had taught all peoples of the world how to build the homes and cities, to mine gold and ore, to make arms and vessels. So, his time symbolizes the beginning of the human civilization on the Earth as well.

Navruz is the most universal festivity in terms of its origin and nature; by this I mean not only the natural basis of the feast-day which finds its reflection in the most ancient system of the solar calendar. I mean not just its geographical prevalence. (Navruz is celebrated and observed not only by Iranian peoples -- Persians, Tajiks, Pashtuns, Kurds etc.; in due course it has spread among a number of other peoples of the world.). Mainly I mean its general cultural sources and foundations. Of course, Navruz like any other popular festival reflects the cultural tradition of the peoples who created it and their religio-ethical norms and historiosophical ideals as well. Nonetheless Navruz as distinct from other numerous folk festivals does not limit itself to the shell of its own tradition. Navruz does not rest on values that are alien to other peoples and nations.

The unifying principle of Navruz is not a pagan religion or esoteric sect, it is not a race or ethnos, it is not geography or kinship; it is Culture which from the time of the alienation of Adam's sons is called upon to reestablish former spiritual ties of mankind.

Navruz was registered on the list of Intangible Cultural Heritage of Humanity by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) on September 30, 2009. The United Nations General Assembly has recognized March 21st as the *International Day of Navruz*. So, it is a time to take a fresh look at general cultural archetypes and spiritual invariants of this festival through the prism of international community ideals that are symbolized by the United Nations.

By considering all Adam's sons as integral parts of the single body and by reminding through it of the permanent interrelationship and interdependence of its parts (*if only one part of the body is wounded it is the whole body that will be in pain*) the great humanists of the Iranian-Tajik Renaissance queried their contemporaries and descendants:

*If over human grief you did not weep for centuries,
Will people say that you are a Man?!*

This is the highest manifestation of humanism even for the modern times! It reflects the ideals of the United Nations that is fighting -- although it does not achieve success all the time -- for the establishment of universal human values in the world community of nations, especially is solving the momentous issues of war and peace.

According to Beruni, ancient Iranians called Navruz as the "*Day of Hope*". This symbolic image is filled with deep culturological meaning and significance. Cultural archetypes of the Navruz are not only the spiritual constants of the past and the present but they have the significance also for the future. Let us pay attention to the two elements of the culture of the festival which acquire new dimension and meaning if they are to be included in the context of the modern globalizing world.

According to traditional beliefs the Sky is the most favorable and benevolent to the Earth in the days of the Navruz. But angels (*farishtagon*) who descend from the Sky do not visit the houses that have (a) not been cleaned and (b) have no accord and peace in them.

By expanding the limits of family home to the scale of the entire global world we may consider the custom of pre-holiday house cleaning as the prototype of today's ecological imperative demanding prevention of environmental pollution. Furthermore in the view of the ethical imperatives and of Navruz culture we may also deepen the very notion of ecology and therefore raise the question regarding prevention of contamination of not only of the environment but also the socio-cultural one.

This approach envisages broadening of the environmental theme to include into its notion in addition to protection of culture. The point of the matter is that destruction of the former (nature) often leads to the degradation of the latter (culture).

This neo-ecological imperative actually finds its way in the collective conscience of the world community. The basic documents of the United Nations -- from the Millennium Declaration to numerous UNESCO recommendations -- contain an urgent appeal to dialogue at all levels of human interaction which is combined with the emphasis on the need to strengthen cultural mutual understanding, education in the spirit of religious tolerance and encouragement of spiritual development that includes rejection of

ethno-cultural prejudices and ideological stereotypes. Ecology of culture serves as the main link in the strategy for a transition from "**a culture of response**" to a "**culture of prevention**" that is being implemented by the United Nations.

It calls for the need to form a culture of **co-survival** in its highest sense as a form of further development and deepening of the idea of the dialogue among civilizations.

Unfortunately, judging by the modern international political practice, the world as a whole is alien to the understanding of the *plurality* of cultures and civilizations as a positive factor of global development. As UN documents often state, it is the perception of **diversity** as a threat that not only prevents many of us from seeing universal values that unite us all together into a historical whole, i. e. global civilization.

On this auspicious day it would be appropriate to crown these reflections with the opening beit of Rudaki's poetic ode who sang the words of praise to the advent of the Spring time to Sacred Bukhara:

*In perfumes of the flowers the long awaited Spring has come.
It brought a hundred thousand of living joys to the Universe*

For the peoples of Iran, Tajikistan, Afghanistan and all others who celebrate Navruz as a beginning the New Year Navruz is not just a sign of renewal of Nature; it is also a time of change and hope (not just for the coming year).

Let us hope that by coordinated efforts of the international community a part of those living joys that Navruz brought to the Universe will be bestowed on the civilians of the Earth who are longing for the feelings of great spiritual satisfaction in our troubled times.

Akbar Turson

For the sake of the Allah mercy, merciful

Gratitude and praise to the God, great its greatness, to the Creator of the world, the lord of the earth and time giving livelihood all life, knowing obvious and secret, matchless, without companions and without advisers, the only one, but not in comparison and not in number, powerful and not requiring the help, and bow to its prophets, from pure Adam to the Arabian prophet, the elect Muhammad blessing of the Allah to all of them, and also relatives of [Muhammad], to its friends and selected it by him.

So the scientist Khoja said, the philosopher of century, the head of researchers, the king of scientists Omar Ibn Ibrahim al Khayam let the Allah will be merciful to him: when I have looked from the point of view of perfection of reason, I have not found anything the best, than a word, and anything more raised, than speech because if there would be something more remarkable, than speech then the supreme Allah would address with it to the prophet, – blessing of the Allah to him. In Arabian way it is told: «the best interlocutor in a life is a book»³.

One of my very good friend, exclusively true to his word, has asked to explain him the reason of establishment of Nawruz and whose king has established it. I have accepted this request and have stated it in short by means of what greatness is great.

THE BEGINNING OF NAWRUZ-NAME BOOK

In this book the true of Nawruz is revealed, in what day it was at Kings of Iran, what king has established it and why it is celebrate, and also other customs of kings and their behaviour in all affairs.

As to the reason of establishment of Nawruz it consists that, as is known, sun is available for two turns, one of which is, that each three hundred sixty five days and a quarter of days it comes back first minutes of constellation of the Aries at the same time day when it comes out, and every year this period decreases.

When Jamshed has comprehended this day, he named it Nawruz and has brought it into custom as a holiday. Kings and other people have followed it. They say, that when the king of Iran Kayumars the First became the King, he has decided to give names to days of year and month and to establish chronology that people knew it. He has established that day when in the morning the sun is included into the first minute of constellation of the Aries, has collected mobed of Iran and has ordered to begin chronology from that moment. Mobeds have gathered and have established chronology from this moment. Mobeds of Iran, who were scientists of that time, said, that supreme and sacred Izad has created twelve angels, from them four angels has sent to heavens in order to protect the sky from the devils, four of them has sent to four corners of the world not to let devils to pass through Kaf mountains, and to four angels he has ordered to walk on the sky and the earth and to drive away devils from people. They said, that this world is in other world as the new house constructed in an old palace, and that supreme Izad has created the sun from light, and by means of the sun he has created the sky and the earth. All people honour the sun as it is the light of supreme Izad, they look at him with solemnity and respect, as supreme Izad has paid more attention to its creation, than to creation of all of the rest, as the great King ennobling one of the deputies and declaring its superiority, so honouring him they the honour king. It is said that when supreme and sacred Izad has ordered to the sun to move from a place that its beams and advantage brought by it would be everywhere, the sun left the head of the Aries, the darkness has separated from light, and there was a day and night. So the history of this world has begun. After that it in one thousand four hundred sixty one year has returned to the same place this very day and the same minute. During this period Jupiter incorporated to Saturn seventy three times. It is called small connection, and this connection happens each twenty years. When the sun finishes the turn and comes back to the same place, between Saturn and Jupiter there is a connection in that constellation of the Zodiac which is the constellation of decline of Saturn, resisting to the constella-

tion of Scales which is constellation of an eminence of Saturn. Here, one here in that order as we have specified and observed places of Stars. When the sun left [constellation] the Aries, both Saturn and Jupiter with other stars were there according to command of supreme Izad, and the world position there were new things which corresponded to the world and its destiny. At this time kings of Iran that worshiped the Sun, and as not everyone can find this day, have noted it, have established a holiday and have informed all people that it is all it was known and that everyone should observed this date. It is said that when Kaymars has established this day as the beginning of chronology, he has divided each solar year, when one turn of the Sun within three hundred sixty five days on to twelve parts made, each parts on to thirty days, and named each of them by name of an angel from those twelve angels whom supreme and sacred Izad has sent to the world. Then he named the big turn containing three hundred sixty five days and divide them to a quarter of days, big year and has divided it into four parts. When four parts of the big year passed, comes big Nawruz and there is an updating of a condition of the world. Kings had a custom – in the beginning of year it is necessary for them to make certain ceremonies for blessing, date and pleasure establishments. The one who in day Nawruz celebrates and has fun, will live to following Nawruz in fun and pleasure. This practice for Kings was established by scientists.

Farvardin month – pahlavi word meaning, that this month is the beginning of growth of plants. This month belong to the constellation of the Aries. From the beginning till the end of this month the sun is in this constellation.

Urdubikhisht month – this month is named urdibihisht, that means, that this month the world for its fun is similar to paradise, Urd in Pahlavi language means «as». The sun in this month, according to a true turn, is in constellation of a Taurus. This month is the middle of spring.

Khurdad month means, that this month feeds people with wheat, barley and fruits. The sun in this month is in constellation of Twins.

Tir month – named this month *tir* because this month divide

wheat, barley and other things. In this month the Sun culmination starts to go down. In this month the Sun is in Cancer constellation. This month is the first month of summer.

Murdad month – i.e. the earth has given what was necessary to give fruits in order they have ripened. This month weather is similar to earth ashes. This month is the middle of summer. The sun in this month is in constellation of the Lion.

Shariwar month – this month name so because this month is an abundance of incomes, i.e. incomes of kings fall to this month. This month is easy time for peasant to pay the tax. In this month the Sun is in the Maiden. It is the last month of summer.

Mehr month – named so because as it is month of friendship between people, and everything, that has ripened from cereals and fruits and received by them, they eat it together. The sun in this month is in Scales. This is the beginning of autumn.

Aban month – i.e. this month is the time of coming waters, owing to beginning rains, and people water crops. The sun in this month is in the Scorpion.

Azar month – on pahlavi language *Azar* means «fire». This month weather becomes cold and there is a need on fire, i.e. it is month of fire. The sun in this month is in constellation of the Sagittarius.

Dai month – in Pahlavi language **dai** means «devil». This month is named Dai, as it is severe and, the earth in this month is far from fun. The sun is in the Capricorn. It is the first month of winter.

Bahman month – i.e. is similar to the Dai month – for the cold and dryness. The sun in this month together with Saturn is in the Aquarius and is close to the Capricorn.

Isfandarmuz month – this month name so as *asfand* on pahlavi language means «fruit», i.e. this month start to sprout fruits and plants. The sun in this month reaches last constellation, i.e. constellation Fish.

Then Kayumars has divided this time for twelve parts and has established the beginning of chronology. A field of it he has lived forty years. When he has died, Khushang inherited it reigning nine hundred seventy years. He has won devils, has in-

vented forge, and weaver's crafts, and also reception of silk from cocoons and honey from bees, and has left the world in full fun, having left its remembered by good. After him the throne occupied by Tahmuras. He reigned thirty years. He has subordinated devils, has constructed streets and markets and weaved a wool and silk. Against him raised eremite Bozasp, preaching religion of Sabies. Tahmuras has accepted this religion and put zunnar (belt). He worshipped to the sun and taught people the letter. He was named Tahmuras – the tamer of devils. After him the kingdom has passed to his brother Jamshid. From the beginning of chronology has passed one thousand forty years and the Sun in the beginning of day Farvardin was included into the ninth constellation [Sagittarius]. After four hundred twenty one year of reign Jamshid this turn has terminated and the sun in the farvardin has entered into the beginning of the Aries. Thus, the world has come to balance. Jamshid has subordinated devils and has ordered to arrange baths and brocade manufacture. Before him brocade name «weaved by a devil». But people by reason and experience during time have reached such condition that what we see now. Further Jamshid had crossed donkey and a horse and has received the mule. He has extracted jewels and has made all types of weapon and ornaments. He has extracted gold, silver, copper, tin, lead in mines and has made a crown, a throne, bracelets, necklaces and rings. He has received musk, ambergris, camphor, a saffron, an aloe and other aromas. He suited a holiday in the day mentioned by us, has entitled it Nawruz and has ordered to people to celebrate every year the occurrence of new farvardin and to consider this day new [year] until there will be a big turn [Sun]. In it is the true of Nawruz. Jamshid in the beginning of his reign was very fair and virtuous, people loved him and rejoiced, and supreme Izad has given him such good fortune and reason, that he has decorated people with gold, jewels, brocade, aromas and cattle. After four hundred and more years from the beginning of his reign he has been keen on a devil who has fascinated his world, – let no person be fascinated the world! – he has become proud and has got used to injustice and vanity, began to save riches, people began to suffer

tortures and day and night asked supreme Izad that his reign has terminated. The divine good fortune has left him, and all his affairs became erroneous. Then from one corner of a kingdom has acted Barasp who is named Zahhak, has crushed him, and people did not help him as they suffered from his tortures. He ran to the Indian land and Bevarasp sat on the throne, and subsequently caught him and has broken off on a part. Bevarasp reigned one thousand years. In the beginning it was fair, but at the end he became unfair, has been keen on a devil in the actions and words and tormented people until Afridun came from India. Afridun has killed him and took the throne. Afridun was from Jamshid's kin. He reigned five hundred years. When has passed hundred sixty four years of reign Afridun, the second turn of chronology Kayumars had terminated. Afridun has accepted Ibrahim's religion, – be peace over him! He has tamed an elephant, a lion and a cheetah, has constructed a tent and a portico, has brought current water to gardens and buildings and has brought in an orchard saplings and seeds of fruit-trees – turunj an orange, badrang, a lemon and colours of a rose, a violet, a narcissus, a lotus etc. He has arranged Mehrgan and in this day he has prisoned Zahhak and this very day has accepted reign and has established Sada holiday. The people relieved of injustice and tyranny of Zahhak, were very happy and celebrated this day as [day] of a good omen, and till now in Iran and Turan celebrate this custom in honour of kind kings every year. When the Sun has reached the Farvardin, Afridun again celebrated this day. He has collected people from all world and has written the contract on it. He has ordered, that his officials should be fair. He has divided the kingdom between his sons. Turkestan from the river Jayhun to China and Machina is given to Tur, Roman lands to Salm and the Iranian land and the throne to Eraj. Thus, all kings of Turkestan, Rome and Iran – one origin and relatives among themselves as all of them are descendants of Afridun. Therefore it is necessary for all people to make ceremonies in honour of kings, because all of them were from the afridun's seed. When its epoch and an the epoch of other kings after him till the epoch of Gushtasp has terminated and when has passed thirty years of

Gushtasp reign, Zoroastr appeared and has brought the religion. Gushtasp has accepted his religion and his wine. Since the time of holiday Afridun until then has passed nine hundred forty years. When the Sun was included into constellation of Scorpion, Gushtasp has ordered to note leap year therefore Farvardin has begun in day of the introduction of the Sun in Cancer constellation. Gushtasp has established a holiday, saying, that it is necessary to observe this day and to celebrate Nawruz [this day] as the Cancer – happy constellation for work, and that peasants and farmers need to grant the right to pay the tax at that time then it will be easy for them. Then he has ordered to consider intercalary day everyone hundred twenty years that years should be defined and that people should knew time both in colds and in heat. This custom proceeded till the epoch of Alexander of Rome, called «Twohorns». Since this time people gave up to mark intercalary day and continued to do the same as they did before. It proceeded till the epoch of Ardasher Papakan which has noted again intercalary day and has established the big holiday. He made the contract on it and named this day [Nawruz]. People celebrated this holiday till the epoch of Nushervan the just. When portico of Madain has been finished, Nusherravan has established celebrating Nawruz according to customs of that time. But he did not mark intercalary day, saying, that people should abstain from this custom while the Sun by the end of a turn will not reach the first day of the Cancer, and thus has abolished instructions of Kayumars and Jamshid about fulfilment of intercalary day. It continued till the epoch of Caliph Mamun who has ordered to observe the Sun and every year when the Sun reaches the Aries to make Nawruz. Thus «Astronomical tables of Mamun» had been made and still presently calendar estimate by means of these charts. It proceeded till the epoch of Mutavakkil-ala-l-laha, Mutavakkil had vezir, by name of Muhammad Ibn Abd al Malik, who has told him, that tax collecting is necessary for such time, when animal are far from grain fields and consequently people suffer and that according to custom of kings of Iran people celebrate intercalary day for returning the year to the place, for to sufferless during payment of the tax af-

ter harvesting. Mutavakkil agreed and ordered to consider intercalary and return the Sun from the Cancer to Farvardin. Then people satisfied and again began to adhere to this custom. After that Khalaf Ibn Ahmad, emir of Seistan, has established another intercalary. Since then till our time the difference became sixteen days. The happy sultan, a belief support, Malikshah, – let the Allah will consecrate his soul, – having learnt about it, has ordered to establish old intercalary and to return year on the place. For this purpose he has called scientists of that time from Khorasan. They had built all necessary for supervision – have erected walls, have established astrolob and so forth – also have transferred Nawruz to Faravardin. But time has not given possibility to sultan to finish this business, and intercalary remained unfinished.

This is the true about Nawruz, we all it have found in books of our predecessors and heard from scientists.

Now we will tell you shortly about some customs of kings of Iran, and then again we will return to a question about Nawruz with assistance of Allah and with its kind help.

ABOUT CUSTOMS OF KINGS OF IRAN

Kings of Iran had at all times such order: to set the table as good as possible. When the time of Caliphs has come, they proposed to set the table offered such ceremonies that it was impossible to describe. In particular it concerned Abbasids Caliphs. Various kinds of soup, hot, various halvah, beer – all was established by them. The majority of good kinds of halvah, as Hashimi and sabuni, lazuni, the soups, baked products – all were introduced by abbasides Caliphs. These good customs showed their magnanimity.

Other customs of kings of Iran: justice, erection of buildings, training to sciences, to philosophy, protection of scientists – in all of it they have shown the big diligence.

Other customs: they sent, there people to each city and in each area of the country that those could inform the king on any news and about everything that happened among people. Thanks

to this order of the king the enemies land were short, and officials could not cause injustice to any person and could not receive in the unjust image a dirham, officials did not dare to demand from citizens anything over established by laws and rules. Thus, wealth, wives and children were in rest and safety. Each person was engaged in the business and craft from fear before king.

One more customs: a piece of bread which they gave to the servant, did not take back and, according to custom, gave in due time every year and every month. If somebody died and after it there was a son who could execute the same service, they transferred this bread of his father.

Other custom: they hotly aspired to erection of buildings, and each king who has sat down on a throne of power, day and night thought of city construction there where there was a good climate that recollected how he cared of country prosperity. The custom of Iranian, Turkic, Roman kings from Afridun kin was so, that if the king erected a high palace, a city, settlement, a caravan-shed, a fortress or spent the channel and if building has not ended during its time his son or the successor on a throne of the state after a capture of affairs of power in the hands did not pay such attention on what, except the termination of construction of the building which have been not completed by the former king. Let all people know, that we too aspire to prosperity of the world and country. But the son of the king in this respect was even more zealous, than his father to that there were some reasons: He said, that it is even more necessary for son to finish the left unfinished business of the father, explaining, that as we have sat down on a throne of a fatherly kingdom, it is more convenient to us to make it, than to it. Further he spoke: my father erected this building that the world prospered, for magnanimity, for kind glory, for approach to the supreme Allah or for pleasure and pleasure, anyway country prosperity, kind glory, satisfaction of the supreme god, pleasure and pleasure too is necessary for me. Therefore he ordered to finish the building and achieved the termination of this city or a building. And if this building did not terminate in its reign, this building was finished by its successor.

And people blest and highly appreciated such king, saying, that the supreme god has finished this building by his hands. Portico Kisri in the city of Madain the base of which has put in pawn by Shapur Zaplechnic, and after him built some kings, but has been finished by Nushervan Adil. Similar to it was a lot of, including the bridge in Andimashk.

Other custom of kings of Iran was: if somebody offered them something, has sung a song or has told the good speech which they liked, they said «Nicely!» And immediately after they said a word «Nicely!», they gave out from their treasury one thousand dirhams. They highly appreciated good speech.

One more custom of kings of Iran was: they forgave any fault, except three crimes; – disclosure of their secrets, insult Yazdan, the third – default of the order and contempt for it, saying, that to the one who has not kept secret of the king, it is impossible to trust them, those who has offended Yazdan he is the non-believer and those who has not obeyed the order of the king he wished to be equal with the king and consequently has disobeyed. They immediately punished all these three crimes, saying, that the kings who have from the world blessings, have other people too and distinction between kings and others only that the kings rule and if others do not obey the order of the king then what is the difference between them and others? One more custom: they built in deserts, in places of a stop of caravans-sheds, dug out wells and protected roads from robbers and villains. If they ordered to give out the salary and the grant to the person, they gave out this salary every year without its requirement. If someone from officials added something to the tax from area or settlement over the established law, the king abstained to charge such business and punished them in order no other person aspired to receive from people superfluous as in it is a kingdom source of rupture.

If somebody from his servants rendered him service, he immediately thanked and awarded according to his service that others too aspired to render good services. If somebody was guilty or has made offence, did not order to punish him immediately, and, counting his merits, imprisoned, that when somebody

intercede for him, it would be possible to forgive him. There are a lot of similar examples. If we wished to mention all of it, it would be too long; there is enough what is stated. We will return to description of Nawruz, being the purpose of this book.

ABOUT ARRIVAL OF MOBED OF MOBEDS AND DECLARATION OF NAWRUZ

Custom of kings of Iran since Kaykhusraw's reign till the epoch of Yazdigard, last king of Iran, was that, in day of Nawruz the first person not from a family of the king, mobed of mobeds, came to the king with the gold cup full of wine; with a ring, dirhams and imperial dirkham, an armful of sprouts of barley, a sword, an onions and an arrow, an inkwell and a feather, eulogised and thanked him on Persian language according to his speech. When mobed of mobeds finished the eulogy, grandees came and offered the service.

EULOGY MOBED OF MOBEDS ACCORDING TO ITS SPEECH

«O, king! On a holiday of Farvardin in a month of Farvardin be free for Yazdan and religions Kays. Surush has inspired you learning, an insight, knowledge, live long with character of a lion, be oars on a gold on throne, eternally drink from bowl Jamshid, observe custom of ancestors with magnanimity and virtue, be fair and right, let your head does not grow grey, let your youth will be similar to barley sprouts, let your horse will be quick and victorious, let your sword will be shining and deadly to enemies, let your falcon will be successful on hunting, let your business will be to straight lines as an arrow, seize one more country, be on a throne with dirham and dinar, let the talented and scientific person is appreciated you and receives the salary, let your palace will be blossoming and your life long». After he says it, he tried wines and gave a cup to the reign, in other hand of the king gave barley sprouts, put at its throne dinar and dirham. He wished these, so that if in day Nawruz, in the

new year, grantees see something the first sight, they would be cheerful and joyful till next year and would be with these things in happiness. It is the blessing for them as the things offered the king, are the reason of pleasure and world prosperity.

Now we will pass to advantage and properties of gold and we will tell about it for as they say, gold is the king of all jewelry and an ornament of kings.

ABOUT GOLD AND WHAT IT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

Gold is an elixir of the sun, and silver – a moon elixir. The first person who has extracted gold and silver from mine, was Jamshid. When he has extracted gold and silver from mine, he has ordered to make the round disk similar to a disk of the sun of gold, and to set the seal on both parties of this image of the sun, saying, that it is the king of people just as the sun is the king in the sky. Then have made of silver a disk similar to a disk of the moon, and have set the seal on both parties of this image of the moon, saying, that it is the master of people on the earth, just as the moon in the sky. The gold which is the god of alchemy, name the sun of day of happiness, silver – the moon of night of happiness, and pearls is named a sky star wealth. Some perspicacious people name gold fire of winter the disasters some neatly name its pleasure of heart of the grandee, and some – a narcissus of a garden the kingdoms some – light of eyes of religion. Advantages of gold over all metals explain like advantage of the person over other animals. One of properties of gold is that if you watch it, it gives light to eyes and pleasure to heart, another – that it does the person courageous and strengthens mind, the third – that it increases beauty of the person, shines a youth and postpones an old age, the fourth – that it increases pleasure and does its more valuable in the opinion of people. Kings of Iran so highly appreciated gold, that did n't give to anybody two gold things: one of them a bowl, and another – a stirrup. About properties of gold they say, that if to feed the small child with milk from a gold jug, he starts to speak and will

be like to heart of people, becomes protected from an epilepsy, not frightened in a dream and if you spread it to eyes with anti-mony by means of a gold stick, eyes are protected from night blindness and teariness and besides, force of sight increases. If to connect feet of the falcon a gold chain, on hunting it will be more brave and quick. Any wound by means of gold recovers more soon, but does not grow, owing to what wives of grandees pierce lobes of ears of their daughters and sons with a gold needle, and this puncture does not grow. Drink from a gold jug protects from a dropsy and amuses heart, therefore doctors among amusing means mention gold, silver, pearls, an aloe, musk, silk. Each weakness of heart or anxiety can be cured by a grief gold and silver, it is possible to cure a lock musk, an aloe and silk, pressure of blood – amber and dried fruit, and density of blood can be cured by pearls and silk.

ABOUT SIGNS OF TREASURES

If in the earth there is a treasure, in this place snow does not remain and it thaws. One of treasure signs consists that on not sowed waste land the basil grows: it specifies, that there is a treasure. If you see a branch kunjit or an eggplant at a foot of mountain far from habitation, also define, that there a treasure. If among saline soil there is a good soil in the sizes of skin of a bull or the clay convenient for manufacture muhra, define, that there a treasure. If you see set of kites, but there is no drop, define, that there a treasure. If it is raining and on one site of the earth on which there is no deepening, water gathers, define, that there a treasure. If you see one place in which snow does not remain in the winter and quickly thaws, while in other places snow remains, define, that there a treasure. If you see... a stone which seems smeared oil, and the rain and water do not moisten it, define, that there a treasure. If see a pheasant and a partridge, going down together, playing and having fun, or see, that bees gather in one place during unusual time, or see a tree which one branch grows separately from all branches in any direction, and this branch more than other branches, define, that there a treas-

ure. All is perspicacious people noticed by means of various means that when it is necessary to find these treasures. Any person who is hiding gold under the earth and not putting it in a tub or other thing from copper or glass if you want to find this gold in a year, and will not find it; and you will think, that someone has carried away it, but actually nobody has stolen it, it is deeply cunning in the earth as gold is very heavy and all time plunges, yet will not reach some water. Concerning force of gold we will tell some stories.

The story. Once Nushervan has called the barber in a garden of the palace in order to shave his head. When the barber has put the hand on his head, he has told: «If your majesty gives the daughter in marriage to me, I will relieve you from the thought about the country Kaysar». Nushervan has said by him: «What this person talks about – and was surprised to such words. But for fear in front of the razor which was in hands of the barber, he has not dared to tell anything and has answered: «With pleasure after you will shave». When the barber has shaved him and has left, he has called Buzurgmehr and has told him about it. Buzurgmehr ordered bring the barber and asked him: «What have you told, when you shaved a head of his majesty?». He answered: «Nothing». Then Buzurgmehr had ordered to dig in the place on which stood the barber. There have found so much riches, that it could not be counted. Buzurgmehr said: «Your majesty! Those words which the barber has told, he has told not himself. It has told by treasure as his hand was over a head of your majesty and his feet were over this treasure, and in an Arabian way said: «Who sees treasure under his feet, he will demands over his advantage».

The story. Panna Khusraw have informed, that one person in Amul has bought the deserted land and has transformed it into a rice field. Now on this earth grow such rice which is not present in any other places and for it one thousand dinars every year is gained. Panna Khusraw has bought this land under its price and has ordered to dig this earth. He has found forty tubs of dinars of

Khusraw in this land and said, that force of this treasure was the reason of an abundance of this rice field.

The story. I have heard from one friend whose words I trusted, that in Bukhara there was one madwoman. Women have called her and began to joke over her, to play with her and to laugh at her words. Once in a house they have dressed her in a silk dress and have put on her ornaments from gold and jewels, saying her : «We marry you». This woman never had gold and jewels, and when she has seen on herself these ornaments, she has started to speak reasonable speeches so people began to think, that she has recovered. But when they have taken away all of it, she again became the madwoman.

It is said that grandees when wished to approach with their wives or with the slave, surrounded their loins with a gold belt and ordered the woman to be decorated also, speaking: «If do so, the son will be brave, with a perfect figure and a beautiful face, clever and pleasant for human hearts». And when the woman gave birth to the son, they hung up round a cradle gold and silver coins, speaking: «These two things – masters of people».

ABOUT A RING AND THAT IT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

The ring is very good ornament and is necessary for a finger. Grandees said, that nobleness obliges grandees to carry rings. The first person carrying a ring on a finger, was Jamshid. It is said that fingers of grandees without a ring are similar to group of people without a banner(?). The ring on a finger is similar to a belt on loins, and loins with a belt it is more beautiful. The ring on fingers of grandees speaks about their full nobleness, force of thought and correctness of decisions because the one who has full nobleness, uses the stamps. Who possesses force of thought, that does not happen irresolute, and the one who is resolute, does not happen without the stamp because the letter of grandees without the stamp specifies the weakness of thought and absence of resoluteness. The letter without the stamp speci-

fies in carelessness. Sulyaman – let be peace on him! – has lost a kingdom because he has spoilt the ring. It is more important to have the stamp, instead of a ring the Prophet, – let be peace on him and a blessing of the Allah! – carried on the finger a ring, and when he sent to any area a letter, he sent it sealed. Therefore because of not sealed letter to Parviz. Parviz was angry and did not read the letter, has tore off, saying, that the letter without the seal is similar to a head without a cap, and the head without a cap is not necessary for a society. When the letter without the stamp every one will read it and when it is sealed, the one to whom is sent can only read. Wise people said, that the sword and a feather are servants of a ring of the king because they grasp a kingdom and establish it under orders of a ring of the king and if he will not want, they cannot reach it. Each ornament which people, maybe, have or can not have, except a ring. It is never impossible to be without it because it is a finger ornament. Put it on such finger which is an indicator of unity of the God, – its magnificence is great! – and thanks to it this ornament of a finger is a sign of its superiority. It is similar to the fighter who shows such talent that comes nearer to the grandee owing to what that renders it favour and allocates it from its companions, putting on it a gold necklace or giving to it a gold belt for rounding loins: it means, that it has shown talent. Rings happen many kinds, but for kings rings only with two jewels are suitable. One of them – yakhont (supphire), being a sun particle. It is the king of jewels, its property is radiation, fire does not operate on it, it cuts all stones, except diamond. One of its properties – that it prevents harm from thirst. They say, that when the prophet – let peace be over him! – was in Medina and wished to begin «fight in entrenchments», in Medina there was a cholera, but for the elect – the peace over it! – had sapphire priced two thousand dinars. Other of these stones – turquoise. Turquoise is renowned, is expensively appreciated and is pleasant by sight. It has the quality to protect from an evil eye and for fear in a dream. The ring possesses many signs for guessings and one iromancy about what is said much. They specify in domination and greatness of kings, on nobleness of grandees, on success of affairs.

The story. It is said that Alexander of Rome before he has bypassed the world, had various dreams which have specified that he owns this world. One of these dreams was that, all world was as one ring and was put on his finger. But this ring had no stone. When he has asked about it from Aristotel he has said, that you will own all world, but you cannot use enough it, as this ring – a kingdom, and a stone – its king.

The story. It is said that once king Yazdigurd has sat down on a stone bench of a palace garden and has put on a turquoise ring on his finger. The arrow has suddenly arrived and has got to a stone of a ring which has scattered in pieces, and an arrow, having flown by further, was thrust into the earth. But nobody knew, where this arrow wher come from. Despite the fact that what searched much, have found nothing. He became very sad and thought what it can be. When he has asked scientists and confidants, nobody had the explanations for it. And those who knew a little about it did not dare to tell. A few time later he has died, and dynasty has stopped.

The story. It is said that when Muhammad Amin was the master of religious people, he has sat down in a garden on the bank of pool, turning on the finger of supphirmade ring, and said a verse which is a proverb: «We split heads of precious people, but they become more his obeying and more unfair». He meant Mamun who did not obey him. At this time he has become angry about one slave and in anger has struck her with his ring. The stone has jumped out, both the stone and a ring have fallen into the pool. Despite the fact that many people dived into water and searched, and at last, have taken out water from the pool, but the stone could not found. Instead of a stone they have found a ring in which there was a white stone. Some time later Tahir, has come fight against him and in the same palace has killed him.

We have told about value of rings.

ABOUT SPROUTS OF BARLEY AND WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT THEM

Kings of Iran considered sprouts of barley as a good sign because a lot of advantage from it. It ripens before all other edible cereals. They say, that within forty days it gets from a barn to a barn. It grows everywhere where you will throw it, and sprouts before all cereals. Barley is useful both for a medicine and for meal. Wise men and eremites eat barley. It is said that the food it blood never spoils and there is no need in taking blood. It also prevents illnesses of blood and bile. Doctors name barley water blest water. It is useful against twenty four known kinds of illnesses, among which: a burn, a pneumonia, a fever, a typhus, cough, a fever, a consumption, a stomach lock, a dropsy. It is useful to compresses sac, heads, breasts, sides, a liver, a stomach, crisis of a bone, a burn, a gout, and also against worms. Barley oil destroys a yellow itch, and wheaten oil-black itch and if to put barley grain in a copper and boil it, it is very useful for those who has weak bones of feet and who cannot stand. If anyone has a spasm in feet and knees, it needs to put feet in barley water, and it will recover. Wheaten grain has the same value. In Bagdad they boil barley, filtrate the water, then once again boil with kunjut oil that water has evaporated, and oil remains, smear with this oil a yellow tumour, is very useful against disease of uterus tumour women, they have to moisten with oil the cotton wool and put inside. It is said that if probably to sow barley at night during a moon eclipse, sow, and the bread made from it is very useful to madwomen. If the moon increases and resists to Venus when sow barley and if the thin horse eats this barley, it will become fat. Whether there will be a year good or bad, is defined by means of barley. If barley grows directly and amicably, it specifies that year is plentiful and if it grows crookedly, disjointedly, means, the year will be with poor harvest. There is a legend that the prophet, – let be peace on him! – says: «Best of all breads – barley bread. He who is satisfied with it, he sates, as it is my bread and bread of other prophets». Decrepit aged men guess on barley and inform on good and harm. Sorcerers by means of barley cure warts during a month kanun. Then they close

the wart, and it disappears. Women in a month Farvardin presoak barley and sow it for the sake of the daughters. If barley covers a head, then the hair becomes long.

The story. I heard, that once Hurmuz, father of Khusraw, went by one barley field. The field was irrigated, and water has fallen outside the limits a field and flew the road. It was in a month of Farvardin. He ordered to fill one jug with the water which has left a barley field to drink it, saying, that barley – blest grain, and its sprouts – good sprouts. The water passing through it and leaving it, reduces weariness and cures illnesses of a stomach, and that person who drank it, will be kept from illnesses and torture of thirst till next year when will ripen barley.

The story. Once Shams Al Muluk Kabus Wuchmgir has informed that a person who entered into gate of a palace and bring not saddled horse, having told, that he has caught it on his home field. He was asked: «On a barley or wheaten field?» The person has answered: «On barley» Then Shams has ordered to bring the owner of a horse, took the penalty from him at a rate of the price of the ripened barley and has given it to the owner of the land, saying to him, that if peasants want that barley well grew, it is necessary to let the horse to graze at this time and that we took this penalty in punishment of that owners of horses who did not release their horses to be grazed on foreign fields as barley is food of prophets and eremites by whose help the religion is established. Barley at the same time is food of four-footed animals. On all of it the kingdom keeps.

The story. It is said that Adam – peace on him! – ate wheat when he was expelled from paradise. Supreme Izad has established its food wheat, but he, how many ate it, was not satisfied. Therefore he has begged supreme Izad and he has sent him barley, he has made of it bread, has eaten it and was sated. After that he considered it as a good sign if saw green and fresh barley. From now on kings of Iran on Nawruz wanted every year some barley, as it was useful and blest.

ABOUT A SWORD WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

The sword is the keeper of a kingdom and the supervisor behind the people. Without it can not be any kingdom, as only by means of a sword it is possible to keep laws. The first iron which was the major substance for people was the metal extracted in mine. The first person who has made of it the weapon, was Jamshid. Any weapon is magnificent and is necessary, but there is nothing more necessary and more magnificent, than the sword as it is similar to fire on the shine and contains two element. Perspicacious people say, that the world without iron is similar to the young man without the genital member, not a capable sort to continuation. If to look with mind it becomes clear, that Universe affairs depend on fear and hope, and the fear and hope depend on a sword as one person aspires to carry out the hopes with the help of iron, and other person runs from iron, and this fear is its guard. The crown which is put on heads of kings, is won with the help of iron, and treasuries of kings replenish with the help of iron. Supreme Izad utility of all substances has put in dependence on customs of people, except utility of iron as it is used in any manufacture and the world is decorated and prospers thanks to it. Among advantages of a sword the Best show that to the prophet, – peace be over him! – have given a sword as the gain tool, and he has told: «I am sent with a sword». In Tor he was named soul of battle and owning sword. Advantage of this tool occurs because, that the sword is the tool of bravery which is the greatest virtue both among people and among animals. Bravery have defined as such angry force thanks to which smothering gets the best of the enemies. It is said that bravery is property natural, instead of got, but it is decorated by acquisition. The bravery place consider a liver as it is a blood place. Therefore the brave person will be, more courageous at bloodshed because bravery is kindled by blood as a lamp oil. It is said that acting in bravery is natural force of heart, but for suffering – natural force of a liver as these two forces if necessary show advantage of bravery, like fire which jumps out

from a stone and a steel is operating, and the one who dares to seize it, burns. It was established, that if heart is strong, and the liver is weak, their owner in the beginning of the battle is not brave and strong, but if the liver is strong, their owner in the beginning of the battle is careless and weak, and in the end – dared and brave. A bravery measure have established force of the digestion occurring by means of a stomach and a liver. It is said that, just as weakness of this force does a life colourless and unpleasant, weakness of force and bravery also does a life colourless and unpleasant as such person is always cowardly and runs from everything. A bravery symbol have expressed in the form of a strong animal, with a head similar to a head of a lion, gnawing iron, the feet similar to feet of an elephant, splitting up a stone, and a tail similar to a head of a firedrake. It is said that the brave person should be similar in the battle to a lion due to his bravery and impact, in the middle of battle – as an elephant on the patience, pressure and impressiveness, and at the end of battle – as a dragon on the anger, patience to suffering and bitterness. We have mentioned types of bravery the tool of which is the sword.

Here are fourteen grades of swords: the first – *yamani*, the second – *hindi*, the third – *kali*, the fourth – *sulaimoni*, the fifth – *nasibi*, the sixth – *marrikhi*, the seventh – *salmani*, the eighth – *mujallad*, the ninth – *bahri*, the tenth – *dimishaki*, the eleventh – *misri*, the twelfth – *khanifi*, the thirteenth – *narmakhan*, the fourteenth – *karpdzhur*. It is a lot of these grades, if we will mention everything, it will be too verbose. *Yamani* – such grade of the sword, the body of it is smooth from all directions and greenish the basis is redish, and closer to the end it has white signs one after another, similar to silver. It's name is young crow. Other sort – is with notches. Swords with notches – four grades: the first – at which notches are superficial, and the body sparkles and is poured, as ant legs. Another – at which notches deep, its body is similar to pearls. Its name is pearl. One more – at which notches are crossed under a right angle, its body sometimes seems slanting. The fourth – simple one, with a small number of small notches, its length is equal to three spans and

four fingers, and width – to four fingers, the body is blackish. Its name is garden sword. The sword *yamani* happens simple, its length is three and a half span, width – four fingers and weight two and a half man or three man without ten stirs. There is such structure for swords which was made by Aristotle for Alexander swords Alexander. We mention because tale about it is surprising. Aristotle has ordered to take one part of the magnesia, one part of a coral and one part jar-bronze, rub all it very small, mix all it together, then to bring one man soft iron and consistently mix with it and from this mix extract twelve yukiya, to put in fire and hold, untill its fuse will not begin to flow in to tigla, then take one part ruts, one part of the ink nutlets, one part of the oak acorns, one part of nacre and all of it, – shipan target, rub and mix all of it. From this mix to add two *yakiya* to every man gland and inflate [fire] while all will not incorporate and iron will not dissolve this mix. Then to cool it and make of this the structure of swords. Then swords will be very pure. In «Book Bahram about the weapon» it is said, that if take out a sword from a sheath and it groans, it is a bloodshed sign if the sword itself is taken out from sheath, it is a war sign, if the bared sword to put near the seven-day child, the child will grow brave.

ABOUT AN ARROW AND AN BOW AND WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT THEM

The arrow and bow – the necessary weapon, which use specifies in good education. The prophet, peace on him, specified: «Learn your sons to shoot and float». The first person who has made a bow and an arrow, was Kayumars. His bow was wooden, without bones, from one piece and are similar to the tool of cotton gin. His arrow was from a trihedral reed with a bone tip. Then during Manuchehr reign when came to Arash Wakhadan he has made bow of five parts from a tree and a reed, having fastened these five parts to the fish glue, tips of its arrows were from iron. When the turn of shooting has reached to Bahram Gur, Bahram has made bow of a bone, and the arrow tetrahedral and was wrapped up by bow tip. The bow form took under the form of

parts of the sky because scientists named parts of a heavenly circle arches, i.e. bow. The Straight lines connecting one end of each arch with other end, name chords, i.e. bowstrings, and a line. Leaving the centre of a heavenly circle and passing through the arch middle on its width, named an arrow. It is said that any good and harm coming on the earth under the influence of stars and on predetermination and a will of the supreme creator and sent to any person, passes through these chords and arches just as in hands of the marksman each disaster of its game gets to it from an arrow which are passing through a bowstring and an bows. On the one hand, the bows are similar to the person as in it there are veins, nerves, bones, a skin and meat, and its bowstring is soul as its life depends on it for the bows live until it has a bowstring, by means of soul which finds at the talented person. Really, when you look, you will see, that the bows are similar to a breast and hands of the person. When he pulls a bowstring one hand, the back party of a hand is bent, the breast is similar to bows as handle, and the forearm and a shoulder are similar to a bend of bows, a brush of hands – as two corners of bows. Weight of the highest bows is six hundred men. Its name is *Kushkandzhir*. It is intended against fortresses. Weight of the lowest – one man. It is made for small children. Bows from two hundred fifty to four hundred man are obsidional cars, from two hundred fifty to hundred man – semicars, from hundred to sixty man – high bows. As to force of each bows it can be more or less and the sky is measured by the same degrees, Each degree – sixty minutes, considering from two knots in a corner of bows to a place of a tension of a bowstring, then rising doubling to sixteen, and each bend shares on three parts. The handle is considered for the centre as it is motionless, and corners and bows bends are considered on it. Thus, in this part falling from a corner, force twice more than in a corner, its numbers fourteen and sixteen, i.e. Thirty is one half, and another – too thirty, together sixty. It has divided two bends of bows into six parts because the bow figure is similar to a semicircle, and the sky semicircle also is divided on to six constellation. The kinds of bows named obsidional cars, three: high, low and average; they have also three kinds of arrows: long, short and average. Long –

in fifteen fists, averages – in ten fists, short – in eight and a half fists. To say about that, how many arrows are necessary for each bows, will be too verbose. We do not aspire here to verbosity. Our intentions consist in an explanation of advantages of an arrow and bows and why kings of Iran wished these things on Nawruz.

By means of an astrology science assert, that owning bows if they are arrows and are engaged the most part of the time in the shooting weapon, is not needed any other. The victory of each army depends on the weapon – arrows, and the arrows owning this weapon, win. The argument in favour of it is that, the destiny of this weapon is in constellation of the Sagittarius, and the nature of the Sagittarius the fiery. The big happiness is the house of Jupiter – a triangle in constellation of the Aries, the constellation of the Lion is the Sun house, and advantages of constellation of the Sagittarius considered the home of Mars.

From the point of view of medicine the knowledge of an arrow and bow brings clear advantage in several relations: with them it is possible to make physical exercises, they do strong nerves and members, soften joints and do their obedient, aggravate memory, strengthen heart, protect from blow, paralysis and a shiver.

The story. Sam Nariman have asked: «You the victorious leader, what is the ornament of fight?» He has answered: «Light of the shah, knowledge of the clever commander and the talented fighter who have an armour and at war with bows».

The story. It is said that once Bahram Gur in the presence of Numan Munzir, the tutor, has shot two arrows from one bows and has brought down from the sky these two arrows of two birds. Numan has told: «O, my son, from creation of the world till our time there was no such marksman as you, and will not be while there is a world».

The story. It is said that once a wise man gave advice to the son and has told: «O my son, love a horse and appreciate bows,

but do not happen without fortifications and without a lock». That has asked: «O my father, I know a horse and an bows but what means» walls «and» a lock «?» The Father answered: «Walls «is a knight, and» lock «are an armour», that means that is not to be without an armour while it is possible».

The story. Sayf Zuyazan tells, that when Nushervan has sent Iranian warlord to shoot in Abbrahu sabboh, he punished him from a camel and then has said: «Come here, brothers. Look on direct and curve, sending wind, and on flying dead, taking away, sail, It is a bow and an arrow. Respect them because they are wise men of the weapon, struggle at war close, and kill in the distance».

The story. It is said that once Nushervan has asked Babak Ariz: «Who from militant people is more known?» He has answered: «Owning bows and arrow». Nushervan was surprised and demanded to explain the menaning of it, and asking what kind should be these people. Babak Ariz has answered: «They should be such, that all their body – the heart, all their heart – a hand, all their land – bows, and all their bows – an arrow, and all their arrow gets to heart of the enemy». Nushervan has asked: «How is necessary to understand the sense of it?» Babak Ariz answered: «It is necessary to understand so, that they should have strong heart, as their hand, their veins equal and strong, as bows, both an arrow direct and equal as a bowstring and if will be so, they will see a place of the arrow in heart of the enemy». It is said about the value of bows and an arrow.

ABOUT A FEATHER AND ITS PROPERTY ALSO WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

Scientists named a feather an ornament of a kingdom and the message of heart. The word without a feather is similar to soul without a body and when it contacts a feather, it incorporates to a body and remains for ever. It is similar to fire which

is jumping out from siliacum and steels and without effort not lighting up and not becoming the fixture from which receive light. Caliph Mamun said: «Yes, let Allah bless a feather. How the head the country without a feather can operate? It serves to will, not aspiring to compensation and payment. It speaks, walking on the earth. Its whiteness saddens, and its blackness shines». The first person using the letter, was Takhmuras. The person owning advantage of speech, but not owning advantage of the letter, is imperfect and similar to half of person as advantage of the letter is the big advantage, and no advantage is equal to it, it raises the person from degree of the person to degree of an angel, and a devil from degree of a devil to degree of the person. The letter raises the person from a low step to high step, such, that it is called as the scientist, the Imam, the lawyer of Islam and the secretary just as people with advantage of speech differ from other animals and become their supervisor. The religion of the god, – great its memory, – the country is established also put in order by the king by means of a feather. Despite the fact that some people consider, that the elect, – let peace be upon him, – were illiterate, and consider it as his miracle and that the force of his miracle depends on it, he is stronger than all writers who have proved in the letter, – he both learnt, and did. Some of scientists consider, that it was the expert in all sciences. Thus, he was not the beginner in knowledge of the letter. But supreme Izad has told him: do not write yourself ordered him to dictate all letters which supreme Izad sent him from the sky, and also all suggestions are kept by means of a feather. Have made it with his help and have accepted. Customs of a kingdom, laws and rules in areas keep also with his help put in order. Advantage of the letter has decorated a hand with an ornament of a ring and the stamp as king of Ajam have seen, that the sword has grasped the country and has established board support, and the feather has disposed of a kingdom and has kept laws of board and that both these actions occur from talent of a hand. The basic feelings are five: Hearing, sight, sense of smell, taste, touch – and a site of all of these of five which are similar to soul in a body, – in the head.

Therefore they have made a crown and have put on his head, made earrings and have passed them in ears, have made bracelets and have put on them on the hand, have made a ring and have put on it in a finger, saying, that the sword operates with advantage and force of a hand, therefore it needs advantage of a bracelet, and the feather moves force and talent of a finger, therefore is given glory of a ring, and when he writes the letter and draws secret, put the seal that it has been removed from eyes of traitors and unworthy. They have ordered to curtail strongly the letter, and then to seal and cover the stamp with a cover that it was a sign on the letter of the stamp of this world as the person is the letter of the stamp of this world, according to the mentioned verses of the creator of the sky and the earth, written and fastened by the nature cord, sealed by the press of a ring of soul and being the privilege of the mind concluded in a head. Scientists defined a feather as the tool which is modest and is easy, but the written by it is worthy and is valuable, just as a honey bee and a silkworm which are by the form modest, but give to king valuable and rare things in which is lot of advantage. The mentioned tool have established three kinds: one of them – absolutely slanting, and the handwriting [letters], written by it, is called as silver, another – a straight line, and handwriting is called as gold, and the third – between absolutely slanting and direct, written its name is pearl. It is necessary, that handwriting met four requirements: first, handwriting should be defined in the sizes, secondly, it should have the established form, thirdly, it should be beautiful and fluent, that depends on a sharpness of a feather and from dexterity of a hand of the writing. [Fourthly], it is necessary to observe harmony by the letter: it is not necessary to write *ra`*, as *nun*, and *nun*, as *ra`*. Eyes *vav*, *kaf* and *fa`* whenever possible should not differ from each other, to be one size, not narrow and not wide. An extent of *nun*, *kaf* and *sad* and the length of *lam* and *alif* should be equal. At observance of this rule even if handwriting is bad, it seems good, smooth, equal and legible, and scientists said, that it is the best than handwritings of Got which is legible. For good handwriting three good things and if one of these

three things is not good, despite the fact that what is written – the master are necessary, handwriting will not be good. The first is the feather, the second – ink, the third – a paper. If someone trained in writing at the calligrapher then words and letter never lose the position, as rules about quantity of letters and words are embodied in heart and when he likes to write something, it directs a hand by means of heart and consequently handwriting is that what you have learnt, then letters or words seldom happen bad. Good handwriting is similar to full face and a perfect body which name is beautiful, and the bad letter is similar to the ugly person and the dissonant body, which members are not suitable one to another.

The story. In this sense about advantage of a feather. I read among legends of predecessors that one emir have sent the ambassador to the master of the Fars with the bared sword, saying: «Bring this sword to the master, put before it and do not speak anything». The ambassador came and made so. When he put a sword, without a word, the master has ordered vezir to answer him, and vezir opened the case cover, has thrown one feather in a direction to it, saying: «Here the answer». The ambassador was the clever person and knew, what to answer: «Influence of a feather on correctness and the country disorder is very great. It is necessary to appreciate entrusted, possessing a feather».

The story. Fakhr-ud-Daula, brother of Panna Khusraw, ran to Nisahapur. Sahib sharply reproached him with on his letters, naming him not obeying. He wrote Sahib: «At you a sword, and at me a feather. We will look, which one from them is stronger». Sahib in return answer wrote: «The sword is stronger, but a feather is higher. Look, which one is more worthy». Fakhr-ud-Daula has shown this letter to Shams-ul-Maali. Kabus Vushmgir has put on this letter: «Who cleared, is dangerous, and who denied and disagreed, has despaired».

The story. I heard, that in Iran there was a King whose custom was: when he was at war, he had the part of an army well

organised and well supplied, dressed in a black dress. While fight became fierce, this part of an army ordered to leave forward all army and to continue fight. It happens, that from Turkestan the big army, about fifty thousand persons has come, and it was close to war. This king has proudly sat with several confidants. He wanted to postpone fight for the other day. He has demanded a case and a feather and wrote on a piece of paper: «Tell, that the part of an army dressed in black, should come back», and has sent it to his vezir. Vezir has read, but it was not pleasant to him. It took a case from his morocco boot and has added one point under a word *siyah* (black) and it has turned out *siyah-daran*, then added one *nun* to a word *gardand* and turned it out to *nagardand*, and has sent to military base. In the army they read the letter, were rushed forth and have broken the Turkestani army. Therefore in the book «Biography of kings» it is written, that by one point of a feather it is broken fifty thousand sabres.

In Iraq is available twelve kinds of feathers, each of which has the length, the size and the form. Calligraphers name each of them, by name of known people: one *mukli* by name *Ibni Mukla*, another *mukhalkhili* – by name of Ibn Mukhalkhil, the third *mukaffai* – by name of Ibni Mukaffa, the fourth *mukhallibi*, the fifth *mikhrani*, the sixth *'amidi*, the seventh *bulfazli* the eighth *ismaili*, the ninth *saidi*, the tenth *shamsi*. Each of them has the length, the size and the form which description would be too verbose. We will describe one of them – a feather *shamsi*. This feather is named by name of Shams-ul-Maali. It made from a bamboo from Baghdad or Egyptian. Shams-ul-Maali has told, that it is necessary for secretaries of divan a strong cane as they drive a feather with a scratch. Their writing is magnificent. He has told also, that the feather of kings should be such that at writing they did not suffer, pressing the fingers as the kings should not take a paper on knees and to sit down for a writing, as secretaries. They should sit down around and hold a paper on weight, and the length of their feather should be three fists: two fists to the middle and one fist – a feather head. That is in order to write, it is necessary to write much.

ABOUT A HORSE AND ITS ADVANTAGES AND WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

It is said that among four-footed animals there is no better than horse for it is a king of all grazed four-footed. The prophet, – peace over him! – has told: «The Blessing is written on foreheads of horses». Persians named a horse windbody, rumi, windleged, Turks – walking and making happy, Indians – a flying throne, Arabs – Burak on the earth. It is said that an angel bearing orbit of the Sun, looks like a horse named *alus*. The big people speak much about horse. It is said that, when have brought a horse, to Sulaiman – peace over him, he has told: «I thank the supreme Allah that he has forced to obey me two winds: one – animated, another – inanimate. By means of one I go by the earth, and by means of another – by air». Afridun have been asked: «O, king! Why you do not exploit?» He has answered. «I am afraid, that I can not thank Yazdan as it is necessary». Kaikhusraw said: «My Kingdom does not have more expensive, than horse».

The story. Khusraw Parviz have got a horse Shabdiz for the purpose to sit on him. He said: «If Yazdan had the slave better than the person he would not give us the world and if four-footed, it would not be better than a horse it would not make a horse our Supreme animal». Then he added: «The King is the leader of people, and a horse – the leader of four-footed». The blest and supreme Allah said: «I have created a horse on my similarity». Afrasiyab said: «the Horse for the king, as month for the sky». The known people said, that it is necessary to appreciate a horse because the one who humiliates a horse, himself is humiliated in hands of the enemy. Caliph Mamun says: «As the horse, is the current sky and coming throne». The religious master Ali ibn Abi Talib, – let Allah will be happy with him! – said: «The Allah has created a horse that with its help to ennoble the person and to humiliate a devil». Abdallah Ibn Tahir said: «To sit down astride a horse for me is better, than to mount upon a sky neck». Numan Munzir says: «The horse is a rampart of

night people and if there was no horse, the name of men of courage would be not necessary for military people». Nasr Ibn Sayiar says: «The horse is a throne of war and colour of its weapon». Mukhallab ibn Sufr says: «The horse is the cloud of war spilling a bloody rain at shine of a sword». We will mention some names [breeds] of the horses given by Persians, and also that is known by experience about properties of horses, their defects and advantages and good signs, [connected with them].

NAMES OF HORSES IN PERSIAN LANGUAGE

Alus, *charma*, *surkh-charma*, *tazi-charma*, *khing*, *bad-khing*, *magas-khing*, *sabz-khing*, *pisa-kumait*, *kumait*, *shabdiz*, *khurshed*, *gur-surkh*, *zard-rakhsh*, *siyah-rakhsh*, *khurma-gun*, *chashina*, *shulak*, *pisa*, *abr-gun*, *khak-ran*, *diza*, *bikh-gun*, *May-gun*, *bad-rui* (?), *gul-gun*, *arghavan*, *bakhar*, *gun*, *ab-gun*, *nil-gun*, *abr-kas* (?), *naubar*, *sapid-zarda*, *bur-sar*, *banafshe-gun*, *adbass* (?), *zag-chashm*, *sabz-pust* (?), *sim-gun*, *ablak*, *sapid*, *samand*.

As to *alus* it is a horse they say, that it rushes on the sky, that it is very sharp-sighted and hears knock of horse hoofs at a great distance. It is very patient, but cannot suffer cold climate. To have such horse – happiness, but [it] is very gentle. *Чарма* – is very prompt and sharp-sighted. *Siyah-charma* [brings] happiness. *Kumait* – keeps sufferings. *Shabdiz* – brings happiness and blessing. *Khurshed* – is slow and [brings] happiness. *Samand* – is active and patient. *Pisa* – is affable and loves the owner. *Sapid-zarda* approaches for riding of kings. *Pisa-kumait* – is painful and ill-natured.

Horses have freakish colours which very seldom meet. Aristotle in the book about animals mentions about it. It is said that the horse of colour of birds (?), in particular white, better also is more worthy for [attention]. Its owner on war always will be the winner. Such horse approaches for riding of the king. *Sarda* has grey eyes, its colour, as amber, colour of his eyes – yellowish. A horse with white or yellow apples as eagle *khing*, or red *khing* with white feet or a horse of colour *kumait*, with a white muzzle

and white feet – all these kinds are happy and favorable. The horse of colour of a pheasant, or a horse with the big apples on a muzzle does not fit kings. As to happy signs on horses one of them is called on-persian *gard* (?). It is happy and favorable. The horse with a yellow or red wool does not endure a cold. The prophet, – peace over him! – has told, that most high-speed horses are *ashkar*. The Amiralmu'minin Ali, – yes the Allah will be happy with him! – has told, that the most brave horse is *kumait* the most fearless – black, the strongest and orderly – *khing*, the most talented – *samand*. Among king's horses is the best horse which has foot, stomach, tail and eyes – all black. It is mentioned, as it is necessary in the book. During previous times no nation knew horses, their advantages and defects, better than Persians because at that time they owned the world and everywhere where Arab and Persian had a kind horse, had led to them. Today no nation know it better Turks because they day and night are engaged with the horse and consequently they own the world.

ABOUT THE FALCON, ITS ADVANTAGES AND WHAT IS NECESSARY TO [KNOW] ABOUT IT

The **falcon** is the friend to the hunting shelter of kings. They have fun with it and love it. Customs of the falcon are similar the customs of King the magnificence and cleanliness. Predecessors said, that the falcon – the king of carnivores, is amethyst king of herbivores – is horse, the king of minerals – is amethyst, the king of metals is gold. Therefore the falcon is more similar to kings, than the other people. The falcon is such grandeur what is not present at other birds. The eagle more than it, but has no such grandeur, as falcon. Kings consider as a good sign watching it. When the falcon sits down at once on a hand and look at the face of king, it means, that he will seize new area and if on the contrary – will be on the contrary. When during a raising it inclines a head, and then lifts it, it means, that in kingdom affairs there will be a deterioration and when it rises... or will catch game and return back with shout, it means army indignation. If

during a raising will not catch game (?), it means damage occurrence. If he looks the right eye at the sky, kingdom affairs will raise. If it looks long with the left eye, there will be a damage. If he looks long time to the sky, it means a victory and triumph. If he long looks long time to the earth, it means employment. When the falcon fights in a shelter with other falcon, there is a new enmity.

ABOUT A CHOICE OF THE FALCON

It has many kinds, but the best one is whitish, yellowish, reddish or absolutely yellow. The more greedy on hunting is whitish, but is painful and ill-natured. Yellow – is most greedy after whitish and is more healthy. Reddish is more healthy, than these two, but it is ill-natured. Its body more than their [bodies]. I heard from one falcon owner, living presently, that nobody knew falcon better, than Mahanmah Vushmgir as he hunts twelve months in a year. Ali Kamakh previous commander also well knew it, but all unanimously asserted, that nobody knew better than Mahanmah. He has a whale on mountain language under the name «Falcon». This is big composition. He told, that all animals of one colour are better then motley and mixed colour, but the falcon is necessary to choose so that its muscles were rigid, round and are dense, and its body is proportional. For example, the head should be short and small, a forehead and eyes big, a crow wide, a breast wide and bent, a tail and hips thick, muscles of hips rigid, shins thick, round, short, paws good, fingers strong, claws black, feet green. Each falcon with such property usually whitish, entirely yellow but entirely red meets very rare. It costs very expensively.

The story. It is said that Makhan was the great king, wise and perfect. Once he saw his falcon owner drank water, holding the falcon on his hand. He has ordered to give it hundred sticks, speaking: «Surprising business! The falcon is a kings of birds, the loveliest and valuable in the hand of kings. How could happen, that you have made such impoliteness? Valued of kings on

your hand, and you drink water or something else» Falcon owner said: «Let the Allah will prolong your life, but if I am thirsty and I keep falcon in my hand and if it was necessary what to do?». He answered: «Give to another, capable to this business. He will hold the falcon, and you drink water or something else, what is necessary for you».

The story. I heard, that Abu Abdulla Khatib was the tutor of emir Abu-l-Abbas, brother of Fakhr-ud-Daula. He has sat down at a window, and emir Abu-l-Abbas who was the boy, was below before him. One servant held on a hand the falcon. Abu-l-Abbas has demanded this falcon and has planted it on his hand and at the same time has spat. When it was returned to Abdullah Khatib, that he reproached him, having frowned, and said: «If you were not small and would not study politeness, I would show you today, that about it would start talking». Then he said: «Surprising case! You the king and the prince, and valued kings on your hand you have made such impoliteness». Saying that he took sandal and some times struck on the neck of the servant saying: «In this way you bring up prince, that they show impoliteness, hold the falcon on hand and spat?»

WORD ABOUT ADVANTAGE OF WINE

Scientific physicians Galen, Socrat and Hippocrat, Abu Ali Sina, Muhammad Zakariya, [Bakhtishu and Sabit Kurra] said, that for an organism of people there is nothing more useful, than wine, in particular grape wine, bitter and filtered. It carries away a grief, amuses heart, makes look fat, promotes digestion of dense food, rumniyat cheeks, freshens and bleaches a skin, aggravates memory, avaricious does generous, coward person does brave and reduces illnesses. Drinking wine is usually healthy, as fevers and illnesses are generated by viscous and vicious juice and the one who drinks a lot of wine, seldom meet. During a diarrhoeia it does not give bad juice to gather in a stomach. Some perspicacious name wine a touchstone of the courageous person. Some persons also are critic of the reason, some – a criterion of

the knowledge some – criterion of talent. The big people named wine washing off a grief, and some – amusing a grief. Who will drink five bowls of pure wine, shows kind and malicious, and all his essence. It does unfamiliar – the friend and multiplies friendship, at the same time it sets friends together. Wine is very pleasant; sweet, and sour, that it is impossible to eat all over saturation and if eat it more, it becomes opposite to a human nature, but wine as much you drink, only you want more. The person is not sated with it, and it is not opposite to a human nature, because it is a king of drinks. In paradise there is a lot of blessings, but wine the best blessing of paradise and if was not so, Izad would not take it to itself in spite of the fact that the blessings of both worlds are subordinated to its power. Just as in the wise book he mentioned: «Their mister gave to drink their pure wine», in other place he speaks: «It is useful for people, but its sin more than its advantage». In it a lot of advantage for people, but its sin more than its advantage. Wine is necessary to drink so that its taste was more than sin not to suffer, exercise it leads up the soul before, that from the beginning of drink of wine up to the end from it there is no harm and roughness neither in words, nor in acts, but only kindness and fun. When reached this step, he should drink wine. Wine has a lot of advantages. Now we will mention in detail advantage and harm of wine and about elimination of its harm according to words of doctor Galen, Muhammad Ibn Zakariya Razi, Abu Ali Sina and [other] great physicians.

Advantage of exciting wine: it promotes digestion of food and raises the basic temperature, i.e. natural temperature. It strengthens a body and clears it by means of urine, sweat and steam. **Its harm:** for children who are with very ardent temperament, it is not necessary. **Elimination of its harm:** if people with ardent temperament require this drink, it is necessary to mix it with water and pink water then it is harmless. It is more than anything.

Advantage of liquid white wine: it demands not enough food and suits to people with ardent temperament. It gradually eliminates bile by means of urine. **Its harm:** it fills with gas a

stomach for those who has a black bile, and hurts in joints. **Elimination of its harm:** the use white soup, snack and a dried shish kebab. Then [it] is harmless and it is useful.

Advantage of liquid muddy wine. If it is good, then is most suitable of wines and it is necessary to people with moderate temperament. **Its harm:** it is harmful to people with ardent temperament. **Elimination of its harm:** to mix with water and pink water and to drink, washing down with pomegranate juice. Then it is harmless.

Advantage of bitter muddy wine: it eliminates gases, a phlegm and a pain in a stomach. It is useful at pains in a stomach. [**Its harm:** it is harmful to people with ardent temperament, at a headache and a liver inflammation]. **Elimination of its harm:** it is necessary to drink it, having mixed with water, and sour food and snack from sour fruit. Then it is harmless.

Advantage of basil: it strengthens heart and a stomach and eliminates gases, it is useful at the fevers occurring from illnesses. **Its harm:** it hurts eyes and a headache, quickly rushes to the head. **Elimination of its harm:** probably by means of camphor, pink water and violets and snack from sour fruit.

Advantage of young wine: it adds blood in a body and fills veins, its steams rush to the head. **Its harm:** for people with the big dampness it is unusable – at them a lot of gas, their bodies are filled by a liquid. **Elimination of its harm:** it is necessary to eat dried roast with seasoning and snack from dried fruit.

[**Advantage of old wine**] it is good for people with a phlegm and gases. It approaches for treatment of a stomach and an ardent liver and it is necessary to the one who suffers the ferry. **Its harm:** it is harmful to gaunt, thin and sickly people. **Elimination of its harm:** to mix with water, is a barley soup. The cold food and fresh fruit – are harmful.

[**Advantage of pure wine:** favorably for a stomach destroys gases in a stomach, facilitates a headache and illness of eyes. **Its harm:** action of this wine rushes to the head. **Elimination of its harm:** use it as much as the body requires.

The mixed and filtered wine: it is good for this purpose who has become tipsy or suffers a headache, and it is necessary to

people with ardent temperament. **Its harm:** it raises gases in a stomach, hurts in joints and cools a stomach and a liver. **Elimination of its harm:** it is possible to make a broth, fried meat, snack with seasoning and snack from dried fruit.

Sourish wine: it is necessary to those people who have large of stomach and liver. **Its harm:** it eliminates desire of rapprochement and weakens fat. **Elimination of its harm:** by means of pure, white soup, halvah and sweets, – then it is harmless.

The wine processed by the sun, – the most pleasant and the most digested from wines. **Its harm:** it quickly spoil the blood. **Elimination of its harm:** by means of acetic soup with a barberry, garnet soup, snack from a rhubarb and a pomegranate; let also drink an actic-honey syrup then [it] is harmless.

Wine from maviz. If to filter, it is similar to the mixed wine. It is closer to dry and it is necessary to ardent temperament. **Its harm:** if it is muddy, it is similar to black wine, badly is digested, raises black bile and gases in a stomach, inflates a stomach and corks channels in a liver. **Elimination of its harm:** by means of an acid-honey syrup, cikor water and grains of a cucumber or cucumbers with watermelon.

Wine from a persimmon. It makes look fat and adds a lot of blood, in particular if is fresh. **Its harm:** it densely and badly is digested, corks channels of a liver and raises black bile. **Elimination of its harm:** garnet wine and an acetic – honey syrup, and also the medicines eliminating black bile is used.

It is enough. Now we will find out, how they knew about it, whence there were grapes and how they knew about wine.

The story about wine occurrence. It is written, in the history that in Herat there was a powerful king possessing many treasures and riches and an uncountable army. All Khurasan was under his power. He was from Jamshid kin and called Shamiran. Shamiran's fortress in Herat, remained till now, is constructed by him. He had the son, by name Badam, very brave, courageous and strong. At that time there was no such marksman, as he was. Once king Shamiran has sat down at a window and all grandees faced to it, and his son Badam was [near to the father].

Suddenly has appeared phoenix, with shout has fallen opposite to a throne and fall on the earth. King Shamiran looked at it and saw, that a round the neck of a phoenix is the snake twisted and intended to sting the phoenix. King Shamiran said: «O people-lions! Who can rescue this phoenix from a snake, having struck it by one arrow?» – «O, king, this is the business of your slave», – said Badom. He shot so, that has sewn a head of a snake to the earth, not having caused any harm to a phoenix. The phoenix has been rescued, and, having done some flying some time, has disappeared. Next year this very day king Shamiran with grantees sat at the window. The same phoenix has appeared again and, having done some flying over their heads, has fallen on the earth in that place where the snake has been shot. It has left something from a beak on the earth and, having shouted some times, has departed. The king, saw this phoenix and said to the people: «It is the same phoenix which we have rescued from a snake. This year it came back to remunerate, and has brought us a gift as it strikes a beak about the earth. Go and look, what you find bring». Two-three persons have gone and have seen only two-three grains which have been put there. They took them and have brought to a track of king Shamiran. The king has looked and saw firm grains. He called scientific and perspicacious people and showed them these grains, speaking: «These grains to us were brought by a phoenix as a gift. What do you see in it and what we should do with these grains?» All have unanimously told, that it should be sown and, well protecting till the end of a year, to look, that will turn out. Then the king has given grains to the gardener, saying: «Sow in one corner and make a fence round it that there could not enter four-footed, and also protect from birds, and all time show me its condition». The gardener did so. There was a month of Nawruz. Some time have passed. The small branch has grown from these grains. The gardener told about it to the king. The king with grantees and scientists came to a bush. Everyone: «We never saw such branch and leaves». Then they have returned. Some time later branches became more, leaves became wide and on a bush many clusters similar to hung. The gardener has come to the king and told, that

no tree in a garden exists more cheerful. The king for the second time with scientists came to see this tree. He saw, that the bush has turned to a tree, and there was clusters hung. He was surprised, saying, that it is necessary to wait, while all fruits of other trees ripen, and to look, what will be a fruit of this tree. When clusters have grown also berries have ripened, nobody dared to touch them. Then the autumn came and fruits – apples, pears, peaches pomegranates etc. – have ripened. The king again came to a garden. He saw the grape tree decorated, as the bride. Its clusters have grown, from green became black and shone, as agate, and berries were strewed from it one for another. All scientists have unanimously told, that it is the fruits of a tree and that it is a perfect tree; that berries have started to be strewed with clusters, means, that in their juice there is an advantage. It is necessary to squeeze out this juice, to pour in a tub and to look, that will turn out. But nobody has dared to put berries in a mouth. They were afraid of it, thinking, that it is poison and will kill them. In the same place in a garden they put a tub and, having squeezed out grapes juice, have filled with it a tub. The king has ordered to the gardener: «Inform me what you will see». Then they returned. When juice in a tub began to wander, the gardener has come and told to the king: «This juice boils, as water in a copper, without fire. It leaves (gas?)». The king said: «When it calm down, inform me». Once the gardener seen, that it became transparent and clear, shone as a red ruby, and has calmed down. Immediately he informed the king. The king with scientists came and being surprised of the transparency of its colour, says: «The purpose and advantage of this tree – in it. But we do not know, poison it or antidote». Then they have decided to result the murderer from prison, to allow drink one bowl and to look, what will turn out. They did so. They gave one bowl to this murderer. When he has drunk a little, he has frowned. He was asked: «Do you want another?» He said: «Yes». they gave him other bowl. He has started to have fun, sing, swing back, and magnificence of the king became in his eyes to light. He said: «Give me still a bowl, then do with me everything, you want, as people are born for death». He was given the third

bowl. He has drunk, it and his head has begun to spin, he has fallen asleep and till next day did not wake up. When he has woken up, he was brought to the king and asked him, what he has drunk yesterday and how is feel himself. He answered: «I did not know, what I drank, but it was very good. If I found it today three bowls of it! I have drunk the first bowl hardly as it of bitter taste but when it was already in my stomach, my nature has wanted another. When I have drunk the second bowl, to me such pleasure and fun have come, that the shame has left my eyes and forget about my grif. I thought, that there is no difference between me and the king, and has forgotten a world grief. When I have drunk the third bowl, I have fallen asleep very good dream». The king has forgiven him the sin made by him. All scientists have unanimously said, that there is no blessing better and more perfectly well, than wine as in any meal and in a fruit there is no such advantage and property as in fault. So king Shamiran has learnt to drink wine. He has established custom of a feast, and since then during wine drink played on rud and sang songs. That garden in which was grapes, has remained till now, and its name is Khirauza. It is at an input in a city. It is said that the grapes bush has extended worldwide from Hirat. In Hirat so many grapes, that no where in any city or district.

People counted more than hundred grades of grapes. The advantages of wine is enomous.

WORD ABOUT PROPERTIES OF A BEAUTIFUL FACE

Scientists consider a beautiful face as the big happiness and see it is a good sign. It is said that the happiness of good seeing has the same influence on a condition of people, as a happy combination of stars in the sky. It is like the clothes which were in a chest with aromas, giving the pleasant withered: it gives to people this smell without aromas. It is like a sun reflexion in water, an event with and without sun as the beauty of the person of people is a part of influence of the happy stars reaching people on command of supreme Izad. The beauty is eulogised in all

languages and is pleasant to any reason. In the world many good things, which amuse people and brings freshness in the nature, but nothing replace a beautiful face, because from a beautiful face such fun is born, that nothing can compared to it. It is said that the beautiful face is the happiness reason in this world. And if the beautiful face together with good character, happiness reaches extreme measures, then the person and on an exterior also is in essence good, it is loved by the god and people. The beautiful face possesses four properties. One of them – that it means day beholding it safe, another – that it does pleasant pleasure by a life, the third – that it does the person magnanimous and valorous, the fourth that it increases riches and high position. If the person has cheered up early in the morning thanks to a beautiful face, it specifies that its share is happy, and this day he sees only fun. When the person sits down near beautiful face, the life becomes for him cheerful, the grief disappears also its affairs go better. When the person sees someone with a beautiful face, feelings of courage and magnanimity are raised in it, even if it not courageous and low. When people see at whom a beautiful face, they look at him faithfully as it is the blessing in pleasure by a life. It is said that the beautiful face does the old man young, young does the child, and the child – an angel. The prophet, – peace over him! – has said: «Demand everything, that it is necessary for you, at beautiful person». Everyone defines for himself a beautiful face and entitles it. Some people name its area of the love, some fun steppe, a sociability garden, an ornament of creation and paradise sign. As to scientists and philosophers they say, that it is the proof of divine creation and desire to study a science. It is after the creator shows kindness of its essence. Naturalists say, that all things have an addition, reduction and balance and a uniform order is caused by balance so, that if you look, the person in whom all in balance, is better under the form; this world is established only by balance, it prospers thanks to it. Supporters of the doctrine about resettlement soul say, that the person is an honourable dressing gown of the creator, a sign on its rewarding for cleanliness and the virtues made by its slave in a former life. The creator by his

advice grants it a beautiful face. As to possessing knowledge they say, that the person is the reflexion of a candle shining a candle. Some say, that it is laurels of a head and the rain of mercy freshening garden of knowledge and forcing to be dismissed a tree of an old age. Some say, that it is the sign on true showing to researchers the truth that by means of this truth they have returned to true. About a beautiful face it is told much; if we mention everything, will be too verbose. We will tell the story about Abdullah Tahiri.

The story. It is said that Abdallah Tahir has put in prison one of chiefs of the army. It continued to remain dissatisfied with it, despite the fact that many people asked for him. The case reached the scale that all people have despaired of this case. This military leader had one eloquent slave. She has written the petition, and that day when Abdallah Tahir has begun court, this slave has put on a coverlet, came to him and handed over him the petition, saying: «O Emir, forgive me, because who will find, gives, and those who can – forgives». Abdallah said: «O, the slave! The sin of your owner is more than hope of its pardon». The slave said: «O, Emir, my defender before you. It is more than to be afraid of his refutation». He said: «What is your incontestable defender?» Then the slave lifted with her the coverlet and has shown his face saying: «Here my defender!» When Abdullah saw the face of the slave, he smiled and said: «As your defender is great, you have brought, the same request which you have!» Having told it, he has ordered to let out the military leader, gave her dressing gown, treated him with treasures. It is mentioned that you knew, how many advantage at a beauty and what respect for it.

The story. It is said that once sultan Mahmud went to show and has returned from a field to a city. At that time he was still the emir and his father was alive. When he has reached the city gate, among spectators saw the boy in the dirty clothes, approximately twelve years which had a very beautiful face, fresh and fine, – perfect creation with harmonious body. He pulled for

an occasion, said: «Bring this boy to me». When they brought him, he said: «O, boy! Who are you, who is your father?» He answered: «I do not have father, but my mother lives in such place». Sultan Mahmud asked: «What do you do?» The boy answered: «I learn by heart the Koran». The sultan has ordered to bring this boy into a palace. When sultan came, he has called the boy, asked him about all and ordered him to make some affairs. The boy appeared very quick and clever, and good luck has helped him. Sultan ordered to bring his mother, and said her: «I have accepted your boy as son, and I will bring him up. Do not worry about it». Then he ordered to award him, to dress the boy in silk clothes and to plant it to tutors that to teach him letter, knowledge, weapon and riding, and told the boy: «Every day in the morning when I did not begin my reception, you should appear before me». The boy came every morning to him, and sultan, leaving the room, saw his face. The purpose of sultan consisted in checking of his salutariness watching. It has appeared very salutary. Leaving a room, he looked at him and reached his purpose this very day. He has improved clothes of this boy so its beauty has increased in hundred times. The sultan approached every day to himself, and that had an advantage. The sultan granted him favour and riches, increased trust to him and caressed him. The blessing and magnificence of this boy were multiplied. The sultan loved him, that could not suffer one hour without him. The boy reached eighteen years, and his beauty was decupled. The sultan managed to gain a lot of in affairs thanking the blest of watching this boy. He has won some areas of India, and also some cities of Khorasan, and became the sultan. Once this boy for some reason was late, and sultan without him has become bored and when he came, he told him in anger and irritation: «Ah you! You recognise yourself? You know, where I took you, and where have erected, and how many favour and riches you have? How have you dared not to be one hour near me?». When the sultan has become silent, the boy said: «And now let the sultan will listen. How he speaks it is true. He took me from the dust and has erected me to the sky. I was low, now thanks to the mister I have more than five hundred thou-

sand dinars, not including sets of manors, cattle, slaves and free servants. The king granted me such advantage and magnificence, that thanks to the mister nobody's degree not above my degree. But it is necessary to tell, that these advantages, rendered by him to me, these riches granted by him to me, and this degree which has been handed over by him to me, should not serve as a reproach to me. It. Should be a reproach to his heart as it is adhered to me by heart in two senses: first, because to contemplate me for him a good sign, and secondly, that I am a show, a garden and a flower bed of heart of the King. If the king decorates [that is it] a show, he should not reproach never thought I express to it the gratitude and prays». The king liked the answer of this boy surprisingly and has treated him kindly and has rendered him honour.

Wise and truthful people have told much about value of a beautiful face. It is all mentioned by us that you knew, to what degree advantage of this gift and the award of supreme Izad. How the great people valued beautiful face.

*This book is ended by a good sign – a beautiful face
should be blest both for the writer, and for the reader.*

*It is ended by the help of Allah and thanks to his fine
assistance. My God! end good, happiness and health.*

CONTENTS

E.Rahmon. Ancient and World Nauruz	199
A.Tursun. The culture of Navruz and un ideals	201
The beginning of Nawruz-name book	205
About customs of Kings of Iran	212
About arrival of Mobed of mobeds and declaration of Nawruz	215
Eulogy Mobed of mobeds according to its speech	215
About gold and what it is necessary to [know] about it	216
About signs of treasures	217
About a ring and that it is necessary to [know] about it	219
About sprouts of barley and what is necessary to [know] about them	222
About a sword what is necessary to [know] about it	224
About an arrow and an bow and what is necessary to [know] about them	226
About a feather and its property also what is necessary to [know] about it	229
About a horse and its advantages and what is necessary to [know] about it	234
Names of horses in persian language	235
About the falcon, its advantages and what is necessary to [know] about it	236
About a choice of the falcon	237
Word about advantage of wine	238
Word about properties of a beautiful face	244

Omar Khayam

NAWRUZ-NAME

Designer *Romish Sherali*
Technical editor *Gurez Safar*

Dispatched for typing on 10.02.2012.

Signes for printing on 17.02.2012.

Size 60x90 1/16. Registring printed page 22,0.

Copy count 1000.

“Adib” Publishing House
Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan
734018, Dushanbe. N.Karoboev st, 17a

Printed in JSC «R-Graph»

عمر خیام

نوروزنامه

رساله ای در منشأ و تاریخ و آداب جشن نوروز

دوشنبه، «ادیب» - ۲۰۱۲

نوروز باستانی و جهانی

فرهنگی، که برای بهبود روزگار انسان خدمت می‌کند، مال تمام بشر است. وی مثل آفتاب از دل و خرد ملت‌ی طلوع می‌کند، مرز و سرحد‌ها را می‌گذرد و به همه برابریا و حرارت به ارمغان می‌برد. زهی ملت‌ی، که چنین فرهنگ را با خون دل و نور دیده پرورش داده است!

هر بار که در باره جشن باستانی نوروز اندیشه می‌کنم، تمام هستیم را همین گونه احساس گرم افتخارآمیز فرا می‌گیرد. در کتاب «یادگار بزرگمهر»، که از زمان ساسانیان به ما میراث مانده است، چنین سخنان گرانبها ثبت گردیده‌اند: «آن که گذرانیدن زمان و نجات روان را بدان بهتر داند، فرهنگ به است.» وزیر دانای ساسانیان بزرگمهر «گذرانیدن زمان» گفته، تمام امکانات بهتر و گواراتر گردانیدن روزگار را در نظر دارد. در ضمن عبارت «نجات روان» تمام واسطه‌های از جهت روانی تربیه نمودن انسان را افاده کرده است. یعنی، فرهنگ به این است، که روزگار و حالت روانی ما را به گرداند. و نوروز باستانی نیاگان بزرگ ما محض چنین فرهنگ است. نوروز روز نو است، آغاز تغییر و تکمیل طبیعت جهان و انسانها، ابتدای نواندیشی و نوسازی و نوگیری، تازه و مبرا ساختن ظاهر و باطن و اندیشه و افکار می‌باشد.

گذشتگان ما طبق رسم و آیین و سنت‌های نوروزی به زمین دانه می‌پاشیدند، عمارت‌ها بنیاد می‌کردند، محیط را پاکیزه نگاه می‌داشتند عفو می‌کردند و آزادی می‌بخشیدند، انسان را ارج می‌گذاشتند، گذشتگان را به نیکی یاد می‌آوردند، دانایان و فاضلان را نوازش می‌کردند، حکمت می‌آفریدند و می‌آموختند و می‌اندوختند. در کتاب‌ها آمده است، که شاه جمشید، که بنیادگذار نوروز به حساب می‌رود، محض در همین جشن خودسازی و خودشناسی مردم را به کشف معدنها، ساختن آلتها، اعمار کردن عمارت‌ها و بزمگاه‌ها، آموختن فضل و دانش دعوت می‌کرده است.

مگر این همه فضیلت‌های نوروز، که نامبر شد، امروز نیز از آرزو و ارمان‌های بشری نیست؟ مگر هر یک خاندان سیاره ما نمی‌خواهد، که چنین جشنی داشته باشد؟

فهرست

یاد کردن شمشیر..... ۴۷	نوروز باستانی و جهانی..... ۳
یاد کردن تیر و کمان..... ۵۰	چون ابر به نوروز رخ لاله بشست..... ۵
یاد کردن قلم..... ۵۳	«نوروزنامه» خیام..... ۲۴
یاد کردن اسپ..... ۵۶	آغاز کتاب «نوروزنامه»..... ۲۹
نامهای اسپان..... ۵۸	اندر آیین پادشاهان عجم..... ۳۶
اندر ذکر باز..... ۵۹	آمدن موبد موبدان..... ۳۸
اندر گزیدن باز..... ۶۰	آفرین موبد موبدان..... ۳۹
گفتار اندر منفعت شراب..... ۶۱	اندر یاد کردن زر..... ۳۹
گفتار اندر خاصیت روی نیکو..... ۶۸	اندر علامت دفینه‌ها..... ۴۱
حواشی و ملاحظات ناشر..... ۷۲	یاد کردن انگشتی..... ۴۳
فرهنگ لغات «نوروزنامه»..... ۹۷	یاد کردن خویب..... ۴۵

تهیه معظم دلاوراف

محرر زیا عبد الله

عمر خیام، نوروزنامه. - دوشنبه، «ادیب»، ۲۰۱۲، ۳۵۲ ص.

ISBN 978-99947-2-180-1

© نشریه «ادیب»، ۲۰۱۲

چون ابر به نوروز رخ لاله بشست...

انگاره‌های فرهنگشناختی در حاشیه نوروزنامهٔ عمر خیام

۱

کتابها نیز مثل مؤلفانشان به خودی خود سرنوشتی دارند؛ سرنوشت ناتکرار و بسی فاجعه‌آمیز و تأسف‌آور. مقصد یا سبب نگاشتن کتاب علمی نیز گوناگون بودست. یکی خواسته است، که همچون داندۀ نادر یا کم‌نظیر چیزی یا پدیده‌ای بازیافت یا کشفیاتش را نقل نموده در تاریخ آدمیزاد از خود نشانی باقی گذارد. دیگری از روی هوس یا حسد به سمت واکنش در مقابل اثر با خون دل نگاشته بزرگی یا حریفی کتابی نوشته به خودنمایی پرداخته است. سومی مجبور شده، که کار خدا فرموده‌اش را یک سو گذاشته در باب مسئله یا وظیفه‌ایی اظهار نظر نماید، که به صورت آرزو شخصی نماید هم، به سیرت جوابگوی نیاز اجتماعی بودست. نوروزنامهٔ عمر خیام را در ردیف نوع سوّم آثار علمی تقویم و تقدیر کردن می‌باید.

اینک، چرا خیام، به قولی همه را مانده، به عنوان نوروزنامهٔ رساله‌ای نوشت، که ذاتاً یک اثر نیم علمی و نیم بدیعی است؟ خصوصاً که موضوع و مندرجۀ آن از مسئله‌های مهمّ و مبرمی، که شایسته و بایستۀ عقل و فراست حکیم ژرف‌اندیش و فراخنطری مثل او فرسخها دور بود. «به ظاهر» گفتنم اشاره به آن دارد، که به باطن این طور نیست. الهام و اقدام خیام در ایجاد نوروزنامه سه سبب داشت، که در همبستگی تا چه اندازه ضرور بودن انشای این رساله را برعلا نشان می‌دهد.

یکم. عمر خیام یکی از علمبران قامت‌بلند احیای عجم بود، که در جادۀ علم و فرهنگ اختر کاویان به دست هنرنمایی کرده‌اند. منظور از احیای عجم رستاخیز بی‌نظیر فرهنگیست، که پس از «دو قرن سکوت» در ایران غربی در ایران شرقی (ورارود و خراسان) صورت پذیرفته است. برای مقیاس و اهمیت این پارهٔ زمان اجتماعی را به

از همین لحاظ ۱۹ فوریه سال ۲۰۱۰ شورای ۶۴-ام مجمع عمومی سازمان ملل متحد دایر به روز جهانی نوروز قطعنامه قبول کرد. وقتی، که این خبر را شنیدم، به خود گفتم: «همه آرزو و آمال بشردوستانه نیاگان ما، که در نوروز جهان افروز تجسم یافته است، نهایت دسترس عالمیان گردید!» در این قطعنامه آمده است، که هر دولت عضو سازمان ملل متحد باید برای رشد و تکامل و جشنگیری نوروز در کشورش جهد و تلاش ورزد. یعنی، اکنون نوروز را نه تنها صاحبانش، بلکه قریب ۲۰۰ دولت اعضای سازمان ملل متحد پرشکوه جشن خواهند گرفت.

می‌توان با سربلندی گفت، که در تلاشهای چند کشور همزبان و همفرهنگ تاجیکستان صاحب‌استقلال نیز در صف پیش قرار داشت و در جهانی‌شوی نوروز باستانی سهم ارزشمند خود را گذاشته است. سنتها و حکمت‌های نوروز را مردم فرهنگ‌آفرین ما عصرهای عصر حفظ کرده، از نسل به نسل به میراث گذاشته‌اند. بزرگان و علامه‌های ما هر یک تابش گوهری این جشن باستانی را در نوشته‌های گرانبهای خود تا به امروز زنده داشته‌اند. در این میان اثر بی‌زوال دانشمند بزرگ ملت، ریاضی‌دان و ستاره‌شناس، رباعی سرای ناتکرار حکیم عمر خیام «نوروزنامه» منزلت خاصه دارد. خیام این اثر را چند عصر پیش از این با محبت و صداقت انشا نموده است، تا در ابتدای عصر ۲۱ جهانی‌شوی نوروز را با زبان بی‌غبار مادری برای همه ما تبریک گوید. امروز، که تاجیکستان نوروزگاه بزرگ را می‌ماند و از دور و نزدیک یاران و دوستان را به دور خوان ملون نوروزی دعوت کرده است، «نوروزنامه» حکیم عمر خیام برای هر یک آنها تحفه نوروزی ملت ما خواهد بود.

نوروز مبارک!

امام‌علی رحمان
رئیس جمهور تاجیکستان

انگشتی، تیر و کمان، شمشیر، زر و قلم، گزیدن باز، علامت دفینه و منفعت شراب، اسب و هنر او، اینچنین خاصیت‌های روی نیکو مانند اینها مفصل سخن می‌راند. و حال آن که نوروزنامه از جمله کتابهایی چون «عجایب المخلوقات» آسان‌فهم یا شوق‌آور نیست؛ وی حکیم‌یست، که در علم‌های هیأت‌شناسی و ریاضیات نام برآورده بود و در فلسفه خود را شاگرد شیخ‌الرئیس ابوعلی سینا می‌خواند! از این رو برخی از اهل تحقیق شبهه کرده‌اند، که کتاب محصول قلم اوست.

اصل فقط بالای سبک خاص مؤلف و یا طریق رساله‌نویسی‌های عصرمیانگی (مثلاً، درآمیختن تاریخ با تواریخ، فرق نکردن واقعه و روایت یا دیده و شنیده) نیست؛ سخن بالای ویژگی‌های تفهیم و تلقی ایرانی و تورانی پدیده‌ای موسوم به نوروز است، که به نزدیک اجداد قدیمان از رمز و راز خالی نبود.

به نظر خیام و هم‌عصران او نوروز پدیدهٔ صرف موسمی نبود، که زمانی همچون آغاز سال خورشیدی پذیرفته شده در تقویمها ثبت کرده باشند. برای نسل‌های بعدی هم جشن نوروز فقط عید سال نو نبود، که با مرور هزارساله‌ها معنی و مسلک قدسی خود را گم کرده به یک رسم و تعامل عرفی تبدیل یافته باشد. از این جاست، که خیام فقط با تعبیر سبب نهادن نوروز قناعت نکرده و یا با نقل تاریخ و آیین جشنگیری آن در دربار ملکان عجم محدود نشده تندیس‌ه فرهنگشناختی عید را بازسازی کرده است. تندیس‌ه مذکور با سنگ‌ریزه‌های گوناگون‌رنگی کاشی‌نکاری شده‌است، که محصولات علم هیأت‌شناسی و صناعت تنجیم، اساطیر و کیمیا، اخلاق و زیباشناسی می‌باشند. یقین بود، که این سنگ‌ریزه‌های معنوی ذاتاً از هم فرق می‌کنند، ولی آنها در قالب تندیس‌ه مذکور به وحدت باطنی رسیده نوروز را همچون یک پدیدهٔ یکلخت طبیعی و فرهنگی تجسم می‌کنند.

سوم. خیام در یک زمان ناآرام و ناپایداری می‌زیست، که قاعدتاً به علم و معرفت نیاز اجتماعی و فرهنگی نداشت. منظور نظرم روح زمان است. ولی از احتیاط «قایدتاً» نمی‌گویم. حتی غاصبان جفاگستر

طور باید و شاید دریاب کردن به دیگر یک فکت کلی‌تر رو آوردن در کار است، که ذاتاً به فلسفه تاریخ منسوب بود.

هر قوم و ملت را در آسیای تاریخ جهان نوبتی بودست. و همین که نوبت او رسید، نیروهای معنوی‌اش چنان به جلوه ایجادی می‌آمده‌اند، که خود همان وقت هیچ مردمی دیگر در هیچ جای دیگر به او لاف برابری زده نمی‌توانسته است! به اصطلاح «معجزه یونانی» افاده مشخص همین گونه پدیده نادر تاریخیست: در گاه باستان تمدن یونان زمین در چنان یک سطح بلند بلاغت معنوی قرار داشت، که در عرض اندریک پنجمصد سال سرتاسر جهان متمدن بی‌همتا بود.

در سالنامه تحوّل تاریخی آریاتباران ایران و توران نیز چنین مرحله پربار رشد و کمال معنوی وجود داشت، که ۷۰۰ سال تمام را (۱۰-۱۷) در بر گرفته است. در آن دوره خجسته علم و فلسفه و ادب و هنر مردم آریازمین باغ شکفته با نکبت عنبرینش همه عالم گرفته بود. احیای عجم از روی خیر و برکتش فصل بهار مانوی طبع را می‌ماند. در خلال تشبیه مذکور آغاز همان بهار خوش‌رنگ و خوش‌قدم را می‌توان نوروز خراسان خواند، که در دوام سه قرن زرّین بال (۱۰-۱۲) سرتاسر خراسان بزرگ گلاشانی می‌کرد. آن وقت عقل و ذکاوت خلّاقی اجداد تاجیکان و ایرانیان کنونی به حدّ گوش‌ناشنید به جلوه آمد و توسط سخن منظوم فردوسی طوسی «عجم زنده کردم بداین پارسی» معرفی شده در تاریخ جهان متمدن بقای ابد یافت.

به نزدیک ایجادگران نوروز اجتماعی بزرگداشت و نگاهداشت نوروز طبیعی یک جزو الهامبخش و جدایی‌ناپذیر جنبش احیاگرایانه آنها بود. نوروزنامه خیام را یادگار فرهنگی خواندن می‌باید، که این دو نوروز را با یک رشته روحانی و روانی به هم وصل کرده است.

دوم. وقتی که معاصران سده بیست و یکم، خصوصاً آنهایی، که ویژگیهای فرهنگ و آداب ما را نمی‌دانند، «نوروزنامه» را می‌خوانند، عجب نیست در تعجب مانند، که چرا مؤلف در باره چیزها و واقعه‌هایی حکایت می‌کند، که به موضوع اساسی کتاب علاقه مستقیم ندارند. در واقع، خیام در برابر ذکر تاریخ پیدایش نوروز در باره

برای مقصد و مرام اصلی مؤلف نوروزنامه را، که در تنگنای متن ظاهراً ساده و روشن آن نگنجیده است، عمیق درک کردن روزگار فردی خیام را در قرینهٔ عصر او، که شوم بودست و سم، تأمل کردن می‌باید.

باور می‌کنم، که خوشبختی به تنهایی دزدیده می‌آید، ولی بدبختی تنها نمی‌آمده است...

در آخرهای سدهٔ یازدهم در صحنهٔ سیاست سلجوقیان بزرگ پس هم چندین واقعهٔ فاجعه‌بار صورت پذیرفتند، که به سان آتش سوزان در چهرهٔ اجتماعی ندیم ملک‌شاه عمر خیام نقش گذاشتند. اول پشت و پناه والامقام او را (ملک‌شاه سلجوقی) زهر داده کُشتند؛ دوست اوان جوانی و حامی واقعیش نظام‌الملک را، که قبلاً بر اثر فتنهٔ دربار از وظیفهٔ وزیر دست راست گرفته بودند، ترورگران آنوقته قتل کردند؛ خود همانها مسجد جامع پایتخت (اصفهان) را هم آتش زدند (آنجا خیام نادرترین آثار خطی زمانهای گذشته‌اش را پیوسته مطالعه می‌کرد)؛ ناآمد کار را بینید، که در رصدخانهٔ مشهور را هم بسته هیئت منجّمان معروف را با سروری خیام پراکنده کردند (آنها در مدت هشت سال تمام به تکمیل دادن تقویم شمسی مشغول بودند).

در آغاز نوروزنامهٔ خیام باعث نگاشتن رساله‌اش را این طور شرح داده است: «دوستی، که بر من حق صحبت داشت و در نیک‌عهدی یگانه بود، از من التماس کرد، که سبب نهادن نوروز چه بوده است و کدام پادشاه نهاده‌است». ولی از مضمون و مسلک «نوروزنامه» برملاست، که مؤلفش هدف دیگر هم داشت، که مهم‌تر می‌نماید. محض به امید برقرار کردن و نگه داشتن همان رصدخانه و مکتب علمی آن خیام قلم به دست گرفته است! این بود، که او در رساله‌اش به عنوان آئینهٔ عبرت «بعضی از آیین ملوک عجم» را گرد آورد. ببینیم، که خیام پیش از همه و بیش از همه کدام آئینهای کهن را ذکر کرده است، تا دانسته باشیم، که چه پنداشتی به سر داشت و به چه‌ها امید بسته بود.

در فصل اول رساله، که قصهٔ «امدن موبد موبدان و نوروزی آوردن»

اجنبی، که در جهالت، گشاکشی و یغماگری کم‌نظیر بودند، در حاشیه تالان و تاراج ملک عجم جا-جا (مراغه، اصفهان و سمرقند) انکشاف علم و فن را از جهت مادی دستگیری کرده‌اند. اما، چنان که حکمت مردمی حقانی می‌فرماید، استثنا قاعده نباشد!

نیاز حاکمان به حکیمان ذاتاً آزمندی بود آگنده از خودمنشی و شهرتجویی؛ حکیمان، مثال شاعران، یک جزء آرایش دربار شاه و امیران بودند. آخر، به همگان واضح و روشن است، که به غلامزادگانی مثل محمود غزنوی از علم و معرفت دور، که به قول فردوسی در تبارشان بزرگی نبود، ابوعلی سیناها برای چه لازم بودند. در واقع، بر خلاف ابوعلی سینا، که جان خود را در خطر گذاشته از دیدار با غاصب ملک سامانیان سر پیچید، ابوریحان بیرونی دعوت سلطان محمود را پذیرفته به غزنه رفت و فقط همان جا فهمید، که تفاوت ره از کجا تا به کجا بودست! بنا به نقل نظامی عروضی سمرقندی، وقتی که بیرونی احتیاط نکرده یک حکم محمود را رد نمود، سلطان خودکامه او را در مدت شش ماه به زندان بازداشت و زمانی، که با دلالت خواجه بزرگ احمد حسن میمندی علامه را از حبس آزاد کردند، محمود به بیرونی نصیحت‌آمیزانه گفت: «یا بوریحان! اگر خواهی، که از من برخوردار باشی، سخن بر مراد من بگوی، نه بر سلطنت علم خویش!»

بدیهیست، که نودولتان دشتزاد می‌خواستند به دل و دیده مردم بومی راه یافته خود را همچون حاکمان عاقل و عادل وانمود کنند. و نیز بدیهیست، که اقلیت غالب یا به ظاهر یا به باطن می‌کوشید خود را به اکثریت مغلوب همچون پیرو صادق سنتهای پیشین دولرداری عجمی، خاصه جهت بزرگداشت فرهنگ و فرهنگیان، معرفی نماید. خیام نوروزنامه را با نظر داشت همین سعی و کوشش حاکمان اجنبی نوشته است.

یکی از پیامبران شعر عجم انوری ابیوردی باری گفته بودست:

ز من می‌پرس، که بی من زمانه چون گذرانی،

از آن می‌پرس، که بر من زمانه می‌گذراند!

آیا اولاد ملک‌شاه به نصیحت عالم و شاعر جهان‌شمول گوش داده رصدخانه او را از نو برقرار کردند؟ نه! آنها در وسوسه جنگ داخلی و خارجی بودند و نهایت کار چه رسد به نیازهای علمی عمر خیام که خود او را هم به باد فراموشی داده حکیم بزرگ را در ایام پیری‌اش به خواری و زاری گرفتار کرده‌اند. ولی نام سلطان سنجر و دیگر شاه و امیران به عنوان هم‌عصر بزرگان علم و فرهنگ جهانی چون خیام به تاریخ وارد شد...

سعدی شیرازی، با وجود آن که ممدوح حاکم فارس ابوبکر بن سعد زنگی بودست («بوستان» و «گلستان» اش را به او بخشیده است)، باری خودداری کرده نتوانسته در بخشش‌نامه غیررسمی‌اش با کمال افتخار گفته:

هم از بخت فرخنده فرجام تست، که تاریخ سعدی در ایام تست...

۲

حالا می‌آییم به سر اندیشه هدف عمده «نوروزنامه»، که خود مؤلفش «کشف حقیقت نوروز» عنوان کرده است. چنان که ذکرش گذشت، برای خیام و وارثان او نوروز فقط عید احیای طبیعت نبود؛ این جشن باستانی زمینه وسیعتر و قرینه عمیقتر داشت. برای نشان دادن این زمینه و قرینه ما را لازم می‌آید، که نگاشته خیام را در مقایسه با دیگر سرچشمه‌های علمی، خاصه آثار علمی ابوریحان بیرونی، مطالعه نموده آن را اندرون سنت چندین هزارساله تاریخی و فرهنگی تحلیل و ترکیب کنیم.

فرهنگ‌شناسان پیدایش عید نوروز را توسط اسطوره‌ای اندر مُردن طبیعت در زمستان و از نو زنده شدن آن در بهار معنیداد می‌کنند، که در قدیم زمان به زبان شعر و اسطوره بیان می‌شد. چنین تصورات در زمین معنوی آریان نیز روییده بود، ولی حسن و طراوت خاصی داشت. در قدیم‌ترین روزگار خویشتن‌شناسی آدمیزاد در جمله قطعه‌های ربع مسکون از پرستش عاطفی طبیعت، آغازید، که از دو قسم عبارت بود: غم و غصه خوردن از پژمرده شدن رستنیها در پاییز و زمستان و شادی

وی ذکر شدست، سرروحانی زرادشتیان به پادشاه «رسم نیاکان در همت بلند و نیکوکاری و ورزش دارو راستی نگاه دار» گفته نصیحت می‌کند (عجب نیست، به خواست خود خیام باشد) و در تلقین همین «رسم نیاکان» می‌افزاید: «پیشست هنری و دانا گرامی و در مخوار» باشد. در ضمن این مؤلف «نوروزنامه» باز یک آیین ملکان عجم را یاد کرده است، که عین مدّعی خود اوست: پادشاهان عجم «بر کار عمارت عظیم حریص و راغب بودندی و هر پادشاه، که بر تخت مملکت بنشستی، شب و روز در آن اندیشه بودی، که کجا آب و هوای خوش است، تا آن جا شهری بنا کردند، تا ذکر او در آبادان کردن مملکت در جهان بماندی. و عادت ملوک عجم و ترک و روم، که از نژاد آفریدونند، چنان بوده است، که اگر پادشاهی سرائی مرتفع بنا افکندی یا شهری یا دهی یا رباطی یا قلعه‌ای یا رودی براندی و آن بنا در روزگار او تمام نشدی، پسر او و آن کس، که به جای او بنشستی بر تخت مملکت، چون کار جهان بر وی راست گشتی بر هیچ چیز چنان جد ننمودی که آن بنای نیمکرده آن پادشاه تمام کردی، یعنی تا جهانیان بدانند، که ما نیز بر آبادان کردن جهان و مملکت همچنان راغبیم».

زیاده از این، خیام به عنوان یک نوع نصیحت به فرزندان ملک‌شاه، پیش از همه سلطان سنجر، پایین تر می‌نگارد: «پسر پادشاه در این معنی حریص‌تر بودی از جهت چند سبب. گفتی: «بر پسر فریض‌تر، که نیمکرده پدر خویش را تمام کند، که چون تخت پادشاهی پدر مرا باشد، سزاوارترم». و دیگر گفتی: «پدرم این عمارت یا از جهت آبادانی جهان همی‌کرد یا از بلندهمتی و نام نیکو یا از جهت تقرب با الله تعالی یا از جهت نزهت و خرمی مرا نیز آبادانی مملکت همی‌باید و همت بزرگ دارم و رضا و خشنودی خدای تعالی همی‌خواهم و نزهت و خرمی دوست دارم». پس در تمام کردن بنا فرمان دادی و به جد بایستادی، نا آن شهر و بنا تمام گشتی. و اگر به دست او تمام نشدی، دیگری، که به جای او نشستی تمام [کردی] و مردمان آن پادشاه را مبارک و ارجمند داشتندی. گفتندی: «خدای تعالی این بنا بر دست [فلان پادشاه] تمام گردانید».

به تاریخ واقعی رو آورده نخست باید اندر دینی یک دو حرف گفت، که در قرینه روحانی‌اش نوروز مقیاس کیهانی و معنا و مضمون خاص فرهنگی پیدا کردست. بنا به دریافت مورخان، میان دینهای وحدانی، که از طریق وحی تلقین شده‌اند، زردشتیه قدیمترین کیش است. وی به عنوان نظام دینی در ابتدایی زمانی (سالهایی ۸۰۰-۲۰۰ پیش از آغاز سالشماری نصرانی) به کمال روحانی رسید، که آن را از قول فیلسوف آلمانی کرل یسپرس «زمان محوری» خوانند. از این رو زردشتیه قدرت معنوی داشت، که در ردیف فرهنگهای مترقی آن زمان (یونانی، هندی، چینی و سامی) به مکالمه برابرسنگ پردازد. در رفت تماشای معنوی همان‌وقته عقیده اخلاقی و کیهانشناختی ایرانیان و تورانیان به تشکّل و تکامل شعور ماناتیستی مساعدت کرده است. چنانچه، اثر غایه‌های زردشتی در سه شاخه سنت روحانی اهل سامی-یهودیه، نصرانیت و اسلام برملاست.

پس، اگر در مقیاس تاریخ عمومی جهانی بیندیشیم، درمی‌یابیم، که فرهنگ و آداب اجداد ایرانیان و تاجیکان و سایر اقوام ایرانی‌تبار (پشتوها، کردها، بلوچها و دیگران) در رشد و کمال معنوی مردمان شرق و غرب سهم شایسته گرفته است.

به پیدایش عید نوروز از موقع نظر تمدن‌شناسی نگریسته می‌توان پنداشت، که این جشن در حاشیه یک دگرگونی کلی تاریخی موسوم به انقلاب نئوالیتی به وقوع پیوسته است. یکی از تغییرات عمده‌ای، که در نتیجه این تبدلات اقتصادی و اجتماعی به عمل آمد، گذشتن از تقویم قمری به تقویم شمسیست. این واقعه را فقط همچون عوض شدن طریقه‌های سالشماری (از روی حرکت آفتاب یا دورزنی ماه) تعبیر کردن نشاید؛ منظور تغییرات اصولیست: در ضمن آن خود بنیاد جهان‌بینی آدمی دگرگون شد.

برای به درک اهمیت تاریخی این دگرگونی رسیدن کنج نظر و دستگاه تحقیق را تغییر دادن می‌باید: به مسئله نه از عینک تاریخ فرهنگ، بلکه نظریه فرهنگ نگریستن درکار است.

دودیگر، نوروز بر پایه سنت فرهنگی تکیه می‌کند، که برایش

و خرسندی کردن به مناسبت از نو رویدن گیاهها و شکفتن درختان در بهار. در ایران و توران باستانی قسم دوم این مراسم شکلاً رنگینتر و مضموناً عمیقتر شد. چنین تحول نظر بر طبق اخلاق نیکبینانه زردشتی بود. و چون در کیهان معنوی زردشتیه حیات بر ممات، کون بر فساد امتیاز داشت، ستایش مولود هم به نکوهش موت توأم بود.

از این جهت یک مشاهده تاریخنگار قدیم زمان یونانی هرودوت جالب است: وی با تعجب خبر داده، که ایرانیان زادروزشان را جشن می گرفته‌اند. و ضمناً رسم ارمغان آوری و تحفه دادنهای آنها را با هوس ذکر کرده است. عجب نیست، که بر اثر همین آداب و سنت قدیم ایرانی یونانیها هم منبعت زادروز بزرگانشان را جشن می گرفته‌اند...

در پرتو سنت مولودپرستی ایرانی یا وسیعتر گیریم، تولیدگرایی آریایی نوروز آغاز یک سلسله واقعه‌های کیهان‌شمول را تجسم می‌کند، که هر یکی در مرور زمان نقطه عطف است. مهمترین این وقایع «تولد» چهار رکن کون و مکان - آدم، خورشید، زمین و آسمان می‌باشد، که عیناً در اوّلروز زمانه آفریده شده‌اند.

به تاریخ و تعبیر فرهنگشناختی خود جشن نوروز رو آورده سه بُعد خودویژگی این جشن باستانی را شرح و تفسیر دادن درکار است، که به قیاس در سرتاسر جهان بی نظیرند.

نخست، نوروز در تاریخ جهان قدیمترین جشن سال نو است؛ ریشه معنوی آن را در قعر هزارساله‌ها جستن می‌باید. از این رو، باعث تعجب نیست، که حتی اختران آسمان بلند علمهای دقیق ابوریحان بیرونی و چون عمر خیام هنگام معنیداد کردن پیدایش نوروز به زبان اسطوره و روایت دینی حرف زده‌اند. بنا به عقیده سنتی، که خیام در «نوروزنامه» بیان نموده است، در قدیم‌الایام «کیومرث این روز را آغاز تاریخ کرد». (در اساطیر ایرانی و تورانی کیومرث همچون سراجداد آدمیزاد و هم نخستین شاه در روی زمین ذکر می‌شود، که او را «ایزد تبارک و تعالی» تعیین کرده بودست.) یک زمان دیگر ابیره کیومرث جمشید «چون آن روز را دریافت نوروز نام نهاد و جشن آیین آورد و پس از آن پادشاهان و دیگر مردمان بدو اقتدا کردند».

نمودن یک به نوشته‌های ابوریحان بیرونی «آثار الباقیه» و «ما للهند» نظر افکندن کافیست.

در خلال این طریق آدم و عالم‌شناسی خصوصاً شجره تاریخی و فرهنگی جشن نوروز جالب است. نوروز عید پیروزی بر خلقی و یا ساعت نجات از خطری نیست؛ خصوصاً روز قصاص از دشمن ساخته یا بافته نبود، که از مراسم خصومت‌آمیزانه سوزانیدن یا کلتک‌کوبی کردن خوسه‌اش و یا لعنت خواندن به اجداد و اولادش عبارت باشد. خصوصیت جالب نوروز این است، که جشن به هیچ واقعه صرف قومی، ملی یا محلی بخشیده نشده است. سنت اصیل خلق و کشور جشن را به واقعه‌های بزرگ کیهانی و حماسی می‌پیوندد، که به سرنوشت جمله فرزندان آدم نسبت دارند. آفریدن آفتاب و زمین و آسمان، به حرکت آوردن فلکها و ساختن سراجداد آدم از جمله همان واقعه‌های کلّیند، که ابوریحان بیرونی بار نخست روی خط کرده یک به یک شرح و تفسیر داده بود. عمده خلاصه او چنین است: «نوروز نخستین اولروزیست از زمانه و بدان فلک آغازید گشتن».

سه دیگر، در بین جمله عیدهای مردمی جهان نوروز همگانی ترین جشنهاست. از نظر علم ستاره‌شناسی همگانی بودن نوروز واضح و روشن بود: اعتدال بهاری، که نوروز را حسن آغاز بخشیده است، در همه نظامهای سالشماری شمسی - از تقویم مایا گرفته تا تاریخ جلالی مذکور است. این پدیده نجومی را اجداد تاجیک و ایرانی کشف نکرده است. (آن را بار نخست ستاره‌شناس یونان قدیم هپرخ علماً توصیف کرده بود و منجم عرب ثابت ابن کره همه جانبه آموخت.) آغاز سال حساب کردن اعتدال بهاری هم پیشنهاد هیچ یک فرد آریانژاد نبود. (این خدمت سامیان عهد باستان است) لیکن محض خراسانیان بودند، که اعتدال بهاری را در ترکیب سنت معنویشان جای داده به وی جامه زربفت فلسفی و دینی پوشانیدند.

البته نوروز یک نوع خال مادرزاد نیز دارد، یعنی فرهنگی، که او را زادست، در چهره معنوی این جشن باستانی نقش روشن باقی گذاشته. در واقع، آداب و آیین نوروز آینه قدنمای تمدن شهرزاد و شهرپرورد

خودبینی افراطی، نادیده گرفتن، اقرار نمودن و یا انکار کردن ارزشهای معنوی دیگر خلقها تماماً بیگانه می‌باشند. این یک حقیقت بحث‌ناپذیر تاریخیست، که دیگران هم اعتراف کرده‌اند. چنانچه، پدر تاریخ‌نگاری هرودوت همین جهت عبرت‌انگیز آداب و آیینهای اجداد ما را تعریف کرده ضمناً گفته است: «ایرانیان به قبول عرف و عاداتهای بیگانگان به دیگر خلقهای دنیا میل بیشتر دارند». در واقع محض به شرافت همین خصلت نیکوست، که مردمان آریاتبار و ایرانی زبان در جریان تاریخ چندین‌عصری‌اشان با خلق و کشورهای دور و نزدیک - بابل و مصر، هندوستان و یونان، عربستان و ترکستان- در تماس فرهنگی و تأثیر دوجانبه معنوی بودند.

موقع جغرافی تورانیان و ایرانیان باستانی هم به گسترش روابط سیاسی و تجاری و فرهنگی مساعدت کرده است، چرا که آنها از قدیم‌الایام در چنان یک چار راه سیرآدم خاور و باختر زندگی می‌کردند، که به تربیت آداب خاص معاشرت نیز مساعدت و معاونت می‌نمود. از این موقع نظر مناسبت حاملان و حامیان فرهنگ نوروزی به مردمان بیگانه، خاصه آنهايي، که به دین و فرهنگ غیر منسوبند، نیز خیلی جالب است. اگر به آغازگه این سنت معنوی رو آوریم، درمی‌یابیم، که در بنیاد آن دستوری هست به ظاهر نانوشته، ولی به باطن زاییده و پرورده اخلاق باستان. آن را می‌توان مناسبت خیرخواهانه و تحمل‌آمیزانه به مردمان بیگانه، به سنتها و عاداتهای غیر عنوان کرد. نقش این دستور تحت الذهنی در داستان پهلوی زبان «مینوی خرد» هویدا است، که به دوره پیش از ظهور اسلام (سده ششم میلادی) منسوب می‌دانند. آن جا «به هر کس نیکی خواستن» را «مهمترین کار نیک» دانسته‌اند.

در تأیید و تأکید این خلاصه کلی علیحده ذکر کردن بمورد است، که هیچ یک ارباب برجسته علم و فرهنگ عجم در حق زبان و مدنیت قوم و مردم غیر بدگویی نکرده، عرف و عاداتهای هیچ خلقی را پست نزده، از روی خصومت ملی و مذهبی و یا کین تاریخی به عزت نفس مردم مرز و بوم بیگانه نرسیده است. برای به این خلاصه اعتماد پیدا

عمارت خویشتن‌شناسی تاجیک و ایرانی دو شه‌ستون دارد، که به عنوان مجسمی سنت زندی مردم ضمانت بقای روزگار اوست: یکی زبان فارسیست و دیگر جشن نوروز. و از این رو هر استیلاگری، که آریازمین را ضبط کرد و مردم زادسروش را تحت اطاعت خود نگاه داشتن خواست، پیش از همه این دو رکن هستی تاریخی عجمیان را شکستنی شد: یا زبان فارسی را خانه‌بند کرد، یا جشنگیری نوروز را بازداشت و یا هر دو.

چنانچه، یونانیان مقدونی همین که ایران را ضبط کردند، نخست تخت جمشید را آتش زدند. و لیکن این فقط آغاز استیلای سرزمین اجداد ما بود. در انجام می‌بایست ستون‌مهره معنوی خلق و کشور را شکستن. در واقع، از قول نظامی گویم،

سکندر بفرمود، کایرانیان گشایند زاتش پرستی میان.

سرافشانان اسکندر، که او را وصافان تاریخی‌اش شاگرد ارسطو می‌خوانند، اجرای فرمان آن «شاه عاقل و عادل»-را از کتابسوزی سر کردند. و نخست نادرترین دستخط اوستا را، که در چندین پوست گاو با آب طلا نوشته بودند، از خزینه دارا بیرون آورده آتش زدند!

اسکندرپرستان هزاره ثانی افسانه، ای بافته‌اند، که گویا الکساندر دستخط اوستا را نابود نکرده بوده‌است و به یونان برده ترجمه کنانده‌ای کاش، همین طور می‌بود و متن کامل اوستا هم مثل تورات در ترجمه یونانی باقی می‌ماند! متأسفانه، این به واقعیت و منطق تاریخ راست نمی‌آید؛ شاگرد ارسطو بودن، هنوز نشان خردمندی نیست! خصوصاً که خود ارسطو، که او را ابوعلی سینا «معلم اول» می‌خواند، در دل و ذهن اسکندر جوان نسبت به ایرانیان و تورانیان کین پرورده بودست!

ابوالقاسم فردوسی بی اشاره به فاجعه تاریخی پایتخت هخامنشیان گفته، که «کیان را بدان جایگه فخر بود». یقیناً مرادش فقط این نبود، که خبر دهد: «نشستنگه آن گاه اسطخر بود». آری، اسطخر

آریازمین است. ولی نوروز، با وجود یک رکن مهمّ خویشتن‌شناسی تاجیک و ایرانی بودنش، به کلیّت خویش قومگرا نیست، اندرون سنت فرهنگی نژاد جداگانه محدود نمانده است. از همه مهمّش این است: گرچند که نوروز در خاک آریازمین رویدست، خود جشن فقط برای مردم آریاتبار و ایرانی‌زبان تعیین نشده. فرهنگ این عید ذاتاً آسمانگرا بر زمین اعتقادی بنیاد افکنده است، که با زبان حال می‌گوید: نوروز را نماینده خداوند نیکی برای جمله مردمان نیک‌دل، از جمله، به قول خیام، «پادشاهان نیک عهد»، آیین آورده است.

در واقع، سبب عمده همگانی بودن عید نوروز، باز از قول خیام گویم، از آن برمی‌آید، که جشن را «ز بهر بزرگداشت آفتاب» تأسیس داده بودند. و آیینش این بوده که «جهانیان (توجه کنید: محض جهانیان، نه این که یک خود آریان یا ایرانیان!) چشم بر وی دارند اندر وی به جلال و تعظیم گیرند».

با عبارت دیگر، نوروز جشن زادروز آفتاب می‌باشد، چرا که با خواست یزدان گرگر او را در سلسله مراتب هستی والاترین مقام نصیب شده: «ایزد تعالی آفتاب را از نور بیافرید و آسمانها و زمینها را بدو پرورش داد». از این جاست، که اشراف عقلیه دوره احیای عجم (خاصه ابوریحان بیرونی و عمر خیام) خورشید آسمانی را با مهر روحانی برابر کردند، که در عهد هندوآریان ایزد فروغ و روشنایی و پیمان‌شناسی و عدل به شمار می‌رفت و در عهد زردشت به دستیار و کارگزار اهوره مزدا در مبارزه او برای برقرار کردن حکومت نیکی در زمین و آسمان تبدیل یافت. پس، نوروز حقیقتاً همگانی‌ترین جشن دنیاست و از این جهت هیچ یک عید دیگر به وی لاف برابری زده نمی‌تواند!

یقین بود، که هدف این خلاصه علمی و فلسفی ترغیب یا تأکید فوق‌العاده بودن مقام تاریخی و فرهنگ ایرانی‌تباران نیست؛ برعکس، مراد از تجدید و توصیف آداب و آیین نوروز فهمیدن سرشت ازلی و قدرت معنوی این جشن در ردیف سایر عیدهای انسانیست، که در زمان و مکان مختلف به وقوع پیوسته طرز و طریق زندگی و آرزو و آرمان مردمان گوناگون را مجسم کرده‌اند.

معنی استمرار مرکز تبلور سنت فرهنگی است، که به عنوان مبدأ و معاد تمدن ایرانی و تورانی ضمانت پایداری تاریخی اوست. از قدرت و نفوذ همین عامل فرهنگیست، که تمدن عجم در مسیر تاریخ پریچ و تاب مثل تمدنهای قبطیان یا بابلیها نابود نشد، برعکس زنده ماند. از این جهت خصوصاً تاریخ حفظ شدن اصالت و رسالت فرهنگی ایرانیان شرقی موسوم به تاجیکان جالب است، که نوروز رمز برملائی جان سختی تاریخی آنهاست. آخر، در عرض هزار سال آخر تاجیکان در احاطه امواج تارفت قوتگیرنده و وسعت یابنده قومهای صحرانشین مانده حاکمیت سیاسیشان را از دست داده بودند.

چنان که در کتابهای تاریخ مذکور است، در زمان پساسامانی به جز خروش بی سامان غوریان دیگر هیچ جنبش متشکل نظامی و سیاسی به وجود نیامد، که تاجیکان ورز رود و خراسان را متحد کرده در مقابل موجهای گل آلود بحر پرتلاطم دشت قبیحای ایستاده گری کرده تواند. از این رو مقابلهت معنوی جایگزین واکنش جسمانی شد، که مردم بومی کشور مجال آن را نداشت. وظیفه اساسی این نوع مقابلهت به استیلاگران در بحر تمدن شهرنشینان محلول کردن اهل صحرا بود. چنانچه، حقیقت تاریخیست، که تاجیکان بخارا به رگهای بدن آخرین نسل سلاله ترک و مغول خون تاجیکی وارد کرده و آن را در دیگ فر و فرهنگ خودشان به تدریج جوشانیده صورت و سیرتش را آهسته و پیوسته تغییر و تکمیل داده بودند: خانواده امیر عالمخان تاجیک شده بود! بی چیز نیست، که امیر عالمخان بعد برهم خوردن امارتش به محیط فارسی زبانان کوچید (اول به افغانستان و بعد به ایران).

نوروز تجسم هستی تاریخی خراسان بزرگ ضمانت بقای ابد یافتن روزگار معنوی مردمان این دیار باستانیست!

۴

برای جمله خلق و کشورهایی، که نوروز را جشن می گیرند، خصوصاً مردمان فارسی زبان، باعث افتخار و سرفرازیهاست، که سال ۲۰۱۰ سازمان ملل متحد عید ملیشان را رسماً شناخته ۲۱ مارس را

سنت سیاسی ایران باستان را تجسم می کرد. آن را مجازاً تخت جمشید هم گفتندی، که سبب داشت: نشستگاه روح و روان آریایی نیز همان جا بود. و محض اوست، که بندهای گسسته زنجیر زمان را به هم وصل نموده وحدت معنوی اجداد و اولاد را بقای ابد می بخشید. پس، برای حاکمیت یونانیان یا عرب های غالب را در ایران و توران استوار نمودن اسکندر و بعد قتیبه را می بایست دست اول حافظه تاریخی مردم مغلوب را کور کردن.

ولی چنین کار تاریخ سوز را نه این و نه آن اجنبی توانستی کردن! به نظر اول چنین می نماید، که اجداد ما به زودی مسلمان شده اند. ولی هر کسی، که «تاریخ بخارا»ی نرشخی را خوانده است، نغز می داند، که اصل حال چنین نبودست. و اگر منبعد ایرانیان به ترغیگر غیور دین بیگانه (اسلام) تبدیل یافته باشند، این واقعیت عیب و عجب نیست. چرا که قبل از این برخورد معنویت ایرانی و روحانیت عربی با یک سازش تاریخی حسن انجام پذیرفت بود: اول عجم اسلامی شد، اما بعد اسلام عجمی گردید!

حقیقتاً در زمانی، که مردم ایرانی تبار هیچ قدرت نظامی یا سیاسی نداشت، خلیفه های عباسی را که مجبور کردن می توانست، که به تنشان لباس ایرانی پوشند و به سرشان کلاه ایرانی نهند و یا به دربارشان شعر و ادب و موسیقی ایرانی را راه دهند و نیز مراسمهای آنها، مخصوصاً جشن نوروز را، که از سنت های صرف آریایی است و به جهان بینی اقوام سامی راست نمی آید، زنده کنند.

نوروز - آیینۀ قدنمای تمدن زراعتزاد عجم بوده زنجیر استمرار فرهنگی اصل ها و نسل ها را حسن آغاز بخشیده است. نهال این تمدن، چون جمله پدیده های نادر تاریخی خودروست، ولی در زمین معنوی روپیده است، که پیش از ریشه گرفتن و نمو کردنش برومند شده بود. چنانچه، بنیادگذار تمدن بشری جمشید جشن نوروز را جاری کرد، ولی، چنان که ابوریحان بیرونی در برابر ذکر این روایت برحق افزوده است، «پیش از این هم نوروز بزرگ و معظم بود».

همپیوندی اصلها و نسلها قلب فلسفی تاریخ عجم بود. از این

عقیده عرفی، در روزهای عید فرشتگان نیکوکار از آسمان به زمین می‌فرایند. و اما قاصدان فلکی به خانه‌هایی تشریف نمی‌آورند، که (۱) آنها را روب و چین نکرده‌اند و یا (۲) میان اهل خانواده صلح و صلاح نیست. به تعمیم این دو آیین نوروزی پرداخته می‌توان گفت، که آنها به شعور جهان‌شمول عصر ما راه یافته اهمیت خاص همانیستی پیدا کرده می‌توانند. چنانچه، حدود خانه را تا حجم دنیا وسیع نموده ضرورت روب و چین عیدانه را با دعوت اکولوژی معاصر قیاس کردن شاید، که کثیف نکردن محیط زیست را تقاضا می‌نماید. گذشته از این، در خلال ارکان اخلاقی آداب و آیین نوروز (خاصه پرستش پاکی و پاکیزگی) خود مفهوم اکولوژی را توسعه و تکمیل دادن ممکن است. منظور نظرم از حساب مسئله‌های حفظ محیط معنوی وسیع کردن موضوع اکولوژی امروزی می‌باشد، که تا کنون تنها طرز و طریق حفظ کردن محیط طبیعی زیست را بررسی می‌کند.

در شرایط کنونی گسترش جهانی‌گردانی اهمیت اکولوژی فرهنگ از اکولوژی طبیعت بیشتر نباشد هم، کمتر نیست. هر دو به هم رابطه ناگسستنی نیز دارند: کثیف و خراب شدن طبیعت در بسی موردها نتیجه کثیفی و خرابی فرهنگ است. از این رو عیب و عجب نیست، که حفظ خودویژگی فرهنگ‌های ملی از طریق پیشگیری کردن نفوذ مدنیت عاموی غربی و غربزدگی به یکی از مسئله‌های داغ روز تبدیل یافته است.

در سندهای رکن‌گزار سازمان ملل متحد، خصوصاً توصیه‌نامه‌های سیرشمار یونسکو، دعوت به مکالمه در همه سطح و سویه‌های مناسبت بین‌المللی با تلقین و تأکید ضرورت رسیدن به حسن تفاهم فرهنگی، وسعت دادن تعلیم و تربیت تحمل دینی و پیشگیری کردن تمایلهای بیگانه‌ستیزی و قومپرستی و ملتگرایی افراطی توأم می‌آید. کاملاً طبیعی و کلاً رمزیت، که ضرورت به نظریه «برخورد تمدن‌ها» مقابل گذاشتن «گفتوگوی تمدن‌ها»-را محض جمهوری اسلامی ایران پیشنهاد کرد، که در برابر دیگر خلق و کشورهای فارسی‌زبان به میراث تاریخی نوروز سهمیم و شریک است. ایران قسم

روز بین‌الخلقى اعلان کرد. در واقع تاریخ و آیین جشن نوروز جهت‌ها و بُدهای کلى دارد، که با ایده‌آلهای والای این مؤسسه بانفوذ بین‌المللى هم‌رنگ و هماهنگ هستند. از این رو، سرشت همگانی نوروز را محض در حاشیه همین قرار مهم و مبرم سازمان ملل متحد بررسی کردن صلاح کار است.

نوروز در محیط آریان شرقی ظهور کرده در زمینه سنت روحانى آنان بنیاد یافته باشد هم، از روی سرشت و رسالتش عید یک خلق، یک گروه قومها و یا حتى یک قطعه ربع مسکون نبود. نوروز همچون جشن زادروز خورشید خاوران، مثل خود سرچشمه‌اش آفتاب، که برای همگان و همه جا همه روزه نور و گرما می‌افکند، ثروت جمله فرزندان حضرت آدم است! در ضمن فراموش نمی‌کنیم، که بنیادگذار نوروز کیومرث سراولاد انسانیت معرفی شده‌است و نیز مؤسس جشن جمشید را پادشاه «هفت کشور» می‌خواندند، که ظاهراً تمام روی زمین را فرا می‌گرفت.

پایه‌های معنوی جشن نوروز از خیراندیشی و نیکبینی کیهان‌شمول سرشارند. بی‌سبب نیست، که معاصران ابوریحان بیرونی نوروز را «روز امید» می‌خوانده‌اند. خود بیرونی نوروز را «پیشانی سال نو» نام داده است، که فقط به خاطر حسن کلام نبود؛ معنی مجازی «پیشانی» بخت و اقبال است. از این جهت یک خبر تاریخ‌نویس و جغرافیدان یونان قدیم استرابون نیز جالب بود، که گفته: در آریازمین در روز اعتدال بهاری عقد نکاح می‌بندند.

امید نوروزی در غایت بی‌غیرتی و بی‌پروایی به امید نعمت آسمانگر یا گنج بادآورد نشستن نیست؛ خاصه علامت رضا به قضا نبود. حکمت خلقی می‌فرماید: «دنیا به امید است». ولی حکمت دیگر نیز هست، که آگاه می‌کند: «به امید خدا نشو و بوته را دار!» این هزل عیدانه نیست، بهره تجربه روزگار است، که در دیگر مقال تاجیکی «حرکت از تو (آدم)، برکت از من» (خدا) تجسم یافته است.

در شرح این قضیه دو عنصر مهم آیین جشن را یاد کردن بمورد است، که به فعالیت خاص اجتماعى و فرهنگى دعوت می‌کند. بنا به

کلاسیک ادبیات فارس و تاجیک انوری بیتی دارد، که ذکرش در
قرینه این متن عین مدعاست:

نوروز بدل کرد به دل پیر و جوان را،
باز این چه جوانیست زمینرا و زمان را!

به گمانم، شاعر اندیشه‌سگال و دانش‌اندیش ما «پیر و برنا» و
«زمین و زمان»-را فقط به خاطر همرنگی و هماهنگی در یک بیت
نچیده است.

مایه و مسلک قدیمترین جشن مردمان آریاتبار و ایرانی‌زبان را
می‌توان پیوندگر اصل‌های فرهنگی و نسل‌های انسانی عنوان کرد. نوروز
خویش و تبار، اولاد را با اجداد، نسل‌ها را با اصل‌ها، گذشته را با امروزه،
امروز را با آینده و در نهایت سلسله رابطه‌ها و نسبت‌ها جهان کهن
(انسان) را با جهان مهین (کیهان) می‌پیوندد. پیوندگاه اصل‌ها و نسل‌ها،
به سان همان زمین برومند افسانوی بود، که تکیه‌گاه و تکانده
هنرنمایی‌های آنتی نام قهرمان یک اسطوره مشهور یونانیست: هر
باری، که او در جنگ تن به تن بی‌توان می‌شد، به زمین (تمثال
مادرش) دست رسانده قوت نو می‌گرفت و پیروز می‌گردید.
نوروز هم برای هر یک فرد آدمی و هر یک خلق نیک‌اراده و
باغیرت روز اندوختن قوت و قدرت تازه روحانی و روانیست.

اکبر تورسان

ترکیبی و جدایی‌ناپذیر همان آریازمین باستانیست، که در محیط معنوی‌اش همانیسم کاملاً نو تشکل یافته بود. محض سعدی شیرازی بود، که فرزندان حضرت آدم را اعضای یک پیکر دانسته وحدت ازلی بشریت را در غایت انساندوستی تلقین و تأکید کرده‌است:

چو عضوی به درد آورد روزگار، دگر عضوها را نماند قرار.

در شرح مرام و مسلک خاص این حکمت فلسفی و اخلاقی، که به کمال مطلوب سازمان ملل متحد همسنگ و هماهنگ است، از مقوله‌ای یاد می‌کنم، که به همه شناس باشد هم، به معنی خودویژه‌ای می‌آید، که به دیگر فرهنگ و تمدن‌ها خاص نیست. منظورم مفهوم بشریت می‌باشد. به نزدیک علما و ادبای بیدارمغز دورهٔ احیای عجم، که خودش یک بهار پررنگ و پرنعیم تاریخ آریانزمین بود و آغازش نوروز گلخیز خاوران، بشریت نه فقط اهل زمانه، یعنی معاصران، بلکه اینچنین اهل عدم، یعنی اجداد گذشته و اولاد آینده را برابر فرا می‌گیرد. از این رو فرمودهٔ سعدی شیرازی «بنی آدم اعضای یک پیکرند»، که شکل منظوم یکی از حدیثهای پیامبر اسلام محمد مصطفیست، در تصور وارثان پیامبر شعر فارسی مضمون تاریخی هم دارد.

به زبان فلسفی گویم، در قرینهٔ جهان‌بینی سنتی ما مقولهٔ «زمان اجتماعی» رنگ و روند نادری پیدا کرده بود، که تا زمان ما حفظ شده‌است: وقت به سان رود کوهسار یک‌جانبه جاریست، ولی هر یک لحظه‌اش بود و شد حافظهٔ تاریخی را مثل جام جم انعکاس می‌کند. بنا بر این هر یک نسل تاجیک و ایرانی رودکی و فردوسی، بوعلی و بیرونی، رومی و جامی، سعدی و حافظ، اقبال و عینی را همچون معاصر و مصاحب زنده می‌پذیرد. خصوصاً که حامل و حامی این فرهنگ والا-- زبان مشترک ما و آن بزرگان موسوم و معروف به پارسی-دری-تاجیکی با وجود آن همه بهره‌ای، که از دیگر زبانها، به خصوص عربی، برداشته است، به کلیت خویش تغییر نیافته و بدین جهت به اهل سواد ایران و تاجیکستان و افغانستان کلاً مفهوم بود.

خود را در نیشابور نوشته یا فقط نیشابوری بوده. کتاب را، اگر چه میگوید بموجب التماس دوستی نوشتم، در حقیقت برای شاه نوشته و چیزهای را که میگوید موبدان موبد برای شاه بعنوان هدیه نوروزی میبرده هر یک شاه یکی از انواع است: شراب شاه نوشیدنیها، زر شاه گوهرهای گدازنده، یاقوت شاه گوهرهای ناگدازنده، اسپ شاه چرندگان، باز شاه پرندگان و قس علی هذا. برای یک پادشاه ترک و در دوره سلطنت ترکان در ایران نوشته: یک جا میگوید امروز اسپ را هیچ گروه به از ترکان نمی شناسند از بهر آن که جهان ایشان، دارند؛ مکرر به ترکان پند میدهد که جشن نوروز را ترک نکنید؛ در باره خواص اسپ بگفته افراسیاب پادشاه ترک استشهد میکند، و از خارج می دانیم که سلاجقه نسب خویش را باو میرسانده اند.^۱ برای یکی از جانشینان نزدیک ملک شاه نوشته. آنهم در هنگامی که هنوز از مرگ ملک شاه خیلی نگذشته بوده است. در فصلی که شاهان باستان ایران را مشتاق بآبادی جهان معرفی می کند مثل اینست که می خواهد بجانشین ملک شاه بگوید که کار بنای رصدخانه که او شروع کرده بود تو باید بی پایان بری.

نویسنده فیلسوفی است مادی، معتقد نیست که خدا انواع را جدا جدا خلق کرده، بلکه میگوید که چیزهای نو بر حسب گردش عالم و چنانکه در خور آن بود، پدید آمد. زندگی را تلخ می یافته و میگوید دنیا در دل کسی شیرین مباد. فکر مرگ همیشه او را در رنج داشته و میدیده که مردان مرگ را زاده اند. بنا بر این معتقد می گردد که باید یک دم هم شده، خوش بود. پس از آن هر چه می شود، باک نیست. چون زر را برای خوش بودن زندگی لازم میداند، آنرا تمجید می کند. شراب را نیز که وسیله شادی و خرمی و راندن اندوه است میسیتاید. صورت خوب را نیز بزرگ می شمارد و با یک دنیا لطافت بیان کتاب خویش را برای فرخندگی بر روی نیکو ختم میکند. بجمال نه تنها از

^۱ خواجه نظام الملک طوسی وزیر آل سلجوق در سیرالملوک خویش در فصل اول گوید: «خدایوند عالم شهناش اعظم را از دو اصل بزرگوار که پادشاهی و بیثباتی در خاندان ایشان بود، وجد بعد همچنین تا افراسیاب بزرگ، پدید آورد.»

نوروزنامه خیام

من در صدد آن نبودم که در اینجا تحقیق در احوال و افکار خیام نموده، اقوال ادبا و سخن‌سنان مغرب زمین را در باره او نقل کنم. این کار استعداد و مجالی بیشتر و موقع محلی دیگر می‌خواهد. هر که طالب مطالعه و تتبع در این موضوع باشد، دریای وسیعی از کتب در پیش دارد که شنا کردن از آن یک عمر می‌خواهد.^۱ مراد من ازین مقدار آن بود که خواننده معمولی را قبلاً با فلسفه خیام اندکی آشنا ساخته سپس نوروزنامه حاضر را با آنها قیاس نموده نشان بدهم که علاوه بر تصریح باسم خیام در دیباچه کتاب، وحدت طرز فکر نیز خود برهان دیگری بر اصالت نسبت آنست.

نوروزنامه رساله‌ایست در بیان سبب و وضع جشن نوروز و کشف حقیقت آن و این که کدام پادشاه آن را نهاده و چرا آنرا بزرگ داشته‌اند. نویسنده جشن نوروز را که یکی از رسوم ملی ایرانست موضوع رساله خویش قرار داده و بنا برین باید گفت، بملیت ایران علاقه‌مند بوده است؛ خاصه وقتی می‌بینیم باصرار زیاد مراعات و حفظ این جشن را حتی بر اقوام ترک و روم نیز واجب می‌شمارد. مؤلف از شاهان اساطیری و تاریخی ایران تا زمان یزدگرد شهریار یاد بسیار می‌کند و پیشه‌ها و رسوم و فنونی را که ایشان نهاده‌اند، مطابق بی‌روایاتی که در شهنامه‌ها آورده‌اند نقل میکند، چنانکه گوئی بخواندن شاهنامه فردوسی مداومت داشته. آیین جهانداری شاهان ساسانی را با تمجید و تحسین حکایت می‌کند. وی منجم و ریاضی‌دان بوده، در مسائلی طبی از آرای رازی و ابن سینا پیروی مینموده. و این کتاب

^۱ A. G. Potter کتابی بنام A bibliography of the Rubaiyyat of Omar Khayyam در سال ۱۹۲۹ در لندن منتشر ساخته که در آن فهرست مجموعه‌های رباعیات خیام و مقالاتی را که در باب او بکلیه زبانها منتشر شده با تمام مشخصات داده‌است و شماره کلیه این نوع کتب و مقالات منتشره تا ۱۹۲۹ آنچه که جامع و پیشروان او توانسته‌اند به احصاء درآورند یک‌هزار و صد و سی عدد است و آنها که از نظر مدونین این احضائیه فوت شده و یا بعد از انتشار آن از چاپ در آمده نیز اگر بر این عده افزوده شود قطعاً به هزار و پانصد می‌رسد.

همعصر بوده باشد و چنین رساله‌ای را نوشته باشد؟ آنگاه این قدر گذشت کرده باشد که نام خیام را بر آن بگذارد؟ بالاخره این کتاب موجود است و صریحاً از تألیف خیام خوانده شده و براهین نیز بر صحت این تصریح داریم. پس، تا دلیل دندان شکن بر بطلان این نسبت اقامه نشود، هیچ کس را بصاحب آن سزاوارتر از حکیم عمر خیام نیشابوری نمی‌شماریم.

من این رساله را یک هدیه خیام بادبیات فارسی و ملیت ایرانی میدانم و بازیافتن آن را خوشبختی بزرگی می‌خوانم. از روی سبک انشای سریع و نقصانهای عبارتی و پاره‌ای غلطهای تاریخی و ادبی آن^۱ حکم می‌کنم که خیام آن را بسیار سردستی، بدون صرف وقت و مطالعه و تحقیق و مراجعه، فقط باعتماد حافظه و مساعدت خیال، بطور قلم‌انداز. برای منظوری نوشته و بشاه معاصر خویش تقدیم کرده یا بلکه اصلاً بتکلیف آن شاه روی کاغذ آورده است. این رساله گرانبها که یک یادگار نثری ادبی و شاعرانه از طبع لطیف همان خیام ریاضی‌دان و منجم و فیلسوف و مطب و شاعر متفکر بلندنظر و صاحب ذوق و صنعت عالی و قوه تصور وسیع است، حسن تصادف در سال ۱۳۰۸ هجری شمسی در ضمن مجموعه رسایلی به کتابخانه عمومی برلین منتقل شد و عکس آن را آقای میرزا محمدخان قزوینی برای کتابخانه وزارت معارف گرفته بودند. من باجازه رسمی وزارتخانه متبوعه اساس این طبع قرار دادم. آقای قزوینی چند سطری در ابتدای مجلدی که حاوی اوراق عکسی است، یادداشت کرده‌اند که عیناً نقل می‌کنم:

- «نوروزنامه، تألیف ملک‌الحماء عمر ابن ابراهیم خیام در شرح نوروز

^۱ به بعضی از این نقصها و اشتباهات در ضمن حواشی اشاره شده است. علاوه بر آنها قول باینکه دیبا از دیو بافت ناشی شده (ص. ۸) از نوع اشتقاق عامیانه است؛ نام بردن سقراط جزء دانایان طب (ص. ۶۰) سهوالقلم است؛ قول باینکه نام اجزاء کان و تیر از روی نظایر آنها در اصطلاحات فلکی گرفته شده (ص. ۳۹) درست بعکس واقع است و مشبه و مشیمه را بجای یکدیگر گذاشته و مجازی را اصلی و اصلی را مجازی گرفته است؛ در افرین مودان موبد که خواسته است بیارسی صرف باشد دو کلمه رسم و همت را که عربی است آورده (۲. ۱۸)؛ حکایت تغییر فرمان شاه با اضافه کردن یک نقطه (۲. ۴۹) ممکن نیست مربوط بمقابل اسلام باشد.

لحاظ ظرافت پرستی مینگرد بلکه فایده مادی نیز دران می بیند باین طور که شخص خوب صورت ناگزیر میشود مال بیشتر بدست آورد تا بتواند با دوستان بهم بنشیند و خوش باشد. برای همین منظور خوش گذشتن زندگی بشری است که اصراری بآبادی جهان دارد.

اگر چه دیباچه کتاب را بر سبیل سیره جاری مؤلفین به حمد و درود شروع میکند باز همه پیغمبران را در یک ردیو قرار می دهد. اسلام استعمال ظروف زرین را نهی میکند ولی او خود را بان راه نمیزند. بی آنکه اعتنائی بحرام بودن شراب در نظر مسلمانان داشته باشد، آن را مدح می کند و منافع و مضار انواع مختلف آن را بیان مینماید و چاره زیان هر یک را به دست میدهد. فقط اشاره ای میکند که در قرآن نیز سودمندی شراب یاد شده است.

در سراسر کتاب یک نصیحت اخلاقی جز تشویق شاه به بی آزاری و دادگری که لازمه آبادی و آسایش خلق است، دیده نمی شود. بزرگترین فضیلت انسانی شجاعت را می داند و قدرت و عظمت را دوست دارد. و پیکر شجاعت را بطوری که در صفحه مقابل ترسیم شده است وصف می کند. فضیلت بزرگ دیگری که قائل است ملکه خواندن و نوشتن است. داستان سلطان محمود را با پسری نیکو روی و بزرگ داشتن و بالا بردن او، و همچنین داستان دختری را که روی زیبای خویش را شفیع پدر یا سرور خود گردانید با لحن موافقت و ستایش نقل می کند.

کلیه این ممیزات (از حیث زمان و مکان تألیف و طرز فکر و انشای ساده لطیف بی تکلف) در هر کتابی جمع شد. اگر در خود کتاب هم تألیف آن بخیام نسبت داده نشده باشد، من آن را از خیام می دانم. چرا ندانم؟ برای این که صاحبان تذکرها و کتب تراجم چنین کتابی باسم او نیاورده اند و من و شما تا امروز آن را نمی شناسیم و ندیده بودیم؟ مگر ارباب تذکره همه چیز را نوشته اند؟ یا همه اقوال و روایات آنها راستست؟ چند صد کتابی حدس میزنید در ایران نوشته شده باشد که ما نه تنها نام آنها را ننشیده باشیم، بلکه اصلاً از نوشته شدن آن هم خبر نداشته باشیم؟ چه کسی را جز خیام توان یافت که با او

بسم الله الرحمن الرحيم

سپاس و ستایش مر خدای را جلّ جلاله و که آفریدگار جهانست، و دارنده زمین و زمانست، و روزی ده جانورانست، و داننده آشکارا و نهانست، خداوند بی همتا و بی انباز و بی دستور و بی نیاز، یکی نه از حدّ قیاس و عدد، قادر و مستغنی از ظهیر و مدد، و درود بر پیغمبران او از آدم صفی تا پیغمبر عربی محمد مصطفی صلی الله و علیهم اجمعین، و بر عترت و صحاب و برگزیدگان او.

چنین گوید (خواجه حکیم فیلسوف الوقت سید المحققین ملک (الحکماء) عمر ابن ابراهیم الخیّام (رحمة الله علیه) که چون نظر افتاد از آنجا که کمال عقلست، هیچ چیز نیافتم شریفتر از سخن و رفیعتر از کلام، چه اگر بزرگوارتر از کلام چیزی بودی حق تعالی با رسول صلی الله و علیه خطاب فرمودی^۱ و گفته اند به تازی و خیر و جلیس فی الزمان کتاب دوستی که بر من حق صحبت داشت و در نیک عهدی یگانه بود از من التماس کرد که سبب نهادن نوروز چه بوده است و کدام پادشاه نهاده است، التماس او را مبذول داشتم و این مختصر جمع کرده آمد بتوفیق جلّ جلاله.

آغاز کتاب نوروزنامه

در این کتاب که بیان کرده آمد در کشف حقیقت نوروز که بنزدیک ملوک عجم کدام روز بوده است و کدام پادشاه نهاده است و چرا بزرگ داشتند آن را و دیگر آیین پادشاهان و سیرت ایشان در هر کاری مختصر کرده آید انشاء الله تعالی، اما سبب نهادن نوروز آن بوده است که چون بدانستند که آفتاب را دو دور بود، یکی آن که هر سیصد و شصت و پنج روز و ربعی از شبانروز باول دقیقه حمل باز آید بهمان وقت و روز که رفته بود بدین دقیقه نتواند آمدن، چه هر سال از مدت همی کم شود و چون جمشید آن روز را دریافت، نوروز نام نهاد و جشن آیین آورد، و پس از آن پادشاهان و دیگر مردمان بدو

و تاریخ آن و آداب، نسخه منحصر به فرد کتابخانه دولتی برلین دارای پنجاه و شش صفحه بقطع وزیری به خط نسخ با املاهای قدیمی از قبیل نوشتن ذالهای فارسی بصورت ذال معجمه و نوشتن کی بجای که و نحو ذلک؛ تاریخ کتابت ندارد ولی قطعاً از قرن هفتم هجری مؤخر نباید باشد، بخرج وزارت جلیله معارف دولت علیه ایران و باهتمام این ضعیف محمد ابن عبدالوهاب قزوینی عکس برداشته شد، شهر رجب، ۱۳۵۰ مطابق آبان ۱۳۱۰».

در خاتمه از دوست عزیزم صادق هدایت که یادداشتهای خیامانه خود و بعضی کتب مربوط بخيام را برای استفاده باختیار اینجانب گذاشت، سپاسگزاری را واجب میشمارم.

مجتبی مینویی

طهران، مهرگان سال ۱۳۱۲

چنانک آفتاب از سر حمل روان شد و زحل و مشتری با دیگر کواکب آنجا بودند، بفرمان ایزد تعالی حالهای عالم دگرگون گشت، چیزهای نو پدید آمد، مانند آنک درخورد عالم و گردش بود، چون آن وقت را دریافتند، ملکان عجم، از بهر بزرگ داشت آفتاب را و از بهر آنکه هر کس این روز را در نتوانستندی یافت نشان کردند، و این روز را جشن ساختند، و عالمیان را خبر دادند تا همگان را بدانند و آن تاریخ را نگاه دارند. و چنین گویند که چون کیومرث این روز را آغاز تاریخ کرد، هر سال آفتاب را (و چون یک دور آفتاب بگشت در مدت سیصد [و] شصت و پنج روز) بدوازده قسمت کرد، هر بخشی سی روز، و هر یکی را ازان نامی نهاد و به فرشته‌ای باز بست ازان دوازده فرشته که ایزد تبارک و تعالی ایشان را بر عالم گماشته است. پس آن گاه دور بزرگ را که سیصد و شصت و پنج روز و ربعی از شبانروزیست سال بزرگ نام کرد و بچهار قسم کرد، چون چهار قسم ازین سال بزرگ بگذرد، نوروز بزرگ و نو گشتن احوال عالم باشد. و بر پادشاهان واجبست آیین و رسم ملوک بجای آوردن از بهر مبارکی و از بهر تاریخ و خرمی کردن باوّل سال. هر که روز نوروز جشن کند و بخرمی پیوندد، تا نوروز دیگر عمر در شادی و خرمی گذارد. و این تجربت حکما از برای پادشاهان کرده‌اند.

فروردین ماه، بزبان پهلوی است^۶، معنیش چنان باشد که این آن ماهست که آغاز رُستن نبات در وی باشد، و این ماه مر برج حمل راست که سر تا سر وی آفتاب اندرین برج باشد.

اردببهشت ماه، این ماه را اردببهشت نام کردند، یعنی این ماه آن ماهست که جهان اندر وی به بهشت ماند از خرمی و اُرد بزبان پهلوی مانند بود. آفتاب اندرین ماه بر دور راست در برج ثور باشد و میانه بهار بود.

خردادماه، یعنی آن ماهست که خورش دهد مردمان را^۷ از گندم و جو میوه، و آفتاب درین ماه در برج جوزا باشد،

تیرماه، این ماه را بدان تیرماه خوانند که اندرو جو گندم و دیگر چیزها را قسمت کنند و تیر آفتاب از غایت بلندی فرود آمدن گیرد و

اقتدا کردند، و قصه آن چنانست که چون کیومرث اول از ملوک عجم
 بیادشاهی بنشست، خواست که ایام سال و ماه را نام نهد و تاریخ
 سازد، تا مردمان آن را بدانند. بنگریست که آن روز بامداد آفتاب باول
 دقیقه حمل آمد، موبدان عجم را گرد کرد و فرمود که تاریخ از اینجا
 آغاز کنند، موبدان جمع آمدند و تاریخ نهادند، و چنین گفتند موبدان
 عجم که دانایان آن روزگار بوده‌اند که ایزد تبارک و تعالی دوازده
 فرشته آفریده است، از آن چهار فرشته بر آسمانها گماشته است، تا
 آسمان را به هر چه اندروست از اهریمنان نگاه دارند و چهار فرشته را
 بر چهار گوشه جهان گماشته است، تا اهریمنان را گذر ندهند که از
 کوه قاف برگذرند و چنین گویند که چهار فرشته در آسمانها و زمینها
 می‌گردند و اهریمنان را دور میدارند از خلاق، و چنین می‌گویند که
 این جهان اندر میان آن جهان چون خانه است نو اندر سرای کهن
 برآورده، و ایزد تعالی آفتاب را از نور بیافرید و آسمانها و زمینها را بدو
 پرورش داد، و جهانیان چشم بر وی دارند که نورست از نورهای ایزد
 تعالی. و اندر وی با جلال و تعظیم نگرند که در آفرینش وی ایزد
 تعالی را عنایت بیش از دیگران بوده است. و گویند مثال این چنانست
 که ملکی بزرگ اشارت کند بخلیفتی از خلفاء^۳ خویش که او را بزرگ
 دارند و حق هنر وی بدانند که هر که وی را بزرگ داشته است، ملک
 را بزرگ داشته باشد، و گویند چون ایزد تبارک و تعالی بدان هنگام
 که فرمان فرستاد که ثبات برگیرد، تا تابش و منفعت او بهمه چیزها
 برسد، آفتاب از سر حمل برفت^۴ و آسمان او را بگردانید و تاریکی از
 روشنایی جدا گشت و شب و روز پدیدار شد و آن آغازی شد مر تاریخ
 این جهان را. و پس از آن بهزار و چهارصد و شصت و یک سال بهمان
 دقیقه و همان روز باز رسید و آن مدت هفتاد [و سه بار قران] کیوان و
 اورمزد باشد که آن را قران اصغر خوانند. و این قران هر بیست سال
 باشد، و هر گاه که آفتاب دور خویشتن سپری کند و بدین جای برسد
 و زحل و مشتری را بهمین برج که هبوط زحل اندروست قران بود
 بامقابلة این برج میزان که زحل اندروست، یک دور اینجا و یک دور
 آنجا برین ترتیب که یاد کرده آمد، و جایگاه کواکب نموده شد،

انگبین از زنبور و ابریشم از پيله بیرون آورد. و جهان بخرمی بگذاشت و به نام نیک از جهان بیرون شد. و از پس او تهمورث بنشست و سی سال پادشاهی کرد و دیوان را در طاعت آورد و بازارها و کوچها بنهاد. و ابریشم و پشم ببافت و رهبان بزسپ در ایام او بیرون آمد و دین صابیان آورد^۱ و او دین بپذیرفت و زنار بر بست و آفتاب را پرستید. و مردمان را دبیری آموخت. و او را تهمورث دیو بند خواندندی. و از پس او پادشاهی برادرش جمشید رسید. و ازین تاریخ هزار و چهل سال گذشته بود و آفتاب اول روز بفروردین تحویل کرد و برج نهم آمد. چون از ملک جمشید چهارصد و بیست و یکسال بگذشت، این دور تمام شده بود و آفتاب بفروردین خویش، باول حمل باز آمد و جهان بر وی راست گشت، دیوان را مطیع خویش گردانید و بفرمود، تا گرمابه ساختند و دیبا را ببافتند. و دیبا را پیش از ما دیو بافت خواندندی، اما آدمیان بعقل و تجربه و روزگار بدینجا رسانیده اند که می بینی. و دیگر خر را بر اسب افکند، تا استر پدید آمد و جواهر از معادین بیرون آورد و سلاحها و پیرایها همه او ساخت و زر و نقره و مس و ارزیز و سرب از کانهها بیرون آورد و تخت و تاج و یاره و طوق و انگشتری او کرد و مشک و عنبر و کافور و زعفران و عود و دیگر طیبها او بدست آورد.

پس درین روز که یاد کردیم، جشن ساخت و نوروزش نام نهاد و مردمان را فرمود که هر سال چون فروردین نو شود، آن روز جشن کنند و آن روز نو دانند تا آنگاه که دور بزرگ باشد که نوروز حقیقت بود. و جمشید در اول پادشاهی سخت عادل و خدای ترس بود و جهانیان او را دوستدار بودند و بدو خرم. و ایزد تعالی او را فری و عقلی داده بود که چندین چیزها بنهاد و جهانیان را بزر و گوهر و دیبا و عطرها و چهارپایان بیاراست. چون از ملک او چهارصد و اند سال بگذشت، دیو بدو راه یافت و دنیا در دل او شیرین گردانید. و دنیا در دل کسی شیرین مباد. منی در خویشتن آورد. بزرگ منشی و بیدادگری پیشه کرد و از خواسته مردمان گنج نهادن گرفت. جهانیان از او به رنج افتادند و شب و روز از ایزد تعالی زوال ملک او میخواستند. آن فر ایزدی از او برفت. تدبیرهاش همه خطا آمد.

اندرین ماه آفتاب در برج سرطان باشد و اول ماه از فصل تابستان بود.
مردادماه، یعنی خاک داد خویش بداد از برها و میوه‌هائ پخته که در وی بکمال رسد، و نیز هوا در وی مانند غبار خاک باشد و این ماه میانه تابستان بود و قسمت او از آفتاب مر برج اسد [را] باشد.

شهریور ماه، این ماه را از بهر آن شهریور خوانند که ریو دخل بود، یعنی دخل پادشاهان درین ماه باشد و درین ماه برزگران را دادن خراج آسان تر باشد و آفتاب درین ماه در سنبله باشد و آخر تابستان بود.

مهرماه، این ماه را از آن مهرماه گویند که مهربانی بود مردمان را بر یکدیگر. از هر چه رسیده باشد از غله و میوه نصیب باشد، بدهند و بخورند به هم. و آفتاب درین ماه در میزان باشد و آغاز خریف بود.

آبان ماه، یعنی آبها درین ماه زیادت گردد از بارانها که آغاز کند و مردمان آب گیرند از بهر کشت و آفتاب درین ماه در برج عقرب باشد.
آذر ماه، بزبان پهلویی آذر آتش بود و هوا درین ماه سرد گشته باشد و باتش حاجت بود، یعنی ماه آتش. و نوبت آفتاب در این ماه مر برج قوس را باشد.

دی ماه، بزبان پهلویی دی دیو باشد، بدان سبب این ماه را دی خوانند که درشت بود و زمین از خرمیها دور مانده بود، و آفتاب در جدی بود و اول زمستان باشد.

بهمن ماه، یعنی این ماه بهمان ماند و مانده بود بماه دی بسردی و خشکی و بکنج اندر مانده. و تیر آفتاب اندرین ماه بخانه زحل باشد، بدلو با جدی پیوند دارد.

اسفندارمذ ماه، این ماه را بدان اسفندارمذ خوانند که اسفند بزبان پهلویی میوه بود، یعنی اندرین ماه میوه‌ها و گیاهها دمیدن گیرد. و نوبت آفتاب با آخر برجها رسد ببرج هوت.

پس کیومرث این مدت را بدین گونه به دوازده بخش کرد و ابتداء تاریخ پدید کرد.^۸ و پس از آن چهل سال^۹ بزیست. چون از دنیا برفت، هوشنگ بجایی او نشست و نهصد و هفتاد سال^۹ پادشاهی راند و دیوان را قهر کرد. و آهنگری و درودگری و بافندگی پیشه آورد و

بفرمود تا کبیسه کردند و فروردین آن روز آفتاب باول سرطان گرفت و جشن کرد و گفت: این روز را نگاه دارید و نوروز کنید که سرطان طالع عملست و مردهقانان را و کشاورزان را بدین وقت حق بیت‌المال دادن آسان بود. و بفرمود که هر صد و بیست سال کبیسه کنند، تا سالها بر جایی خویش بماند و مردمان اوقات خویش بسرما و گرما بدانند. پس آن آیین تا بروزگار اسکندر رومی که او را ذوالقرنین خوانند^{۱۲}، بماند؛ و تا آن مدت کبیسه نکرده بودند و مردمان هم بر آن میرفتند تا بروزگار اردشیر پاکان که او کبیسه کرد و جشن بزرگ داشت و عهدنامه بنوشت و آن روز [را نوروز] بخواند و هم بر آن آیین میرفتند تا بروزگار نوشیروان عادل^{۱۳}. چون ایوان مداین تمام گشت، نوروز کرد و رسم جشن بجا آورد چنانک آیین ایشان بود، اما کبیسه نکرد و گفت: این آیین بجا مانند^{۱۴} تا بسر دور که آفتاب باول سرطان آید تا آن اشارت [که] کیومرث و جمشید کردند، از میان برخیزد. این بگفت و دیگر کبیسه نکرد تا به روزگار مأمون خلیفه. او بفرمود، تا رصد بکردند و هر سالی که آفتاب به حمل آمد، نوروز بفرمود کردن و زیج مأمونی برخاست و هنوز از آن زیج تقویم می‌کنند^{۱۵} تا به روزگار المتوکل علی الله. متوکل وزیری داشت، نام او محمد ابن عبدالملک. او را گفت: افتتاح خراج در وقتی می‌باشد که مال دران وقت از غله دور باشد و مردمان را رنج میرسد و آیین ملوک عجم چنان بوده است که کبیسه کردند تا سال بجای خویش بازآید و مردمان را به مال گزاردن رنج کمتر رسد، چون دست شان بارتفاع رسد». متوکل اجابت کرد و کبیسه فرمود و آفتاب را از سرطان به فروردین بازآوردند و مردمان در راحت افتادند و آن آیین بماند^{۱۶}. و پس از آن خلف ابن احمد امیر سیستان کبیسه دیگر بکرد که اکنون شانزده روز تفاوت از آنجا کرده است^{۱۷} و سلطان سعید معین‌الدین ملک‌شاه را انارالله و برهانه و ازین حال معلوم کردند. بفرمود، تا کبیسه کنند و سال را بجایگاه خویش باز آرند. حکمای عصر از خراسان بیآوردند و هر آلتی که رصد را بکار آید، بساختند از دیوار و ذات الحلق^{۱۸} مانند این و نوروز را به فروردین بردند، و لیکن پادشاه را زمانه زمان نداد و کبیسه تمام ناکرده بماند^{۱۹}.

بیوراسپ که او را ضحاک خوانند، از گوشه‌ای در آمد و او را بتاخت و مردمان او را یاری ندادند از آنک ازو رنجیده بودند. بزمین هندوستان گریخت. بیوراسپ به پادشاهی بنشست و عاقبت او را بدست آورد و پاره بدو نیم کرد. و بیوراسپ هزار سال پادشاهی کرد. باول دادگر بود و بآخر بی داد گشت و هم بگفتار و بکردار دیو از راه بیفتاد و مردمان را رنج می‌نمود، تا آفریدون از هندوستان بیامد و او را بگشت و بیادشاهی بنشست. و آفریدون از تخم جمشید بود. پانصد سال پادشاهی کرد.

چون صد و شصت و چهار سال^{۱۱} از ملک آفریدون بگذشت، دور دوم از تاریخ کیومرث تمام شد و او دین ابراهیم علیه‌السلام پذیرفته بود. و پیل و شیر و یوز را مطیع گردانید و خیمه و ایوان او ساخت و تخم درختان میوه‌دار و نهال و آبهای روان در عمارت و باغها او آورد؛ چون ترنج و نارنج و بادرنگ و لیمو و بنفشه و نرگس و نیلوفر و مانند این در بوستان آورد؛ و مهرگان هم او نهاد و همان روز که ضحاک را بگرفت و ملک بر وی راست گشت، جشن سده بنهاد و مردمان که از جور و ستم ضحاک برسته بودند، پسندیدند و از جهت فال نیک آن روز را جشن کردند و هر سال تا امروز آیین آن پادشاهان نیک عهد در ایران و توران بجای می‌آرند. چون آفتاب به فروردین خویش رسید، آن روز آفریدون بنو جشن کرد و از همه جهان مردم گرد آورد و عهدنامه نبشت و گماشتگان را داد فرمود و ملک بر پسران قسمت کرد. ترکستان از آب جیحون تا چین و ماچین توا داد و زمین روم مر سلم را و زمین ایران و تخت خویش را بایرج داد. و ملکان ترک و روم و همه از یک گوهرند و خویشان یکدیگرند و همه فرزندان آفریدونند. و جهانیان را واجبست آیین پادشاهان بجای آوردن از بهر آنک از تخم وی اند. و چون روزگار او بگذشت و آن دیگر پادشاهان که بعد ازو بودند تا بروزگار گشتاسپ. چون از پادشاهی گشتاسپ سی سال بگذشت، زردشت بیرون آمد و دین گبری آورد و گشتاسپ دین او پذیرفت و بران می‌رفت.] و از گاه جشن آفریدون تا این وقت نهصد و چهل سال گذشته بود. و آفتاب نوبت خویش بعقرب آورد، گشتاسپ

عادت ملوک عجم و ترک و روم که از نژاد آفریدون اند، چنان بودست که اگر پادشاهی سربازی مرتفع بنا افگندی یا شهری یا دیهی یا رباطی یا قلعه‌ای یا رودی براندی و آن بنا در روزگار او تمام نشدی، پسر او [و] آن کس که بجایی او بنشستی بر تخت مملکت، چون کار جهان بر وی راست گشتی بر هیچ چیز چنان جدّ ننمودی که آن بنای نیم کرده آن پادشاه تمام کردی^{۲۳}، یعنی تا جهانیان بدانند که ما نیز بر آبادان کردن جهان و مملکت همچنان راغبیم. اما پسر پادشاه درین معنی حریص تر بودی از جهت چند سبب را. گفتی: بر پسر فریض تر که نیم کرده پدر خویش را تمام کند که چون تخت پادشاهی پدر ما را باشد، سزاوارترم. و دیگر گفتی: پدرم این عمارت یا از جهت آبادانی جهان همی کرد یا از بلند همّتی و نام نیکو یا از جهت تقرّب الله تعالی یا از جهت نزهت و خرمی، مرا نیز آبادانی مملکت همی باید و همت بزرگ دارم و رضا و خوشنودی خدای تعالی همی خواهم و نزهت و خرمی دوست دارم. پس در تمام کردن بنا فرمان دادی و بجدّ بایستادی تا آن شهر و بنا تمام گشتی. و اگر به دست او تمام نشدی، دیگری که بجایی او نشستی تمام [کردی] و مردمان آن پادشاه را مبارک و ارجمند داشتندی. گفتندی: خدای تعالی این بنا بر دست او تمام گردانید. و ایوان کسری بمداین که شاپور ذوالاکتاف بنا افگند و از بعد او چند پادشاه عمارت همی کردند، تا بر دست نوشین روان عادل تمام شد. و پل اندیمشک^{۲۴} همچنین و مانند این بسیارست. دیگر عادت ملوک عجم آن بوده است که هر کسی پیش ایشان چیزی بردی، یا مطربی سرودی گفتی یا سخنی نیکو گفتی در معانی که ایشان را خوش آمدی، گفتندی: «زه!» یعنی، «احسنت». چنانک زه بر زبان ایشان برفتی، از خزینه هزار درم بدان کس دادندی^{۲۵}. و سخن خوش بزرگ داشتندی. و دیگر عادت ملوک عجم چنان بود که از سر گناهان درگذشتندی، الا از سه گناه. یکی آن که راز ایشان آشکارا کردی؛ و دیگر آن کس که یزدان را ناسزا گفتی؛ و دیگر کسی [که] فرمان را در وقت پیش نرفتی و خوار داشتی. گفتندی: هرک راز ملک نگاه ندارد، اعتماد از او برخاست و هر که یزدان را ناسزا گفت کافر

اینست حقیقت نوروز و آن چه از کتابهای متقدمان یافتیم و از آن گفتار دانایان شنیده‌ایم. اکنون بعضی از آیین ملوک عجم یاد کنیم بر سبیل اختصار و باز بتفصیل نوروز برگردیم.

اندر آیین پادشاهان عجم

ملوک عجم ترتیبی داشته‌اند در خان نیکو نهادن هر چه تمامتر به همه روزگار^{۲۰} و چون نوبت بخلفا رسید در معنی خوان نهادن نه آن تکلف کردند که وصف توان کرد، خاصه خلفای عباسی از اباهای و قلیها و حلواهای گوناگون و فقاغ جرو^{۲۱} اینان نهادند و پیش از ایشان نبود. و اغلب حلواهای نیکو چون هاشمی و صابویی و لوزینه و اباهای و طبیخهای نافع هم خلفای بنی عباس نهادند. و آن همه رسمهای نیکو ایشان را از بلندهمتی بود. و دیگر آیین ملوک عجم اندر داد دادن و عمارت کردن و دانش آموختن و حکمت ورزیدن و دانا آن را گرامی داشتن همتی عظیم بوده است. و دیگر، صاحب خبران را در مملکت بر هر شهری و ولایتی گماشته بودند تا هر خبری که میان مردم حادث گشتی، پادشاه را خبر کردند، تا آن پادشاه بر موجب آن فرمان دادی. و چون حال چنین بودی، دستهای تطاول کوتاه بودی و عمال بر هیچ کسی ستم نیارستندی کردن و یک درم از کس بناحق نتوانستندی ستدن. و غلامان بیرون از قانون قرار و قاعده هیچ از رعایا نیارستندی خواست و خواسته و زن و فرزند مردمان در امن و حفظ بودی و هر کس بکار و کسب خویش مشغول بودند، از بیم پادشاه^{۲۲} و دیگران پاره که خشم را ارزانی داشتندی از او باز نگرفتندی و بوقت خویش بر عادت معهود سال و ماه بدو می‌رسانیدندی. و اگر کسی درگذشتی و فرزندی داشتی که همان کار و خدمت توانستی کردن نان پدر او را ارزانی داشتندی. و دیگر، بر کار عمارت عظیم حریص و راغب بودند و هر پادشاه که بر تخت مملکت بنشستی، شب و روز در آن اندیشه بودی که کجا آب و هوای خوش است، تا آن جا شهری بنا کردند، تا ذکر او در آبادان کردن مملکت در جهان بماندی. و

آفرین موبد موبدان به عبارت ایشان

شها، بجشن فروردین، بماه فروردین آزادی کزین بردان و دین کیان؛ سروش آورد ترا دانایی و بنایی به کاردانی؛ و دیر زیو با خوی هژیر و شاد باش بر تخت زرین و آنوشه خور بجام جمشید؛ و رسم نیاکان در همت بلند و نیکوکاری و ورزش داد و راستی نگاه دار؛ سرت سبز باد و جوانی چو خوید^{۳۱}؛ اسپت کامگار و پیروز و تیغت روشن و کاری به دشمن و بازت گیرا [و] خجسته بشکار؛ و کارت راست چون تیر؛ و هم کشوری بگیر نو^{۳۲}؛ بر تخت با درم و دینار، پیشت هنری و دانا گرامی و درم خوار؛ و سراپت آباد و زندگانی بسیار.

چون این بگفتی، چاشنی^{۳۳} کردی و جام بملک دادی. و خوید در دست دیگر نهادی. و دینار و درم در پیش تخت او بنهادی، و بدین آن خواستی که روز نو و سال نو هرچه بزرگان اوّل دیدار چشم بر آن افکنند تا سال دیگر شادمان و خرم با آن چیزها در کامرانی بمانند، و آن برایشان مبارک گردد که خرمی و آبادانی جهان در این چیزهاست که پیش ملک آوردندی. اکنون فایده و صفت و خاصیت زر آغاز کنیم و سخن از وی گوئیم که زر شاه همه گوهرهای گدازنده است و زینت ملوک، چنانکه گفته‌اند.

اندر یاد کردن زر و آن چه واجب بود در باره او

زر اکسیر آفتابست و سیم اکسیر ماه و نخست کسی که زر و سیم از کان بیرون آورد، جمشید بود. و چون زر و سیم از کان بیرون آورد، فرمود، تا زر را چون قرصه آفتاب گرد کردند، و بر هر دو روی صورت آفتاب مهر نهادند، و گفتند: این پادشاه مردمانست اندرین زمین چنانک آفتاب اندر آسمان. و سیم را چون قرصه ماه کردند و بر هر دو روی صورت ماه مهر نهادند، و گفتند: این کدخدای^{۳۴} مردمانست اندر زمین چنانک ماه اندر آسمان. و مر زر را که خداوند کیمیاست شمس

گشت و هر که فرمان پدشاه را کار نبندد، با پادشاه برابری کرد و مخالف شد». این هر سه را در وقت سیاست فرمودندی^{۲۶} و گفتندی؛ هر چیز که پادشاهان دارند از نعمتهای دنیا مردمان دیگر دارند. فرق میان پادشاهان و دیگران فرمان روایی است. چون پادشاه چنان باشد که فرمانش بر کار نگیرند، چه او و چه دیگران؟^{۲۷} و دیگر آن که در بیابانها و منزلها رباط فرمودندی و چاههای آب کندندی و راهها از دزدان و مفسدان ایمن داشتندی. و هر کسی را رسمی و معیشتی فرمودندی و هر سال بدو رسانیدندی بی تقاضا. و اگر کسی از عمال چیزی بر ولایتی یا دیهی بیرون از قرار قانون درافزودی، آن عمل بدو ندادندی، بلکه او را مالش دادندی، تا کس دیگر آن طمع نکردی که زیادت [از] مردم بستاند و ملک خراب گردد^{۲۸}. و هر که از خدمتکاران خدمتی شایسته بواجب بکردی، در حال او را نواخت و انعام فرمودندی بر قدر خدمت او، تا دیگران بر نیک خدمتی حریص گشتندی. و اگر از کسی گناهی و تقصیری آمدی بزودی تأدیب نفرمودندی از جهت حق خدمت^{۲۹}، اما او را بزدان فرستادندی، تا چون کسی شفاعت کردی، عفو فرمودندی. از این معنی بسیارست. اگر همه یاد کنیم دراز گردد. این مقدار کفایت باشد. اکنون بذکر نوروزنامه که مقصود ازین کتابست، باز گردیم.

آمدن موبد موبدان و نوروزی آوردن

آیین ملوک عجم از گاه کیخسرو تا بروزگار یزد جرد شهریار که آخر ملوک عجم بود، چنان بوده است که روز نوروز نخست کس از مردمان بیگانه موبد موبدان پیش ملک آمدی با جام زرین پُرمی و انگشتری و درمی و دیناری خسروانی و یک دسته خویدی سبز رسته و شمشیری و تیر و کمان و دوات و قلم و اسپی و بازی و غلامی خوب روی؛ و ستایش نمودی و نیایش کردی او را بزبان پارسی، بعبارت ایشان. چون موبد موبدان از آفرین پرداختی پس بزرگان دولت در آمدندی و خدمتها پیش آوردندی.

اندر علامت دفینها

هر زمینی که در او گنجی یا دفینی باشد، آنجا برف پای نگیرد و بگذارد. و از علامتهای دفین یکی آن است که چون زمینی خراب باشد، بی کشتمند و اندران سپرغمی رُسته بود، بدانند که آنجا دفین بود، و چون شاخ کنجد ببینند یا شاخ بادنجان بدامن کوه که از آبادانی دور بود، بدانند که آنجا دفینست، و چون زمینی شورناک باشد و بران بقدر یک پوست گاو خفتن خاک خوش باشد، یا گلی که مهر را شاید، بدانند که آنجا دفینست، و چون انبوهی کرگسان ببینند و آنجا مردار نباشد، بدانند که آنجا دفینست، و چون بارانی آید و بر پاره‌ای زمین آب گرد آید، بی آنک معاکی باشد، بدانند که آن جا دفینست. و چون بزمستان جایگاهی ببینند که برف پای نگیرد و زود می‌گذارد و دیگر جایها بر حال خویش باشد، بدانند که آن جا دفینست. و چون سنگی ببینند لرر و چنانک روغن برو ریخته‌اند و باران و آب که بر وی آید، بوی اندر نیاویزد و تری نپذیرد، بدانند که آن جا دفینست و چون تذرو را ببینند و دراج را که هر دو به یک جا فرو می‌آیند و نشاط و بازی می‌کنند یا مگس انگبین ببینند بی وقت خویش که موضعی گرد آیند یا درختی ببینند که از جمله شاخهای او یک شاخ بیرون آمد جداگانه روی سوی جایی نهاده و از همه شاخها افزون باشد، بدانند که آن جا دفینست. این همه زیرکان بچاره نشان کرده‌اند تا بوقت حاجت بر سر این دفینه توانند آمد^{۳۷} و هر که زر را بی آنک در خنبر^{۳۸} یا چیزی مسین یا آبگینه نهد، همچنان در زیر زمین دفن کند، چون بعد از سالی بر سر آن رود، زر را باز نیابد، پندارد که کسی برده است. ندز دیده باشند، لیکن بزیر زمین رفته باشد، از بهر آنک زر گران باشد، هر روز فروتر همی‌رود، تا بآب رسد. و اندر قوت زر حکایتها اندکی یاد کنیم.

حکایت: روزی نوشین روان بیاغ سرای اندر حجام را بخواند، تا موی بردارد. چون حجام دست بر سر وی نهاد، گفت: ای خدایگان، دختر خویش به زنی بمن ده تا من دل [تو] از جهت قیصر فارغ

و نه‌الجدّ خوانده‌اند. یعنی آفتاب روز بخت، و مر سیم را قمر و لیل الجدّ یعنی ماه شب بخت و مروارید را کوکب سماء الغنی، یعنی ستاره آسمان توانگری و گروهی زیرکان مر زر را نارشتاء الفقر خوانده‌اند، یعنی آتش زمستان درویشی و گوروهی بح بح قلوب الأجلّة، یعنی خرمیها^{۳۴} دل بزرگان و گروهی نرجس و روضه الملک، یعنی نرگس بوستان شاهی و گروهی قره عین الدین، یعنی روشنایی چشم دین. و شرف زر بر گوهره‌اء گدازنده چنان نهاده‌اند که شرف آدمی بر دیگر حیوانات. و از خاصیت‌های زر یکی آنست که دیدار وی چشم را روشن کند و دل را شادمان گرداند. و دیگر آنک مرد را دلاور کند و دانش را قوّت دهد. و سید دیگر آنک نیکویی صورت افزون کند و جوانی تازه دارد، و به پیری دیر رساند. و چهارم عیش را بفزاید و به چشم مردم عزیز باشد. و از بزرگی [ای] که زر را داشته‌اند، ملوک عجم دو چیز زرّین کسی را ندادندی؛ یکی جام و دیگر رکاب. و در خواص چنان آورده‌اند که کودک خرد را چون بدارودانی^{۳۵} زرش شیر دهند، آراسته سخن آید و بر دل مردم شیرین آید و بتن مردانه و ایمن بود از بیماری صرع، و در خواب نترسد. و چون بمیل زرّین چشم سرمه کنند، از شب کوری و آب دویدن چشم ایمن بود و در قوّت بصر زیادت کند. و خلاخل زرّین چون بر پای باز بندند، بر شکار دلیرتر و خرمتر رود. و هر جراحی که بزر افتد، زود به شود، و لیکن سر به هم نیارد و از بهر این زنان بزرگان دختران و پسران خویش را گوش بسوزن زرّین سوراخ کنند، تا آن سوراخ هرگز سر به هم نیارد. و به کوزه زرّین آب خوردن از استسقا ایمن بود و دل را شادمانه دارد و ازین سبب اطبّا به مفرّح اندر زر و سیم و مروارید افگند و عود و مشک و ابریشم بحکم آنک هر ضعفی که دل را افتد از غم یا اندیشه، آن را بگوهر و زر و سیم توان برد و آن چه از جهت انقباض افتد بمشک و عود و ابریشم بصلاح توان آورد و آن چه از غلبه خون افتد به کهربا و ند^{۳۶} و آن چه از سطبری خون افتد به مروارید و ابریشم.

یاد کردن انگشتی و آنچه واجب آید در باره او

انگشتی زینتی است سخت نیکو و بایسته انگشت. و بزرگان گفته‌اند، نه از مروّت باشد که بزرگان انگشتی ندارند. و نخستین کسی که انگشتی کرد و به انگشت در آورد جمشید بود. و چنین گفته‌اند که انگشت بزرگان بی انگشتی چون نوریست بی علم. و انگشتی مر انگشت را چون علمست مرمیان را و میان با کمر نیکوتر آید. و انگشتی در انگشت بزرگان خبر را بود بر مروّت تمام و رای قوی و عزیمت درست، چه هر کرا مروّت تمام بود، خویشان را از مهر بی بهره ندارد و چون برای قوی بود بی عزیمت نبود، و چون باعزیمت درست بود بی مهر نبود، چه نامه بزرگان بی مهر از ضعیفی رای و سست عزمی بود. و خزانه بی مهر از خوارکاری و غافلی بود. و از جهت آن که سلیمان علیه السلام انگشتی ضایع کرد، ملک از وی برفت. شرف آن مهر را بود که بر وی بود، نه انگشتی را. و پیغمبر صلی علیه و سلم انگشتی بانگشت اندر آورد و نامها که فرستادی به هر ناحیتی بمهر فرستادی. سبب آن بود که نامه او بی مهر به پرویز رسید، پرویز از آن در خشم شد. نامه را برنخواند و بدرید و گفت: نامه بی مهر چون سر بی کلاه بود و سر بی کلاه انجمن را نشاید. و چون نامه مهر ندارد، هر که خواهد، برخواند و چون مهر دارد، آن کس خواند که بدو فرستاده باشند. و خردمندان گفته‌اند که تیغ و قلم هر دو خادمان انگشتی ملک‌اند که ملک ایشان بگیرند و راست کنند. در زیر حکم انگشتی ملک اندر آید که تا وی نخواهد ایشان بوی نرسند. و هر زینتی که مردم را بود شاید که بوقتی باشد و بوقتی نباشد مگر زینت انگشتی. و بهیچ وقت نباید که بی وی بود، چه وی زینت انگشت است که بوی یکی گیرند که رهنمونی بود بر یگانگی ایزد جلّ جلاله و این زینت مرو را چون کرامت‌یست از خاصیت این حال و این همچنانست چون مبارزی که هنری بنماید و بدان سبب بزرگی نزدیک گردد که وی را کرامتی کند، کز یاران دیگر بدان کرامت جدا گردد و طوق زرّین در گردن وی کند یا کمر زرّین دهد، تا بر میان بندد، چه هنرکی نموده باشد. و انواع انگشتی بسیار است، و لیکن ملوک را به جز دو نگینه روا

گردانم. نوشین روان با خود گفت: این مردک چه می‌گوید؟! از آن سخن گفتن وی عجب داشت، و لیکن از بیم آن استره که حجام بدست داشت، هیچ نیاریست گفتن. جواب داد: چنین کنم تا موی نخست برداری. چون موی برداشت و برفت، بزرجمهر را بخواند و حال با وی بگفت. بزرجمهر بفرمود، تا حجام را بیاوردند. وی را گفت: تو به وقت موی برداشتن با خدایگان چه گفتی؟ گفت: هیچ نگفتم. فرمود تا آن موضع را که حجام پای بر وی داشت بکنند. چندان مال یافتند که آن را اندازه نبود. گفت: ای خدایگان، آن سخن که حجام گفت نه وی گفت، چه این مال گفت. بر آن چه دست بر سر خدایگان داشت و پای بر سر این گنج. و به تازی این مثل را گویند: «من یری الکنزه تحت قدمیه، یسأل الحاجه فوق قدره».

حکایت: پنا خسرو^{۳۹} برداشتند این خبر که مردی بآمل [زمینی] خرید ویران و برنجستان کرد. اکنون از آن زمین برنج می‌خیزد که هیچ جای چنان نباشد و هر سال هزار دینار از آن برمی‌خیزد. پنا خسرو آن زمین را بخريد بچندان که بها کرد و بفرمود تا آن زمین را بکنند. چهل خم دینار خسروانی بیافت اندران زمین و گفت: قوت این گنج بود که این برنجستان برین گونه می‌دارد.

حکایت: از دوستی شنیدم که مرا بر قول او اعتماد بودی که ببخارا زنی بود دیوانه که زنان وی را طلب کردند و با او مزاح و بازی کردند، و از سخن او خندیدندی. روزی در خانه‌ای جامه‌های دیبаш پوشانیدند و پیرایه‌های زر و جوهر بر او بستند، و گفتند: «ما ترا بشوهر خواهیم داد». آن زن چون دران [زر] و جوهر نگرید و تن خویش را آراسته دید، آغاز سخن عاقلانه کرد، چنان که مردم را گمان افتاد که وی بهتر گشت از دیوانگی. جدا کردند، بهمان حال دیوانگی باز شد. و گویند که بزرگان چون با زنی یا کنیزکی نزدیکی خواستندی کردن کمر زرین بر میان بستندی و زن را فرمودندی تا پیرایه بر خویشان کردی. گفتندی، چون چنین کنی فرزند دلاور آید و تمام صورت و نیکو روی و خردمند و شیرین بود در دل مردمان. و چون پسری زادی درستی زر و سیم بر گهواره او بجنبیدی، گفتندی که خدای مردمان این هردوند.

نفلقها ما من رجال اعزه
 علیم وهم کانوا اعق و اظما^{۴۲}
 و بدین معنی مأمون را میخواست که او را خلاف کرده بود. در آن
 میان از کنیزکیش خشم آمد. آن انگشتی بخشم بر وی زد. نگینش
 بجست و انگشتی و نگین هر دو در حوض افتادند. هرچند کسان فرو
 رفتند و طلب کردند و حوض از آب تهی کردند، نگینه بازنیافتند.
 بجای نگین یکی سنگ سپید اندر وی نشسته بود. بس روزگار بر وی
 برنیامد که طاهر اعور با او حرب کرد و هم در آن سرای مر او را
 بگشت.
 این قدر در معنی انگشتی گفته آمد.

یاد کردن خوید و آن چه واجب آید در باره او

جو رسته را ملوک عجم بقال سخت بزرگ داشتندی بحکم آن که
 در وی منافع بسیارست و از حبوب که پیوسته غذا را شاید، وی زودتر
 رسد و بدو مثل زنند که چهل روز از انبار بانبار رسد. هر کجا بیندازی
 برآید و زودتر از همه دانهها بالد. و جوست که هم دارورا و هم غذا را
 شاید. و حکما و زهاد غذای خویش جو اختیار کرده‌اند و چنین
 گفته‌اند که از خوردن وی خون کثیف و فاسد نخیزد که باستفراغ
 حاجت افتد. و نیز از بیماری دموی و صفراء ای بیشتر ایمن بود. و
 اطباء عراق وی را ماء مبارک خوانند و وی آن چیزپست که بیست و
 چهار گونه بیماری معروف را سود دارد: از آن سوچه^{۴۳} و ذات الحنه^{۴۴}
 و حمی مطبقه و حمی محرقه و سرفه، و سرسام، دق، سل، و س
 جگر، و پیوست معده، و عطش کاذب، و طلی^{۴۵} خایه و طلی سر، طلی
 سینه، طلی پهلوی، طلی جگر، طلی معده، طلی شکستگی، طلی خلع،
 طلی سوختگی، و طلی نقرس، و کرم را و روغن جو قویای^{۴۶} صفرا را
 ببرد. روغن گندم قویای سودا را ببرد. سبوس جو در دیگ کنند و
 نیک بجوشانند، کسی را که پیه‌های پای سست شود و برن‌توانند خاست
 و یا پیوندهای پای و زانو بگیرد و پای را در میان آب جو بنهند، تا
 بصلاح باز آید. و سبوس گندم همین معنی کند، مجربست. و بیغداد

نبود داشتن، یکی یاقوت که از گوهرها قسمت آفتابست و شاه گوهرهای ناگدازنده است و هنر وی آنک شعاع دارد و آتش بر وی کار نکند، و همه سنگها ببرد، مگر الماس را. و نیز خاصیتش آنک و با و مضرت تشنگی بازدارد. و در خبر چنان آمده است که پیغمبر علیه السلام آن وقت که بمدینه بود و حرب خندق خواست کردن، در مدینه و با افتاده بود. مصطفی علیه السلام یاقوتی با خویشتن داشت بقیمت افزون از دو هزار دینار و دیگر از پیروزه. از بهر نامش را^{۴۰} و از بهر عزیزی و شیرینی دیدارش و خاصیتش آنک چشمزدگی بازدارد و مضرت ترسیدن در خواب. و مر انگشتی را بعلامت فال و تعبیر رویا علامتهاست و در آن سخنها گفته اند ملوک را بولایت و ملک گزارش کنند و دیگر مردمان را بر عمل و صناعت و گروهی را بر کرامت بزرگان و گروهی را بر عافیت آنچه بوی در باشند.

حکایت: گویند، اسکندر رومی پیش از آنک گرد جهان بگشت، خوابهای گوناگون میدید که همه راه بدان میبرد که این جهان او را شود و ازان خوابها یکی آن بود که جمله جهان یکی انگشتی شدی^{۴۱} و بانگشت وی اندر آمدی، و لیکن او را نگین نبود. چون از ارسطوتالیس پرسید، گفت: این جهان همه ملک تو گردد و ترا بس ازان بر خورداری نبود، چه انگشتی ولایتست و نگین سلطان وی.

حکایت: گویند، یزد جرد شهریار روزی نشسته بود بردکان باغ سرای و انگشتی پیروزه در انگشت داشت. تیری بیامد و بر نگینه انگشتی زد و خرد بشکست و از وی بگذشت و بزمین درنشست و کس ندانست که آن تیر از کجا آمد. هرچند تجسس کردند، پدید نیامد. وی از آن غمناک و باندیشه شد که این چه شاید بود. چون از دانایان و ندیمان خویش پرسید، کس آن تأویل نمی دانست و آن که لختی دانست، نیارست گفت. پس از آن بس روزگار نیامد که بمرد و ملک از خاندان او برفت.

حکایت: گویند، محمد امین بدان روزگار که امیرالمؤمنین بود بیاباندر بر لب حوض نشسته بود و انگشتی از یاقوت در انگشت می گردانید و بدین بیت مثل میزد:

دهقانان چون خواهند که جو نیکو آید، بدین وقت باسپان دهند. ما این تاوان مر ادب را بستدیم تا خداوندان اسپ اسپ را نگه دارند تا بکشت کسان اندر نیاید که جو توشه پیغامبران است و توشه پارسا مردمان که دین بدیشان درست شود و توشه چهارپایان و ستوران که ملک بر ایشان بیای بود».

حکایت. چنین گویند که آدم علیه السلام گندم بخورد و از بهشت بدر افتاد. ایزد تعالی گندم غذای او کرد. هرچند از وی میخورد، سیری نیافت. بایزد تعالی بنالید. جو بفرستاد، تا از آن نان کرد و بخورد و به سیری رسید. آنکه وی را بفال داشتی که او را دیدی سبز و تازه. و از آن گه باز اندر میان ملوک عجم بماند که هر سال جو بنوروز بخواستندی از بهر منفعت و مبارکی که دروست.

یاد کردن شمشیر و آن چه واجب آید در باره او

شمشیر پاسبان ملک است و نگاهبان ملت، تا وی نبود هیچ ملک راست نیست، چه حدهاء سیاست بوی توان نگاه داشت، و نخستین گوهری که از کان بیرون آوردند آهن بود، زیرا که بایسته ترین آلتی مر خلق را او بود، نخست کس که از وی سلاح ساخت، جمشید بود، و همه سلاح با حشمت است و بایسته، و لیکن هیچ از شمشیر با حشم تر و بایسته تر نیست، که وی مانده آتش است با شعاع ذوحدین و زیرکان گفته اند که جهان بی آهن چون مردی جوانست بی ذکر که ازو هیچ تناسل نیاید، و چون از روی خرد بنگرند، مصالح جهان همه زیر بیم و امیدست، و بیم و اومید به شمشیر باز بسته است، چه یکی باهن بکوشد تا امیدش بر آید، و یکی از آهن بگریزد، تا بیمش نگهبان او شود، و تاج بر سر ملوک که می ایستد، باهن می ایستد و گنجشان که پُر میشود، باهن میشود، و ایزد تعالی منفعت همه گوهرها بآرایش مردم بازبست مگر منفعت آهن که جمیع صنایع را بکار است و جهان آراسته و آبادان بدوست، و از مرتبت شمشیر بهترین آنست که پیغمبر علیه السلام را آلت فتح شمشیر دادند، چنانک فرمود: «بعثت و

جو را بجوشانند و آب او بپالایند و با روغن کنجد دیگر باره بجوشانند تا آب برود و روغن بماند؛ و آن روغن را بآماس صفرای اندر مالند. و زنان از بهر درد و آماس رحم پنبه بدان تر کنند و برگیرند، عظیم سود کند. و چنین گویند چون شب خسوف ماه جو توان کاشت، جو بکارند و نان وی دیوانگان را دهند، سود دارد. و چون ماه به زیادت باشد و بزهره نگران^{۴۷}، بدان وقت جو کارند، هر اسب لاغر که ازان جو بخورد، فربه شود. نیکی و بدی سال اندر جو پدید آید که چون جو راست برآید و هموار، دلیل کند که آن سال فراخ سال بود و چون پیچیده و ناهموار بر آید، تنگ سال بود. و خبر [است] از رسول علیه السلام که گفت: نعم الرغفان و رغفان الشعیر فمن قنع بها و شبع منها، فانها خبزی و خبز و غیری من الأنبياء گفت نیکا گردها که گردهای جو بود و آن کس را که بوی خرسند باشد سیر گردد که وی نان منست و نان پیغامبران دیگر. و گندپیران بجو منجمی کنند و فال گیرند و از نیک و بد خبر گویند. و خداوندان فسون آرخ را بوی افسون کنند بمه کاس، بپوشانندش، تا آرخ فرو ریزد^{۴۸}. و گروهی زنان بمه فروردین ارمال رر جو را برکنند و به نام دختران بکارند، تا آن آب (؟) بر سر نهند، مو دراز شود.

حکایت. شنیدم که روزی هرمز پدر خسرو [به] یکی از خوید زار جو بگذشت. خوید را آب داده بودند و آب از کشت زار بیرون می آمد و راه می گرفت. و ماه فروردین بود. فرمود که از آن آب از جو بیرون می آمد یک کوزه پُر کنند، تا بخورد. و گفت: جو دانه ای مبارکست و خویدش خویدی خجسته. و آب که بر وی گذرد و از وی بیرون آید، ماندگی را کم کند و خستگی معده بردارد، ایمن بود تا سال دیگر که جو رسد، از رنج تشنگی و بیماری.

حکایت. روزی بشمس الملوک قابوس وشمگیر برداشتند، مردی بدرگاه آمده است و اسپی برهنه آورده و میگوید که بکشت خویش اندر بگرفته ام. پرسید که جو بود یا گندم؟ گفت: «جو». بفرمود خداوند اسپ را بیاورند و چندانک قیمت جو بود بوقت رسیدگی تاوان بستد و بخداوند زمین داد و گفت: «خداوند زمین را بگویند که

مولد، نهم بحری، دهم دمشقی، یازدهم مصری، دوازدهم حنیفی، سیزدهم نرم آهن، چهاردهم قراجوری، و باز این نوع بدیگر انواع بگردد که گر همه یاد کنیم، دراز گردد، از یمانی یک نوع آن بود که گوهر وی هموار بود بیک اندازه و سبز بود و متن او بسرخی زند و نزدیک دنبال نشانهای سپید دارد از پس یکدیگر مانند سیم. آن را کولاهی خوانند و دیگر نوع مشطب و این مشطب چهارگونه بود با چهار جو^۱، یکی آنک نشان جویهای ژرف نبود و گوهر وی مانند پایهای مورچه بود زبانه زنان، و دیگر آنک نشانهای جوی ژرف باشد و گوهر او گرد نماید چون مروارید، آن را لؤلؤ خوانند. و سید دیگر چنانک جوی چهارسوی بود و گوهر آن زمان نماید که کژداری، و چهارم آنک ساده باشد و اندک مایه اثر جو دارد و درازی او سه بدست و چهار انگشت بود و چهار انگشت پهنا دارد و گوهر وی بسیاهی زند، آن را بوستانی خوانند، و دیگر بود ساده سه بدست و نیم درازی او و چهار انگشت پهنا و وزن او ده من و نیم یا سه من کم ده ستیر^۲، و یکی گوهرست که ارسططالیس ساخته است مر تیغها را از بهر اسکندر، آن نیز یاد کنیم، چه سخن بدیع است، ارسططالیس چنین فرموده است که یک جزو مغنیسیا باید گرفت با یک جزو بست و یک جزو زانگار، آنکه هر سی را خرد بساید و با یکدیگر بیامیزد. آنکه یک من آهن نرم بیاورد و پیوسته اندر کند و ازین دارو دوازده اوقیه برافکند و بآتش برد تا بگدازد و ببوته اندر بگردد، پس جزوی حرمل و جزوی مازو و جزوی بلوط و جزوی صدف و همچند همه ذرایح گیرد و خرد بساید و بر هم آمیزد، و دو اوقیه بر من آهن افکند و بدمد تا همه یکی شود و آهن این داروها را بخورد، آنکه سرد باید کردن و از وی تیغها زند، تیغهای پاکیزه باشد، و بسلاحخانه بهرام اندر چنین گفته است که چون تیغ از نیام برکشند و از وی ناله آید علامت خون ریختن بود، و چون تیغ خود از نیام برآید علامت جنگ، و چون تیغ برهنه پیش کودک هفت روزه بنهند، آن کودک دلاور برآید.

بالسيف» و مر او را بتورات ربّ المحمّة صاحب السيف خوانده‌اند، و این آلت که مرتبت میگیرد، بدانست که وی آلت شجاعتست که بزرگترین فضیلتی بود اندر مردم و اندر حیوان^{۴۹} دیگر، و حدّ این شجاعت که نهاده‌اند: «هی قوّه غضبیّه تستعلی بها النفس علی من یعادیهها»، معنیش چنانست که وی نیرویست خشمی که نفس بدوی برتری جوید برانک با وی دشمنی سازد، و چنین گفته‌اند که فضیلت شجاعت طبیعی بود نه اکتسابی ولیکن باکتساب آرایش پذیرد، و مر شجاعت را خانه جگر^{۵۰} نهاده‌اند که خانه خونست، و ازین سبب مرد شجاع بر خون ریختن دلیرتر بود، چه شجاعت بخون نیرو گیرد چون چراغ به روغن. و چنین گفته‌اند که فاعل شجاعت قوّت حیوانی دلست و منفعل وی قوّت طبیعی جگر، که ازین هر دو چون حاجت آید فضیلت شجاعت پدید آید، چون آتشی کز میان سنگ و پولاد بجهد، سوخته باید تا بوی اندر آویزد، و چنان نهاده‌اند که چون جرم دل قوی بود و جرم جگر ضعیف خداوندش را اوّل جنگ به دلیری و حریصی بود و آخر با کاهلی و سستی، و چون جرم دل ضعیف بود و جرم جگر قوی خداوندش را باوّل جنگ با کاهلی و سستی بود و باخر به تیزی و حریصی بود، و مثال بایستگی [شجاعت بایستگی] قوّت هاضم نهاده‌اند اندر معده و جگر و گفته‌اند همچنانک ضعیفی قوّت عیش بر مردم ناخوش و بی‌مزه دارد [ضعیفی نیروی شجاعت نیز عیش بر مردم ناخوش و بی‌مزه دارد]، چه پیوسته ترسان بود و از هر چیزی گریزان، و مر شجاعت را برین مثال صورت کرده‌اند چو نخچیری با قوّت، سر او چون سر شیری که آهن میخاید. پای وی چون پای پیلی که سنگ میکوبد، و دُم وی چون سر اردهایی که آتش می‌دمد، و گفته‌اند مرد شجاع چنان باید که باوّل جنگ چون شیر باشد بدلیری و روی نهادن، و بمیانۀ جنگ چون پیل باشد بصبر کردن و نیرو آوردن و بهیبت بودن، و باخر جنگ چون اردها باشد بخشم گرفتن و رنج برداشتن و گرم گشتن، اکنون انواع این شجاعت که یاد کرده شد آلت او شمشیر است، و آن چهارده گونه است: یکی یمانی، دوّم هندی، سوم قلعی، چهارم سلیمانی، پنجم نصیبی، ششم مریخی، هفتم سلمانانی، هشتم

بصد من نیم چرخ بود، و هر چه از صدمن فرود آید تا بشصت من از کمان بلند بود، و اما مقدار قوه هر کمان که باشد از برتر تا فروتر، همه بر یک درجه فلک نهاده‌اند هر درجی شصت دقیقه، و آغاز آرد از دو گروه چنانک در گوشه کمانست تا فسانگاه زه، و باز بتضعیف برفته‌اند تا بشانزده، خانه‌ای بسه بخش، و هر قبضه را چون مرکز نهاده‌اند که از جای نجنبند، و گوشها و خانها بوی بیای بود، اکنون بدین بخشی که فرود از گوشه بود قوت دوچندان بود که بگوشه، و بدونک (?) فرود از وی بود و عدد وی چهارده است و شانزده و سک (?) نیمه و سی دیگر نیم جمله هزار و شصت بود، و دو خانه کمان به شش [بخش] کرد، از بهر آنک صورت کمان نیم دایره است و نیمه دایره فلک بشش برج قسمت پذیرد، و همچنانک انواع کمان هر چه مر او را نام چرخست سه است بلندست و پست و میانه. همچنین انواع تیر وی سه است دراز و کوتاه و میانه، دراز پانزده قبضه، میانه ده قبضه، کوتاه هشت قبضه و نیم، و هر کمانی را تیر وی چندان و چند باید اگر همه گفته شود دراز گردد، و غرض اینجا نه دراز کردن سخنست چه بر نیت هنر تیر و کمان پدید کردنست که ملوک عجم آن چیزها را بنوروز چرا خواسته‌اند، و از طریق علم نجوم گفته‌اند خداوندان کمان آنچه تیرانداز بود و بیشتر سلاحشان تیراندازی بود هرگز تنگ روزی نباشند، و هر سپاهی که غلبه ایشان در سلاح تیر بود و تیر انداز باشند غالب آیند، و حجت آن که گفته‌اند قسمت این سلاح بر برج قوس است بطبع آتشی، و خانه مشتری سغد بزرگ، و مثلثه برج حمل، و اسد یکی خانه آفتاب و شرفش بانک خانه مریخست، و از روی طبّ اندر دانستن تیر و کمان چند منفعت ظاهر است: ریاضت توان کرد بوی، اعصاب و اعضا را قوی کند، و مفاصل را نرم کند و فرمان بردار گرداند و حفظ را تیز گرداند، و دل را قوت دهد، و از بیماری سکت و فالج و رعشه ایمن دارد.

حکایت، سام نریمان [را] پرسیدند که ای پیروزگر سالار آرایشگر رزم چیست، جواب داد که نور حمد (?) شاه و دانش سپهد بارای، و مبارز هنری که زره دارد و با کمان جنگ جوید.

یاد کردن تیر و کمان و آن چه واجب بود در باره ایشان

تیر و کمان سلاحی بایسته است، و مر آن را کار بستن ادبی نیکوست، و پیغمبر علیه السلام فرموده است: «عَلَّمْ وَاَصْبِيَانَكُمْ الرِّهَائِيَّةَ وَالسَّبَاحَةَ، گفتم بیاموزید فرزندان را تیراندازی و شنا و ، و نخست کس که تیر و کمان ساخت، کیومرث بود، و کمان وی بدان روزگار چوبین بود بی استخوان، یکپاره چون درونی^{۵۳} حلاجان، و تیر وی گلگین با سه پر، و پیکان استخوان، پس چون آرش وهادان^{۵۴} بیامد بروزگار منوچهر کمان را پنج پاره کرد هم از چوب و هم از نی، و بسریشم بهم استوار کرد، و پیکان آهن کرد، پس تیراندازی ببهرام گور رسید، بهرام کمان را با استخوان بار کرد و بر تیر چهار پر نهاد، و کمان را توز پوشید، و مر صورت کمان را از صورت بخشهای فلک برداشته‌اند، هر چه خداوندان علم بخشهای دایره فلک را قسّی خوانده‌اند، یعنی کمانها، و این خطّها که از کرانه هر بخشی تا دیگر کرانه خیزد بر راستی آن را اوتار خوانند یعنی زهها، این خطّها که از میان دایره فلک بر آید و بر میانه این بخش بگذرد بر پهنای وی آن را سهام خوانده‌اند، یعنی تیرها، و چنین گفته‌اند که هر نیک و بدی که از تأثیر کواکب سیاره بر زمین آید، بتقدیر و ارادت بار تعالی، و بشخصی پیوندد، بدین اوتار و قسّی گذرد، چنان چون پدیدست اندر دست تیرانداز که هر آفتی بشکار وی رسد از تیر وی رسد که بزه و کمان وی گذرد، و پیکر وی کمان بر صورت مردم نگاشته است از رگ و پی و استخوان و پوست و گوشت و زه وی چون جان وی [بود] که بوی زنده بود، چه کمان تا به زه است زنده است با جان که از هنرمند بیابد، و چون بحقیقت نگاه کنی کمان سینه و دست مردم است: یکی دست بازکشد و پشت دست باز خماند، سینه چون قبضه‌گاه و بازو و ساعد دو خانه، و دو دست دو گوشه، و وزن کمان بلندترین ششصد من نهاده‌اند و مر آن را گشکنجیر خوانده‌اند، و آن مر قلعه‌ها را بود، و فروترین یک من بود و مر آن را بهر کودکان خرد سازند. و هر چه از چهارصد من تا دویست و پنجاه من چرخ بود، و هر چه از دویست و پنجاه من فرود آید تا

یاد کردن قلم و خاصیت او و آن چه واجب آید در باره او

قلم را دانایان مشاطه ملک خوانده‌اند و سفیر دل، و سخن تا بی قلم بود چون جان بی کالبد بود و چون بقلم بازسته شود با کالبد گردد و همیشه بماند، و چون آتشی است که از سنگ و پولاد جهد و تا سوخته نیابد، نگیرد و چراغ نشود که از روشنایی یابند، و مأمون خلیفه گفت: الله در القلم، کیف یجول و رأسی المملکة، یخدم الارادة و لا یمیل (؟) و سکه و انها (؟)، و ینطق و سائراً علی ارض بیاضها مظلم و سوادها مضی، و نخست کسی که دبیری بنهاد طهمورث بود، و مردم اگر چند باشرف گفتارست، چون بشرف نوشتن دست ندارد ناقص بود چون یک نیمه از مردم، زیرا که فضیلت نوشتن است فضیلتی سخت بزرگ که هیچ فضیلتی بدان نرسد، زیرا که ویست که مردم را از مردمی بدرجه فرشتگی رساند، و دیو را از دیوی بمردمی رساند، و دبیری آنست که مردم را از پایه دون پایه بلند رساند تا عالم و امام و فقیه و منشی خوانده شود، و همچنان مردمان بفضیلت سخن از دیگر حیوانات جدا گردد و بر ایشان سالار شود، دین ایزد جل ذکره که بپای می‌بود و مملکت که بر ملک نظام گیرد، بقلم می‌گیرد، و هرچند اجتماع مردم بر آنند که مصطفی علیه‌السلام اُمّی بود و آن او را معجز بود که تمام قوت او بدان بود، آنچه نویسندگان بقوت نبشتن کردند و آنچه بدانستند او بهتر از همه بکرد و بدانست، و بعضی از علما بر آنند که او را در هیچ علم دانا نگوئیم، و او نادان نبود در دانستن خط. اما ایزد تعالی او را گفت و لا تخطه بیمینک، و آن گاه فرمان را نبشتن فرموده‌است، و همه صحف که ایزد تعالی از آسمان بزمین فرستاد همه و حیها بقلم نگاه داشتند و بوی ادا کردند و بوی پذیرفتند، و آیینهای ملک و قانون و قاعده ولایتها بدو نگاه دارند و ترتیب دهند، و از مرتبت نبشتن بود که دست را بزینت انگشتری و مهر بیاراستند، چه ملوک عجم چون دیدند که تیغ ولایت گرفت و ارکان سیاست بپای کرد، و قلم ملک ضبط کرد و حد سیاست نگاه داشت، و فعل این هر دو از هنر دست آید، [و] عاقله حواس به پنج آند: سمع و بصر و شم و

حکایت. گویند، بهرام گور روزی پیش نعمان مندز ایستاده بود که پروردگار او بود، بیک کمان دو تیر انداخت و دو مرغ را بدان دو تیر از هوا فرود آورد، نعمان گفت ای پسر تا جهان بوده است نه چون تو تیر انداز بود و تا جهان باشد خواهد بود.

حکایت. گویند روزی حکیمی پسر خویش را پند میداد گفت ای پسر اسپ دوست دار و کمان عزیز دارو بی حصار مباش و حصار بی مترس مدار. گفت ای پدر اسپ و کمان دانستم، حصار و مترس از کجا، گفت حصار مبارزست و مترس زره، یعنی بی زره مباش تا توانی. **حکایت.** سیف ذی یزن گوید که آن وقت که سپهسالار ایرانیرا^{۵۵}

بفرستاد انوشیروان و او ابرهه صبح را بتیر زد، و از شتر فرود انداخت، گفت: تعال و اخوانی الی معوج مستقم یرسل الريح، و میت طائر يأخذ الروح، و هما القوس و السهم، فعلیکم بأدبهما، فانهما حکما الاسلحة، یحاربان من القرب و یقاتلان بالبعد، گفت ای برادران، بیایید سوی کژی راست که باد راند، و مُرده‌ای که از زنده جان ستاند، و آن هر دو تیر و کمان اند. ادب ایشان نگاه دارید، که ایشان حکیم سلاحهاند، بنزدیک جنگ کنند و از دور دشمن گشند.

حکایت. گویند، روزی نوشین روان از بابک عارض پرسید: از سلاحداران کدام نام بردار ترند، گفت خداوندان کمان و تیر، نوشین روان از وی شگفت ماند، خواست که این معنی بشرح بازگوید. گفت چگونه باید که باشند این مردمان، گفت: چنانک همه تنشان دل باشد، و همه دلشان بازو، و همه بازویشان کمان، و همه کمانشان تیر، و همه تیرشان دل دشمن، گفت: چگونه باید، دانست این معنی را؟، گفت: چنانک دل قوی دارند و سخت چون بازو، و زه هموار و سخت چون کمان و تیر راست و موافق چون زه، تا هر گاه که چنین بود جای تیر خویش در دل دشمن بینند، این قدر در معنی تیر و کمان گفته آمد،

اگر از این سه چیز یکی نیکو نباشد، اگر چه خطاط و استاد باشد خط نیکو ناید، یکی قلم، دوّم مداد^{۵۸}، سوم کاغذ، و خطی که از خطاطان آموخته باشند هرگز حروف و ... کلماتش از حال خویش بنگردد، چه قاعده مقادیر حروف و کلمات در دل وی مصوّر شده باشد، هر گاه که چیزی خواهد نبشت، دست بدل راست کند، خطش همچنان آید که آموخته باشد، بنادر حرفی یا کلمه‌ای بد آید، و خط نیکو چون صورت تمام چهره و تمام قدّاست که آن را نیکو رو خوانند، و خط بد چون روی زشت و قامت نامعتدل هر اندامش نه درخور یکدیگر.

حکایت: هم اندر این معنی فضیلت قلم، چنان خوانده‌ام از اخبار گذشتگان که وقتی امیری رسولی فرستاد بملک فارس با تیغی برهنه، گفت: این تیغ [ببر] و پیش او بنه و چیزی مگوی، رسول بیامد و همچنان کرد، چون تیغ بنهاد و سخن بگفت ملک وزیر را فرمود: جوابش بازده. وزیر سر دوات^{۵۹} بگشاد و یکی قلم سوی وی انداخت و گفت: اینک جواب، رسول مرد عاقل بود، بدانست که جواب برسید، و تأثیر قلم صلاح و فساد مملکت را کاری بزرگ، و خداوندان قلم را که معتمد باشند، عزیز باید داشت.

حکایت: فخرالدوله برادر پناخسرو آنگاه که بگریخت و بنیشاپور آمد صاحب بروی زبان دراز کرد، و به نامها وی را نکوهید و عاقل خواند، وی فصلی نبشت و بصاحب فرستاد، و گفت: ترا شمشیر و مرا قلم فانظر ایها اقوی، صاحب در جواب نبشت: السیف اقوی و القلم اعلی فانظر ایها اکفی، فخرالدوله آن رقعہ را بر شمس الممالی عرضه کرد قابوس و شمگیر زیر آن نبشت: قد افلح من تزکی و قد خاب من کذب و تولی.

حکایت: شنیدم، در ایران ملکی بود و آیین او چنان بود که چون جنگی کردی سپاهی داشتی آراسته و ساخته، و ایشان را همه جامه سیاه پوشانیده، راست که جنگ سخت گشتی بفرمودی تا ایشان پیش سپاه آمدندی و آن جنگ به سر بردندی، پس چنان افتاد که وقتی از ترکستان سپاهی گران بیامدند بقدر پنجاه هزار مرد، و کار بجنگ افتاد، و این ملک به سر بلندی نشسته بود با تنی چند از خاصگان

ذوق و لمس، و مدار این پنج بر سر است که چون روح است مر کالبد را، پس تاج فرمودند و بر سر نهادند و گوشوار فرمودند و از گوش، درآویختند، و یاره فرمودند و در ساعد کشیدند، و انگشتری فرمودند... و در انگشت کردند، گفتند [شمشیر] بهر و قوت ساعد کار کند، عز یاره او را پسندیده بود، و قلم بقوت [و] هنر انگشت روان باشد، شرف انگشتری وی را دادند، تا چون نامه نویسد و اسرار صورت کند مهر بدو برنهد تا چشم خاینان و ناسزا^{۵۶} آن از وی دور بود، پس نامه را فرمودند تا نخست سخت بیچند، پس مهر برنهادند، و مهر را پیرده نیز بیوشانیدند، تا این حال نشانی بود بر نامه مهر این عالم، چه مردم نامه مهر این عالمست آیات مذکور خالق آسمان و زمین نوشته و ببیند طبیعت بسته و بمهر انگشتری ارواح مهر نهاده و باختیار سر بخرد پوشیده کرده، و دانا آن مر قلم را آلتی نهاده‌اند بدیدار حقیر، و بیافتن آسان، و لیکن نبشته‌اش با مرتبت، و کار بستن دشوار، چون مثال مگس انگبین و کرم پيله که بدیدار حقیراند، و لیکن ازیشان چیزها پدیدار آید عزیز و باقیمت در ملوک، و اندران منافع بسیار، و این آلت که یاد کرده بود سه گونه نهاده‌اند: یکی محرف تمام، و آن خط کزان قلم آید آن را لجینی خوانند یعنی خط سیمین، و دیگر مستوی، و آن خط، کز قلم آید آن را عسجدی خوانند یعنی خط زرین، و سوم محرف تمام و مستوی. و آن خط کزان قلم آید آن را لؤلؤی خوانند یعنی خط مرواریدین، و خط چنان خواسته‌اند که چهار چیز با وی بود: اول آنک قرارشان بر جای بود بخردی و بزرگی، دیگر آنک اندام دارد چنانک بصورت نهاده‌اند، دیگر آنک با رونق و آب بود و آن از تیزی قلم باشد و بستگی دست نویسنده، و همچنین تناسب نگاه دارند، نباید که را چند **نون** باشد، و یا **نون** به **ری** ماند، و چشمهای **واو** و **قاف** و **فا** درخور یکدیگر و بر یک اندازه بود نه تنگ و نه فراخ، و کشش **نون** و **قاف** و **صاد** همچنین، و درازی **لام** و **الف** چند یکدیگر، چون این قیاس نگاه داشته بود، اگر چه خط بد باشد نیکو نماید و هموار و مستقیم، و خط خوانند^{۵۷} باید؛ که دانا آن گفته‌اند: احسن الخط ما یقرأ، و سه چیز نیکو باید تا خط نیک آید، و

اسپ بسته است، و مر اسپ را پارسیان بادجان خوانده‌اند، و رومیان آن را بادپای، و ترکان گام زن کام ده، و هندوان تخت پرآن، و تازیان براق بر زمین، و گویند آن فریشته که گردون آفتاب کشد بصورت اسپست الوس^۶ نام، و در حدیث اسپ بزرگان را سخن بسیار است، چنین گویند روزی بر سلیمان علیه السلام اسپ عرض کردند، وی گفت: شکر خدای تالا [را] که دو باد را فرمانبردار من کرد، یکی با جان و یکی بیجان، تا بیکی زمین میسپرم و بیکی هوا، و آفریدون را پرسیدند که ای ملک، چرا بر اسپ ننشستی، گفت: ترسم که یزدان را شکر بواجبی نتوانم گزارد، و کیخسرو گفت: هیچ چیز در پادشاهی بر من گرمی تر از اسپ نیست.

حکایت: خسرو پرویز را اسپ شب‌دیز پیش آوردند، تا برنشیند، گفت: اگر برتر از آدمی یزدان را بنده بودی جهان بماندادی، و اگر برتر از اسپ چهار پایی بودی اسپ را بر نشست ما نکردی، و همو گوید که پادشاه سالار مردانست و اسپ سالار چهار پایان، حق سبحانه و تعالی میفرماید: من مثلی و قد خلقت الفرس و افراسیاب گوید: آت ایر کا اندغ کم گوگ کا آی، یعنی اسپ مر ملوک را چنانست که آسمان مر ماه را^۷، و بزرگان گفته‌اند: اسپ را عزیز باید داشت که هر که اسپ را خوار دارد بر دست دشمن خوار گردد، و مأمون خلیفه گوید: نعم الشی الفرس سماء یجری و سریر یمشی، گفت نیک چیزیست اسپ آسمان گردان و تخت روان، و امیرالمؤمنین علی ابن ابی طالب رضی الله و عنه گفت: ما خلقه الله الفرس الا لیتعزّ به الانسان و یذلّ به الشیطان، گفت ایزد تعالی اسپ را نیافرید الا از بهر آن تا مردم را بوی عزیز گرداند و دیو را خوار کند، و عبدالله ابن طاهر گفت: رکوب الفرس احبّ و الیّ من رکوب عنق الفلک، بر اسپ نشستن دوست تر دارم که بر گردن فلک، و نعمان منذر گوید: الخیل و حصون رجال الیل و لولالخیل لم تکن الشجاعه اسماً یستحقّ به الشجاع، گفت اسپان حصاره‌اء مردان شب‌اند و اگر اسپ نبودی نام شجاعت کی اندرخور نام مردان جنگی بودی، و نصر بن سیّار گوید: الفرس سریر الحرب و الاسلحه انوارها و الصیاح غناء الحرب و الدّم عقارها، گفت اسپ تخت جنگست و سلاح

خویش، دلش چنان خواست که آن روز جنگ به دیگر روز افگند، دوات و قلم خواست و بر پاره‌ای کاغذ نبشت که: سیاه داران سپاه را بگویند تا بازگردند و نزدیک وزیر خویش فرستاد، وزیر بخواند، پسندیده نداشت، دوات در موزه داشت برگرفت، و سیاه را یک نقطه زیادت کرد تا سپاهداران شد، و گردند را نونی بر سر زیادت کرد تا نگردند شد، و پیش لشکر فرستاد، ایشان رقعہ بخواندند و خویشان را بر سپاه زدند و سپاه ترکستان را بشکستند، و این اندر سیرالملوک نبشتند که بیک نقط قلم پنجاه هزار شمشیر هزیمت شد. و بزمین عراق دوازده قلمست هر یکی را قدّ و اندام و تراشی دیگر، و هر یکی را ببرزگی از خطاطان بازخوانند، یکی مقلی باین مقله بازخوانند، و دیگر مهلهلی که باین مهلهلی بازخوانند، سیدیگر موقّعی که باین مقّع باز خوانند، و دیگر مهلبی، و دیگر مهرانی، و دیگر عمیدی، و دیگر بوالفضلی، و دیگر اسمعیلی، و دیگر سیّدی، و دیگر شمسّی، هر یکی را قدری و اندازه و تراشیست که بصفت آن سخن دراز گردد، و لیکن از آن جمله یکی را صفت کنیم، و آن قلم شمسّی است، و قلم شمسّی المعالی از قصب رمحی بود، یا از قصب بغدادی یا از قصب مصری، و گفت، آن قصب که بانبرو بود دبیران دیوان را شاید، که قلم بقوّت رانند تا صریر آرد، و نبشتن ایشان را حشمت بود، و گفتی قلم ملوک چنان باید که بوقت نبشتن بدایشان رنج نرسد و انگشتشان نباید افشرد، چه ملوک را نشاید که کاغذ بر سر زانو گیرند و دبیروار نشینند، تا چیزی نویسند. بلکه ایشان را گرد باید نشست، و کاغذ معلق باید داشت و قدّ قلم او به درازا سه مشت باید، دو مشت میانه و یک مشت سر قلم، و بسیار باید نبشت، تا خط نیکو و پسندیده آید.

یاد کردن اسپ و هنر او و آنچه واجب آید در باره او

می‌گویند که از صورت چهارپایان هیچ صورت نیکوتر از اسپ نیست، چه وی شاه همه چهارپایان چرنده است و رسول علیه‌السلام فرموده است: الخیر و معقود فی نواصی الخیل، نیکی در پهلو پیشانی

نشانید آن اسپ بود که رنگش برنگ تذرو بود، یا بروی نشانهای کلان دارد، اما آنچه فرخنده بود از نشانهای اسپ، یکی آنست که بر جای حکم (?) نشان دارد که پارسیان آن را گردپا (?) خوانند، مبارک بود و فرخ، هر اسپ که مویش زرد بود یا سرخ، بسرما طاقت ندارد. و رسول علیه السلام گفت: «روندترین اسپان اشقر بود و امیرالمؤمنین علی رضی الله و عنه گفته است:» «دلاورترین اسپان کمیت است و بی باکترین سیاه و بانیروتر و نیکو خوتر خنگ و باهنرتر سمند». و از اسپان خنگ آن به که پس سر و ناسیه و پا و شکم و خایه و دوم و چشمها همه سیاه بود. و این مقدار جهت شرط کتاب یاد کرده شد.

به روزگار پیشین در اسپ شناختن و هنر و عیب ایشان دانستن هیچ گروه به از عجم ندانستندی، از بهر آن که ملک جهان از آن ایشان بود. و هر کجا در عرب و عجم اسپ نیکو بودی به درگاه ایشان آوردندی. و امروز هیچ گروه به از ترکان نمی دانند از بهر آن که شب و روز کار ایشان با اسپ است و دیگر آن که جهان ایشان دارند.

اندر ذکر باز و هنر او و آن چه واجب آید در باره او

باز مونس شکارگاه ملوکست، و بوی شادی آرند، و وی را دوست دارند، و در باز خویها بود چنانک اندر ملوک بود، از بزرگ منشی، و پاکیزگی، و پیشینگان چنین گفته اند که شاه جانوران گوشتخوار بازست، و شاه چارپایان گیاهخوار اسپ، و شاه گوهرهء ناگدازنده یاقوت، و شاه گوهرهء گدازنده زر، و از بهر این حال باز بملوک مخصوص ترست که بدیگر مردمان، و مر باز را حشمتی است که پرندگان دیگر را نیست، عقاب از وی بزرگتر است و لیکن وی را آن حشمت نیست که باز را، پادشاهان دیدار وی را بفال دارند، چون باز بی تبعی سبک بر دست وی نشیند و رو سوی پادشاه کند، دلیل آن باشد که وی را ولایتی نو بدست آید، و بر خلاف این بعکس، و چون بوقت برخاستن سر فرود آرد و باز بردارد دلیل کند که ضعفی بکار ملک در آید، و چون برخیزد و کسد (?) کند، یا شکار بگیرد و برگرفته

گلهای وی، و مهلب بن ابی صفره گوید الفرس سحاب الحرب لایمطر ببرق السیف الامطردم، گفت اسپ ابر جنگست نبارد بدرخشیدن شمشیر مگر باران خون، اکنون بعضی از نامهای اسپان یاد کرده شود که پارسیان در صفت اسپانی گفته آنچه بتجربه ایشان را معلوم شده است از عیب و هنر ایشان و آنک به فال نیک باشد.

نامهای اسپان به زبان پارسی

الوس، چرمه، سرخ چرمه، تازی چرمه، خنگ، باد خنگ، مگس خنگ، سبز خنگ، پیسه کمیت، کمیت، شبذیز، خورشید، گورسرخ، زردرخش، سیارخش، خرماگون، چشینه، شولک، پیسه، ابرگون (؟)، خاکرنگ، دیزه، بهگون، میگون، بادروی (؟)، گلگون، ارغون، بهارگون، آبگون، نیلگون، ابرکاس (؟)، باوبار (؟)، سپیدزرده، بورسار، بنفشهگون، ادس (؟)، زاغ چشم، سبزپوست (؟)، سیمگون، ابلق، سپید، سمند، اما الوس آن اسپست که گویند آسمان کشد، و گویند دور بین بود، و از دور جایی بانگ سم اسپان شنود، و بسختی شکیا بود، و لیکن بسر د سیر طاقت ندارد، و بداشتن خجسته بود، و لیکن نازک بود، چرمه بدخشم (؟) و دوربین بود، سیاه چرمه خجسته بود، کمیت رنج بردار بود، شبذیز روزی مند و مبارک بود، خورشید آهسته و خجسته بود، سمند شکیا و کارگر بود، پیسه خداوند دوست و مهربان بود؛ سپیدزرده بر نشست ملوک را شاید، پیسه کمیت رنجور و بدخو بود، و مر اسپان را رنگهء غریست که کم افتد بدان رنگ، ارسطاطالس بکتاب حیوان لختی یاد کرده است، و گویند هر اسپ که رنگ او رنگ مرغان بود، خاصه سپید، آن بهتر و شایستتر بود خداوندش بحرب همیشه پیروزی، و اینچنین اسپ مرکب پادشاه را شاید، زرده زاغ چشم و عنبر رنگ که رنگ چشم او بزردي زند، و آن اسپ که بر اندام او نقطهای سپید بود، یازرد، و چون خنگ عقاب یا سرخ خنگ پاء او بس سپید بود، یا کمیت رنگ با روی سپید، یا چهار دست و پای او سپید، این همه فرخ و خجسته [بود]، و اسپ که ملوک را

اینچنین بی ادبی کنی، عزیز ملوک بر دست و تو آب خوری، یا جز آب چیزی دیگر، بازدار گفت: زندگی خداوند دراز باد چون به شکارگاه تشنه گردم چون کنم که باز با من بود، گفت: بکسی دیگر ده که اهل آن بود که باز تواند داشت که تو آب خوری یا چیزی دیگر که ترا بدان حاجت باشد،

حکایت: شنیدم که بو عبدالله خطیب مؤدب امیر ابولعباس بود برادر فخرالدوله. بر منظره نشسته بود، و امیر ابولعباس کودک بود از پیش وی فرود آمده بود، خادمی باشه بر دست داشت، آن باشه بخواست و بر دست نشاند، دران میان از دهن خی بنداخت، چون سوی عبدالله خطیب آمد، او را ملامت نمود و روی ترش کرد و گفت: اگر نه آنستی که تو هنوز خردی و این ادب نیاموخته من ترا امروز مالشی دادمی که باز گفتندی، آنگاه گفت ای سبحان الله تو ملک و ملک زاده‌ای، عزیز ملکان بر دست و چنین بی ادبی کنی کز دهان خبو بیندازی، این بگفت، پس نعلین برداشت و آن خادم را نعلینی چند بر گردن زد و گفت: شما ملک زادگان را چنین می پرورید کزیشان بی ادبی می آید که اشکره بر دست دارند و خوی اندازند،

گفتار^۱ اندر منفعت شراب

دانا آن طبّ چنین گفته‌اند، چون جالینوس و سقراط و بقراط و بوعلی سینا و محمد زکریا که هیچ چیز در تن مردم نافع تر از شراب نیست، خاصه شراب انگوری تلخ و صافی، و خاصیتش آنست که غم را ببرد و دل را خرم کند، و تن را فربه کند، و طعامهای غلیظ را بگدازد و گونه رو سرخ کند، و پوست تن را تازه و روشن گرداند، و فهم و خاطر را تیز کند، و بخیل را سخی و بددل را دلیر کند^{۶۲}، و خورنده شراب را بیماری کم کند و اغلب تندرست باشد، از جهت آنک تبها و بیماری که از خلطهای لزج و فاسد تولّد کند و سبب آنک میخواره را گاه گاه می افتد، و گاه اسهال نگذارد که خلط بد در معده گرد آید، و گروهی زیرکان شراب را محکّ مرد خوانده‌اند و گروهی ناقد عقل، و

بانگ کند، تشویش سپاه باشد، و چون بوقت برخاستن اهار (?) نکند نقصانی پدید آید، و چون بچشم راست سوی آسمان نگرد کارهای [ملک] بلندی گیرد، و چون بچشم چپ نگرد خللی باشد، و چون [بر] آسمان بسیار نگرد دلیل ظفر و نصرت بود، و چون بزمین بسیار نگرد مشغولی باشد، و چون باز آسوده باشد و بشکارگاه با بازی دیگر جنگ افتد، دشمنی نو پدید آید.

اندر گزیدن باز

انواع بسیارست، و لیکن از همه سپیدچرده بهتر و باز سرخ فام یا زرد تمام، و بشکار حریصتر سپیدچرده بود، و لیکن بیمارناک بود و بد خو، و پس از وی زرد حریصتر و تندرست تر، و ازین هر دو سرخ فام درست تر، لیکن بد خو بود، و بکالبد از همه بزرگتر بود، و شنودم از بازرگانی که در ایام ما بودند که هیچ کس از ماهان مه و شمگیر بهتر نشناخته اندر اشکره را که کار ایشان سالی دوازده ماه شکار کردن بود، و علی کامه که سپاهسالار بدر خستو بود، نیز نیکو شناختی و لیکن همه متفق بودند که هیچ کس از ماهان مه به ندانستی، و او را بزبان کوهی کتابی شکره نامست، بزرگ تصنیف وی، و او چنین گفته است که همه جانوران یکرنگ به از آمیخته ناتمام، و لیکن شرط اندر اختیار باز آنست که سخت گوشت بود و گرد و پیوسته، و اندامهایش درخور یکدیگر، چنانک سر کوتاه و خرد بود، و پیشانی و چشمهایش فراخ بود، و حوصله فراخ، و سینه پهن و پست، و دمچه و ران سطبر، و گوشت وی سخت، و ساقهایش سطبر و گرد و کوتاه، و پنجه نیکو و انگشتان قوی، و ناخن سیاه و پای سبز، هر بازی که بدین صفت بود آن بیشتر سپیدچرده یا زرد تمام یا سرخ تمام بود، و نادر افتد و به همه قیمتی ارزد.

حکایت، چنین گویند که ماهان پادشاهی بزرگ بوده است عاقل و کافی، یک روز بازدار خویش را [دید] باز بر دست آب میخورد، بفرمود تا صد چوبش بزدند، گفت: ای عجب، باز بتن خویش پادشاه پرندگانست، و غمگسار عزیز دست پادشاهانست، روا بود که تو

مضرتش، خداوند معدۀ سودایی را از وی شکم پر باد گردد و درد
مفاصل آرد،

دفع مضرتش با سپیدباها و ثوابل و تباهۀ خشک کنند تا زیان
ندارد و منفعت کند،

منفعت شرابی که نه تیره بود نه تُنک، چون نیکو آید موافقترین
شرابهاست. مردمان معتدل میزاج را شاید،

مضرتش، مردمان گرم مزاج را زیان دارد،
دفع مضرتش، ممزوج کنند بآب و گلاب و نقلی به روایی تا زیان
ندارد،

منفعت شراب تلخ و تیره باد بشکند و بلغم را ببرد، و درد معدۀ و
درد شکم را سود دارد،

دفع مضرتش بآب ممزوج و با طعامهائ ترش خورند، و نقل^{۶۴}
میوه‌های ترش کنند تا زیان ندارد.

منفعت شراب ریحانی، دل و معدۀ را قوی کند، و بادهای بشکند و
تبها را که از بیماری خواسته بود سود دارد،

مضرتش درد چشم و درد سر آورد و زود بر سر رود،
دفع مضرتش بکافور و گلاب و بنفشه، و نقل میوه‌های ترش
گردانند،

منفعت شراب نو، خون در تن بیفزاید، و رگها پُر کند، و بخار ازو بر
سر شود،

مضرتش، نشاید مردمانی را که تری دارند و باد بریشان غلبه دارد،
و تنهائ پُرخلط دارند،

دفع مضرتش، قلیه‌های خشک با افزار باید خورد، و نقل میوه خشک
کنند،

[شراب....]، خداوندان باد و بلغم را نیکست، و معدۀ و جگر گرم را
بشاید، و آن را [که] از بخار در رنج باشد،

مضرتش، مردمان لاغر را و خشک نزار را زیان دارد،
دفع مضرتش، با آب بیامیزند و کشکاب خورند، و طعامه‌های سرد و
میوه‌های تر زیان دارد،

گروهی صراف دانش، و گروهی معیار هنر، و بزرگان شراب را صابون الهَم خوانده‌اند و گروهی مفرح الغم، و هرکه پنج قده شراب ناب بخورد آنچه اندروست از نیک و بد ازو سر آید و گوهر خویش پدید کند، و بیگانه را دوست گرداند و اندر دوست بفزاید. و اگر خود او را همین خاصیت است که دوستان را بهم بنشاند، بسیارست و از لطیفی شراست از همه خوردنیها که در جهانست از چرب و شیرین و ترش بیش از یک سیری نتوان خورد و اگر بیش خوری طبع نفور گیرد، و باز مر شراب را هرچند بیش خوری بیش باید، و مردم ازو سیر نگردد و طبع نفرت نگیرد، که وی شاه همه شرا بهاست، و در بهشت نعمت بسیارست و شراب بهترین نعمتهاء بهشت است، و اگر نبودی [ایزد آن را] بخود مخصوص نکردی (هرچند نعمتهای دو جهانی بتقدیر و ارادات اوست) چنانک در محکم کتاب خود یاد فرموده است که: و سقیم ربهَم شراباً طهوراً و دیگر جای میفرماید: و منافع و للناس و اثمهما اکبر و من نفعهما، مردمان را منفعت بسیارست در وی و لیکن بزه او از نفع بیشترست. خردمند باید که چنان خورد که مزه او بیشتر از بزه بود تا بروبال نگردد، و این چنان باشد که بریاضت کردن نفس خود را بجایی رساند که ازول شراب خوردن تا آخر هیچ بدی و ناهمواری ازو در وجود نیاید بگفتار و بکردار الّا نیکویی و خوشی، چون بدین درجه رسد شراب خوردن او را زبید^{۶۲}، و فضیلت شراب بسیارست، اکنون فصلی در منفعت شراب و مضرت و دفع مضرت شرا بها یاد کنیم از گفتار جالینوس حکیم و محمد ابن زکریاء رازی و خواجه ابوعلی و سینا و اطباء بزرگ، منفعت شراب مست کننده، طعام را هضم کند، و حرارت اصلی، یعنی حرارت غریزی را بیفزاید، و تن را قوی کند و پاک گرداند ببول و عرق و بخار،

مضرتش، نشاید کودکان را که سخت گرم مزاج باشند،

دفع مضرتش، اگر آید حاجت مردم گرم مزاج را بخوردن این شراب بآب و گلاب ممزوج کنند تا زیان نکند، والسلام،

منفعت شراب سفید و تَنک، غذای کمتر دهد، و مردمان گرم مزاج را بشاید، و صفرا براند ببول اندک اندک.

حکایت اندر معنی پدید آمدن شراب

اندر تواریخ نبشته‌اند که بهرآه پادشاهی بود کامگار و فرمانروا، با گنج و خواسته بسیار، و لشکری بی‌شمار، و همه خراسان در زیر فرمان او بود، و از خویشان جمشید بود، نام او شمیران، و این دژ شمیران که بهراست، و هنوز برجاست، آبادان او کرده است، و او را پسری بود، نام او بادام، سخت دلیر و مردانه و بازور بود، و دران روزگار تیراندازی چون او نبود. مگر روزی شاه شمیران بر منظره نشسته بود، و بزرگان پیش او، و پسرش بادام پیش پدر، قضا را همایی بیامد و بانگ میداشت، و برابر تخت پاره‌ای دورتر بزیز آمد و بزمین نشست، شاه شمیران نگاه کرد ماری دید در گردن همای پیچیده و سرش درآویخته، و آهنگ آن میکرد که همای را بگزد، شاه شمیران گفت: ای شیرمردان این همای را از دست این مار که پرهاند و تیری بصواب بیندازد، بادام گفت: کار بنده است، تیری بینداخت چنانک سر مار را در زمین بدوخت و بهمای هیچ گزندی نرسید، همای خلاص یافت و زمانی آنجا می‌پرید و برفت، قضا را سال دیگر همین روز شاه شمیران بر منظره نشسته بود، آن همای بیامد و بر سر ایشان می‌پرید و پس بر زمین آمد، همانجا که مار را تیر زده بود چیزی از منقار بر زمین نهاد، و بانگی چند بکرد و بپرید. شاه نگاه کرد و آن همای را بدید، با جماعت گفت: پنداری این همانست که ما او را از دست آن مار برهانیدیم، و امسال بمکافات آن باز آمده‌است و مارا تحفه آورده، زیرا که منقار بر زمین میزند، بروید و بنگرید و آنچ بیابید، بیارید، دو سه کس برفتند و بجملگی دو سه دانه دیدند آنجا نهاد، برداشتند و پیش تخت شاه شمیران آوردند، شاه بکار کرد، دانه‌ای سخت دید، دانا آن و زیرکان را بخواند، و آن دانها بدیشان نمود، و گفت: هما این دانها را بما بتحفه آورده است، چه می‌بینید اندرین، ما را با این دانها چه میباید کردن، متفق شدند که این را ببايد کشت و نیک نگاه داشت تا آخر سال چه پدید آید، پس شاه تخم را بباغبان خویش داد و گفت:

شراب ممزوج و مرقق، کسی را که خمار سخت کند، و یا از درد سر رنج باشد نیکست و مردمان گرم مزاج را شاید،
مضرتش، باد در شکم انگیزد، و درد بندها آرد، و معده و جگر را سرد کند،

دفع مضرتش با گوشتابه و قلیه با توابل و افزار بسیار کند، و نقل میوه خشک کند،

شرابی که بترشی زند، مردمانی را که معدها و جگرهء گرم دارند، شاید،

مضرتش، آرزوی مجامعت ببرد، و پیها را سست کند،
دفع مضرتش، با سپیدباهاء حرف و حلوا و شیرینی خوردن تا زیان ندارد،

شرابی که آفتاب پرورده باشد، لطیفر و زودگوارتر از همه شرابها بود،

مضرتش: خون را بزودی عفن گرداند،
دفع مضرتش با سکبا و سماق و نار با کنند، و نقل ریاس و انار کنند، و از پس او سکنجبین خورند تا زیان ندارد،

شراب مویزی، آنچه ازو صافی باشد مانند شراب ممزوج باشد، میل بخشی دارد و موافقت محروران را،

مضرتش، آنچه تیره بود مانند شراب سیاه باشد و بد گوار، و سودا انگیزد، و باد در شکم افکند، و شکم بر آورد، و راههء جگر ببندد،
دفع مضرتش، سکنجبین و آب کاسنی و تخم خیار با خیار بادرنگ...

شراب خرمایی، تن را فربه کند، و خون بسیار راند، خاصه که نو باشد،

مضرتش، غلیظ و بدگوار است، و راه جگر ببندد، و خون سودایی انگیزد،

دفع مضرتش، شراب انار و سکنجبین و داروهایی که سودا را براند بکار دارد تا زیان ندارد، و درین باب این مقدار کفایت باشد،
اکنون پیدا کنیم که انگور از کجا پدید آمد و می چگونه ساخته اند،

که مردی خونی را از زندان بیارند، و ازین شربتی بدو دهند، تا چه پدیدار آید، چنان کردند، و شربتی ازین بخونی دادند، چون بخورد، اندکی روی ترش کرد، گفتند: دیگر خواهی، گفت: بلی، شربتی دیگر بدو دادند، در طرب کردن و سرود گفتن و کن و کچول کردن^{۶۵} آمد، و شکوه پادشاه در چشمش سبک شد، و گفت: یک شربت دیگر بدهید، پس هرچی خواهید بمن بکنید، که مردان مرگ را زاده‌اند، پس شربت سوم بدو دادند. بخورد و سرش گران شد و بخفت، و تا دیگر روز بهوش نیامد، چون بهوش آمد پیش ملک آوردندش، ازو پرسیدند که آن چه بود که دی روز خوردی، و خویشان را چون می‌دید، گفت: نمی‌دانم که چه می‌خوردم، اما خوش بود، کاشکی امروز سه قَدح دیگر ازان بیافتمی، نخستین قَدح بدشخواری خوردم که تلخ مزه بود، چون در معده‌ام قرار گرفت طبعم آرزوی دیگر کرد، چون دوّم قَدح بخوردم نشاطی و طربی در دل من آمد که شرم از چشم من برفت، و جهان پیش من سبک آمد، پنداشتم میان من و شاه هیچ فرقی نیست و غم جهان بر دل من فراموش گشت، و سوم قَدح بخوردم، بخواب خوش درشدم، شاه وی را آزاد کرد از گناهی که کرده بود، بدین سبب همه دانا آن^۱ متفق گشتند که هیچ نعمتی بهتر و بزرگوارتر از شراب نیست، از بهر آنک در هیچ طعامی و میوه‌ای این هنر و خاصیتی نیست که در شرابست، شاه شمیران را معلوم شد شراب خوردن، و بزم نهادن آیین آورد^{۶۶}، بعد ازان هم از شراب رودها بساختند و نواها زدند، و آن باغ که درو تخم انگور بکشتند هنوز برجاست، آن را بهراغوره^{۶۷} میخوانند و بر در شهرست، و چنین گویند که نهال انگور از هراّه بهمهّ جهان پراگند، و چندان انگور که بهراّه باشد بهیچ شهری و ولایتی نباشد، چنانک زیادت از صد گونه انگور را نام بر سر زبان بگویند^{۶۸}، و فضیلت شراب بسیار است.

در گوشه‌ای بکار، و گرداگرد او پرچین کن تا چهارپا اندرو راه نیابد، و از مرغان نگاه‌دار، و بهر وقت احوال او مرا مینمای، پس باغبان همچنین کرد، نوروزماه بود،

یکچندی برآمد، شاخکی ازین تخمها برجست، باغبان پادشاه را خبر کرد، شاه با بزرگان و دانا آن بر سر آن نهال شد، گفتند: ما چنین شاخ و برگ ندیده‌ایم، و بازگشتند، چون مدتی برآمد شاخهای بسیار شد، و بلغها پهن گشت، و خوشه خوشه بمثل گاؤرس ازو در آویخت، باغبان نزدیک شاه آمد، و گفت: در باغ هیچ درختی ازین خرمتر نیست، شاه دیگر باره با دانا آن بدیدار درخت شد، نهال او را دید درخت شده، و آن خوشها ازو درآویخته، شگفت بماند، گفت: صبر باید کرد تا همه درختان را بر برسد تا بر این درخت چگونه شود، چون خوشه بزرگ کرد، و دانه‌های غوره بکمال رسید، هم دست بدو نیارستند کرد، تا خریف درآمد، و میوه‌ها چون سیب و امرو و شفتالو و انار و مانند آن در رسید، شاه بباغ آمد، درخت انگور دید چون عروس آراسته، خوشها بزرگ شده، و از سبزی بسیاهی آمده، چون شبه میتافت، و یک یک دانه ازو همی ریخت، همه دانا آن متفق شدند که میوه این درخت اینست، و درختی بکمال رسیده‌است، و دانه از خوشه ریختن آغاز کرد، و بر آن دلیل میکند که فایده این در آب اینست، آب این بیاید گرفتن و در خمی کردن، تا چه پدیدار آید، و هیچ کس دانه در دهان نیارست نهادن، از آن همی ترسیدند که نباید که زهر باشد و هلاک شوند، همانجا در باغ خمی نهادند و آب آن انگور بگرفتند، و خم پُر کردند، و باغبان را فرمود هرچه بینی مرا خبر کن، و بازگشتند، چون شیر در خم بجوش آمد باغبان بیامد، و شاه را گفت: این شیر همچون دیگ بی آتش میجوشد، و نرمی (?) اندازد، گفت: چون بیارامد مرا آگاه کن، باغبان روزی دید صافی و روشن شده چون یاقوت سرخ میتافت، و آرامیده شده، در حال شاه را خبر کرد، شاه با دانا آن حاضر شدند، همگان در رنگ صافی او خیره بماندند، و گفتند: مقصود و فایده ازین درخت اینست، اما ندانیم که زهرست یا پازهر، پس بران نهادند

نهاده‌اند، و گروهی صحرای شادی، روزه مهر و پیرای آفرینش و نشانه بهشت گفته‌اند، اما خداوندان علم فلاسفه گفته‌اند که سبب آفرینش ایزدست، و طلب علم بدو و از آفریدگار خویش اثرست: که راه نماید بخوبی ذات او، و طبیعیان گفته‌اند که همه چیزها را زیادت و نقصان و اعتدالست، و آراستگی هموار باعث‌الست، پس چون بنگرید صورت اعتدال خوب تر بود، که خویشتن را بترکیب مینماید، و این عالم که بپای بود باعث‌ال برپای بود، و بوی آبادان باشد، و تناسخیان گویند که وی خلعت آفریدگارست، که بمکافات آن پاکی و پرهیزگاری که بنده کرده بود اندر پیش، آن بنور خویش او را کرامت کند، فاما خداوندان معرفت گفته‌اند که وی شوق شمعست که شمع را بر فروزند، و گروهی گفته‌اند که وی منشور سراسرست و باران رحمت است که روضه معرفت را تازه می‌گرداند، و درخت شوق را بشکفاند، و گروهی گفته‌اند که وی آیت حقست که حقیقت بر محققان عرضه همی‌کند، تا بحقیقت وی بحق بازگردند، و در دیدار نیکو سخنه‌اء بسیار گفته‌اند، اگر همه یاد کنیم دراز گردد، حکایتی از عبدالله طاهر یاد کنیم،

حکایت: چنین گویند که عبدالله طاهر یکی را از بزرگان سپاه خویش بازداشته بود، هرچند در باب او سخن گفتندی از وی خشنود نگشت، پس چون حال بدان جا رسید، و هر کس از کار او ناامید گشتند، این بزرگ را کنیزکی بود فصیح، قصه‌ای نوشت و آن روز که عبدالله طاهر بمظالم نشست آن کنیزک روی بربست، و بخدمت وی رفت، و قصه بداد و گفت: یا امیر خذالعفو^{۶۹} فان من استوالی اولى و من قدر غفر، گفت ای امیر، هر که بیابد بدهد، و هر که بتواند، بیامورزد، عبدالله گفت: «یا جاریه، آن ذنب صاحبک اعظم و ممّا یرجى عفو، ای کنیزک، گناه مهتر تو بزرگتر از آنست [که] آن را آمرزش توان کرد، کنیزک گفت: ایها الامیر و ان شفیعى الیک اعظم ممّا یحی رده، یعنی شفیع من بتو بزرگتر از آنست که باز توان زد، گفت: و ما شفیعک الذی لایرد، گفت کدامست این شفیع تو که باز نتوان زد، کنیزک دست از روی برداشت، و روی بدو نمود، و گفت: «هذا شفیعى، اینک شفیع من، عبدالله طاهر چون روی کنیزک بدید تبسم

گفتار اندر خاصیت روی نیکو

روی نیکو را دانا آن سعادت‌ی بزرگ دانسته‌اند، و دیدنش را بفال فرخ داشته‌اند، و چنین گفته‌اند که سعادت دیدار نیکو در احوال مردم همان تأثیر کند که سعادت کواکب سعد بر آسمان، و مثال این چنان نهاده‌اند چون مثل جامه که عطر اندر صندوق بود که از وی بوی گیرد و بی عطر آن بوی بمردم برساند، و چون مثال عکس آفتاب که بر آب افتد و بی آفتاب دیگر جای عکس برساند، زیرا که نیکویی صورت مردم بهریست از تأثیر کواکب سعد که بتقدیر ایزد تعالی بمردم پیوندد، و نیکویی بهمه زبانها ستوده است و بهمه خردها پسندیده، و اندر جهان چیزهای نیکو بسیارست که مردم از دیدارشان شاد گردد، و بطبع اندر تازگی آرد؛ ولیکن هیچ چیز بجای روی نیکو نیست، زیرا که از روی نیکو شادی آید، چنانک هیچ شادی بآن نرسد، و گفته‌اند، روی نیکو دلیل نیکبختی این جهان است، و چون روی نیکو با خوی نیکو یار شود آن نیکبختی بغایت رسیده باشد، و چون بظاهر و باطن نیکو بود محبوب خدا [و] خلق گردد، و مر دیدار نیکو را چهار خاصیت است، یکی آنک روز خجسته کند بر بیننده و دیگر آنک عیش خوش گرداند، و سدیگر آنک بجوانمردی و مروّت راه دهد، و چهارم آنک بمال و جاه زیادت کند، زیرا که مردم چون باوّل روز از روی نیکو شادی یافت دلیل بهره‌ای بود از بحرهاء خجستگی، که آن روز جز شادی نبیند، چون با وی نشست عیش بروی خوش گردد، و بی‌غم شود، و چون این حال بروی قرار گرفت، و دیدار نیکی یافت، اگر چه بی‌مروّت و سفله کسی بود، مروّت و جوانمردی در وی بجنبد، و چون مردمان وی را با روی نیکو دیدند، به تعظیم نگرند، او نیز از بهر عیش خویش بمال ورزیدن کوشش بیش کند، و چنین گفته‌اند که روی نیکو پیر را جوان کند، و جوان را کودک، و کودک را بهشتی، و رسول علیه‌السلام گفته است: اطلبو حاجاتکم من حسان الوجوه، گفت حاجت خویش از نیکو رویان بخواهید، و هر کس از روی شطارت مر روی نیکو را صفت کرده‌اند و لقبی نهاده، گروهی میدان عشق

ده شد، و از مبارکی دیدار او سلطان را بسیار کارها و فتحه‌ها بزرگ دست داد، و چندین ولایت هندوستان بگشاد، و شهرهای خراسان بگرفت و بسلطانی بنشست، مگر روزی این پسر بعذری دیرتر بخدمت آمد، و سلطان بی او تنگدل گشته بود، چون او بیامد از سر خشم و عتاب گفت: هان و هان، خویشان را می‌شناسی، هیچ دانی که من ترا از کجا برگرفته‌ام و بکجا رسانیده، و از خواسته و نعمت چه داری، ترا زهره آن باشد که یک ساعت از پیش من غایب شوی، چون سلطان خموش گشت گفت: سلطان، بفرماید شنیدن، همچنانست که میفرماید، من بنده را از خاک برگرفت و بر فلک رسانید، من یک فرو مایه بودم، اکنون بدولت خداوند پانصد هزار دینار زیادت دارم بی ضیاع و چهارپا و بنده و آزاد، و ملک بنده را آن مرتبت و حشمت داده است که در دولت خداوند پایه هیچ کس از پایه بنده بلندتر نیست و با این همه کرامت که با بنده کرده‌است و این نعمت داده و بدین درجه رسانیده، هیچ سپاس و منت بر بنده ننهد، بر دل خویش نهد، که بنده را از جهت دل خویش نیکو می‌دارد به دو معنی، یکی از جهت آنکه دیدار بنده بفال گرفت و دیگر که من بنده تماشاگاه و باغ و بوستان دل ملکم، اگر ملک تماشاگاه خویش را بیاراید منت بر کسی نباید نهاد، هرچند من بنده به شکر و دعا مقابله می‌کنم، ملک را جواب آن پسر عجب خوش آمد، او را بنواخت و تشریف داد، و سخن بزرگان و اهل حقیقت در معنی روی نیکو بسیارست، این مقدار بدان یاد کرده شد تا بدانی که مرتبت این عطا و خلعت ایزد تعالی بچه جایگاهست، و بزرگان مر روی نیکو را چه عزیز داشتند، و این کتاب را برای فال خوب بر روی نیکو ختم کرده آمد، مبارک باد بر نویسنده و خواننده،

تمت بعون الله و حسن توفیقه
رب اختم بالخیر و السعاده و السلامه و الصحه

کرد و گفت: شفیع ما اکرمه و من یؤتیک ما اعظمه، گفت زرگا شفیع که تو آوردی و عزیز خواهشی که تراست، این بگفت و فرمود تا آن سرهنگ را خلاص دادند، و خلعت داد، و بنواخت و بجایی او کرامتها کرد، و این بدان یاد کرده شد تا بدانی که مرتبت روی نیکو تا کجاست و حرمت او چند است،

حکایت، گویند سلطان محمود روزی، بتماشا شده بود، و از صحرا سوی شهر همی آمد، و دران حال هنوز امیر بود، و پدرش زنده بود، چون بدر دروازه شهر رسید چشمش در میان نظارگیان بر پسری افتاد چرکین جامه بقدر دوازده ساله، اما سخت نیکو روی و طرفه و زیبا بود، تمام خلقت، معتدل قامت، عنان بازکشید و گفت: این پسرک را پیش من آرید، چون بیاوردند، گفت: ای پسر تو چه کسی و پدر کیست، گفت: پدر ندارم و لیکن مادرم بفلان محلت نشیند، گفت: چه پیشه می آموزی، گفت: قرآن حفظ می کنم، فرمود تا آن پسرک را بسرا بردند، چون سلطان فرود آمد، پسرک را پیش خواند، و ازو هر چیزی پرسید، و چند کارش فرمود، سخت زیرک و رسیده بود، اقبالش یاری داد، فرمود تا مادرش را بیاورند و گفت: پسر ترا قبول کردم، من او را بیروزم، تو دل از کار او فارغ دار^{۷۰}. مادرش را نیکویها فرمود و پسر را جامه های زیبا پوشانید، و پیش ادیب نشاند تا خط و دانش آموخت و سلاح و سواری، و پسر را گفت: هر روز بامداد که من هنوز بار نداده باشم باید که پیش من ایستاده باشی، پسر هر بامداد پگاه بخدمت آمدی، سلطان چون از حجره خاص بیرون آمدی نخست روی او دیدی، و مقصود سلطان آزمایش خجستگی دیدار او بود، سخت خجسته آمد، چون بیرون آمدی از حجره چشم بروی افگندی، هر مرادی داشتی آن روز حاصل شدی، و این پسر را از جامه و نیکو داشت جمالش یکی صد شد، سلطان هر روز او را بخویشتن نزدیک کرد، و شایستگیها از وی پدید می آمد، و سلطان او را نعمت و خواسته میداد و اعتماد برو زیادت، میکرد، و مینواخت، نعمت و تجمل این [پسر] بسیار شد، و سلطان از عشق او چنان گشت که یک ساعت شکیا نتوانست بود. این پسر را سالش بهجده رسید، و جمالش یکی

خویشتن رشوت بستدی و خلیفه را گفتی تا او را دست بازدارد». و ازین چنان برمیآید که خلیفه بمعنی مأموری و صاحب منصب استعمال می شده که هم قدرت لشکری و هم قدرت کشوری داشته و بستن و زدن و گرفتن بعنوان تقصیر در اختیار او بوده است. و این غیر از معنی جانشین و قائم مقام و نایب است، و نیز معنی «غلامان صقلبی (Slave) که در سرای شاهان خدمت میکردند» چنانکه دژی شرح داده است، نمیدهد.

(۴) آفتاب از سر حمل برفت - اعتقاد ایرانیان برین بوده است که در ابتدای هزاره هفتم از آفرینش جهان خورشید از برج حمل روان شد، و درین هزاره بود که کیومرث آفریده شد و تناسل صورت گرفت. حمزه اصفهانی در تاریخ سنی ملوک العرض گوید: طالع اول این هزاره سرطان بود، و مشتری در آن بود و خورشید در حمل، و ماه در ثور، و زحل در میزان و مریخ در جدی و زهره و عطارد در حوت و این ستارگان از این بروج در روز هرمزد از ماه فروردین روان شدند». در کتاب بندهشن نیز زایجه ابتدای جهان را چنین گفته: مهر در بره، ماه در گاو، اورمزد در خرچنگ، تیر در خوشه (و به روایت دیگر در دول)، کیوان در ترازو، بهرام در وهیک (=بزگاله)، ناهید در ماهی.

(۵) نموده شد - عبارت این مبحث مبهم و مشوش است. در رساله قرانات ایرانشاه ابن علی نیشابوری مسطور است که «قرانات زحل و مشتری قران عظمی بود و قران وسطی و قران صغری، اما قران عظمی آن بود که در حمل افتد که نقطه اعتدالست و اول بروج مثلثه آتشی تا باز رسیدن قران با همان موضع و آن نهصد و شصت سال بود؛ و قران وسطی آن بود که قران علوین در مبدأ هر مثلثه افتد تا باز که بدیگر مثلثه انتقال افتد و مدت آن دویست و چهل سال بود و قران صغری آن بود که در هر برجی افتد و مدت آن به تقریب بیست سال بود». و چون قران اصغر زحل و مشتری هر نوزده سال و ۳۱۴ روز است هفتاد و سه بار قران آنها نزدیک به ۱۴۵۰ سال میشود. هبوط کواکب ضد شرف آنهاست و چون ستاره ای بمحل هبوط رسد و دلیلت بر پستی احوال منسوبات آن، و هبوط زحل در برج حمل است.

حواشی و ملاحظات ناشر^۱

(۱) **خطاب فرمودی** - این استدلال نظیر مضمون این بیت فردوسی است

در شاهنامه:

اگر به نبودی سخن از خدای، نبی کی بودی نزد ما رهنمای.

(۲) **همی کم شود** - عبارت ناقص و مبهم است و شاید چیزی ساقط

شده باشد. مراد بیان اینست که آفتاب را دو دورست: یکی گردش شبانروزی که در ۲۴ ساعت یک بار بر حسب ظاهر گرد زمین می‌گردد؛ دیگر حرکت سالیانه که در مدت ۳۶۵ روز و ۵ ساعت و ۴۸ دقیقه و ۴۵ ثانیه و نیم یک بار بر حسب ظاهر دوره منطقه البروج را طی می‌کند. اما این حرکت سالیانه بر آن حرکت شبانروزی کاملاً منطبق نمیشود، زیرا یک بار سیر خورشید در منطقه البروج باندازه شش ساعت الاقرب یا یازده دقیقه اضافه بر ۳۶۵ روز طول میکشد، پس اگر مثلاً امسال خورشید در اولین ثانیه یک روز وارد اولین دقیقه برج حمل شود، پس از طی یک دوره کامل منطقه البروج در ساعت ۵ و ۴۹ دقیقه روز سید و شصت و ششم باز به اول حمل میرسد و چهارمین دوره سالیانه آن قریب ۴۴ دقیقه قبل از پایان سید و شصت ششمین روز آن دوره بسر میرسد، و همین طور هر سال «از مدت» ۳۶۵ شبانروز و ربع شبانروز نزدیک بیازده دقیقه «همی کم شود» تا پس از ۱۴۶۱ سال (چنانکه در صفحه ۳ بیان کرده است) دوباره در اولین ثانیه روز به اولین دقیقه برج حمل داخل میشود.

(۳) **بخلیفتی از خلفاء خویش** - در سیاستنامه که در حکایت راست

روش (مصحف و استریوشان سالار؟) وزیر بهرام گور گوید (چاپ شفر): «و یکی را که نام خلیفه بهرام گور بود این راست روش گفت او را...» و نیز بعد از چند سطر گوید: «پس هرکرا خلیفه بگرفتی و بازداشتی راست روش

^۱ هر جا که در متن بالای سطر علامت ستاره گذاشته شده نشان است که در آن باب توضیحی در ضمن این حواشی و ملاحظات مندرج است.

مقابله با اصطلاح علم نجوم نظر ستاره‌ای بستاره دیگر است بفاصله نصف دور فلک که ۱۸۰ درجه باشد یعنی شش برج، مثلاً قمر در چهارم درجه سرطان باشد و مشتری در پنجم درجه جدی، و این دلیل بر اتمام دشمنی است.

۶) فروردین ماه بزبان پهلوی است - پهلویی بودن نامهای ماهها درست، لیکن معنیهایی که حکیم برای آنها آورده از نوع «اشتقاق سازی عامیانه» است. اردیبهشت را «مانند بهشت» و خرداد را «خورشداد»، شهریور را «ریوشاه» و دی را «دیو» و بهمن را «به همان» ترجمه کردن همه خیالاتگیز است. در پخلوی نه ارد بمعنی مانند است نه ریو بمعنی دخل و عایدی، نه دی بمعنی دیو نه اسفند بمعنی میوه. مع هذا بر حکیم درین باب بحثی نیست چه شاید او این وجه تسمیه هارا از جایی نقل کرده است. اینک تفسیر و گزارش صحیح این نامها:

فروردینماه Fravartin mah ماه ارواح است. فروردین از کلمه Fravartin mah فرس قدیم آمده که صیغه جمع Fravari و بحالت مضاف الیه است. فرورتی همانست که در پهلویی فروهر گفته میشود و بمعنی وجود روحی و ازلی مردمان است که در مدت زندگانی به منزله «ایزد نگهبان» شخص است و پس از مرگ نیز بجا می ماند.

اردیبهشت ماه Urt-vahist بنام ادیبهشت که یکی از امهر اسپندان (امشاسپندان) ششگانه است موسوم و منسوبست. اردیبهشت از کلمه فارسی قدیم آمده که بمعنی بهترین راستی است.

خردادماه Hordat بنام یکی دیگر از شش امهرسپند نامیده شده. در اوستا Haurvatat و بمعنی سلامت و و کامل بودن است.

تیرماه Tir بنام یکی از ایزدان یعنی فرشتگان درجه دوم منسوبست. تیر از کلمه اوستایی Tishrtya می آید که نام ستاره شیعرای یمانی است. تیر علاوه بر این نام ستاره عطارد نیز هست.

مردادماه Amurdāt بنام یکی دیگر از امهر اسپندان است و از کلمه اوستائی در اوستایی بمعنی بی مرگی مشتق است.

شهریور Savrevar بنام بنام یکی دیگر از امهراسپندان موسوم است. شهریور از کلمه اوستایی بمعنی مملکت مطلوب می آید.

(۱۱) صد و شصت و چهار سال - اگر بخواهیم دوره هزار و چهارصد و شصت و یک ساله دوم تمام شود، باید بجای این عدد ۱۸۲ به شمار آوریم، زیرا املک جمشید را ۷۰۰ سال گفته‌اند و ۴۲۱ سال که از آن کم شود ۲۷۹ سال میماند، پس $۱۸۲ + ۱۰۰۰ + ۲۷۹ = ۱۴۶۱$ ، مگر آنکه ملک جمشید را ۷۱۸ بگیریم.

(۱۲) ذوالقرنین - پس از آنکه اسکندر کبیر مصر را فتح کرد و در معبد مصریان بمنزله Jupiter Amma شناخته شد و سکه‌هایی از او منتشر شد که در آن دو شاخ نت سر او کرده بودند بوی لقب ذوالقرنین داده شد (لغت بین‌المللی جدید Webster در تحت ماده Bicorned). از روزی که دین آور تازیان در کتاب خویش از ذوالقرنین سخن گفته است تا کنون نویسندگان و مفسرین و قاموس نویسان بقدری آراء و اقوال مختلف درین باب گفته و نقل کرده‌اند که مجموعه آنها مقاله مفصل دلچسب و حتی مضحکی میشود، و اینجانب آنرا تهیه کرده است.

(۱۳) تا بروزگار نوشین روان عادل - برای پُر کردن حساب سالی یک ربع روز رسم ایرانیان این بود که در هر صد و بیست سالی که این ربعها با هم جمع و یک ماه سی روزه تمام میشد در آن سال صد و بیستم این یک ماه را بر ماههای سال می‌افزودند که سیزده ماه شود و آن سال سیزده ماهه را وهیزک یعنی مبارک مینامیدند و خود ماه زاید را بترتیب در صد و بیست‌ساله اول فروردین و در صد و بیست‌ساله دوم اردیبهشت مینامیدند. بطوری که در سالهای وهیزک یک ماه مکرر میشد و برای آنکه بدانند در انتهای هر صد و بیست سالی کدام ماه را باید مکرر کنند پنجه دزدیده را در هر بار باخر ماه مکرر نقل می‌کردند.

اجرای کبیسه بایستی بمباشرت شاهان و در محضر محاسبین و اهل قلم و مورخین و هیریدان و موبدان و به اتفاق ایشان بر صحت حساب بعمل آید. و در زمان ساسانیان برای این کار از پیش هر کس را که در اقطار مملکت از اشخاص مزبور سراغ داشتند بپایتخت می‌خواستند و مشورت میکردند تا

بدست ما رسیده موافقت نمیدهد و معلوم نیست از چه منبعی گرفته شده است. مدت شاهی کیومرث را در بندهشن و خداینامه پهلوی و ترجمه این مقفع و کتاب النبیة والاشراف (برویتی) و شاهنامخ و همه سی سال نوشته‌اند و حمزه و بیرونی و بلعمی (بیک روایت) و مسعودی در مروج الذهب (بقولی) چهل سال، روایت هفتاد سال و هفتصد سال و هشتصد و پنج سال و هزار سال نیز در باب او هست. مدت شاهی هوشنگ بنا بر همه روایات فقط چهل سال بوده (جز یک روایت بلعمی که چهارصد سال نیز گفته)، اما حساب حکیم خیام با این نتیجه که از اول زمان کیومرث تا سال ۴۲۱ از شاهی جم ۱۴۶۱ سال بود با هیچ یک از مأخذ مطابق نمی‌آید. از اول شاهی کیومرث تا آخر شاهی جمشید بنا بر بندهشن و خداینامه پهلویی و تحقیق حمزه اصفهانی هزار سال بوده است، و بقول ابن مقفع هزار و ده سال، بنا بر ضبط بیرونی و یک روایت بلعمی ۸۹۶ سال، بضبط مجمل التواریخ ۹۶۶ سال، بقول ابن قتیبه ۱۹۶۰ سال، بروایت یعقوبی ۸۴۰ سال، بنقل طبری ۱۸۲۴ سال، بروایت دیگر بلعمی ۱۹۰۱ یا ۲۲۰۱ سال، بحساب روایات مأخذ مسعودی در مروج الذهب ۷۱۰ یا ۸۱۰ یا ۱۷۷۰ یا ۱۸۷۰ (تاریخ گزیده ۱۸۷۰) سال، در تنبیه مسعودی ۱۱۴۱ یا ۱۱۳۱ سال، بروایت سالیسی ۹۲۰ یا ۱۸۹۰ سال، بقول فردوسی ۸۰۰ سال، بگفته سید ظهیرالدین ۱۴۶۰ سال. همه این اقوال و ارقام را استاد آرتور کریستنسن در کتاب «اولین مرد و اولین شاه در تاریخ داستانی ایرانیان» بتفصیل نقل و بحث کرده است.

(۱۰) و دین صابیان آورد - خوارزمی صاحب مفاتیح العلوم گوید:

کلدانیان آنان‌اند که صابیان و هرنیان نامیده می‌شوند، و بقایای ایشان در حران و عراق هستند، و پیغمبر خود بوداسپ را میداند که در هند ظهور کرد، و برخی ازیشان میگویند که هرمس بوده است. اما بوداسف در روزگار شاه تهمورث بود، و دبیری پارسی را او آورد. و این قوم را در زمان مأمون بود که صابین نام نهادند، اما صابیان حقیقی فرقه‌ای از نصاری و باقیمانده‌های سمنیان در هند و در چین هستند. در باب تاریخی صابیان حران و تفصیل معتقدات ایشان رجوع شود به کتاب فهرست ابن الدیم ص ۳۲۰ و بعد.

(۱۶) آن آیین بماند - ۱۳. تعدیل متوکل در محرم سال ۲۴۳ بعمل آمد و محمد بن عبدالملک زیات ده سال پیش ازان به امر متوکل کشته شده بود، ازین گذشته تعدیلی که در زمان متوکل حساب کرده بودند بسبب مرگ متوکل معوق ماند و اجرا نشد و معتضد در سال ۲۷۹ از نو منجمین را واداشت حساب کردن و نوروز را مطابق سال سریانی (رومی) ثابت قرار دادند و از سال ۲۸۲ بموقع عمل گذاشتند. تاریخ این اصلاحات را صاحب کتاب العیون والحدائق در حوادث سال ۲۷۹؛ و ابو هلال عسکری در کتاب الأوائل؛ و ابو بکر صولی در کتاب الأوراق؛ و حمزه بن الحسن اصفهانی در تاریخ سنی الملک و در رساله‌ای که در باب اشعار متدول در نوروز و مهرگان نوشته بوده، و ابو ریحان بیرونی در آثار باقیه و در تفهیم و در قانون مسعودی؛ و یاقوت حموی در کتاب ارشاد الأریب آورده است.

(۱۷) شانزده روز تفاوت از آنجا کرده است - اگر سالی که تعدیل خلفی بعمل آمده و ترتیبی که دران باب پیش گرفته بودند معلوم بود سال تحریر نوروز نامه از این عبارت بدست می‌آمد، در کتب تواریخ و مراجع دسترس اینجانب هیچ ذکری ازین تعدیل نشده است، حتی بیرونی بعد از ذکر تعدیل معتضدی میگوید: «وهذا التاريخ آخر التواريخ المشهوره». امیر ولی الدوله ابو احمد خلف بن احمد بن اللیث بن فرقد سیستانی شاه سیستان از اهل علم و فضل و سیاست و شاهی بود و پس از آنکه شاهی را از دست داده بود در رجب سال ۳۹۹ در دیار هند در زندان بمرد.

(۱۸) ذات الحلق - برای وصف و شکل این آلت رجوع کنید بگاهنامه ۱۳۱۱ تألیف سید جلال‌الدیم طهرانی ص ۱۰۳.

(۱۹) کبیسه تمام نا کرده بماند - در سال ۴۶۷ هجری بود که سلطان ملک‌شاه و خواجه نظام‌الملک جمعی از منجمین و ریاضیون را گرد کرده ایشان را امر بتعدیل سال کردند، یعنی نوروز را که بواسطه اجرا نکردن کبیسه در اول بهار ثابت نمانده بود و درین سال در نیمه برج حوت بود باول اعتدال ربیعی بیاورند و ترتیبی مقرر دارند که هیچ گاه اول فروردین از جای

اتفاق حاصل گردد و مال بسیار درین راه خرج میکردند و نوروز آن سال را با ارجمند ترین اعیاد میگرفتند و شاه خراج آن سال رعیت را میبخشید. چون این امر بسیار مهم برای خاص و شاه و رعیت سودمند بود و حکمت و عمل بر موجب طبیعت تقاضا آن مینمود لاجرم هر وقت که موقع کبیسه کردن میرسید اگر اوضاع مملکت بجهت حوادثی مغشوش بود در اجرای آن اهمال میکردند و میگذاشتند که دو ماه از آن گرد آید و در سر صد و بیست سال بعد هر دو ماه را در یک سال میافزودند؛ یا اگر بیم آن بود که در موقع کبیسه کردن آینده شاید اوضاع مملکت چنان باشد که اجرای آن بمانعی دچار شود قبلاً بنا بر احتیاط دو ماه یکجا میافزودند، چنانکه در آخرین کبیسه‌ای که اجرا شد همچنین کردند. و آن بنا بقول بیرونی قریب یکصد و نود سال قبل از قتل یزدگرد سوم و بنا برین در حدود ۴۶۰ میلادی بوده است که زمان سلطنت فیروز پسر یزدگرد دوم است. مباشر اجرای این کبیسه مردی بود از دستوران بنام یزدگرد هزاری، و دران موقع دو ماه بر سال افزودند و اندرگاه یعنی خمسۀ مسترقه را باخر آبانماه محلق کردند. اعتبار این کبیسه برای یکصد و بیست سال بعد از آن تاریخ یعنی تا سال ۵۸۰ میلادی باقی بود که بمدّت شاهی هرمزد پسر خسرو انوشیروان میافتاد و بنا بر این لازم نبود که انوشیروان کبیسه کند.

(۱۴) مانند - مانند بطور متعد استعمال میشده است بمعنی گذاشتن.

(۱۵) تقویم می‌کنند - زیج مأمونی بامر مأمون بمباشرت عده‌ای از منجمین که در سال ۲۱۵ تا ۲۱۷ در شماسیۀ بغداد و کوه قاسیون دمشق بر ضد کواکب اشتغال داشتند تهیه شد و بواسطۀ مرگ مأمون در سال ۲۲۸ ناتمام ماند. از جمله آن منجمین نام چهار نفر برده میشود: ابوعلی یحیی پسر ابو منصور آبان گشتسپ، خالد پسر عبدالملک مرو رودی، عباس بن سعید جوهری، ابوالطیب سند بن علی یهودی. زیج مأمونی در زمان قفطی نیز معمول بوده است ولی ازینکه منجمین سابق الذکر سال ایرانی را تعدیل و نوروز را در اول حمل ثابت کرده باشند، ذکری در کتب مأخذ اینجانب (الفهرست و تاریخ الحکماء و تاریخ مختصر الدول) نشده است.

(۲۲) از بیم پادشاه - فصل دهم از سیاستنامه (ص ۴۵) مربوط بصاحب خبران و منهیان است که در دربار خلفاء صاحب البرید می گفته‌اند.

(۲۳) تمام کردی - باهتمام شاهان در بنا کردن و آبادان ساختن مملکت در سیاستنامه اشاره‌ی بیش نشده است آنجا که می‌گویند: (ص ۶ س ۴ تا ۸) «و دیگر آنچه بعمارت جهان پیوندد از بیرون آوردن کاریزها و کندن جویها و پلها و بر گذر آب [های] عظیم و آباد کردن دیها و مزارع و برآوردن حصارها و ساختن شهرها و برآوردن بناهای رفیع [و نشستگاههای بدیع به جا آرد] و بر شاهراهها و رباطها فرماید و مدارس از جهت طالب‌علمان، تا آن نام او را همیشه بماند و ثواب آن مصالح بدان جهان او را حاصل شود...» این اطناب حکیم عمر خیام را در واداشتن شاهان خلف بتمام کردن نیم کاره‌های سلف آیا بر این میتوان حمل داد که میخواست است شاه معاصر او و جانشین ملکشاه کاری را که ملکشاه شروع کرده بود و ارتباطی به خود خیام داشت، یعنی ساختن رصدخانه را پایان برساند؟

(۲۴) پل اندیمشک - یاقوت حموی در معجم البلدان در مادهٔ اندامش میگوید: «بکسر میم و شین نقطه دار شهرست میان کوهستان لر و جندیشاپور، اصطخری گوید از شاپور خواست. تا لر سی فرسخ راه است که دران نه دهی است و نه شهری، و از لر تا شهر اندامش دو فرسخ است، و از پل اندامش تا جندیشاپور دو فرسخ» ولسترانج (ص ۲۳۷ و ۲۳۹) در ذیل وصف جندیشاپور گوید دزفول یعنی پل دز یا پل قلعه واقع در کنار رود دز در طرف مغرب جندیشاپور بنام پُلی موسوم شده است که میگوید شاپور دوم ساخته است و اصطخری آن را قنطرهٔ اندامش مینامد. خرابهٔ آن پل هنوز موجود است. شهر دزفول در قرن چهارم هجری بنام قصر الروناش نیز معرفت بوده، مع هذا مقدسی گاهی آنرا فقط بنام شهر «الفنطره» ذکر میکند. این شهر و پل مشهور آن نامهای متعدد دیگر نیز داشته‌اند: مثلاً ابن سراپیون آن را قنطرهٔ الروم میخواند و به رود دز نام رود جندیشاپور میدهد، ابن رسته در الاعلاق النفسیه از قنطرهٔ الرود سخن میراند، و در کتاب ابن

خود تغییر نکند، از جمله آن منجمین یکی عمر خیام نیشاپوری بود، دیگر عبدالرحمان خازنی، دیگر حکیم لوکری، دیگر ابوالمظفر اسفزاری، دیگر میمون بن نجیب واسطی. ایشان تعدیلی کردند که بتعدیل جلالی معروفست و از سال ۴۷۱ هجری آن را بموقع اجرا گذاشتند. و ابتداء وضع آن روز جمعه دهم ماه رمضان سنه ۴۷۱ بود و دران وقت نزول آفتاب بیرج حمل در هجدهم فروردین بود. هجده روز اول را کیسه کردند و روز نوزدهم را اول فروردین قرار دادند و سال ۴۷۱ مبدأ تاریخ جلالی گردید. تفصیل این مجمل را اینجانب در کتاب «اخبار و آثار خواجه نظام الملک طوسی وزیر آل سلجوق» بشرح و بسط تمام آورده‌ام. این الاثیر و ابوالفدا آورده اند که منجمین مزبور رصدی نیز برای سلطان ملکشاه ساختند و مال بسیاری دران راه خرج شد و تا سال ۴۸۵ بدان بنا مشغول بودند ولی بسبب فوت ملکشاه درین سال این کار «تمام نا کرده بماند».

(۲۰) بهمه روزگار - این فصل آیین پادشاهان ایران بسیاری شبیه است به سیاستنامه بدست نظام‌الملک تا سال ۴۸۵ دوام داشته‌است، بطوری که بمعنی از عبارات این فضل چنان مینماید که از مندرجات سیاستنامه گرفته شده و خلاصه شده باشد. برای خوان نهادن شاهان رجوع شود بفصص سی و ششم سیاستنامه (ص ۹۰ چاپ کتابخانه کاوه و معرفت) که باین طور شروع میشود: «پادشاهان همیشه اندر خوانها نهادن تکلف کرده‌اند...»

(۲۱) فقاع جزو (جزر) - حدس اینکه مراد جزو باشد مبتنی بر آنست که در مخزالأدویه در ماده جزو گوید: «نبیذ آن که آب افشده آن را با ربع آن عسل بجوشانند و در خم کنند و بگذارند تا بجوش آید و مسکر گردد بغایت مست کننده است». و در تحفه حکیم مؤمن آمده است: «جزر بفارسی گزر و زردک گویند... تبیذ او که آب افشده او را با ربع او عسل جوشانیده در خم ریخته بگذارند تا مسگر شود بغایت مست کننده و بطی الاحدار و مصدع [است]، و عرق که با ادویه مناسبه گرفته شود بدستوری که در دستورات مذکور است در جمیع آثار نایب مناب خمر است مگر در اسکار، ... و قدر شربت ... از نبیذ او تا پنجاه مثقال».

و فردوسی گوید :

جهان سبز گردد سراسر ز خوید، بهامون سراپرده باید کشید.

و سعدی گوید:

هر که مزروی خود بخورد بخوید، وقت خرمنش خوشه باید چید.

و خید بی واو بمعنی گیاه تر و تازه معرب و مغیر آنست؛ متأخرین که آن را خوید بواو ملفوظ بر وزن دوید دانسته‌اند در شعر مذکور فردوسی تصرف کرده آن را «سبز گردد همی از خوید» ساخته‌اند و شعر سعدی را بعضی «بخورد خوید» و برخی «خورد بخوید» کرده‌اند.

(۳۱) و هم کشوری بگیر نو - اشاره است به اعتقاداتی که در باره تعبیر خواب دیدن انگشتی بوده است که «ملوک را بولایت و ملک گزارش کنند» (نوروزنامه ص ۲۸).

(۳۲) چاشنی - اندکی از طعام و شراب را گویند که از برای تمییز کردن بچشند؛ و چاشنی گیر حاکم مطبخ را گویند (برهان قاطع). شاهان دست غذایی نمی‌زدند مگر پس از آنکه خانسلار خود از غذایی که بحضور آورده از هر یک اندکی می‌چشید تا شاه مطمئن شود که در آنها زهر نیست.

(۳۳) کدخدای مردمانست - صریح است در اینکه کدخدا بمعنی وزیر هم استعمال می‌شده. و نظایر این بسیار است من جمله در سیاستنامه در مکالمه میان وزیر بهرام گور و یک تن لشکری (ص ۱۹) آن مرد لشکری می‌گوید: «مرا حق خدمت باشد درین درگاه، کار گل نباید کرد، اما ترا کدخدایی کردن پادشاه بیاید آموخت».

(۳۴) خرمیهاء دل بزرگان - برای من ممکن نشد لفظی بمعنی خرمیهاء که بصورت مح نوشته شود بیایم.

(۳۵) دارودان - ظرفی بوده است لوله‌دار که بوسیله آن دارو در دهان بیمار می‌ریخته‌اند، و از این عبارت نوروزنامه برمی‌آید که برای شیر دادن

خرداذبه بقنطره الزاب بر میخوریم و زاب را او نام رود دز میداند. در قرن هشتم هجری حمدالله مستوفی پس از ذکر دزفول و آب جندیشاپور میگوید «پلی بران آب بسته‌اند بچهل و دو چشمه و درازی آن پل بانصد و بیست گام و عرضش پانزده گام و آن را پل اندیمشک نیز گفته‌اند.

(۲۵) هزار درم بدان کس دادندی - «و رسم ساسانیان چنان بوده است که هر که پیش ایشان سخنی گفتی یا هنری نمودی که ایشان را خوش آمدی و بر زبان ایشان رفتی که «زه» خزینه‌دار هزار درم بدان کس دادی» (سیاستنامه، ص. ۹۳ تا ۹۴).

(۲۶) این هر سه را در وقت سیاست فرمودندی - «پرویز ملک گفت که ملک نشاید که گناه چهار گروه مردم را درگذرد: یکی آنکه آهنگ مملکت او کند؛ دیگر آنکه آهنگ حرم او کند؛ سیم آنکه راز او نگاه ندارد؛ چهارم آنکه زبانش با ملک در دل با مخالفان و در سر تدبیر کار ایشان کند» («سیاستنامه» ص ۲۲). علاوه برین رجوع شود به نامه تنسر چاپ اینجامب مبحث ۶ ص ۱۶ تا ۱۸.

(۲۷) چه او و چه دیگران - رجوع شود به سیاستنامه فصل یازدهم ص ۵۱ و و قابوسنامه چاپ هدایت ص ۲۰۸.

(۲۸) و ملک خراب گردد - رجوع شود به سیاستنامه فصل چهارم ص ۱۵ تا ص ۱۶ س ۴.

(۲۹) از جهت حق خدمت - رجوع شود به سیاستنامه ص ۸۹ فصلی سی و چهارم.

(۳۰) خوید - بمعنی جو سیرتازه رسته بو او معدوله است بر وزن دید، حکیم ازرقی گوید:

ز خوید سبر نگردهد سروی گوزن ز لاله سرخ نگردهد همه سرین غزال

(۳۸) خنبره - خم و خنب و خنبه و خمبره و خنبه و خمره همه صحیح و همه در فرهنگها مضبوط است و خنبه خمچه و خم کوچک را گویند، ناصر خسرو گوید:

در خنبه بماند دو دست برای جوز بگذار جوز و دست بر آور خموش
و نظامی گنجوی گوید:
خنبره نیمه بر آرد خروش لیک چو پُر گردد گردد خموش

(۳۹) پناخسرو - نام پناه خسرو در سلسله آل بویه مکرر شده است، ولی اینجا مراد لابد مشهورترین و بزرگترین ایشان ابوشجاع پناه خسرو عضالدوله پسر رکن الدوله حسن است، و مبتنی شاعر عرب نام او را فنا خسرو بتشدید نون آورده است درین اشعار
و قد رأیت الملوک قاطبة و سرت حتی رأیت مولاه
ابا شجاع بفارس عضالدوله فنا خسرو شهنشاه
اسامیاً لم تزده معرفة و انما لذة ذکرناه

(۴۰) پیروزه از بهر نامش را - مراد آنست که فال فیروزی و کنایه از ظفر است. «گویند نگاه کردن بر آن روشنایی چشم آورد» («برهان قاطع»).

(۴۱) شدی - متقدمین ادبا و شعرای فارسی در نظم و نثر در بیان وقایعی که در عالم روینا اتفاق افتاده بوده صیغه ماضی استمراری را استعمال میکرده‌اند باین طور مثلاً که: «خواب دیدم که چنین می‌شد».

چنان دید روشنروانم بخواب، که رخشنده شمعی برآمد ز آب.
همه روی گیتی شب لاجورد ازان شمع گشتی چو یاقوت زرد.
در و دشت بر سان دیبا شدی، یکی تخت پیروزه پیدا شدی.
نشسته بر او شهریاری چو ماه، یکی تاج بر سر بجای کلاه.
مرا خیره گشتی سر از فر شاه وزان ژنده پیلان و چندین سپاه.
چو آن چهره خسروی دیدمی. ازان نامداران پرسیدمی...
(فردوسی)

سه جنگی پدید آمدی ناگهان

چنان دید کز کاخ شاهنشهان

بکودکان بجای پستانک امروزی نیز به کار می‌رفته است. این لغت را در فرهنگها نیافتم ولی در فرهنگهای عربی بفارسی در ترجمه میجر و لخی و مسعط آمده است: «المیجره اللخی دارودان» (السامی)؛ «میجر بالفتح کبچه و دارودان که بدان دارو در دهان ریزند، میجره مثله» (منتهی الارس، ماده و ج ر)؛ «المیجر و المیجره مالمسعط یو جر به الدواء» (قاموس)؛ «وجره الدواء بدهن وی کرد دارو را، دارو بدهانش فرو ریخت، او جرهِ الدواء در دهان وی ریخت دارورا» (مقدمه الادب رمخشری)؛ مسعط و مسعط دارودان که بدان دارو در بینی ریزند (مقدمه الادب ص ۳۸؛ ۱۳، ص ۱۳۰؛ ۱۱؛ السامی باب یازدهم؛ منتهی الادب)؛ «لخی کرحی و یمد دارودان که بدان دارو در بینی ریزند یا نوعی از پوست ستور دریائی که بدان دارو در بینی ریزند» (منتهی الارب). در عبارت نوروزنامه البته بمعنی میجر مراد است.

(۳۶) ندّ - بفارسی کشته نامند و مخترع او بختیشوعیه اند و آن مقوی دل و حواس و محرک باه و مصلح هوای و بائی و رافع زکام است بخوراً و شرباً» (تحفه حکیم مؤمن).

(۳۷) بر سر این دفینه توانند آمد - مراد حکیم آن است که این علامتهای ذکر شد مردمی که مال را در خاک نهان کرده‌اند نهاده‌اند تا محل آن رفراموش نشود، چنانکه در اخبار فتح خوزستان بدست غارتگران عرب آورده‌اند که پس از تصرف تستر و اسیر کردن هرمزان والی خوزستان (از مردم صیمره و از بزرگان یکی از هفت خادان درجه اول پارس و دائی شیرویه پسر خسرو پرویز) چون بهمر جانقذاق (مهرگان کده) رفتند یک تن از تازیان سائب بن الاقرع نام داخل قصر هرمزان (در یک میلی بیرون مهرگان کده) گردید در یکی از خانها دید که پیکری بر دیوار نقش کرده‌اند که دستش بسمت نقطه‌ای از زمین دراز است، گفت بی جهتی نیست که انگشت این پیکر این جا نشان می‌دهد، آن موضع را کردند درجی پر از جواهر یافتند که از آن هرمزان بود (تا آخر حکایت، الاخبار الطوال دینوری ص ۱۴۰)؛ اما این تعلیل در مورد کلیه نشانه‌های دفینها که حکیم ذکر کرده است صادق نمی‌آید.

فلسنا علی الاعقاب ندمی کلومنا ولكن علی اقدامنا یقطر الدما
نفلق هاماً من رجال ... الخ، و معنی بیتی که بدان مثل زده شده براین
تقدیر چنین میشود که «می شکافیم سرهای مردانی را که برما گرامی ولكن
ایشان در فرو گذاشتن جانب ما و ستم بر ما پیشدستی کردند». و شک
نیست در حکایت نوروز نامه بیت باید همین طور خوانده شود؛ اما در
مفصلیات این طور روایت شده است:

صبرنا و کان الصبر فینا سحیةً بأسیافنا یقطعن کفاً و معصما
یفلقن هاماً ... الخ، و برین تقدیر میگوید که شمشیرهای ما سر آن مردمان
را می شکافند. دوست محترم آقای عامری بمن خبر داد که در کتاب سمط
العلی (ص ۴۸ از نسخه عکسی متعلق بوزارت معارف) بدین بیت تمثل شده و
آنجا چنین شروع شده که «تَوَقَّلْتُ هاماً ...» یعنی بر سرمردانی بالارفتم... الخ.

(۴۳) سوچه - اگر مراد از این کلمه که در اصل همین طور بی نقطه
نوشته شده سوخته نباشد دیگر من نمیدانم چه لفظی و بچه معنایی باید
باشد.

(۴۴) ذات الحنه - کلمه‌ای که شبیه باین شکل و نام مرضی باشد یا
ذات الجنب است که مرض معروفست؛ و یا داء الحیه است که بقول ذری
Dozy بزبان فرانسه Ophiasis espece dalopecie باشد.

(۴۵) طلی - این لفظ که در همین صفحه در مورد ده معالجه دیگر نیز
ذکر شده اگر همان طلی و طلای عربی باشد بمعنی هر چیزی باشد که آن
را بر موضعی بمالند و طلایه کنند چون قطران بر بدن شتر و روغن بر گلو و
غیره. در این صورت باید قبول کرد که طلی جگر و طلی معده هم از خارج
بر موضعی از بدن که محاذی آنهاست مالیده می شود.

(۴۶) قوباء - «القوباء مفروقة وهي خلط غلیظ یظهر الی ظاهر الجلد و
یأخذ فیه» (مفاتیح العلوم)؛ «القوباء: بریون» (السامی فی الاسامی)؛ «قوباء
بسکون الو او و فتحها: ادرفن، وهي داء تعالج بالریق» (صراح اللغة)؛ «قوباء

دمان پیش ضحاک رفتی بجنگ
یکایک همان گرد کهتر بسال
بدان زه دو دستش بیستی چو سنگ
همی تاختی تال دماوند کوه
(فردوسی)

شهنشه چنین گفت با پهلوان
که از سوی ایبران دو باز سفید
خرامان تازان شدند برم
(فردوسی)

چنان دید گوینده یک شب بخواب
دقیقی ز جایی پدید آمدی
بفردوسی آواز دادی که می
(فردوسی)

«قضا را آن شب هر دو بخواب دیدند که قیامتستی، و خلق بحسابگاه
حاضر شدند، و یک یک را پیش میبردندی، و مصطفی صلی الله و علیه
و سلم شفاعت میکردی، و سوی بهشت میبردی» (سیاستنامه ص ۱۰۱).
بخواب دوش چنان دیدمی بوقت خیال که آمدی بر من آن غزلسرای غزال
بناز در برم آوردی و مرا دیدی ز مویه گشته چو موی و ز ناله گشته چو نال
ز مهر گرم شدی در عتاب و از دم سرد سخن ازان دهن تنگ تنگ گشته
محال (نجیب‌الدین جرفاذقانی)
ولی متأخرین این قاعده را رعایت نکرده‌اند، حافظ گوید «دیدم بخواب
خوش که بدستم پیاله بود».

(۴۲) شعر عربی - این بیت از جمله قصیده‌ایست که از حصین بن حمام
مری روایت شده است. وی از شعرای جاهلیت است و گویند عهد اسلام را
نیز دریافت. چها و یک بیت از این قصیده در مفضلیات ضبط گشته است. در
حماسه ابو تمام مقدم بر این بیت این بیت دو بیت دارد که در مفضلیات
نیست، پس جمعاً ۴۳ بیت میشود. در روایت حماسه این بیت و ما قبل آن
چنین آمده است:

بضم اول و سکون ثانی مجهول و گاف فارسی بمعنی دانه‌های سختی که در اعضای آدمی بهم میرسد و درد نمیکند و عربان ثؤلول خوانندش آمده است» (برهان)؛ «گوگه بضم اول ثانی مجهول و فتح گاف فارسی دانهایی را نیز گویند سخت که در اعضای آدمی بهم میرسد و درد نمیکند و پخته نمیشود و آن را بفارسی ازخ و بعربی ثؤلول خوانند و معرب آن قوقه است» (برهان)؛ «وردان بکسر اول و با دال ابجد بر وزن کرمان دانه‌ها سخت را گویند که از اعضای آدمی بر می‌آید و بعربی ثؤلول میگویند» (برهان).

مراد از همه این پانزده لغت همانست که امروزه در فارسی زگیل میگوئیم، در قوانین الصیاد یا بازنامه گوید (ص ۳۰۹): «صوم که بعربی ثالیل و بترکی ازگیل و بهندی مسه نامند». امروزه نیز در ایران در میان عامه معمول است که بعدد زگیلهای بدن دانه‌ها جو گرفته بر یک یک آنها سورۃ الم تشریح را خوانده میدهند و هر یک را بر یک زگیل آشنا کرده بعد مجموع این جوه‌های افسون خوانده را میکارند و یا در آب میریزند و معتقدند تا موقعی که جو در خاک سبز شود یا در آب بگندد آن زگیلها فرو خواهند ریخت.

(۴۹) **ذوجسدین** - مراد اینست که در ترکیب شمشیر دو عنصر از چهار عنصر آب و آتش و باد و خاک داخلست: آب و آتش، و مسعود سعد سلمان گوید:

عزیمت تو دو رگ دارد از شتاب و درنگ
چنانکه داشت دو رگ ذوالفقار از آتش و آب
و قدما هر چنین جسمی را که باعتقاد ایشان از دو جسد ازان چهار جسد ترکیب شده باشد ذوجسدین مینامیدند.

در مواردی که امروزه در فارسی کلمه حیوان را به حیوانات جمع می‌بندیم قدما غالباً آنرا مفرد می‌آوردند چه حیوان اسم جنس است برای همه زندگان. عکس آن یعنی حیوانات نیز دیده میشود من جمله نوروزنامه ص ۴۴ سطر اخیر.

(۵۰) **خانه جگر نهاده‌اند** - این اعتقاد باید رابطه‌ای با این تعبیر مخصوص فارسی داشته باشد که زهره و جگر را مجازاً بمعنی شجاعت

بالضم و فتح الو او و سکونها ممدوداً: ادرفن» (منتهی الارب)؛ «بريون يا ثالث مجهول و فتح واو بر وزن دويدن علتی است که در بدن آدمی پیدا میشود و هر چند می‌آید. پهن میگردد و خارش میکند و آن را در هندوستان داد میگویند و عبری قوباء خوانند و باین معنی بر وزن فرعون و دلخون هم آمده است» (برهان)؛ «ادرفن بر وزن قلم زن نام علتی است که در پوست بدن آدمی بهم میرسد و آن را داد میگویند و عبری قوباء خوانند» (برهان)؛ «داد نام جوششی است با خارش بسیار که آن را عبری قواء گویند و بهندی نیز این علت را داد خوانند» (برهان)؛ «انروب بر وزن منکوب جوششی است با خارش که عبری قوباء خوانند، و بعضی گویند جوششی است که آن را بفارسی گر و بتازی جرب خوانند، و با زای نقطه دار هم گفته‌اند» (برهان).

(۴۷) نگران - مراد ازین لفظ ظاهراً همانست که در عربی نظر ستاره‌ای بر ستاره دیگر گویند.

(۴۸) تا آژخ فروریزد - آژخ، آژ و آژخ و آژخ و ژخ و زخ و زوخ همه یکيست، و آن علتی باشد که در آدمی و اسب بهم میرسد که دانه‌های گوشتی سخت بر اعضا بر می‌آید بقدر گندم یا نخود یا ما بین آنها کوچک و بزرگ، و درد نمیکند و آن را عبری ثؤلول خوانند، به برهام قاطع در این هفت لغت رجوع شود.

«پالو دانه‌های سخت باشد مانند عدس که از اعضای آدمی بر می‌آید و آن را آژخ نیز خوانند و عبری ثؤلول گویند» (برهان و سروری)؛ تا شکل بکسر گلف فارسی و سکون لام اژخ را گویند و آن دانه‌های سخت باشد که از اعضای آدمی بر می‌آید و عبری ثؤلول میگویند» (برهان)؛ ثؤلول: آژخ، و هوتر صغیر یکون صلباً مستدیراً علی شتی فمنه منکوس و متشقق دوشطایا و متعلق و مسمارى عظیم الرأس مستدق الاصل و طویل معقف و منفتح و کلمه من خلط غلیظ یابس بلغمی او سوداوی او مرکب منها» (منتهی الارب و الافصاح فی فقه اللغه)؛ «گندمه بر وزن ترجمه گرهی باشد سخت و آن از بدن آدمی بر می‌آید و عریان ثؤلول میگویند و فارسیان اژخ» (برهان)؛ «گنده بضم اول گرهی که از بدن بر آید و درد نکند و عبری ثؤلول خوانند» (برهان)؛ «گوگ

یونستی در کلمه Aghus) و معلوم است که اینجا مراد همان آرش بوده است که تیراندازی او زبانزد اس، و لفظ و هادان ناشی از خلط و اشتباه است.

(۵۵) سپهسالار ایرانی - مراد وهرز (وهریز، وهریز) پسر کامگار دیلمی سپهبد و سرکرده هشتصد تن زندانیان ایرانی است که در سال ۵۷۰ بامر انوشیروان خسرو قبادان برای بیرون کردن زنگیان از یمن روانه شد و آنجا را گرفته ضمیمه متصرفات ایران ساخت. وی از خاندان ساسانی بود و حمزه اصفهانی نام وی را خرزاد پسر نرسی گفته و معتقد است که وهرز اسم مرتبه‌ای از مراتب بزرگان درباری بوده است (طبری و دینوری و بلاذری و حمزه دیده شود). درین حکایت حکیم را اشتباهی دست داده که شاه حبش را «ابرهه صباح» نام برده و حال آنکه ابرهه صباح همعصر شاپور ذوالاکتاف و از پادشاهان عرب بوده است و شاهی که وهرز بتیر زد، ابایکسوم مسروق بن ابرهه بن الاشرم حبشی بود. «فقال وهرز لاصحابه احر قوا السفن لیعلموا انه الموت او الظفر، و انا ارمی فلیرم کل منکم بخمس نشابات و اصدقوهم الجملة فان تضععوا فاعلموا انی قتلت صاحبهم، فلما بر زوا القتل و تصافوا رمی وهرز بسهم مسموم لم یخط مقتل ایی یکسوم فسقط لمأبه». (غرر اخبار ملوک الفرس ۱۸ - ۶۱۷).

(۵۶) ناسزا آن - سرناسزایان بر افراشتن، فردوسی

(۵۷) خواننده - استعمال خواننده بمعنی خوانا و قابل خواندن غریبست.

(۵۸) مداد - مراد همانست که امروزه مرکب میگوئیم.

(۵۹) دوات - صریح است که مراد ازان قلمدان است. فرخی گوید:

چرا دوات گهر داد شاه شرف بتو

درین حدیث تأمل کن و نکو بنگر

دوات را غرض آن بود کاندرو قلمست

قلم برابر نیفتست بلکه فاضلتر

استعمال می‌کنیم، ناصر خسرو گوید:

گر من اسیر مال شوم همچو این و آن
اندر شکم چه باید زهره و جگر مرا

(۵۱) جو - جوی در فرهنگهای فارسی مضبوط نیست و مراد ازان شطبه عربی است بکسر و فتح و ضم شین، و آن راههای شیارمانندی است که در پهنه تیغ میسازند، رجوع شود به فرهنگ لغات و اصطلاحات نوروزنامه در ذیل کلمه مشطب.

(۵۲) ستیر همانست که امروز «سر» میگوئیم، یعنی چهل یک یک من. هر ستیر چهار درم بود چنانکه سیصد ستیر هزار و دویست درم بود. («صد در نثر»؛ و ناصر خسرو گوید:

بپیش شیری صد خر همی ندارد پای
دومن سُرَب بخورد ده ستیر تیزی

سر (seer) در زبان هندی و (setak) در سنسکریت ریشه اصلی این کلمه‌اند و آنها نیز چهل یک یک موند (maund) هندی‌اند.

(۵۳) دورنه - درونه بفتح اول و با واو مجهول... قوس قزح و کمان حلاجی را نیز گویند و بضم اول بدو معنی آخر است که قوس قزح و کمان حلاجی باشد، کسائی گوید: هست سد کیس درونه که بدان پنبه زنند (سد کیس و سرکیس قوس قزح است)، برهان قاطع و فرهنگ رشیدی.

(۵۴) آرش و هادان - خلط فاحش است میان دو شخص: یکی آرش که در زمان مصالحه میان منوچهر و افراسیاب برای تعیین حد ایران و توران تیری از کوه اردیوخشوئه (کنار رویان در طبرستان) گشاد داد که بکوه خونوند (در سرحد خراسان) رسید، چنانکه درویش و رامین آمده است: اگر خوانند آرش را کمانگیر که از ساری بمر و انداخت یک تیر...

(رجوع شود به نامنامه ایرانی تألیف یوستی در ماده Eraxsa)؛ دیگری آغش و هادان که در زمان کیخسرو شاه گیلان بوده است (نیز رجوع شود به

آی بمعنی ماه. پس ترجمه جمله چنین میشود که اسپ ببرزگان چنانست که باسماں ماه.

(۶۲) و بد دل را دلیر کند - انسان بیاد قطعه معروف رودکی می افتد که در المعجم ضبطست:

می آرد شرف مردمی پدید،	و آزاد نژاد از درم خرید.
می آزاده پدید آرد از بداصل،	فراوان هنرست اندرین نبید.
هر آنکه که خوری می خوش آن گهست	خاصه چو گل و یاسمن دمید.
بسا حصن بلندا که می گشاد،	بسا کره نو زین که بشکنید.
بسا دون بخिला که می بخورد،	کریمی بجهان در پراکنید.

(۶۳) شراب خوردن او را زبید

در رباعیات حکیم عمر خیام نیز این مضمون آمده است:

می گرچه حرام است، ولی تا که خورد،
آن گاه چه مقدار خورد، یا که خورد.
هر گاه که این سه شرط شد راست، بگو،
پس می نخورد مردم دانا که خورد؟

و خواجه ابوعلی سینا نیز گوید:

حلال گشته بتقوای عقل بر دانا حرام گشته باحکام شرع بر احمق

(۶۴) نقل - آنچه امروز «مزّه» شراب میگوئیم سابقاً نقل گفته میشده

است: «التقل بالضم هو ماينتقل به علی اشراب» (صاح جوهری)؛ «النقل بالفتح و الضم مایعبت به الشارب علی شرابه و ینقل به علی شرابه... و ما یوکل من الفوا که و نحوها مع الشراب» (مقتبس از الج العروس)؛ «نقل آنچه بعد شراب از قسم ترش و نمکین و کباب و غیره خورند» (غیاث اللفت)؛

در مجلس احرار سه چیز است و فزون نه، وان هر سه شرابست و ربابست و کبابست. نه نقل بود ما را نه دفتر و نی نرد، وین هر سه درین مجلس ما در نه صوابست. دفتر بدبستان بود و نقل بیازار، وین نرد بجائی که خرابات

دوات را غرض آن بود و هم چنین غرضیست دران طویلۀ گوهر که یافتی ز پدر و طبری در گزارش وضع قانون مالیاتی خسرو انوشروان گوید پس از آنکه خسرو بمرد عزم خود را بر این امر اظهار کرد یکی از حاضران اعتراضی مرد خسرو پرسید تو از کدام طبقه مردمی گفت از جمله دبیران «فقال کسری اضربوه بالدوی حتی یموت فضریح یها الکتاب خاصۀ...» و دواتی که بآن بتوان کسی را بحد مرگ زد پیداست چه باید باشد. و اینکه در تواریخ دیده میشود که گاهی پادشاهی دوات وزارت پیش کسی میفرستد باین نشان که ترا بوزارت گماشتیم، یا وزیری را تهدید میکند که دوات از پیشت برگیرم یعنی ترا عزل کنم، یا وزیری را و وزارت را بعلافت استعفا پیش شاه میفرستند. در همهٔ این موارد مراد قلمدان وزارت است. ابن در ستویه در کتاب الکتاب (ص ۹۴) میگوید «دوات چهار قسمت دارد: مجری، حق، جوبه، طبقهٔ مجری جائیست که دران قلم نهاده میشود، حق ظرفیست از برنج یا آهن که دران مداد (مرکب) نهاده میشود؛ جوبه یا وقبهٔ جائیست که حق را دران میگذارند؛ و طبق جلد دوات یعنی پوشش قلمدان است».

۶۰) **الوس** - این کلمه در صفحهٔ ۵۳ س ۹ و ۱۵ نیز آمده و معلوم میشود که برحسب اساطیر ایرانی نام اسپیی بوده است که اربابۀ آفتاب را میکشد، ولی در غیر این مأخذ اشاره‌ای باین اعتقاد ایرانیان نیافتیم. لفظ الوس را نیز در هیچ کتاب لغتی ندیدم. در لغت فرس در فرهنگ رشیدی آمده است «عشی که بکافور مخلوط سازند، کسائی گوید:

کافور تو با لوس بود مشک تو با ناک با لوش تو کافور کنی دایم مغشوشهٔ فرض اینکه لوس مطلق غش و بنا بران الوس ترکیبی از لوس والف نفی و بمعنی یکرنگ و بی خال باشد بخاطر اینجانب رسیده است ولی گمان نمیکنم که قرین صواب باشد.

۶۱) **آسمان مر ماه را** - بیان این جملهٔ ترکی قدیم را آقای میرزا اسماعیل خان افشار برای اینجانب اینطور نمود که آت بمعنی اسپ است، ایرکا بمعنی بزرگان و سران (در حالت مفعولی)، اندغ کم بمعنی چنانست که، گوگ کا (که چگونه تلفظ میشود) بمعنی آسمان (در حالت مفعولی)،

راحة الصدور نیز آمده است، و ناشر کتاب احتمال میدهد که راوندی آنرا از کتاب الشراب که خود او بدان اشاره نموده است اخذ کرده باشد، و عین عبارت راوندی که هیچ طرف نسبت با انشای ساده روان شاعرانه لطیف خیام نیست اینست (ص ۴-۴۲۳) : «و آورده‌اند که بدور کیقباد جشنی عظیم بود و کبار در حضرت بار سماطین خدمت کشیده. لکلکی بیامد ماری در گردن آویخته و محکم شده. بر شکل دادخواهان و فریادخوانان در مقابل تخت ملک بر زمین نشست و بزبان مرغان از دست مار فغان درگرفت. یکی از حجاب گفت: این بی‌زبان از دست این حیوان جان‌ستان درمانده است و استغاثت به حضرت ملک آورده و با او استظهار و ثوقی نتوان کرد که از ما ایمن باشد، تا او را برهانیم. کیقباد بر گشاد تیر قادر و واثق بودی، فرمود که من بتیر سر مار در زمین دوزم تا مرغ راه هوا بردارد و مار را بزار و وار بگذارد. گفتندی: رای اعلی برتر است. ملک رای بامضا رسانید و مرغ بفراغ خلاص یافته از چشمها غایب گشت. بعد از زمانی چون مستبشری و مستظهري گرازان و تازان حلقه کنان بهمان موضع فرود آمد. پنج دانه در دهان خدمت‌کنان سر بر زمین نهاد و بغیبت تشریف داد. ملک فرمود که مکافات این احسان که در باره او نمودیم این دانه آورده است، حاضر کنید تا خود چيست. چون بکنار تخت نقل کردند، ملک فرمود که این چه شاید بود؟ گفتند، این از نوادر دهر و غرایب عصرست. چشم ما چنین چیزی ندیده است و گوش جنس این واقعه نشنیده، اصناف مردم را از علما و حکما و اطبا و دهاقین و رهابین و فیلسوفان [و] عطاران و بقالان و مردم کشاورز را حاضر کردند و بخدمت تخت اعلی آوردند. هر کسی سخنی میگفت و دُرّی میسفت. اتفاق بر آن نهادند که این دانه هرچ را بشاید ازین قدر کاری نکشاید. در زمین دفن باید کرد تا ازو چه زاید. در جایی حصین رودباره‌ای جستند و بر طرف مرغزاری بکشتند و در تعهد افزودند تا بمدّت نبت از هر یکی شاخی جست که حضرت او ناموس اجنحه طاووس بشکست. خبر به کیقباد رسید. تجشم کرد و بدید و وصیّتی کی لایق بود تقدیم فرمود و در تعهد فزود، تا بانگور بود و لطف خود بنمود. گفتند: این نبات در حضرت نضرتی داشت و بمیوه سر بفراشت ازو دیگر دانه‌ها نباید کاشت تا زیب باغها و آرایش راغها ازو حاصل شود. چو بسیار شد نمی‌یاریستند خوردن چه بر منافع و مضار واقف نبودند.

خرابست. ما مرد شرابیم و کبابیم و ربابیم، خوشا که شرابست و کبابست و ربابست.

(منوچهری)؛

«و میوه و ریحان از پیش یاران بر ندارد و نقل بسیار نخورد» (اخلاق ناصری)؛ و گفته‌اند که «الصاحی بین السکاری کالحی بین الموتی یا کل من نقولهم و یضحک علی عقولهم»؛ و عبید زاکانی راست: «حکیمی گفته که هشیار در میان مستان مانند زنده در میان مُردگانست از نقولشان میخورد و بعقولشان میخندد».

(۶۵) کون و کچول کردن - کچول با واو مجهول بر وزن قبول جنبنایدن جفته و سرین باشد بهنگام رقصیدن، برهان. محیی عراقی گوید (از فرهنگ رشیدی): -

افشاندن دست شیر مردان ز دو کون اکنون بترانه و کچول افتاده است و آن مخفف کاجول است: «کالچول با جیم فارسی بر وزن شاغول کون جنبنایدن باشد یعنی حرکت دادن سرین بوقت رقصیدن و مسخرگی کردن» (برهان)

نزاری گوید (از فرهنگ رشیدی): -

ازان جمله پنجاه من با کرد چو رقاص کاجول بسیار کرد
«نشاط دریشان آمد و رقص و کچول آغازیدند» (راجه الصدور)

(۶۶) و بزم نهادن آیین آورد - داستان پیدایش شراب چنانکه در افوا هست و نمیدانم منسوب بکدام کتابست آنست که گویند جمشید انگور را بسیار دوست داشت، امر کرد که قدری در خم ریخته نگاه دارند. چنین کردند و سر خم را پوشاندند. چون زمستان رسید، رفتند که اندکی ازان بیارند. تلخ شده بود. گفتند: این زهر شده است. مواظبت کنید که کسی ازان نخورد. کنیزکی که از رنج دردی بی‌درمان از عمر به تنگ آمده بود، اندکی ازان خورد بقصد آنکه از زحمت زندگی رهایی یابد، بهبودی یافت. راز خاصیت شراب مکشوف شد.

اما حکایت دبو صفی شبیه بتفصیلی که حکیم در نوروزنامه آورده در کتاب

فرهنگ لغات و اصطلاحات «نوروزنامه»

ابرگون، نوعی اسپ.
 ابرکاس، نوعی اسپ.
 ابلک، هر چیز دورنگ را گویند
 عموماً و سیاه و سفید را
 خصوصاً؛ ابلق معرب آن است.
 ابرش، رنگ سرخ و سفید هر
 آمیخته را گویند؛ اسپي را نیز
 چنین می‌نامند که همین گونه
 نقطه‌ها دارد.
 عدس، نوعی اسپ.
 عمیدی، نوعی اسپ.
 ارغون، نوعی اسپ.
 اردیبهشت، نک. به حاشیه ۶.
 اسجدی، نوعی خط.
 افزار، ادویه گرمی که در طعام کنند
 همچون فلفل، دارچینی، زیره و
 غیره.
 انشکره، مرغان شکاری.
 اشقر، نوعی اسپ.
 بیدخ، اسپ تند و جنگی.
 بهمن، نک. به حاشیه ۶.
 بهارگون، اسپ اصیلی را گویند که
 بهر نسلگیری آن را به گله
 همراه می‌کنند.
 بحری، نوعی شمشیر، منسوب به
 بحرین (۴).
 بیداد، به معنای ظالم آمده است.
 بیمارناک، دردمند.
 باد، نوعی اسپ.
 بادخینگ، نوعی اسپ.

بارگی، نوعی اسپ بارکش.
 بولفزلی، نوعی قلم؛ از نام شخصی
 به نام بولفزلی.
 بنفشه‌گون، نوعی اسپ.
 بوز، اسپي که رنگش سفیدچه است؛
 اسپ تند و تیز را نیز گویند.
 بور، نوعی اسپ؛ اسپي که رنگش به
 سرخی مایل است.
 بورسار، نوعی اسپ؛ مانند به بور.
 بوستانی، نوعی شمشیر.
 گنده‌پیر، زن پیر سالخورده.
 گلگین، ساخته از گل.
 گلگون، اسپ سرخ‌رنگ؛ اسپ
 شیرین، معشوقه و زوجه خسرو
 (شاه ساسانی).
 گلخینگ، نوعی اسپ؛ مانند به
 سرخ‌خینگ.
 گورسورخ، نوعی اسپ.
 دی، نک. به حاشیه ۶.
 دیزه، نوعی اسپ؛ رنگ سیاه را نیز
 گویند؛ اینچنین به طور عمومی
 رنگ خاکستری به سیاهی مایل
 را نیز گفته‌اند، مخصوص اسپ و
 اشتر و خر باشد؛ بعضی حیوانات
 دیگر را که از کاکل تا دوش
 خط سیاه کشیده شده باشد،
 همین گونه نام می‌برند.
 دمیشقی، نوعی شمشیر.
 دوگروهه، دوگلوله؛ گلوله ریسمان،
 گلوله توپ و تفنگ و گلوله بازی

ملک فرمود که منفعت این در آب و شراب تواند بود. چو آب بگرفتند و در خنب کردند بجوش آمد. فیلسوفان از آن در تعجب ماندند. بر آن نهادند که جمعی مباح الدم را حاضر باید کردن تا تجربت حاصل آید. سه کس مختلف المزاج را بیاوردند و با کراهی عظیم با صد هزار بیم شربتی هر یکی باز خوردند. بدوّم شربت گستاخ شدند و بسوم شربت فریاد کردند تا چهارم بیاوردند. چون پنج رسید نشاط دریشان آمد و رقص و کچول آغازیدند و لور و سمسول ورزیدند و کس را بالای خود ندیدند. زبان بدشنام کیقباد کشیدند. چون بغایت مستی رسیدند، روز دیگر صبر نمی توانستند و بزرگان در آن شروع نمی یار بستند. گفتند، تا چهار فصل بریشان نگذرد، ایمن نشاید بود که این نشاط غمی آرد و مرگی بریشان گمارد. در چهار فصل چند کس را این شراب بدادند تا قواید شراب روی نمود و همه را نشاط افزود. گفتند، منفعت آن دانه این بود. بعد از آن زینت مجلس و جمع احباب بدان می جستند...»

(۶۷) غوره - غوره یا غورچ (معرب) نام قریه‌ای بوده است بر در شهر هراته رجوع شود بمعجم البلدان ج ۳ ص ۸۲۱ و ۸۲۴.

(۶۸) نام بر سر زبان بگویند - «و در سواد هری صد و بیست لون انگور یافته شود، هر یک از دیگری لطیفتر و دلپذیرتر». («چهار مقاله» نظامی عروضی ص ۳۱)

(۶۹) خذالعفو - مأخود است از قرآن سوره هفتم آیه ۱۹۸.

(۷۰) تو دل از کار او فارغ دار - این غلامی که سلطان محمود باین طور تربیت کرده است، هیچکس نمیتواند مگر ایاز اویماق که بعدها در در روزگار سلطان مسعود از سرداران معتبر شد و در سال ۴۴۹ هجری درگذشت (رجوع شود باین الاثیر در حوادث این سال).

مريخی، نوعی شمشیر؛ نک. به کلمه سیريخی.

مصری، نوعی شمشیر. ماندن، به معنای گذاشتن استعمال شده است.

ماخچی، اسپي را گویند که از یک جانب عربی و از جانب دیگر ترکی باشد و آن را دوتخمه هم می‌گویند؛ اسپ عراقی، اسپ خوشجولان هم گفته‌اند.

مودلید، نوعی شمشیر. موققی، نوعی قلم؛ از نام این موقع (۴).

مقلی، نوعی قلم؛ منسوب به ابن مقله-کاتب، خطاط معروف (۴).

مرداد، نک. به حاشیه ۶.

مشکین، نوعی اسپ.

موهللی، نوعی قلم.

نوند، نونده، اسپ را با این کلمه نام می‌برند.

نرم‌آهن، نوعی شمشیر؛ معنی مجازی‌اش مرد زبون و سست.

نیلگون، نوعی اسپ.

نیمچرخ، نوعی کمان.

نازک، ظریف و لطیف که زود

آسیب بیند و از دست برود.

نقرخینگ، اسپي که رنگش به مثل

نقره سفید است.

آبگون، نوعی اسپ.

آبان، نک. به حاشیه ۶.

آذر، نک. به حاشیه ۶.

پی، عصب.

پروردگار، مرتبی، پرورنده.

رو و پوز (فوک) - او سفید باشد. کمیتی، اسپ سرخیال و دومیایه؛ به گرما و سرما و گرسنگی و تشنگی و تاخت و تاز و آفتاب و سنگلاخ و گل و لای طاقتش از همه بیشتر است.

کورن، کرن، کورند، کَرنگ، نوعی اسپ که رنگ او میان زرد و بور باشد.

کوشکنجیر، یعنی سوراخکننده کوشک، نوعی از آلات قلعه‌کشی.

قلعی، نوعی شمشیر؛ مراد از قلع هندی، پولاد هندی است.

قراجوری، نوعی شمشیر؛ قراجوری و قراچولی نیز گفته‌اند.

لؤلؤ، نوعی شمشیر.

لؤلؤی، نوعی خط.

مگسخینگ، نوعی اسپ.

می‌گون، نوعی اسپ.

مترس، ظاهراً، پیکره‌هایی است که

زره می‌پوشانند و به صورت

سپاهیان آراسته بر بالای دیوار

قلعه راست می‌کردند، تا

محاصرین گمان کنند که

محافظان و لشکریانند.

موهلّبی، نوعی قلم.

مشتب، نوعی شمشیر.

مهر، نک. به حاشیه ۶.

مهران، نوعی قلم؛ از نام شخص

بزرگی در عجم با نام مهران (۴)

که در «برهان قاطع» ازو یاد

شده است.

مخلوط برای معالجه کسی که
سگ هارش گزیده باشد، به کار
می رود.

زاغزان، در اسپ تعریف است و در
آدمی کنایه از مردم سیاه زبان
باشد، یعنی کسانی که دوا و
نفرینشان اثر می کند.

زاغچشم، نوعی اسپ.
زنار، مراد این جا گشتی، کمربند
مذهبی زردشتیان است؛ زنار
کمربندیست که آن را نصرانیان
به فرمایش مسلمانان می بستند
تا که از مسلمانان فرق بکنند؛
زنار در اصل کلمه یونانی است.

اکدیش، دو تخمه را گویند از
حیوان و انسان؛ نسبت به اسپ
استفاده می شود که پدرش از
جنسی و مادرش از جنس دیگر
باشد.

اسماعیلی، نوعی قلم؛ ظاهراً،
منسوب به صاحب اسماعیل ابن
اَبّاد، وزیر آل بویه است.

اسفندارمد، نک. به حاشیه ۶.
اشکیل، اسپ را گویند که دست
راست و پای چپ او سفید
باشد.

کودن، اسپ پیر گندرو.
کلیج، اسپ را گویند که هر دو
پای او کج باشد.

کلاغی، نوعی شمشیر.
کهر، اسپ که رنگش به رنگ اسپ
کمیت مانند است.

کولوس، اسپ را گویند که چشم و

و گلوله خمیر نان و غ. گروهه
مغرب آن است.

دکان، مصطبه؛ از معنی که امروز
می دهد، در گذشته فرق داشته
است. در آن روزگار سوفا
تختمانندی بوده که در میان
میدانی یا پای دیواری
می ساختند. «پیشین از ملوک
عجم دکانی (بلند) و بر اسپ
بساختندی بر آن جا رفتی تا
موتزالیمان را که در آن صحرا
گرد بودند، بدیدندی و داد هر
یک بدادندی» («سیاستنامه»).

دوستدار، شکل درست این کلمه را
محقق آلمانی ت. نیالدیکی
«دوستار» می داند و دلیل
می آورد که آن از زبان فارسی
باستان است و در
سنگنبشته های دارا (کتیبه
بیستون) به نظر می رسد.

زرده، اسپ زردرنگ.
زرایج، شکل جمع از کلمه ای است
که خود آن به بیش از بیست
وجه نقل شده و از همه
مشهورترین آنها زراه و زروه و
زریه است و این نام جانوری از
حشرات است از مگس بزرگتر،
شبه زنبور، قرمز رنگ، دارای
نقطه های سیاه و زرد و سفید و
دو بال که بدانها می پرد. این
حیوان سم (زهر) - کشنده دارد
و اگر خواهند اثر سم آن برطرف
شود، با عدس می آمیزند و این

اسپند، سوباب بیابانی؛ دانه گیاه معروف است که برای دود دادن به کار می‌رود و برای درد مفاصل نیک است؛ مسهل است، سود او بلغم را خارج می‌کند و خون را پاک می‌سازد؛ خواب می‌آورد، زیرا قوه مستکننده دارد مثل شراب که مستی می‌آورد و آن دو نوع است. یکی را به فارسی اسفند و دیگری را سوداب بیابانی گویند.

هندی، نوعی شمشیر که از آهن هندی یا در خود هندوستان ساخته‌اند.

هاشمی، نوعی حلو.

چوگانی، اسپي را گویند که برای چوگان بازی مناسب است.

چموش، اسپ و اسطور لگدن و بدنعل را گویند.

چرمه، نوعی اسپ؛ اسپ سفیدموی. چرخ، نوعی کمان؛ کمان سخت؛ اینچنین کماني را گویند که به شکل منجنیق است.

چرخ‌انداز، کماندار، کماندست. چشینه، نوعی اسپ، خنگ، سفیدموی.

چشم، سفیدی میان سر حرفهای فا، قاف، واو.

چل، اسپيست که دست و پای چپ او سفید باشد.

چپار، هر چیز دورنگ؛ اسپي که نقطه‌ها، خالهای سیاه یا غیر رنگ خودش داشته باشد.

تازیچرمه، نوعی اسپ؛ اسپ عربی؛ اینچنین نک. به چرمه. اسپ نقطه‌دار سرخ‌رنگ.

توز، پوست درخت خدنگ که با آن کمانها و سپرها را می‌پوشانیده‌اند. از این پوست چون کاغذ هم استفاده می‌کردند. از پوست این درخت پیراهن تابستانه نیز می‌ساخته‌اند.

اقیه، واحد وزن (در عطاری، داروواری).

فروردین، نک. به خاشیه ۶.

خنگ، نوعی اسپ؛ هر چیز، اشیای سفید را گویند؛ اسپ مویه‌ش سفید را خنگ گویند؛ در بعضی متنها عموماً اسپ را خنگ گفته‌اند.

خنگوقاب، نوعی اسپ.

خاک‌رنگ، نوعی اسپ.

خرماگون، نوعی اسپ؛ بهترین رنگهای اسپ کمیت و خرماگون است که هم نیکو بود و هم در گرما و سرما صبور باشد و رنجکش.

کمیتی که رنگش چو خرما بود، به گرما و سرما توانا بود.

خورشید، نوعی اسپ.

خسروانی (دینار)، نوعی زر؛ درم.

هدنج، هدنگ، اسپ خنگ، یعنی اسپي که موی او سفید باشد.

هیگر، اسپ کمیت را گویند.

حیفی، نوعی شمشیر. هرمل،

سپس، اسپ تند و تیز.

صابونی، یک نوع حلوای لرزانک یا راحتولوقم که از روغن کنجد و ناشایسته و عسل می‌پوختند و دانه‌های پسته یا بادام در آن به کار می‌بردند؛ گوناگون‌رنگ است؛ در قالبهای صابونمانند می‌ریختند، از این رو صابونی می‌گویند.

سوکسوک، اسپي که ناهموار راه رود.

سول، رنگ خاکستری مایل به سیاهی. نک. به سور.

سلیمانی، نوعی شمشیر.

سور، اسپ خاکستررنگ به سیاهی مایل که خط سیاه از کاکل تا دُم او کشیده باشد و آن را سول نیز گویند؛ داشتن چنین اسپ را نامبارک گفته‌اند: «سور از گله دور».

سرخچینگ، نوعی اسپ.

سرخچرمه، نوعی اسپ.

سوخته، قو، آن چه آتش در او زنند و آن را پده نیز گویند؛ به عربی - هراق.

تباهه، گوشت پخته نرم و نازک را گویند؛ به معنی قلی بادنجان پخته نیز آمده.

تباهجه، نک. به تباهه.

توابیل، افزار.

توسن، وحشی، رامنشونده؛ اسپ سرکش و جهنده.

تری، رطوبت.

پیسه، نوعی اسپ؛ رنگش سیاه و سفید به هم آمیخته؛ هر رنگ دیگر به سفید آمیخته را نیز گویند؛ ابلق.

پالا، پالاد، پالاده، پالای، بالا، نوعی اسپ.

رخش، رنگ سرخ و سفید در هم آمیخته باشد؛ در بعضی فرهنگها رنگی را گفته‌اند میان سیاه و بور؛ اسپ رستم-قهرمان «شاهنامه» رخش نام دارد.

رخش را با رنگ قرمزی و زردۀ تخم مرغ، سفیدی و گل‌های بسیار خرد میان قرمزی و زرد نیز گفته‌اند؛ از زیر چشم تا دهان سفید بوده است.

سلمانی، نوعی اسپ؛ رنگی باشد به زردی مایل؛ اسپ دونده.

سپید، نوعی اسپ.

سپیدزرده، نوعی اسپ.

سرنگ، نوعی اسپ.

سریجی، نوعی شمشیر.

سرخچینگ، نوعی اسپ؛ ظاهراً، سبزرنگ.

سعیدی، نوعی قلم.

سیارخ، نوعی اسپ.

سیاه، نوعی اسپ؛ اسپ جمشید، اسپ اسفندیار-قهرمان «شاهنامه» سیاه بوده.

سیاهچرمه، نوعی اسپ.

سیمگون، نوعی اسپ.

سیرپوست، نوعی اسپ؛ شاید شیرپوست(؟).

تیره و تیره، غلیظ و قوی
 استعمالی شده است.
 شراب پرشوش، به عربی قهوه
 گویند.
 شراب خرمایی، نوعی شراب.
 به حاشیه م.
 شهر یور، نک. به حاشیه م.
 شولک، نوعی اسب؛ اسب تند و تیز.
 در ایران، اسب اصیل و خوب؛ در
 بعضی فرهنگها رنگست میانی
 را (بور (سرخ)؛ نیز اسبی یک
 رنگ را تینگر بنهد از پایی
 دیگر، یعنی گواتیر گذارد.
 یمانی، نوعی شمشیر؛ منسوب به
 کشور (در عربستان)؛
 موافق معلومات آثار تاریخی که
 از زمان محمود غزنوی اطلاع
 می دهند، در هندوستان نیز
 ناحتهی با نام یمن وجود داشته
 است.

چاشنی، نک. به شرح در ص م.
 خور، نک. به شرح در ص م.
 و جمن، جمن، جمن، مردم کاهل و
 باطل و یتکار را گویند؛ نسبت به
 کلمه کاهل و گمراه از این کلمه
 اسب استفاده می برند. جمن اسب
 خوش راه و نرم رفتار را هم
 گویند. جمن اسب کند رفتار و
 کاهل را گویند.
 جمنور، اسبی که روی و شکم و هر
 دو دست و پایی او سفید باشد.
 و گویند که روی و شکم و هر
 دو پایی او سفید
 جمنور، اسبی را گویند که روی و
 شکم و هر دو پایی او سفید
 باشد.
 شندیز، اسب خسرو پرویز - شاه
 سالار ساسانیان.
 شراب مستکنده، نوعی شراب.
 شراب آفتابشور، نوعی شراب.
 شراب ریحانی، شراب ناب
 جوشنوی.
 شراب سبید و تنک، تنک به معنی

عمر خیام

نور و زنا مه

